

Северный Союз русских писателей

РУССКИЕ СТРАНИЦЫ

Литературный альманах

№ 15

Санкт-Петербург
Март 2019

Главный редактор – В. И. Чернышев

©

©

Редактирование, составление, 2019

ОГЛАВЛЕНИЕ №15

I. Две СОНАТЫ и одна СИМФОНИЯ ПОЭЗИИ, ПРОЗЫ и МЕТАФИЗИКИ ЖИЗНИ

В. И. Чернышев. Соната в двух частях. Страничка из дневника	6
СТИХИ НОВОГО ГОДА	7
Вячеслав Овсянников. Соната в трех частях Адмирал Макаров.	12
Особняк Брусницына.	18
Миниатюры.	23

СИМФОНИЯ в четырех частях

Владимир Беспалько. Стихи-размышления.	30
Валентин Лукьянов. Стихи	42
Анатолий Михайлов. Красное и зеленое	47
Александр Гиневский. Рассказы и повесть	106

II. МЕМОРИИ, КУЛЬТУРА, ИСТОРИЯ, ФИЛОСОФИЯ

В. Лапенков. Воспоминания, критические и философские статьи	181

III. НАЕДИНЕ С СОБОЙ

Михаил Ефимов. Калейдоскоп душ	232

IV. ДЕНЬ ПОМИНОВЕНИЯ

В. Овсянников. Проводы Глеба Горбовского	317

V. ВСПОМИНАЯ НАШИХ ДРУЗЕЙ

Анатолий Степанов. Записки церковного сторожа.	318
В. Алексеев. Монолог под кроватью	331

VI. ЖИЗНЬ КАК СВЕТ И ТЬМА

Медведев Ю. А. Мечътаник	338

VII. ЖИЗНЬ ЗА ГРАНЬЮ ЖИЗНИ

В. И. Чернышев. Танк Т-34	368

**I. СОНАТЫ И СИМФОНИЯ - ПОЭЗИИ, ПРОЗЫ И
МЕТАФИЗИКИ ЖИЗНИ**

*I. СОНАТА №1
ДЛЯ БАРАБАНА БЕЗ ОРКЕСТРА
и одинокой слушательницы*

*II. СОНАТА №2
ДЛЯ ФОРТЕПЬЯНО, СКРИПКИ, ВЬЮНЧЕЛИ*

*III. СИМФОНИЯ №3
ДЛЯ КЛАВЕСИНА, ФЛЕЙТЫ
И ДВУХ ВЬЮНЧЕЛЕЙ*

В. И. Чернышев

(страничка из дневника)

**СТИХИ ...
Нового года**

СТРАНИЧКИ из ДНЕВНИКА. 21 января 19 - 2 марта 192

Володя Меньшиков советовал мне объявить себя Мессией и присвоить и *Истину и Путь* (как Христос), ...но не все так просто. Вся моя жизнь прошла словно бы в мечте об Истине, в стремлении к ней, в поисках ее, но одновременно я страдал от **духовного подавления**, жаждал **духовной свободы** – и, наконец, понял, что или Истина или Свобода. Целая вереница пророков, объявивших себя истиной, от Христа до Маркса и Ленина, и каждый успешнее всего сумел запретить всякую истину кроме той, которую возвестил он сам. На кострах сжигали еретиков и инакомыслящих, слуг дьявола, у траншей расстреливали тоже инакомыслящих и врагов народа. Наконец я понял, что Истины нет и не должно быть, ибо если бы она утвердилась так надолго, как христианство, то скоро бы стало невозможно дышать. Мы все учились в одной школе, которая хотя отучала мыслить, вбивая в наши головы дурные и пошлые истины марксизма, но одновременно открывала сочинения Радищева, Герцена, Вольтера, Пушкина, Добролюбова, Толстого, ... мы все плакали, читая «Овод» Войнич, «Красне и черное» Стендала, «Девяносто третий год» Гюго... мы все мечтали о светлом будущем для человечества, а не о личном воскресении и житии в виде листка на Древе Господнем, воодушевлялись подвигами Спартака, Спартакцев, Степана Разина и Емельяна Пугачева, сочувствовали купцу Калашникову и Князю Серебряному, а не злобному безумцу Ивашке Грозному и его верной собаке Малюте – мы доверяли великим русским писателям и поэтам, и повторяли как молитву *«Пока свободою горим, пока сердца для чести живы, мой друг, Отчизне посвятим души прекрасные порывы!»* Писатели-поэты и литература нас учили жить, верить, любить, отличать правду от неправды. *Где вы нашли более великих поэтов*, которые вам смогли объяснить, что правда, оказывается, не в сердцах Радищева, Кюхельбекера, Пушкина, Лермонтова, Некрасова, Достоевского, Толстого, Герцена, а в сердцах и воле тиранов и жандармов: преступника и параноика Грозного, Николая Палкина (так прозвали его домочадцы, которые были поклонниками Пушкина), Аракчеева, Филарета, Победоносцева (Александр Блок весьма уступал ему в силе таланта!), Столыпина, придурка Николая «Кровавого», ввергшего Россию в Мировую войну, с которой и началось ее падение!/? Целая вереница гениальных поэтов в двадцатом столетии: Александр Блок, Николай Гумилев, Велемир Хлебников, Сергей Есенин, Клюев, Цветаева, Георгий Иванов... писателей и критиков: Розанов, Иванов-Разумник, Набоков, Булгаков... великие художники, композиторы (Скрябин и Рахманинов), певцы и актеры (Шалапин и Комиссаржевская), великие ученые, философы, физики, астрономы (Н. А. Козырев), генетики (Н. И. Вавилов)... и каждое из имен – целый мир. Как же сумел всех превзойти бездарный поэт и удачливый разбойник Джугашвили? Надо вам его прочитать, как и других великих мыслителей советской эпохи, имена которых все еще вплетены в имя России – и Кирова, и Брежнева, и Коллонтай и Ларисы Рейснер. Невежество – вот мать пороков, узость мышления – их отец!

СТИХИ НОВОГО года

* * *

И в книгах не найти ответа:
Так что я делаю не так,
Что так темно, так мало света?!
Быть может, сдаться, отступить,
Расстаться с непосильной ношей?
Уже почти не смею пить,
Почти не ем, почти хороший...
Всё в бденьи: Запад – и – Восток.
Тревожен ум, изнемогая.
Народ молчит. Устал Пророк.
Замерзла Истина... нагая....
И все, сгрудясь вокруг толпой,
В притворном ужасе трепещут,
Умом заимствованным блещут...
Я, глупый, пригласил домой.
С тех пор живу как русский князь.
То афоризмы изрекаю,
То в рифму глупость облакаю...
То учит жизнь: все мордой в грязь!

И все же мир плох не совсем до конца,
И жизнь не всегда от меня убегает,
И пули поют, но скользят вдоль лица.
И свечи сгорают... но прежде мигают.
29 января, четверг

* * *

Мне плохо, я соткан из слез,
Из слов, междометий, метафор,
Я дольняя лоза среди трепетных лоз,
И жизнь моя вовсе не сахар.

Мне плохо, ночные часы –
Одно наказание без права.
Я брошен на жгущие ада весы,
Нет ветра, восхода, небесной росы,
Нет лёгкого ангела справа.

И что же мне снится? Ни суд, ни совет,
Нет серого утра, рассвета.
Мой бог не родился, кумир не воспет,
Не слышима музыка, чаянья нет...
Моя ли то песенка спета?

Дождусь ли? Вдруг звякнет засов,
Дверь стукнет, и ветер подует.
Я соткан, как все, из затасканных слов,
Из детства, деревни, отчаянья, снов –
И скажут и мне – Ну, пошли! Ты готов? –
Но чаша меня вдруг минует?

8 февраля

Реминисценции из Золотого века Поэзии.

Устал я. Жизнь меня томит...
Быть может, я во сне глубокою,
Уже разгромлен Злом и Роком –
И вдохновенье также спит,
Лишь беспокойство душу гложет
Своей бессмысленной тоской,
Но пробудить меня не может?
Что призываю я? Покой?
Гром посреди нелепой ночи?
Зов божества? Иль червь источит
Мне сердце, в немощи проснусь,
Но ни к чему не пригожусь?
"Восстань, Пророк!" – какою силой
Восстать смогу?! Кто призовет?
Кто душу мне наполнит страстью?
Что оживит, какою властью?
Музыка? Гимны прошлых лет?
Уже истоптанной дорогой
Пойти за всеми в божий рай?
Вскричать: оставь меня, не трогай!
– Тогда лежи и умирай!
Нет, посреди пустыни дикой
Я обращаю взор к Тебе,
Народ, по-прежнему великой! –
в надежде, в ярости, в мольбе...
Ты ждешь меня? мы будем вместе,
Когда пришлет мне небо вести
И повеление пойти
На новый бой во имя чести?
Да, я с тобой! Уже в пути!

10 февраля

Всё хотелось умереть,
Но никак не умиралось.
Захотелось посмотреть,
Чем всю ночь так жизнь пугалась.

А потом за кутерьмой:

Утро, завтрак, снегопад –
Свыкся с бытом и с тюрьмой,
И ищу дорогу в ад.

Отчего ж моя печаль,
Если ад меня манит?
То ли прошлое мне жаль,
То ли сердце вновь болит?

Видно, я хочу уснуть,
Так, чтоб зона и конвой
Без меня в далекий путь...
Ну а я хочу домой!

Где ни гордости, ни зла,
Нет ни падших, ни святых,
Вот бы карта так легла,
Чтоб живым среди живых!

Чтоб пусть плохо – не всегда,
Между стен чтоб был антракт,
Путеводная звезда,
Светлый сон – последний акт.

А потом уж так и быть,
Мы с экскурсией в раю!
*... Почему так тянет жить
Средь теснин и на краю?*

В. А. Овсянников

(соната в 3-х частях)

1. Адмирал Макаров

2. СОБНЯК БРУСНИЦЫНЫХ

3. МИНИАТЮРЫ

Адмирал Макаров

Жизнь адмирала Макарова цельна, как его характер. Препятствия и обстоятельства не отклонили его от прямого, раз и навсегда выбранного пути. А препон было предостаточно. Его упорство и твердость, громадная энергия и убежденность в своей правоте преодолевали их. Макарова нельзя было свернуть с его дороги, согнуть, сломать. Он был создан из того же крепкого материала, что и другие гениальные русские люди, полководцы, ученые, художники. Недаром он был дружен с Менделеевым и Верещагиным. Его дух был выкован в том же горниле, что и дух Ломоносова, Суворова, Ушакова, Нахимова.

В городе Николаеве на бывшей Католической улице (в 1986 году переименована в улицу адмирала Макарова) сохранился беленый домик и мемориальная доска на нем. Здесь 27 декабря 1848 года родился Степан Осипович Макаров. Отец, Осип Федорович, начав службу простым матросом, в 25 лет получил офицерский чин. Мать умерла, когда Макарову было девять лет. Позднее Макаров писал в письме: «Я с девяти лет был совершенно заброшен и почти никогда не имел случая пользоваться чьими-нибудь советами. Все, что во мне сложилось, все это составилось путем собственной работы». Затем Дальний Восток, Николаевск-на-Амуре, куда отправили служить отца. Окончил там мореходное училище. Назначение на пароход «Америка». Первые плавания. Четыре года служил гардемаринном на различных военных кораблях. Корвет «Варяг», корвет «Аскольд». В 1867 году переведен в Петербург. Учеба в Морском корпусе. В 18 лет написал первую статью, опубликована в научно-военном журнале «Морской сборник». В 1869 году – мичман. Зачислен на броненосную лодку «Русалка». В одном из походов «Русалка» получила пробоину от удара о скалу. Авария едва не привела к гибели корабля. Макаров занялся проблемой непотопляемости. Изучил причины аварий, произвел расчеты. Результаты исследования опубликовал в журнале «Морской вестник». Изобрел специальный пластырь для заделки пробоин. «Пластырь Макарова». Стал применяться по всему русскому флоту.

В 1871 году – лейтенант. Русско-турецкая война 1877–1878 годов. Макаров – командир парохода «Великий князь Константин». На Черном море у Турции сильный флот. У России морские силы малочисленны. Макаров предлагает использовать пароход «Великий князь Константин» – поставить на него минные катера, которые можно быстро опускать на воду. После обнаружения турок катера в темноте самостоятельно атакуют их корабли шестовыми или буксирными минами. После атаки отходят к пароходу, их поднимают на палубу, и пароход быстро уходит. Действие Макарова успешны. Несколько турецких кораблей утоплены или повреждены. Турки напуганы и уже не рискуют оставаться у русских берегов на ночь. Макаров в этой войне ввел новые приемы морского боя, впервые в мире применил мины для атаки, а не для обороны. Его идея возить на быстроходном пароходе минные катера осуществлена затем на русском флоте – плавучие базы

торпедных катеров и малых подводных лодок. Минные катера Макарова – прародители современных торпедных катеров и эскадренных миноносцев. Призыв Макарова: «Если вы встретите слабейшее судно, нападайте; если равное себе, нападайте; и если сильнее себя – тоже нападайте!».

1880 год. Направлен на Каспий. Война с текинами (туркменское племя). 1881 год – послан в распоряжение русского посла в Константинополе, командир корабля «Тамань», капитан второго ранга. Еще одна научная работа: исследование о течениях в Босфоре: «Об обмене вод Черного и Средиземного морей». Удостоен премии Академии наук. Награжден Малой золотой медалью Русского географического общества. 1885 год. Командир фрегата «Князь Пожарский». В 1888 – 1889 годах Макаров совершил кругосветное плавание, командуя корветом «Витязь». В плавании почти три года, 993 дня. Океанографические исследования обобщил в капитальном труде «Витязь» и Тихий океан». Более тысячи страниц. Впервые в мире дал описание гидрологии северо-западной части Тихого океана. В Монако существует океанографический музей, один из крупнейших в мире. На стенах музея начертаны названия судов, с которыми связаны крупнейшие открытия в области океанографии. Там есть латинскими буквами и слово «Vitiaz».

1890 год. Контр-адмирал, самый молодой адмирал на русском флоте. 1891 год. Главный инспектор морской артиллерии. Изобрел особые наконечники к бронебойным снарядам. «Макаровские колпачки». Снаряд с таким, насаженным на него колпачком, пробивал самую прочную броню.

1897 год. Издал книгу «Рассуждения по вопросам морской тактики». Широкий успех, переведена на многие языки мира. В этой книге Макаров написал: «Каждый военный или причастный к военному делу человек, чтобы не забывать, для чего он существует, поступил бы правильно, если бы держал на видном месте надпись: «Помни войну». Макаров вывесил плакат с этими словами над письменным столом своего кабинета. Даже заказал золотые запонки с этой надписью. Книга Макарова о морской тактике стала принадлежностью всех практиков и теоретиков флота. Макаров написал очень много. Им создано почти 100 печатных работ. Гигантское эпистолярное наследие, дневники, записные книжки, путевые заметки. Дневник вел всю жизнь. Многие тетради хранятся в Центральном архиве Военно-Морского флота в Санкт-Петербурге. Макаров пишет в дневнике: «Работа – это моя лучшая и всегда неизменная подруга, я всегда находил в ней утешение». Другая запись Макарова о любви к кораблям, о боли и скорби моряка при их гибели: «Тот, кто видел потопление судов своими глазами, хорошо знает, что гибель корабля не есть простая гибель имущества; ее нельзя сравнить ни с пожаром большого города, ни с какою другою материальною потерей. Корабль есть живое существо и, видя его гибель, вы неизбежно чувствуете, как уходит в вечность этот одушевленный исполин, послушный воле своего командира. Корабль безропотно переносит все удары неприятеля, он честно исполняет свой долг и с честью гибнет, но не к чести моряков и строителей служат эти потопления, за которые они ответственные перед своей совестью». Любил повторять слова одного известного английского адмирала: «Дайте мне корабль из дерева, а железо вложите в людей».

1896 год. Вице-адмирал, в 48 лет. Предложил план освоения Северного морского пути с помощью ледоколов. В Географическом обществе обсуждение его доклада «Об использовании Ледовитого океана». Добился заказа на строительство первого в России ледокола. Ледокол «Ермак». Строился по его проекту. 1899 год. Первое плавание Макарова на ледоколе «Ермак» в Ледовитом океане. Спас на ледоколе севший на мель у острова Готланд броненосец «Апраксин». Всего совершил три полярных плавания. Написал книгу ««Ермак во льдах»; более 500 страниц, рисунки, карты, таблицы. Издана за свой счет. Ледокол «Ермак» надолго пережил своего создателя. Провел через льды Балтики около тысячи судов. В 1918 году во время знаменитого Ледового перехода вывел корабли из Гельсингфорса в Кронштадт, предотвратив захват эскадры немцами. В 1938 году «Ермак» снимал со льдины экипаж первой в мире станции «Северный полюс». Во время Великой Отечественной войны вел корабли на Севере в Заполярье.

1899 год. Макаров назначен главным командиром Кронштадтского порта и военным губернатором Кронштадта. Издал приказ «Об улучшенном способе варки щей». Любил говорить: «Под Полтавой мы победили своими щами, а Наполеона одолели гречневой кашей». Матросы Макарова уважали и любили, называли: «Борода» и «Наш старик».

Война с Японией. 1 февраля 1904 года назначен командующим флотом в Тихом океане. За короткий срок своего командования в 36 дней Макаров усиливает боеспособность русского флота и поднимает боевой дух моряков и гарнизона Порт-Артура.

31 марта 1904 года адмирал Макаров вышел с эскадрой в море. Находился на флагманском корабле броненосец «Петропавловск». При возвращении эскадры обратно в Порт-Артур в 9 часов 39 минут утра, в двух милях от маяка на Тигровом полуострове, броненосец «Петропавловск» подорвался на японской мине. Макаров находился на мостике. С ним художник Верещагин и Великий князь Кирилл. У правого борта раздался мощный взрыв, затем последовал еще более мощный взрыв под мостиком корабля. Броненосец накренился на правый борт, обхваченный пламенем, за две минуты затонул, погрузившись носом в воду. Спасти удалось 7 офицеров и 73 матроса. Спасся и Великий князь Кирилл. Погибли 27 офицеров и 652 матроса. Вместе с моряками погиб и художник Верещагин. Тело адмирала Макарова не было найдено. Осталась только его шинель, которая была накинута у него на плечи, когда он стоял на капитанском мостике.

Последняя книга Макарова: «Гидрологические исследования в Лаперузском проливе». Издана после смерти.

Макаров любил повторять: «В море – значит дома». Этими же словами он закончил одну из своих книг.

Семья адмирала Макарова. Жена – Капитолина Николаевна Якимовская, из родовитой дворянской семьи. 1860 – 1946. Скончалась во Франции. Трое детей: две дочери и сын. Старшая дочь Ольга, умерла в возрасте шести лет. Вторая дочь Александра. 1886 – 1982. Скончалась во Франции в возрасте девяти лет. Сын Вадим. 1891 – 1964. Сохранилось предсмертное письмо Макарова сыну, посланное из Порт-Артура:

«Дорогой мой сыночек!... Ты уже подросток, почти юноша. Я обращаюсь к тебе с другого конца России, как уже взрослому мужчине. Письмо посылаю своему старому другу в Кронштадт. Он найдет способ передать тебе в руки. Тут идет жестокая война, очень опасная для Родины, хотя и за пределами ее границ. Русский флот, ты знаешь, творил и не такие чудеса, но я чувствую, о чем ты пока никому не скажешь, что нам, и мне в том числе, словно бы мешает – не адмирал Того, нет, а как бы сбоку подталкивают, как бы подкрадываются сзади. Кто? Не знаю! Душа моя в смятенье, чего я никогда не испытывал. Начинаю уже чего-то улавливать, но смутно пока. Вот Верещагин Василий Васильевич что-то пытается объяснить, но сбивчиво, как все художники и поэты... Вот такое у меня настроение, сынок. Но знаешь об этом пока ты один. Молчи, как положено мужчине, но запомни...».

Сын Макарова Вадим пошел по стопам отца, поступил в Морской корпус. В 1912 году закончил. Произведен в мичманы. Участвовал в Первой мировой войне на корабле, носившем имя его отца, крейсере «Адмирал Макаров». Был награжден орденом святой Анны 4-й степени. Знак этого ордена крепился на эфесе сабли и кортика, с надписью «За храбрость». В 1916 году произведен в лейтенанты. К революции 1917 года отнесся отрицательно. Присоединился к Колчаку. Назначен флаг-офицером. В 1919 году назначается флагманским артиллеристом Камской флотилии, принимает участие в боях. После отступления Белой армии Колчака уезжает в США. Учреждает свою фирму. Двадцать патентов на изобретения. Собрал большую личную библиотеку, завещал России. Ныне хранится отдельным фондом в главной библиотеке страны. На свои средства издал в 1934 году книгу о своем отце. Скончался в Нью-Йорке в 1964 году.

Имя Степана Осиповича Макарова носят:

город в Сахалинской области;

котловина Макарова;

Государственный университет морского и речного флота в Санкт-Петербурге;

Национальный университет кораблестроения в Николаеве;

Тихоокеанский военно-морской институт во Владивостоке;

Улицы в различных городах России и Украины.

Несколько кораблей в Советском Союзе и России в разное время носили название «Адмирал Макаров».

Памятники

В Кронштадте, Санкт-Петербурге, Николаеве, Владивостоке.

Бюст в Смоленске.

Обелиск в селе Янракыннот Чукотского Автономного Округа.

Корабли

«Адмирал Макаров» – советский легкий крейсер. В 1945 году был передан по репарациям СССР после окончания Второй мировой войны. Был назван в честь адмирала Степана Осиповича Макарова. «Адмирал Макаров» – советский большой противолодочный корабль. Спущен на воду 22 января 1970 года. 3 июля 1992 года разоружен и исключен из состава ВМФ.

«Адмирал Макаров» – дизельный полярный ледокол. Построен в 1975 году в Финляндии, второй из серии ледоколов, построенных в Финляндии по заказу Советского Союза. «Адмирал Макаров» – фрегат, третий сторожевой корабль проекта 11356. Планируется принять на вооружение Черноморского флота России в 2018 году. 30 июля 2017 года фрегат «Адмирал Макаров» принимал участие в торжественном параде ко Дню Военно-морского флота у нас на Неве в Санкт-Петербурге.

Макарову посвящено немало работ известных художников. Одна из них, картина Евгения Ивановича Столицы «Вице-адмирал С.О.Макаров и художник-баталист В.В.Верещагин в каюте броненосца «Петропавловск».

Фильмы о Макарове: «Адмирал Макаров». Леннаучфильм, 1984 год. В 2013 году вышел двухсерийный фильм «36 дней войны».

Гибель Макарова и моряков на броненосце «Петропавловск» отразилась в поэзии. В газетах было опубликовано стихотворение неизвестного автора. Выбито на памятнике Макарову в Кронштадте.

Спи, северный рыцарь, спи, честный боец,
 Безвременной взятый кончиной.
 Не лавры победы – терновый венец
 Ты принял с бесстрашной дружиной.
 Твой гроб – броненосец, могила твоя –
 Холодная глубь океана.
 И верных матросов родная семья –
 Твоя вековая охрана.
 Делившие лавры, отныне с тобой
 Они разделяют и вечный покой.

Об этой войне строки Блока:

Какие ж сны тебе, Россия,
 Какие бури суждены?...
 Раскинулась необозримо
 Уже кровавая заря,
 Грозя Артуром и Цусимой,
 Грозя Девятым января...

Велемир Хлебников, поэт, наделенный не меньшей пророческой чуткостью, писал в стихотворении «Перуну», соединив в вешем символе события древности и современности:

Бог, водами носимый,
 Ячаньем встречен лебедей,
 Не предопределил ли ты Цусимы
 Роду низвергших тя людей?

Известие о гибели броненосца «Петропавловск» побудило его искать закон времени, исследуя хронику исторических сражений. На Троицу 1905 года Хлебников записал на коре березы:

Слушай! Когда многие умерли
В глубине большой воды
И Родине ржаных полей
Некому было писать писем,
Я дал обещание,
Я нацарапал на синей коре
Болотной березы
Взятые из летописи
Имена судов,
На голубоватой коре...
Я дал обещанье всё понять...

Отозвалось эхо этой катастрофы и в творчестве японского поэта Исикава Такубоку. Писал стихи в старинном жанре «танка». Умер в нищете, от туберкулеза, в 26 лет. Был убежденным противником войн. В Русско-японскую войну опубликовал сборник стихов «Стремления». В этом сборнике есть поэма «Памяти адмирала Макарова». Перевела на русский язык Вера Николаевна Маркова.

Друзья и недруги, отбросьте прочь мечи,
Не наносите яростных ударов,
Замрите со склоненной головой
При звуках имени его: Макаров!
Его я славлю в час вражды слепой
Сквозь грозный рев потопа и пожаров.
В морской пучине, там, где вал кипит,
Защитник Порт-Артура ныне спит.
.....
Друзья и недруги, отбросьте прочь мечи!
При имени Макарова молчи,
О битва! Сопричислен русский витязь
Великим полководцам всех времен,
Но смертью беспощадной он сражен.

Обособняк Брусницыных

Я решил посмотреть один не слишком известный старый дом на Косой линии, в самом ее конце – особняк Брусницыных. Давно мне хотелось взглянуть еще раз на этот полуразрушенный шедевр архитектуры, осколок былой красоты Петербурга, о котором сохранились легенды. Начинало темнеть. За углом – угрюмая перспектива Кожевенной линии с характерной приметой – крытым мостиком вверх над улицей, между кирпичными корпусами мертвого теперь завода. По обеим сторонам, у края узкого тротуара – мокнут под нудным, ноябрьским дождем крыши припаркованных машин. Передо мной справа буро-серые стены двухэтажного особняка. Жалкий вид. Остатки лепнины и украшений. Увы, здание в еще более плачевном состоянии, чем было, когда я видел его несколько лет назад. Вот-вот мы его навсегда утратим. Требуется срочная реставрация. Сохранился интерьер, есть экскурсии. И эта легенда о загадочном, мистическом зеркале Брусницыных...

«И в переулках пахнет морем». Писал Блок. Это о другой части Петербурга, на Пряжке, но как похоже. Юго-запад Васильевского острова, местность, известная с 1-й половины XVIII века – Чекуши. Косая линия – название возникло в начале XIX века. В отличие от остальных линий Васильевского острова, проходит не перпендикулярно Большому проспекту, а под косым углом к нему. Первое название – Новый проспект. Под этим именем улица была на картах Петербурга начиная с 1798 года. Косой линией стала в 1821 году. Иногда ее называли Кожевенным проспектом, поскольку проезд вел к Кожевенной линии и заводам на ней. На углу Косой и Кожевенной линий и стоит особняк Брусницыных, Кожевенная линия, 27. Читаем краеведа конца XIX века Михаила Бахтиярова: «Когда иностранное судно из Финского залива вступает в устье Невы, то оно проходит мимо Чекушей. Первое впечатление от Петербурга, когда к нему подъезжаешь морем, это запах кожи. В Чекушах постоянное зловоние. Когда с моря дуют ветры, то запах уносится в самый город». Что правда, то правда. Верно пишет Бахтияров. Тот же запах господствовал здесь и в годы моей учебы в макаровском училище. Доносился к нам на Косую линию. А когда попадали на Кожевенную – зажимай нос и беги. Хотелось поскорей ее покинуть. А название Чекуши вот почему. Кроме кожевенных мастерских тут склады были, в том числе и с мукой. Мука в амбарах от сырости твердела и слипалась. Вот ее и крушили специальными деревянными колотушками. Колотушки эти назывались – чекуши. Стук чекуш стоял тут постоянно. Вот и назвали эти места – Чекуши.

Теперь о купцах Брусницыных.

Название «Кожевенная линия» – от кожевенных производств, которые по указу Екатерины II стали размещаться здесь, в глухой части города, поскольку «при самом въезде в городе быть оным неприлично, затем что от

оних происходит нечистота и нездоровый воздух». Здесь и купили участок в 1848 году Брусницыны.

Николай Мокеевич Брусницын, крестьянин Тверской губернии, начав дело с небольшой кожевенной мастерской, быстро преуспел, построил кожевенный завод и основал фирму «Брусницын Н.М. с сыновьями». Стал купцом 1-ой гильдии. Семья у Николая Мокеевича была большая: трое сыновей и пять дочерей. Сыновья после смерти отца продолжили дело, расширили производство. Двое из них – Александр и Георгий – сделались купцами 2-ой гильдии (т.е. владели капиталом более 20 тысяч рублей). Третий сын Николай – коммерции советник, купец 1-ой гильдии, гласный Городской Думы, вице-председатель совета Русского банка для внешней торговли.

Поселились Брусницыны рядом со своим заводом, который к концу XIX века был крупнейшим в Петербурге, в год выдывал до 110 тысяч бычьих шкур для ремней и конской сбруи. Чтобы упростить сообщение между частями завода, расположенными по разные стороны Кожевенной линии, выстроили «мост» – крытый переход из одного заводского здания в другое.

Завод Брусницыных был оборудован на высоком технологическом уровне. Брусницыны часто бывали за границей.

Александр Брусницын, будучи в Стокгольме, купил яхту шведского наследного принца. Роскошная паровая яхта под именем «Астарт» – белоснежная, 60 метров длиной, с надстройкой красного дерева, на носу – золоченый голубь с тянущимися от него вдоль борта резными золочеными ветвями. Такой яхты не было ни у кого в России. Об Александре Брусницыне рассказано в книге капитана Д. А. Лухманова «Соленый ветер».

После смерти родителей в 90-е годы XIX века братья Брусницыны, Николай, Александр и Георгий, в память о родителях основали дом призрения для малолетних детей-сирот имени Николая и Елены Брусницыных. Ныне в этом доме № 15а на Косой линии Государственный университет морского и речного флота имени адмирала С.О. Макарова. ГУМРФ. Это было незаурядное заведение. Брусницыны выделили объем средств в 1,5 миллиона рублей. Архитектор здания – Павел Юльевич Сюзор. Тот самый Сюзор, который возвел знаменитый Дом компании «Зингер» на Невском проспекте, 28. Теперь Дом Книги.

В приют принимались дети – преимущественно круглые сироты обоих полов от шести до двенадцати лет, а также потерявшие близких ветераны преклонного возраста. Для детей были организованы школа, больница и учебные мастерские. Перед 1917 годом в приюте на полном содержании находились более ста детей и более пятидесяти стариков.

В центральной части здания, на третьем этаже помещалась домовая церковь с хорами. Росписью церкви занимались художник Николай Андреевич Кошелев (роспись главного купола московского храма Христа Спасителя – тоже его работа) и мозаист Михаил Иванович Зоценко (отец Михаила Зоценко писателя).

При освящении здания богадельни в декабре 1897 года (в день 50-летия Кожевенного завода) присутствовали принц А. П. Ольденбургский и Иоанн Кронштадтский. Вскоре после открытия дом посетил Николай II с семьей, дабы выразить благодарность Брусницыным, передавшим свое заведение в распоряжение города. Александр Николаевич и Николай Николаевич Брусницыны были гласными Городской Думы и участниками Комитета Санкт-Петербургского Попечительства о народной трезвости. Они организовывали столовые, читальни и спектакли, чтобы отвлечь мастеровых людей от пьянства, а также приюты, ясли, убежища для подростков. О заслугах братьев Брусницыных перед городом напоминала мраморная доска, установленная в Александровском зале Городской думы.

В Петербурге жива легенда о загадочном «зеркале Брусницына». Один из братьев Брусницыных для гостинной своего дома заказал в Италии старинное зеркало, до этого якобы висевшее в усыпальнице графа Дракулы, а потом оказавшееся в каком-то венецианском палаццо. Со всеми, кто смотрелся в зеркало, происходили несчастья. Внезапно умерла внучка Брусницына. А в советское время пропал то ли директор завода, то ли заместитель, в чьем кабинете висело это самое зеркало. Исчезали и рабочие, в него взглянув. Зеркало сняли и куда-то запрятали. Кабинет заколотили. Заводоуправление переселили в новое здание. Но, говорят, зеркало еще хранится где-то в доме.

При советской власти кожевенный завод расширился и стал называться «Кожевенный завод им. А.Н.Радищева». В особняке разместилась администрация завода, на месте ворот сделали проходную для рабочих, а на фасаде герб семьи Брусницыных заменили на серп и молот.

В годы войны кожевенный завод не работал. В блокаду его сырье стало пищей.

Яхта «Астарта» в 1921 году была передана ускоренным курсам комсостава флота для обучения курсантов. Затонула в первом же плавании. Экзотические растения из оранжереи Брусницыных в 1924-1925 годах передали в Ботанический Сад.

Иконы и резной дубовый иконостас из домового церкви дома призрения сейчас можно увидеть в храме в честь Казанской Божией Матери в Вырице. Сама домовая церковь теперь восстановлена (при реставрации всего здания в 2012 году). Там долгое время был спортивный зал. Помню, я в нем занимался в мои курсантские годы. Тогда же чудесным образом нашли в кафе на Невском проспекте мозаичную икону Калужской Божией Матери. Украшала фасад здания, в годы войны была утеряна. Как я уже говорил. Редкий иконографический тип – изображение без младенца, с книгой в руках. Взгляд Богоматери устремлен на страницу развернутой книги. Работа, возможно, выполнена в мастерской М. И. Зоценко, уже упомянутого мной отца писателя Михаила Зоценко, художника, известного в начале XX века. Икона возвращена в Макаровку.

После революции Николай и Александр Брусницыны с семьями эмигрировали во Францию. Георгий Брусницын остался в Петрограде. Умер в 1934 году в коммуналке на Пушкинской улице. По другой версии эмигрировали Николай и Георгий. Александр остался в Петрограде, работал на заводе в должности главного инженера и председателя коллегии заводоуправления. В 1919 году был арестован по ордеру ЧЕКА и посажен в тюрьму. В 1920 освобожден.

Особняк Брусницыных, архитектурный памятник федерального значения, обломок старого Петербурга. Как я уже говорил, сохранились интерьеры. Здесь проводятся фотосессии, съемки фильмов. Снимались сцены из исторических фильмов: "Шагал –Малевич" Александра Митты, дом Вронского в картине Владимира Соловьева "Анна Каренина", здесь же работала съёмочная группа фильма Алексея Учителя о Матильде Кшесинской.

Первоначально это здание построено было в 1770 годы на углу линий Кожевенной и Косой. Каменное, фасад смотрел на побережье. Владелицей дома стала вдова иностранного купца А. Е. Фишер. В 1787 дом перестроили, поместили в нем контору завода. В 1844 это строение купил Н.М.Брусницын. В 1857 по проекту архитектора А. С.Андреева старый дом дополнили пристройкой на западной стороне. Расширены проемы окон на первом этаже. Изменен лицевой фасад. В 1882 особняк перешел к сыновьям Н. М. Брусницына. Дом был капитально перестроен. Архитектор А.И.Ковшаров. Второй этаж увеличен, появилась мраморная лестница для парадного входа. Также оранжерея. Особняк Брусницыных с тыльной стороны похож на букву «Ш». У каждого из троих братьев было свое крыло здания. Особняк украшен фризом, лепными гирляндами. Сильно выступает карниз. Над лестницей фронтоном. Фасад справа украшен эркерами в форме полукруга. Во внутреннем двореке был сад. Теперь редкие деревья, сараи и пристройки.

После революции 1917 года парадный вход был заколочен. Здесь помещалось управление и лаборатории, столы с приборами для анализа кожи. В 1993 году реставрировали Белый зал и столовую. В настоящее время помещения особняка переданы в аренду частным фирмам. Планировали корпуса завода превратить в гостиницу с видом на морское побережье. А в особняке Брусницыных устроить ресторан.

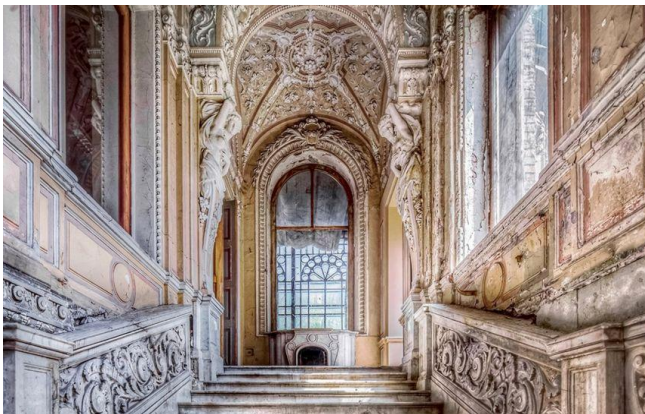
Экскурсовод в начале осмотра поведет вас показать помещения второго этажа. Первое – купеческая столовая. Потолок, лепнина, огромная люстра из бронзы и настенные бра. При Брусницыных стены столовой были обтянуты тончайшей белой кожей изумительной выделки. Сейчас на стенах белые обдирающиеся обои поклеены. Буфет из резного дерева. Когда-то тут стоял стол из дуба и 60 стульев, обитых кожей. Каждая панель на стенах изготовлена вручную. За одной из них тайная дверца, через которую можно попасть в Бильярдный зал, он же Красный кабинет. На дверях изображена голова барана, олицетворяет божество торговли. Стол с зелёным сукном

утрачен. Сохранилась бронзовая люстра с ручкой, позволяющей опускать её над столом. Далее можно проследовать в зал для танцев, Белый зал. Здесь увидим красивую лепку с золотыми элементами. Оформлено в стиле Людовика XV. Большое количество причудливых узоров. Орнаменты, изображающие растительность, музыкальные инструменты, венки, панно в виде цветов, сказочных персонажей. Композиция гармонична и выглядит утонченно. Ее дополняют пилястры и капители с лирами. Рамы окон остались цельными. Стекла у них плотные. Подоконники из мрамора. На люстре подвески из хрусталя. Сама она из бронзы, советское время и тут оставило свой символ – серп и молот. Камин из мрамора, один из лучших в Петербурге, украшен скульптурами амуров. В прошлом веке зал этот превратили в актовый зал кожевенного завода. Здесь проводились собрания и праздники. Тумбы у камина, вместо ваз с цветами были подставки под бюсты Сталина и Ленина.

Возле Белого зала курительная комната, хорошо сохранился декор. Восточный мавританский стиль. Купол – позолоченная лепка из гипса, яркие краски. Красивая люстра. Зеркало утратило свою цельность, разделено на отдельные фрагменты. На стенах утонченной вязью многократно повторяется надпись «Слава Аллаху».

Отсюда можно попасть на парадную лестницу из мрамора, идет от парадного входа, сейчас заколочен. Лестница много лет была спрятана под деревянным настилом, превосходно сохранилась.

Отголоски былого: где-то лепнина на потолке, где-то необычная старинная ручка. Памятник архитектуры умирает. Будущее особняка Брусницких не менее призрачно, чем его прошлое.

Грезящий

Ему надо в одно учреждение, он глухой, просит сопровождать, чтобы помог объясняться с чиновниками.

– Ты можешь грезить, сколько твоей душе заблагорассудится, видно ты так устроен, – предупреждает он меня язвительно, – но, когда ты со мной, уж будь любезен сосредоточиться на вещах реальных!

Идем пешком, тут недалеко, через дворы, ноябрьская хмарь. Черная вода брезжит. Лист-утопленник мрачно смотрит на меня оттуда.

В учреждении, куда мы зашли, скопление пожилых людей в поношенной верхней одежде. Старики и старухи заполнили коридор, стоят и покорно ждут своей очереди. Все они за какими-то справками или квитанциями, выдают в кабинете в конце этого темного, как туннель, угрюмого коридора. Тут много калек и инвалидов. Он, кого я сопровождаю, протискивается сквозь толпу к той двери (я не отстаю) и пытается войти. Ему только спросить. В очереди возмущение. Толстая старуха в очках визжит, как зарезанная:

– Куда прешь! Спросить, как же! Много вас таких, спрашивающих! Влезет и пропал. Клещами уже оттуда не выгатишь. Становись в очередь, пьяная харя!

Но он не понимает, что от него хотят.

– Я ведь глухой, – показывает на свое ухо.

Делать нечего, становимся в конец очереди. Очередь движется быстро. Из двери каждую минуту выходят с бланками. Наконец и мы у этой двери с неразборчивой табличкой. Он скрывается в кабинете. Я остаюсь в коридоре. Думаю о чем-то своем. Не помню, о чем. Кажется, о том, что вот я ради меня готов терпеть эту толчею, эту давку и духоту, этих отвратительных старух в заплыванном коридоре омерзительного учреждения, это я-то, который ненавидит чиновничество лютой ненавистью и обходит такие места за километр. Только величайшая нужда заставит меня сунуться сюда. И вот ради этого человека я торчу тут уже час и терплю невыносимую пытку, муки адские. Да это и есть настоящий ад...

И тут из кабинета выходит обратно он. Сердитый. Не то слово. В ярости. Набрасывается с упреками: почему я не пошел с ним в комнату! Он, оказывается, звал меня несколько раз, а я ничего не слышал. Кто из нас глухой, спрашивается? Как я думаю: зачем он взял меня сюда с собой? Чтобы провести время в милых разговорах? Для этого я ему не нужен. Он взял меня, чтобы объясняться с чиновниками. Они задают какие-то вопросы, а он не может ответить. Он – глухой. Неужели непонятно? Так говорит он, возмущенный. А я ошеломлен. Я буквально убит этими его словами. Действительно, почему я не вошел вместе с ним? Почему оставил его, глухого, без помощи?.. Непостижимо...

От всех этих волнений он устал, поедет на транспорте. Остановка. Подошел автобус. – Это наш автобус! – говорю ему. – Ты уверен? – глядит он на меня тяжелым взглядом. Он понимает меня и не слыша моих слов, но глухота сделала его чрезмерно подозрительным, он в сомнениях, колеблется. Сейчас дверцы закроются. – Конечно, наш! Как раз идет в ту сторону, к твоему дому! – настаиваю я на своем и насильно тащу его за рукав к автобусу. Влезаем, и автобус движется. Едет, едет автобус, кругами, зигзагами, среди кварталов, по шоссе, потянулся какой-то пустырь, места незнакомые.

– Ты уверен, что мы едем в ту сторону? – опять беспокоился он. – Ты уже когда-нибудь ехал этим маршрутом?

– Нет, никогда, – признаюсь я честно, – но по моим соображениям он должен был ехать как раз в нужную нам сторону.

– Твои соображения! – язвительно и гневно восклицает он. – Явно не туда едем. Завезет к черту на кулички. Спроси кондуктора – куда идет автобус.

И я спрашиваю женщину кондуктора с сумкой на животе и красной повязкой на рукаве пальто.

– Едем к метро «Ладожская», – отвечает она. То есть в противоположную сторону. У меня мутится в глазах, и я уже ничего не в состоянии понять.

Выходим на остановке. Пустырь, ветер, метет сырой снег. Темнеет, сумерки. Мы тут одни. По шоссе с ревом проносятся грузовики с бревнами в кузове. Он отвернулся от меня и молчит. Лучше бы ругал на все корки. Стою у столба, как побитая собака, всматриваюсь в туманную даль шоссе: когда там забрезжит автобус. Выплывают, останавливаются. Все не те да не те. Наконец, наш. И мы едем в нашу сторону. Ошибки быть не может. Всё точно. Он смягчился, ворчит:

– Если уж ты такой придурок, что вскакиваешь, куда попало, лишь бы ехать, то это твое дело, раз у тебя такая блажь в башке, только другого-то не тащи с собой и не вовлекай в свои сумасшедшие авантюры. Открыватель новых путей! – добавляет он иронично.

Я так потрясен случившимся, что желаю только одного – умереть. Убить себя, тут же, перед ним. Уничтожиться. Он видит, что со мной, и говорит хмуро:

– Кончай дурить.

Волна

Жду. Каждые 50 лет после арктического шторма рождается сверхмощная волна высотой 50 футов и эта титаническая 50-футовая громада докатывается до Австралии. И мастер бега по волнам ее там ловит, чтобы оседлать и лететь. Это сёрфинг. На летучей досочке нестись в мировом просторе. Волна рождается в сердце Вселенной. Услышь ее приближение, лови момент и лети, сросшись с ней, на ее вершине. Сейчас ты бог бега! Бог полета! Меня поймет только тот, кто видел хоть раз этот десятиэтажный водяной небоскреб, замерший перед крушением. Туманно-синяя, мерцающая громада, где из окон всех этажей глядят жуткие морды морских чудовищ, обитателей древнего, доисторического океана. Я слышу за месяц, как она рождается в реве шторма у ледовых берегов Гренландии и идет сюда через три океана, грандиозная, покачивая бедрами, идет ко мне на свидание, единственная в моей жизни, услышав в моем зове родной голос. Весь этот месяц я сам не свой, дела не дела, сон не сон, все из рук валится, томлюсь в смраде города, в лямке семьи, работ-хлопот, тошно от двуногих сборищ, личин, слов. Бегу на пустынный морской берег, жду, всматриваясь в горизонт. Вот она уже там, растет, растет, ближе, ближе... «Не упусти свой шанс, парень!» – говорю я себе. Я могу жить только так. Засыпаю и тут же просыпаюсь. Волна туманно стоит за моим окном и смотрит на меня, лежащего навзничь на кровати. Вот она уже у моего изголовья и смотрит мне в лицо, сверху вниз. Этот высокомерный, полный презрения и дразнящего вызова титанический взгляд. Я не отвожу глаз, я выдерживаю поединок. Опять погружаюсь в сон... Крутятся вихри пузырей, качается опрокинутая кверху килем шляпка... «Я плачу, я стражду» поет Шаляпин, ретро-голос, грамзапись, старая, старая, как древние боги Земли. Крутится где-то за стеной пластинка-планета на заезженном граммофоне. «Уймитесь, волнения страсти».

Голоса моря, опять они зовут меня. И я плыву против течения, увенчанного трезубцами древних владык. Облака-убийцы, узнаю повадку хамов и хамелеонов, не успел захлопнуть окно, лезут в дом, пришли по мою душу. Воск в ушах, Итака в тумане. Как они сладко поют, маня моряков на райские острова, суля неслыханное блаженство, их голоса высасывают сердце, всю кровь до последней капли. Гурии с когтями грифов. Лук и лира Гераклита, тетива и струны – натянуты, стрела летит в цель, поет Аполлону. Страсти. Голоса скорби и страха, хор смертных. Душа влажна и плакуча. Ива, Офелия. Логос глубок. Седой след на воде, вечно волнующейся. Колыбель зыбей. Этот ускользящий путь живет одно мгновенье, его уже нет. Смыт. Мертвая зыбь.

Ноябрь. Ливень звезд, Леониды. Тот, кто влюблен в царственный череп. Танец с саблями в огненном круге. Блеск дамасской стали. Книга моря – надо ее переплыть, скользя глазами по строкам змеистых волн. Взлететь на гребне девятого вала. Твой сёрфинг, твой звездный миг. Далеко внизу туманится провал, с такой высоты не разглядеть, спокойное ли море, или сейчас там

бушует шторм. Какая-то посудинка давно уже бултыхается там; ползет, ползет мимо, сонная муха. Ни к чему нам с тобой ни календарь, ни часы. Дурная человеческая привычка. Достаточно солнца, луны и звезд. А хотя бы и их вовсе не было, погасни все светила – что за беда! Ни огонька, ни искорки. Зачем свет? Нас двое во всем мире – я и моя Волна.

Шторм разбушевался. Тут не до шуток. Богиня Нут с серьгой Полярной звезды. Ночь хлынет. Глаза в ушах, око седой совы-сивиллы. Иона бежит от лица Господа. Неотвратимо, спираль вовнутрь, в грудь, вглубь, в перламутровую пустоту раковины-сердца. В лето 6527. Приде Святополк с печенегы в силе тяжьце. Сопки Мурманска. Выборы губернатора. «Курск» спит на дне, ждет Судного дня. А мои ти куряни – сведоми кмети. Палестинцы, головы в черных мешках с прорезьями для глаз, автоматы у плеча дулом в небо. Президент Израила Барок, Иерусалим в огне. Кровь брата моего вопиет к тебе, владыко!.. Бе же пяток тогда, восходящую солнцю, и ступишася обои, бысть сеча зла, яка же не была на Руси, и за руки емлюче сечахуса, и ступашася трижды, яко по удольем крови тещи. К вечеру же одоле Ярослав, а Святополк бежа.

Плоть бунтует. Ах ты, плоть! Запряжем тебя, плоть, в плуг и борозди пашню с широкими полями рукописно-безбредных бессонниц, ставя точки буйков-выстрелов на краю строки, как стук костяных шаров в бильярдной, в подвале на Сенатской, в бездонном провале подо мной. Ночь, дождь, четверг. Водяной кий бури расшибся о ту скалу с медным Змием и Всадником.

Что я бормочу? Я ловлю на себе любопытные и подозрительные взгляды пассажириров. Это я час назад прочитал в газете затертое, как монета, ходячее выражение «Северная Пальмира», и оно пристало к моему языку, словно лезвие топора, которое лизнул на морозе. Не отдирайте же с мясом и кровью. Надо нести эту секиру в тепло, в дом – чтоб оттаяла. Мороз разрисовал стекла троллейбуса яркими перьями льдистых пальм и павлинов, и посреди них изобразил загадочный древний город, вставший во всей красе из горячих песков в сердце Азии. Эти дворцы и колонны, озаренные южным солнцем. Кто-то проковырял ногтем лунку во льду: там проплывают массивные слоновьи ноги колонн, мрамор матово светится, опущенный изморозью. Твое чудище, Монферран! Ах, Пальмира, Пальмира! Мечта-чайка...

Капли дождя бегут по темному стеклу, прочерчивая свой скоротечный путь, спешат к своей катастрофической цели, к пункту угрюмого назначения. Скучно писать, как все пишут. Вот что движет этим изнуренным пером. И то далекое седьмое ноября, и сырой снег, и тревожное ожидание. Три сосны, три сестры, скрип двери, порог-туча, сторукий стон за горой, женский голос, гостя с поезда. Этот путь сохраняет смятение и тревогу десяти давних, полузабытых зим. Снегопад, косматый медведь с черно-хвойной шерстью, тополя-вихри. Стою в очереди за индийским чаем в булочной на Почтамтской улице. Дают по одной пачке. Шафранное солнце над Тянь-Шанем. Метель, снег сыплется, черное пальто в гусиных перьях. – Последняя! – кричит торговый халаг. Зря стоял. С ночного дежурства, бессонный, бессознательный, в дыму бреда. Кобура жабы, под мышкой, на опер-ремне. Троя, Пальмира.

Зенобия, царица моих злополучных дум. Та, прямая, как выстрел, аллея гордых колонн в Сирийской пустыне. Белый мрамор, певучий зов. Клинопись птичьей прогулки на древнем песке. И опять, еще и еще – песок, безбрежность пустынь, и в новой пустыне все тот же мираж – моя Волна!

Эту лестницу я вызубрил наизусть, как гамму, иду по ней лунатиком, восхожу по шербатым ступеням. Выше, выше. Знаю каждую выбоинку, как любимую страницу, в любую погоду сюда заглядываю, в снег, в дождь. Дразнят звуки и запахи, волнуют ароматы и музыка. Какая-нибудь заигранная до оскомины мелодия вдруг молнией жалит сердце, потрясает до слез... Нет, я понимаю, конечно, я отдаю отчет в том, что со мной происходит. Нервы-тряпки, растерзаны... И что-то еще... Опять призрачно брезжит в белых ночах, визжит и машет с гуляющих набережных неотцветшей черемухой. Вот я расскажу вам один забавный случай из моей жизни. Нет, простите, забыл. О чем я? Ненужно, жутко. Это из другой жизни. Да. Из другой, не моей жизни.

Геркул оперся о мраморный костыль в зимне-знакомом саду. Тельняшки в заснеженных аллеях делают гимнастику. На дне высохшей Невы расставлены белые эмалированные тазы, наполненные кровью, по ним идут босые ноги, переступая из таза в таз и окрашиваясь по щиколотку в красный, как мак, цвет. Поле цветущих маков. Где твой отец, твоя мать? Тени мертвых слетятся сюда и спросят: что тебе от них надо?

Железный рубль, грянув об пол, покатился, гудя, в угол комнаты; колесо поезда, лязгая по рельсу; одинокое, тяжелое, железное колесо без поезда, колесо с профилем Ленина. Постой! Я о другом. Летающие муравьи, это они тебя приветствуют здесь в час мучительно-великолепного летнего вечера. Самцы умирают в брачном полете. Жизнь муравьев-самцов 6 месяцев и кончается брачным полетом. После оплодотворения самки – смерть. Королева вуду Мари Лаво. Это она! Помнишь? Ты познакомился с ней в Танзании. Нгоро-нгоро, кратер вулкана. Трокай, древняя столица Литвы. Дар божий – это удар божий. Сапогом в пах. По яйцам черепах. Чайка летит, стеная. Антарктида, тайна голубой бездны. Как вырастить грудь. Грудь великой Волны. Обратись к хирургу в бронированном колпаке. Старатели в Калининграде роют янтарь в глубоких глиняных ямах. Художник-аквантангист в маске под водой рисует кораллы – невиданной красоты оленье рога. Альбом для Жака Кусто. Полнолуние над озером Дун-тин. Свиток из собрания, Токио. Но я опять не о том... О чем я?..

Египетский мост, тот самый. Ах, какая кошечка красивая, с золотым передничком и с короной! И дым из фабричной трубы, и этот голубой январский день, и я бегу на свидание, бегу, боясь опоздать. Резка стекла, зеркал. Фонтанка 137. Удар по глазам. Ремонт. Рельсы разворочены, щебень. Дальше разорвано, взорвано. Врезаны вены. Набережная. Устье Невы. И – раскрываются всемирные моря... Португалия, Австралия, древний материк Му. Успел! Вот она, на горизонте! Растет, растет, надвигается, сокрушительница берегов, ужас континентов, первая и последняя – твоя Волна!

Керосин

Зима. Мне десять. Мать послала за керосином. Керосиновая лавка в другом конце поселка на самом его краю. Серый, дощатый сарай, земляной пол, тусклая лампочка, продавщица в ватнике, в валенках. Керосин в круглом открытом резервуаре посреди сарая, что-то вроде широкой, врытой в землю бочки. По мере расхода керосин туда надо накачивать ручным насосом. Я и качаю эту длинную ручку, из трубы льется красивое, синее. Меня зачаровывает таинственная полутьма и льющаяся струя пахучей жидкости. Продавщица спрашивает, сколько мне надо литров. – Шесть с половиной, – отвечаю я. Банка у меня нестандартная, ни на какую не похожая, кубическая, с резкими гранями, второй такой нет в поселке. Ставлю свою емкость на доску-подставку, продавщица втыкает в горлышко воронку и, черпая латунным черпаком, наполняет банку. Шесть раз, шесть черпаков. И еще половинку. Я протягиваю плату, рубль с чем-то, без сдачи. Иду домой по зимней дороге, ташу тяжелую банку, перекаладывая из руки в руку. Банка трется о штанину, больно бьет ребром по ноге, керосин поплывет из-под неплотно закрытой крышки мне на штанину. Я весь перегнулся на один бок. Тащить еще далеко, чуть не километр да еще в горку. Мать дома ждет топливо, без него обед не сварить. На керосинке готовим. Рука у меня замерзла, варежка рваная, не спасает от мороза, еле терплю, хоть плачь. Половину пути прошел. Ой, как много еще осталось!

Поцелуй

Мне 14. Учусь в школе. Седьмой класс. Школа в конце поселка, на бугре. За школой обрыв, поросший орешником. До горизонта – совхозные поля. Здание школы старое, каменное, с ржавой башней на крыше. Бывшая финская кирха. Над этой башней вьются, хлопают крыльями и каркают, мрачные вороньи стаи. При школе яблоневый сад. Ожидаются майские заморозки, убьют цветы, погибнет завязь. Директор школы нам объявил: чтобы спасти сад, старшие классы во главе с учителями будут дежурить в саду, всю ночь жечь костры и дымом окуривать цветущие яблони, уберечь их от заморозка. В первую ночь дежурил наш класс. Жжем валежник по всему саду, дым окутывает нежные яблоневые цветы, теперь им холод не страшен. Затеяли игру. Тянуть жребий – свернутые бумажки. Выигрыш – поцелуй. Вынул и я свое счастье. Кричат: выбирай! Нравилась мне одна, самая красивая в классе. Подошла, улыбается, губы подставила. Вокруг хохот, рев: – Целуй, целуй, дурак! – Я отвернулся и ушел из сада. Сидел под обрывом. Меня искали, звали. Я не откликнулся. Смотрел на темнеющее передо мной бескрайнее поле.

Способность верных суждений

Некрасивая конструкция моста рухнет – утверждает Пифагор. Число, играя на лире, подтвердит его правоту. Математика – мать Атлантид и городов Солнца, как ее не воспеть, как ей не поклониться. Краса уравнений сияет в сполохах полярного неба, и технический рай раскрыл объятия для счастья всего человечества. И я слышу: песенный бред лишнего в мире, лишнего прав поэта хрустнул, раздавленный в стальных тисках квадратного корня. Кто рассудит физиков и лириков? Суд Париса и суд Соломона, яблоко раздора, секира золотого сечения из зазеркалья Алисы в стране чудес? «Пойди туда, не знаю, куда; найди то, не знаю что», – посылает ищущих истину русская сказка. «Чушь! Всё чушь, все ваши суждения и рассуждения!» – прошелестела улитка в саду, прячась в раковину, как Джозеф Беркли в свой солипсизм. Игра по правилам тоскует по своей игре без правил; мера, томясь в своей измеримости, алчет вкусить неизмеримого. Гусь, летя над прудом, не хочет в нем отражаться; пруд не желает в себе отражать летящего гуся. «И темный бред души, и трав неясных запах» все еще ускользают от циркуля и логарифмической линейки, от микроскопа и телескопа. Все еще ускользают.

Античный мост через Гвадиану в Испании длиной в 755 метров

СИМФОНΙΑ В четырех частях

=====

В. Беспалько, В. Лукьянов, А. Михайлов, А. Гиневский

Владимир Беспалько

СТИХИ - РАЗМЫШЛЕНИЯ

* * *

Белеющей ночи зеркальность
Сочту в тишине за реальность.
Ночь – зеркало дня, и отсюда
Ночей петербургских причуда –
Белеть до изнанки. Мне тошно
Среди декораций роскошных.
За сценой размазанный задник,
А в центре ликующий всадник
На Медном коне звонко скачет
В Европу. Он страшен и мрачен.
За ним, оседлав броневик,
В грядущее мчит большевик.
Во истину всё проходяще.
И в прошлом, и в настоящем.
Зеркальные стены подмостков
Вращают за островом остров.
Что скрыто за зеркалами,
Останется впредь между нами.

* * *

1

Промелькнула в луже тень
От качающейся ветки,
Словно пишет вешний день
Повседневные заметки.
Набело, не в черновик,
Он заносит без поправки
Облысевший броневик,
Тень Петра, дыханье травки.
Странно образы пестрят
На полях его тетрадки,
И консервной банки взгляд
Тянет жутью из Фонтанки.

2

День Гостиний обогнул...
В переходе скрылся некто,
Словно рядом промелькнул
Автор «Невского проспекта».
Гоголь, нос прикрыв платком,
Спрятав в сердце укоризну,
Бросил смеха горький ком
В равнодушную Отчизну.

3

Чем случайней – тем верней
Петербургская картина.
Пот от клодтовских коней
Смешан с запахом бензина.
Что ни площадь – то тупик,
Что ни встречный – воплощенье
Чей-то мысли, нервный тик
Током жалит население.
Медный Всадник всплыл вдали,
Даль безмолвием чревата...
И попробуй отдели
Петербург от Ленинграда.

* * *

Тремя лучами с небеси
Крестило солнце по привычке
И пригород, и электрички,
Вокзалы, шпиди и такси,
Дворцы, Неву, порталный кран,
Петра на многогонной глыбе.
Вдыхая воздух, словно рыбы,
Народ стекал к пивным ларькам.
Суровый раздавался гам.
Сверкала пена на асфальте,
Окурки, совершая сальто,
Бесшумно падали к ногам.
Лучи крестили горсовет,
Заводы, фабрики и верфи,
И горожан прикольной веры,
Уверенных, что Бога нет.
Есть Смольный, Невский и метро,
Есть старики и малолетки.
И есть кремлёвские таблетки –
Они очистят всем нутро.
Мозги очистит спецотдел.
Мышление чувства формируют.
На кухнях выпьют и бунтуют.
Свободы каждый захотел.
Всем недовольны подлецы:
Плюют на то, плюют на это,
Не так вращается планета.
Для них хрущёбы не дворцы.
У нас почти построен рай.
Рай не создашь, живя в неволе.
И крепостных не зря пороли –
За благо – дурь господ считай!
Шустрят извозчики такси –
За рубль не подвезут клиента.
Живу внутри эксперимента,
А режиссёр на небеси.

УЛИЦА

Пропахла снегом, пирожками.
Бензином, гарью, суетой.
В дверях автобуса зажали
Портфель, набитый пустотой.
Вблизи от сквера, как моллюски,
Прилипли пьяные к пивной.
Ларёк дрожит от перегрузки,
Над ним фонарь взошёл луной
И осветил клочок пространства,
Где люд, продешевивший дух,
О жизни рассуждал пространно,
Сообразив на трёх, на двух.
А жизнь текла. Визжал автобус...
Со школьным глобусом в руках
Старушка шла, и синий глобус
Вращался в белых облаках.
Она устала, еле-еле
Бредёт, но каждый шаг упрям.
Мороз. И пальцы прикипели
К меридианам и морям.
Ей на мгновение показалось,
Что в мире не осталось зла.
Но глобус уронить боялась,
Как будто шар земной несла.

* * *

Заиндевелые решётки,
А сад за ними, как в тюрьме.
Плывут, качаясь в полутьме,
Скамеек беленькие лодки.
Плывут из прошлого в сейчас,
А молчаливые скульптуры,
Одев дощатые тулупы,
Наивно спрятались от нас.
И что-то думают приятное
О снегопаде и морозе,
О белой и душистой розе,
О мастерской и о ваятеле –
Им так теплее и понятнее.

* * *

Деталь эпохи – вечности примета.
Над крышами кустарники антенн.
Ночами излучает волны света
Архитектура крупноблочных стен.
Она рациональна? Да, ещё бы!
Какой ей быть на грани новых дней,
Когда ещё глаза слепят трущобы
Холодной беззащитностью своей.
Архитектура, что ей до Растрелли,
Баженова не вспомнила она!
Загнав себя в бетонные шинели,
Она пряма, сурова и честна.
Архитектура крупноблочных зданий –
Рывок вперёд в глубины теплоты.
Она сдаёт и сдаст ещё экзамен
За этот подвиг антикрасоты.

* * *

Напрягая голоса и слух,
Осязая быстрый бег минут,
На скамейках – статуи старух –
Полотно беседы долго ткут.
Внуки... Джинсы... Мясо... Толокно...
Телевизор... Не было б войны...
В памяти откроется окно –
Сквозь него руины им видны.
Свежий воздух незаметно пьют.
Нитка к нитке – выткался очаг.
Коммунальный вынесли уют.
Но об этом и во снах молчат.
Седина и осень в головах,
На лице – лишь контуры лица.
Прошлое топорщится в словах,
Волны жизни бьются о сердца.
Тощие и тучные сидят,
Ткут простой беседы полотно.
Освещает осень жизни сад –
Где недавно было так давно.

* * *

Семинарист, завет любви читая,
Летит в метро сквозь чёрный шар земной.
Страницы, свет высокий излучая,
Его бросают в хлад и дрожь, и зной.
Клюют старушки буквы из газеты,
Отпели их мечты и соловьи,
Девчонки, что почти полураздеты,
Читают бёдра крепкие свои.
Вникает в цифры троица студентов...
В метро своя короткая, но жизнь,
Они глотают формулы конспектов,
Вон тот, что слева, друг, не подавись.
Два офицера выдыхают воздух:
По йоге дышат, видно, от нуля,
На их погонах выпуклые звёзды –
Они им войны звёздные сулят.
Летим под Невским, гложет ощущение,
Что над землёй сияет чудный день.
В глухих дворах качаются качели,
На Марсовом во всю цветёт сирень.
А Судный день, Голгофа и Распятый
Живут недалеко от наших дней,
А первый век, иль, как его, двадцатый,
Из-под земли надёжней и видней.

* * *

Звуки жизни – в звёздных нотах,
А в подземных переходах
Безымянные солисты –
Подземельные артисты
Так поют, что через душу
Вылетает боль наружу.

В стороне, в холодном свете:
Тот на скрипке, та на флейте –
Всё играют и играют,
К милосердию зывают.

– Звуки лютня, мандолины
Заполняли всю Кордову –
Бросил фразу мимолётно
Музыкальный человек.
Лучше бросил хоть бы рубль
Музыкантам подземелья.
Их талант идёт на убыль,
И на пиво, и на зелье,
Превышающее градус –
Градус жизни городской.

Музыканты всё играют.
Знают: музыка спасает
От жестокости, с которой
Безымянные солдаты
Погибают на войне.

ЭЛЕКТРИЧКА

Людское море билось о перрон,
У каждого в глазах сияло лето.
Жестоким штурмом взяли мы вагон,
Не досчитавшись пуговиц и сеток.
Помчал состав к зелёным берегам,
А в тамбуре торжественно курили
Подростки, и казалось паренькам,
Что за спиною с болью лезут крылья.
Живым холмом лежал в пролёте пёс,
И лава накалялась разговора,
И город исчезал под стук колёс,
Показывая кукиш семафора.
Румяный муж во всю внушал жене:
- Побереги до остановки нервы,
Мы всё же сели – значит на коне,
А тишина ещё у нас в резерве...

В окне мелькали рощи и поля,
На проводе качалась гирькой птица.
Я чувствовал: без драки жить нельзя,
И ничего, что ноет поясница.
В толкучке можно садануть локтём
И отмахнуться можно по привычке,
Но главное – летим одним путём,
И все правы под небом электрички.
Правы туристы, пёс и комары.
Прав старичок, хотя довольно странен –
Он протянул перо – велел – Твори!
И растворился, словно марсианин.
Летел к заливу солнечный вагон,
Вдали мелькали ласточки травинок,
И в окна залетал густой озон,
И пёс – щенком во сне жевал ботинок.
И только это странное перо
Мне сердце жгло пронзительностью острой.
Я забывал посадку и перрон...
Мир жил во мне и солнечно, и грозно...

* * *

*Александр Дятала
первому художнику и поэту народа ульчи*

Возникая внезапно, как шторм на Амуре,
От тайги отлучённый, привитый к культуре,
За спиною оставив рысиные дебри,
Он выслеживал зорко в музеях шедевры.
Он столицу Петра изучил по зарубкам:
Эрмитажа, пивных и глухих закоулков.
Цепким глазом зажал он Литейный и Невский,
Сквозь дома различая озёрные фрески,
А над ними дымы, что из лёгкого чума
Над страной проплывали, как вечная дума.
И стеклянным ручьём отражали витрины
Его чуткие пальцы и горькую спину.
Одиноко скользя меж асфальтных воронок,
Он себе улыбался, как взрослый ребёнок.
И таёжным весельем дышит и брезжит
На холсте незаконченный «Праздник Медвежий».
Отгеснили его и не только поэты,
Стихотворцев усердно писал он портреты,
Чтоб потом в глубине коммунальной квартиры
Величавый охотник шагнул из картины
И, ружьё отложив, тальниковой свирелью
Рассказал, что шаманы в тайге поредели,
Что живи, как живётся, но было бы лучше,
Если б жил на Амуре, где смелые ульчи
Рады с бурей сразиться и шлют тебе вестку
Приезжай, поживи, присмотри, мол, невесту.
Присягнув Тициану, Леонардо да Винчи,
Никому не желал он тоску свою ввинчивать
По желанной картине, болея искусством,
Восстанавливал миг он силою чувства.
И делил он людей и не так уж наивно
На творцов и любителей лёгкой наживы.
Исчезал в никуда – возникал ниоткуда.
Словно в русской избе Чингиз-хан или Будда.

* * *

Не надо мне книг
Накупленных, но не прочитанных.
Не надо мне помощи
От врагов моих.
Не надо мне злата и серебра,
А надо огромную малость,
Чтоб за строкою этой
Следующая являлась.
Грудинина, пройдя Войну и страсти,
Сказала «Чушь: желанья, будьте-здасьте,
Нужны поэту деньги и почёт.
Нужна и слава, прочее – не в счёт.
В омытом кровью дерзновенном мире
К ногам Пегаса приковали гири».

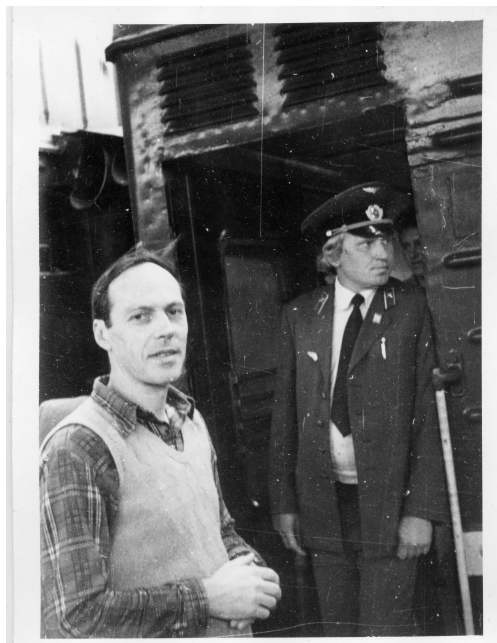
* * *

Творенья мстят своим творцам:
Беззвучьем музыка грохочет,
Когда, окаменев, сердца
Не любят – судят и пророчат.
И ты не скроешь от людей
Ни зла, ни подлости, ни лени,
Будь ты и умного умней...
Они проступят, словно тени,
В стихах, симфониях, холстах
И обнажат твои стремленья.

Лишь тот – кому неведом страх,
Способен воссоздать мгновенье,
И чудеса в обыкновенном
Заговорят. В урочный час
Всё, что не создано рентгеном,
Насквозь просвечивает нас
До тех таинственных глубин,
Которых сам в себе не знаешь.
И снова, как всегда, один
Собой строку отогреваешь.

ВАЛЕНТИН ЛУКЪЯНОВ

СТИХИ

ОСЕНЬ

Солнце рано зарится
На поле в подсолнухах.
Поле раной саднится
Пóтом подсолено.

Перетрубы в отзыве
Замирают, тонут.
В синем с дрожью воздухе
То и дело стоны.

Небо к югу скошено
Косяками птичьими;
А кругом – из кóжи вон –
Лезет лес: настичь бы их,

Старый лист бросается
В осиненье следом.
Стаи птиц – касание
Поселений с небом.

Намекает многое
Тот крылатый росчерк,
Увлекая, трогая
И поля, и рощи,

Где, затерян скирдами,
Вечным Одиссеем
Вслед гляжу покинуто,
Не владея сердцем.

* * *

Листья стелят осыпью,
Стынут на весу.
Здесь глубокой осенью
Я один в лесу.

До костей пронизывает
Сыростью, искрой.
Запах прели сызнава
Будоражит кровь.

Было обожание.
Было – жадность, жизнь.
Вот и обнажение,
Откровенье жил,

Вот и просветление –
Тёмные тона...
Только – тайна тления,
Только тишина.

Стихли птицы службами:
Певчим не до мук.
Хорошо быть с лучшими,
Лучше – одному

Опустевшим вечером,
Рощей до поры,
Создавать, расцветивать,
Оживлять миры.

* * *

В такое утро
Берёт тоска.
Туманно, хмуро
У голых скал.

В тумане парясь,
Свет моря скрыт.
В разрывах – парус,
Как чайки вскрик.

Всё ждёшь, отмолит
Он хмурость вод...
Над спящим морем –
Давящий свод.

РАКОВИНА

На низкий берег, ко всему глухой,
Где копошились только гады, слизи,
Широким жестом вынесло волной
Дар океана – дар певучей жизни.
Горбом вбирая музыку волны,
О чём молил певучей жизни слепок,
Чего таил – какие яви, сны –
В том одиночестве между землёй и небом?
В песок забившись, главного не знал:
Что жемчуг он – слепых кровей соринка.
Таящий душу, словно ветра ждал
Порыв души – порыв открытый риска.
Под панцирем, под костяной корой
Порой томились дерзкие мечтанья,
Бурлила, билась, бушевала кровь.
Грозя разесть, грозя разнесть всю тайну...
Его ж нашёл пещерный человек,
Что чувствовал лишь вечный, волчий голод.

Он не мудрил, он в руки взял, поверь,
Природный тот, внутрипучинный голос.
Не утруждая ближних дележом,
Через покров окаменевших кружев
Он вырезал в миг каверзным ножом
Средину, сердце – лакомство бездушных.
И свет померк, как выкрик на ветру,
В отброшенном пустом осколке боли.
Метались чайки, обрывая круг,
Мычал и бился слёзный вал прибоя.
Казалось, всё – стянула мёртво зыбь
Сердечный зов из немоты. О, горе! –
У раковины вырвали язык...
Но ты прислушайся – она поёт о море.

Анатолий Михайлов
КРАСНОЕ И ЗЕЛЁНОЕ

ГРАЧИ ПРИЛЕТЕЛИ

Не знаю уж, как я дополз до нашего экспедиционного «газона» (он ровно в восемь ждал меня на углу Пролетарской и Ленина), но надо отдать Зое должное, что, в нарушение уже сложившейся традиции, ночью она вела себя на удивление корректно и даже ничего об мою голову не разбила, и если и повышала на меня голос, то разве что исполняя свои супружеские обязанности, а утром даже приготовила мне в дорогу «завтрак туриста», включая аккуратно нарезанные и посыпанные укропом кусочки заливной говядины, приправив их чекушкой столичной, и, чмокнув меня в щёку (вот чудеса!) помахала мне на прощанье рукой. И прямо хоть разводи акварели: с тазиком белья и с гирляндой прищепок на шее моя любимая шуруется под натянутой через весь двор барака подпёртой шестом бельевой верёвкой...

Я протираю глаза – и, перепутав сиденье кабины со скамейкой «обезьянника», спрыгиваю со ступеньки и, вместо нацеленной со стены нацепленной на крючок фуражки с околышем, шмыгают носом три белобрсых шпингалета: одному, наверно, лет семь, а двум остальным на пару – ещё примерно столько же, и все трое меня так это изучающее и внимательно разглядывают, как будто бы я – доставленный в район красующегося за нашим баракон контейнера с нечистотами – новозеландский жираф или, например, африканский страус, и что самое удивительное – все трое босые и каждый – в спущенной поверх трусов оранжевой майке (а каждый затаивший по поводу моего прибытия серенаду мохнатый комар – величиной примерно с навозную муху), и, все трое, точно уткнувшись в решетку перед вольером на площадке молодняка приехавшие из колхоза на экскурсию в зоопарк пионеры, хлопают своими белёсыми ресницами. Ну, а инспектор, отогнув до самых подмышек отвороты резиновых сапог, уже чуть ли не по шее залез в свою гидрологию и что-то там под водой при помощи рейки прощупывает; ему сам Арон поручил моё гидрологическое становление; Арон это значит у нас в управлении самый главный, но фамилия почему-то Кузнецов, ещё главнее нашего самого главного гнуса по фамилии Шкуренко (что полоскал меня в своём рабочем кабинете за аморальное поведение, когда четыре года тому назад своей половой распущенностью я сорвал у гидрохимиков экспедицию), ну, а шофёр – тот всё таскает и таскает из речки водицу.

– Ну, что, – улыбается, – проснулся? – и всё поливает из ведёрка перегревшийся радиатор.

Я посмотрел на часы – и удивился: ровно восемь. Как будто всё ещё и не выезжали. Но оказалось, уже не утра, а вечера.

Точно споткнувшись на повороте, прогнулись несколько притихших в реверансе развалюх, я теперь мимо них топаю на замер, и с нахлобученными на колья горшками меня сопровождают несколько покосившихся плетней, а шпингалетов дед впоследствии окажется моим товарищем по социалистическому соревнованию и в окружении кур и отгоняющего меня от своего гарема воинственного петуха и своей сидящей на лавочке в палисаднике возле добротной сколоченной хибары с закрученной на затылке серебристой косой широкоплечей старухи, будет кандыбать на соседний створ (это значит ручей и над ручьём весь ладно скроенный из разноцветных досточек раскачивается игрушечный мостик), и если судить по фамилии Гончаренко, то персонаж «письма запорожцев турецкому султану», но, невзирая на свой деревянный протез, производит впечатление человека, у которого золотые руки; совсем уже седой, но всё ещё с молодежато взъерошенным чубом, и вместо левой ладони как будто неровно отрезанная палка колбасы, один из героев «гражданской войны», о которой мне ещё на улице Билибина поведал сбжавший в психиатрическую лечебницу Петрович.

Чуть на отшибе с открученными еще, наверно, до войны колёсами в окружении досок, но тоже каких-то дохлых – с рассыпанными по всей длине ржавыми разводами – следами от гвоздей – как-то наотмашь притихли два заржавелых трактора.

Как я потом узнал, ближайший посёлок с винно-водочным отделом (это и есть Омсукчан) примерно в 70-ти километрах, но после замера как-то возвращаюсь с ручья – и прямо не верю глазам: в кустах, загораживаясь от ветра, качается пьяный – и, точно загадочный персонаж из русской народной сказки, деловито справляет нужду. Потом внимательно пригляделся: да их тут целая исправительно-трудовая колония, и все, как на подбор, под мухой, и самый разудалый почему-то с дубиной в руках – ну, прямо вылитый скоморох из кинофильма «Андрей Рублёв». Уже еле держится на ногах и этой увесистой прашой всё, раззудив плечо, крутит у себя над головой, как перед решающим броском легендарный метатель молота. И напоследок ка-ак размахнётся – и завалился.

Но всё это потом, а покамест инспектор вылезает из воды и, забросив свою рейку в багажник, что-то себе записывает в блокнотик. Защелкивает свою походную сумку, и, захлопнув следом за инспектором дверцу, я протискиваюсь обратно в салон.

Ещё, думаю, покемарю и, примостившись поудобнее, снова уткнулся в рюкзак, и тут вдруг, настойчиво подпрыгивая на кочках, резко затормозив, остановились уже окончательно.

Внизу всё та же самая даже не речка, а целая река, пожалуй, ещё пошире нашей Москва-реки, но, не в пример шаловливой затейливости моей колыбели, в сопровождении галоши-баржи, напоминая малолетних медуз, в ней не шныряют игривые мальки еще не потерявших боевой настрой гондол презервативов. А за спиной уже как-то привычно притаилась угрюмая сопка,

точно такая же, как и на Хасыне, и точно такие же на фоне серого камня изогнутые коряги.

Изображая вышедших на сцену солистов хора имени Пятницкого, мы складываем из пальцев рупоры и включаем свои голосовые связки: сначала инспектор, потом, глядя на инспектора, шофёр, ну, а потом уже, как-то совсем для себя неожиданно, и я. И я даже удивился, куда это мы все орём, ведь на другом берегу, подгоняемая обрывками тумана, в прошитых стволами «чахоточных сосен» кисельно молочных пергаментх просвечивает зелень, но потом пригляделся – и теперь уже в наплывах реки, где, увеличиваясь в размерах, шевелится и монотонно плещет что-то бесформенное, на какой-то не совсем предсказуемо отстёгнутой ноте раздаётся отрывистый лай и, перемещаясь в нашем направлении, становится всё заливистой и задорней.

И вдруг я увидел плот (наверно, всё-таки не зря в сталинском доме на Фрунзенской набережной я агитировал Кольку Кроленко сплавлять по Амуру-батюшке брёвна), но оказалось два связанных деревянным настилом здоровенных бака, и называется (я первый раз услышал это диковинное слово) катамаран, а сверху в качестве штурвала по тросу ходит канат.

И, как потом выяснилось, несколько лет тому назад во время половодья всё это хозяйство сорвало и чуть не унесло, и даже пришлось вызывать из посёлка спасателей, но не с «Рублёвки» (где, «кроме электричества», точно в разгулявшей Мяундже, куда по поручению секретаря райкома комсомола мы с Вадиком рванули на смотрины моей Джины Лоллобриджи, «всё в большом количестве») а из самого Омсукчана, где, помимо винно-водочного отдела, имеется районное отделение милиции; кругом ещё один снег и, как на картине «Грачи прилетели», с конфигурациями трефовых проталин, только-только намыливается сходить (а настоящий ледоход с его «выкатывающимся из снега кадыком и поножовщиной обломков» я видел только в стихотворении Бориса Леонидовича); а на другой берег без этого катамарана никак, потом, правда, когда река очистится ото льда, то можно воспользоваться лодкой, и если посадить меня на вёсла, то, помолодев на четыре с половиной года, я снова доставлю «на хора» скучающим на рейде камчадалам приправленную ящиком водки нагаевскую «Офелию»; а если лодка ещё и с мотором, то его оглушительный треск, когда этот мотор заводит, своим тарактением приведёт мои барабанные перепонки в состояние боевой готовности, и, в довершение ко всему, возле самой воды стоит облепленный водорослями валун, я думал сначала просто пейзаж, а это, оказывается, памятник, и перед валуном – сооружённая из красной щебёнки – горит пятиконечная звезда – могила неизвестного наблюдателя, погиб в прошлом году при исполнении служебных обязанностей, – мерцающая путеводной Медведицей, теперь мне будет светить нерукотворным примером «делать с кого жизнь».

МОЙ АДРЕС НЕ ДОМ И НЕ УЛИЦА

Тем временем, прошуршав по осоке и приобретая, точно в проявителе, окончательные очертания, катамаран уже причаливает к берегу, где вместо чугунной бобины обязанности кнехта исполняет обыкновенный пень, – и на прорубленную по всему периметру пня канавку с покачивающегося плавучего средства сейчас накинется петля. И на носу с уже приготовленным для швартовки арканом, напоминая скульптуру из садика имени Павлика Морозова, стоит худощавая девушка, но только без весла, и, если попробовать руку, держащую свернутый в петлю канат, на ощупь, то возле сгиба выше локтя проступит рельеф пружинистой мускулатуры, а на обветренное плечо, если стянуть с него телогрейку, так и запросится татуированное изображение русалки по имени Наташа. А та, что машет нам в знак приветствия на той стороне рукой, покамест ещё таинственная незнакомка.

(И про русалку и про таинственную незнакомку инспектор мне уже успел рассказать, когда на привале у бензоколонки мы с ним закусывали Зоиным заливным, и мои будущие героини оказались выпускницы гидрометеорологического техникума из Владивостока, куда, если, конечно, мне верить, меня должны были послать на повышение квалификации, во всяком случае такую лапшу я навешивал на уши своим пронизательным «пинкертонам»).

И вместе с Наташей – Моряк – и это значит обычная дворняга, но на речном просторе ведет себя, как заправский капитан, и по уже заведенной традиции при посадке всегда должен запрыгнуть на свой корабль самый первый и всех потом, точно проверяя на профессиональную непригодность, обнюхать (а при швартовке – наоборот – спрыгнуть на берег самым последним), и если эту традицию нарушить, то, в знак протеста, начинает оскорблено рычать. И всех это очень умиляет.

Переправлялись в два захода, и сначала Наташа перевезла инспектора и шофера, ну, а потом уже и меня с моим барахлом, а барахло это значит рюкзак, мне его дал напрокат Лешка, а в рюкзаке у меня пишущая машинка и несколько папок с черновиками; хотел ещё и прихватить свой покалеченный «Романтик», но батарейки после Зоиного дня рождения уже успели сесть и сколько я их потом по городу не искал, куда-то из Магадана пропали, а после удара об стенку «Романтик» до сих пор всё еще на больничном, ну, и, конечно, гитара, хоть Зоя и успела её разломотить, но Лёшка мне взамен раскуроченной субсидировал другую.

Увидев гитару, Наташа сразу же прибавила обороты, ну, думает, всё – будет теперь и ей «не плачь, девчонка!», у них туг ещё, вместо духового оркестра, имеется и проигрыватель, и если врубить, то самый крутой писк – тутошний шлягер «Мой адрес не дом и не улица – мой адрес Советский Союз!»; а вы со Стариком в своей провинциальной Москве такого диковинного адреса, наверно, даже и не слышали.

А вот вторая, которую зовут Вера – та, в дополнение к своей мускулистой подруге, наоборот, вся воплощение воздушности и, словно откликнувшись на тайную увертюру своей озабоченной напарницы и поведя так это жеманно плечиками, уже закружилась в стремительном вихре вальса... (Ну, думаю, попал! Представляешь?) Но потом пригляделся, а у неё тут с начальником станции (это я всё ещё про Веру) оказывается, шуры-муры. (А начальник – его, как и Зоиного таксиста, зовут Гена – уже придвигает мне полный стакан и сразу же протягивает петушка, ну, думает, и ладушки, будет теперь и у Наташки на улице праздник). Набрав обороты, Вера уже пробует Генкину шею на прочность и, вцепившись в начальственные губы, берёт своего развальцованного шефа на бордаж; а вот Наташа, та, правда, всё ещё «невеста на выданье», но у шофёра, конечно, глаз намётанный: с одной стороны, он тут человек посторонний, приехал и уехал, а с другой стороны – я, и мне здесь теперь с этой девушкой решать производственные задачи. Но потом видит, что я не мычу и не телюсь, ну, думает, козёл, и, сразу же взяв себя в руки, берёт быка за рога.

По завершении ознакомительного бала-маскарада подогретые алкоголем «возлюбленные пары» остались ворковать, а мы с инспектором переместились в другую комнату, и инспектор потом всё ещё удивлялся, ну, как же они в количестве четырех персон на таком усеченном пространстве все поместятся, ведь там же всего две кровати, а у этого Гены, между прочим, жена и в феврале улетела на материк рожать.

А на следующий день инспектор с шофёром уехали, правда, сначала попарились в баньке, а я с ними париться не стал, мне Зоя «баньку по белому» уже устраивала накануне, а вот инспектор не отказался, и Генка с шофёром, азартно так оскалившись, хлестали его, лежащего на скамейке, вениками, а когда инспектор выскочил и побежал в своих семейных трусах одеваться, то в чём родила мама намылились из предбанника проветриться и девушки, уже заранее приготовив свои мочалки, ну, прямо извертели и всё кокетливо им предлагали «Мальчики, вам спинки не потереть!» А банька эта у них тут же под боком, обычный сарай, правда, с электричеством и окнами, и я на него сразу же положил глаз: а вдруг придётся туда от этих плясуний делать ноги, и оказалось, что как в воду глядел, и всё ломаю теперь голову, куда мне от них бежать; ну, сам посуди, этот Генка, оказывается, каждый день катает их на моторной лодке – и на ручей, и за продуктами питания, а иногда и просто «бегущими по волнам», и вот одна из Ассолей (обычно это Наташа), с огромным рюкзаком и с двумя хозяйственными сумками, выйдя на трассу, уже, привычно вскинув руку, голосует (а брошенным на произвол судьбы «молодожёнам» и море по колено: заташат лодку на берег и, наслаждаясь уединением, продолжают свой медовый месяц); и уже в пищечке Омсуччана под завязку заговаривается, а на обратном пути с водилой сразу же на ты: ведь здесь такой закон: попал на трассу – значит уже холостой, как, например, где-нибудь в Ялте или в Новом Афоне. А, когда Генка уехал, то прямо на станцию зачастили дальнбойщики; посмотришь что-нибудь в районе полуночи на ту сторону, и, в качестве стоящего на рейде сухогруза,

там уже примостился «Маз» или, например, самосвал, в сторону Магадана или, наоборот, в сторону Усть-Неры, и кто-нибудь из подруг (теперь у них всё по справедливости и по очереди) уже встречает долгожданных гостей на катамаране, ну, а другая в это время готовит праздничный стол, и этих гостей, как правило, двое: один за рулём, а его сменщик в это время давит клопа.

Иной раз постучатся, а я, склонившись над кругляшками клавиш, воткнулся в свою пишущую машинку и застыл; и после мучительных раздумий наклонилось лирическое отступление.

– Ну, что, – улыбаются, – землячок, скучаешь?.. – и, вместе с наколотым на вилку кусаном осетрины или малосольным огурцом уже протягивают мне граненый стакан.

А иногда, если не успею спрятать гитару, то что-нибудь ещё им с досады изображу, и бывали даже случаи, когда меня вызывали на бис.

«Если я заболею, к врачам обращаться не стану...»

Ну, и наутро опять в путь-дорогу.

А дня через три, глядишь – и уже новая пара. А те, что были три дня тому назад, появятся теперь только через неделю, – покамест в Магадане, или наоборот в Усть-Нере, перезагрузятся. Ну, и, конечно, не с пустыми руками.

Одни – с мешком кубинской картошки, зато у других – пара ведерок алма-тинских яблок. Ну, и, понятно, балычок или там приправленный красной икрой крабовый паштет (а иногда и пара-другая астраханских арбузов).

И после моего приезда Генке дали станцию на озере Джека Лондона (а наша, выходит, была для него взлётной площадкой), и это ещё хорошо, что когда во время половодья сорвало катамаран, то никто не погиб, а если бы погиб, тогда бы Генку скорее всего отдали под суд, а вот теперь, наоборот, продвинули по служебной лестнице.

А утонувший в прошлом году наблюдатель, оказывается, был бухой и после пальбы по пустым бутылкам с одним из «рублёвских» поспорил на ящик пива, что прямо по льду переедет на другой берег на тракторе, но, как потом выяснилось, не рассчитал толщину льда и в результате, не успев из трактора выскочить, ушёл вместе с ним под воду.

ПУСКАЙ ЗАПОМНИТ

Ночью Ерофеич сожрал всю рыбу, и утром ему закатали царский завтрак – специально открыли тушёнку. Неприкосновенный запас. Что ж мы, не люди? Пускай запомнит.

А потом принесли на поляну. Генка, покамест его нёс, то всё ещё его почёсывал. И за ушком, и под шейкой. Кругом кусты, солнышко, а он сидит, мурлыкает.

Генка в него прицелился – и выстрелил. И Ерофеич сначала даже подпрыгнул. А потом как завертелся, задёргался...

Генка ему как ещё разá влепит – он и затих. Не сразу, конечно, а ещё немного подрыгался. Глядим – и уже застыл, успокоился.

Ну, и поделом! Будет теперь, сука, знать.

ЗЕМЛЯНИЧНАЯ ПОЛЯНА

И вот в одно прекрасное утро (уже после отъезда Генки) я собираюсь на замер: почистил в речке зубы и, натянув резиновые сапоги, жую оставшийся еще со вчерашнего ужина намазанный на галету паштет.

Смотрю – и что-то здесь не то. И вдруг дошло – на моем рабочем столе отсутствует секундомер.

А накануне вечером лежал. Возле коробки с канцелярскими кнопками. Кнопки на месте, а секундомера нет. А за другим столом уже в сапогах и с карандашом в руке склонившаяся над миллиметровкой Наташа.

(Сейчас им тоже на ручей, но только на свой, сначала во главе с Моряком всем коллективом поплывем на катамаране, но после ржавого трактора наши пути разойдутся: им в сторону ободранного баллона, а мне – мимо наваленного прямо в овраг кладбища битых бутылок.)

– Вы тут, – киваю на кнопки, – не видели мой секундомер?

Наташа поднимает на меня голову и, повернувшись в другую комнату, вместо ответа, тоже спрашивает:

– Вер, ты не видела второй секундомер?

И Вера ей из другой комнаты и отвечает.

– Нет, – говорит, – Наташ, не видела. А что?

– Да вот, – улыбается, – Анатолий потерял...

И я сначала даже и не понял – то есть, как это так потерял – наверно, думаю, шутит.

– Да вы, – говорю, – что... – и тоже ей в ответ с каким-то даже изумлением улыбаюсь.

И тут мне Наташа и за себя и за свою подругу Веру сразу же всё и объяснила.

Они бы мне, конечно, дали и свой – в тяжёлую минуту жизни друг другу надо помогать – они ведь не собаки на сене. Да вот беда: сейчас он им понадобится самим. Но я могу не волноваться – они на мой ручей сходят сами и в порядке помощи отстающему возьмут меня на буксир. Ведь я же сам признался, что потерял, и, значит, проявил на своём рабочем месте халатность. И теперь они закажут уже не один секундомер, а два, один – для меня, а другой, если я его опять потеряю, запасной, и инспектор их во время очередной ревизии подбросит.

И так и ушли, оставив меня в замешательстве без необходимого мне орудия производства.

Но прежде чем устраивать им в ответ встречную обструкцию, для выяснения истины я решил, как это принято в системе райпишкеторга, сделать «контрольную закупку» и, дождавшись прибывшего с той стороны катамарана с собравшимися взять меня на буксир сослуживицами, сделал вид, что намыливаюсь за голубикой.

А голубика, и в этом я теперь убедился, ничуть не хуже земляники, правда, земляника, насколько я могу судить, растёт разве что в кинофильме у Бергмана да и в количестве всего одной поляны, а голубики тут прямо хоть гребни лопатой.

Катамаран мне, правда, достался в ожесточённом бою, и девушки (сразу же унохавшие в моем поведении подвох), заняв круговую оборону, устроили мне пятый угол и, отпихнув мою уже занесенную на палубу ногу, чуть было меня не уронили в воду. Но мне протянул свою царственную лапу Моряк, и, получив от него в качестве радостного лая добро, я потянул ходящий вдоль троса канат на себя, и катамаран, слегка покачнувшись, плавно отчалил...

Накинув свернутую в аркан петлю на исполняющий обязанности кнехта пень, я отправился на ручей, а мой оставшийся для охраны объекта законопослушный дневальный облюбовал свой наблюдательный пункт.

Пришёл, а здесь моими собравшимися взять надо мною шефство многостаночницами даже и не пахнет: вертушка – как лежала – так и лежит (я с прошлого замера запомнил) рядом с блокнотом и в самый притык к самописцу, а из блокнота всё так же торчит карандаш, – и даже совсем не мокрая: ведь если недавно была в воде, то, сколько её потом не вытирай, внутри, как будто холодный пот, всё равно обнаружатся капли.

А вчера сиюю над своим «Ундервудом» и «весь в друзьях и в мечтах» прокручиваю эпизод, как в прошлом году проездом с Чукотки на материк ко мне в Магадан вдруг нарисовался Колька Аржаник (тот самый повар из моего «Дня рождения», чей стишок про бутылку кагора так понравился нашему Старикуну), и я его, как меня в своё время Боря Жуланов, решил оформить себе в Огарёвы.

И Колька (чтобы показать, на что я теперь способен, я взял его с собой на замер), ещё и не успел налюбоваться, как я верчу коловоротом лунки, так сразу же понял, с каким ему предстоит иметь дело матерым ледорубом. И всё ещё, уже возвратившись на Чукотку, смеялся, как я держу в руках лом. «Отставит», – и так это артистически изображает, – «мизинчик и тюкает, как курица лапой». Мне Татьяна потом в Москве рассказывала. А вот набухших у меня на ладонях свежеспеченных мозолей с похмелья так и не заметил. И у Ларисы сначала стрельнул для блезира пятёрку, а потом ещё и червонец; и в результате, даже не зайдя с ней попрощаться, так сизым голубем и улетел.

Ну, а девицы слышат, что я печатаю, и сразу же догадались (шила в мешке не утаишь!), что я строчу на них в управление донос.

И вот что потом в свою очередь слышу я (они в другой комнате между собой разговаривают, да так нарочно громко, чтобы мне было всё разобрать).

Одна замолчала, а другая ей в это время и продолжает. Мол, она мне вчера и говорит, вы, предлагает, Анатолий, уж возьмите его (это значит секундомер) у нас и сходите померьте расход сами, ну, уж хотя бы сегодня (мол, сколько же можно им за меня вкалывать!) А он, мол (это значит я) даже и не захотел её слушать.

«Вам, – говорит, – нужно, вот сами его и мерьте».

Ну, тут я, конечно, не вытерпел и даже вскочил.

– И вам, – шепчу, – не стыдно?! – и от чрезмерного перевозбуждения чуть даже не перехожу на визг, – и вам, – кричу, – не стыдно... говорить неправду!!!

Тогда одна из них у другой и спрашивает:

– Ведь правда, Наташа, он так и сказал?

И та ей в ответ как-то даже обиженно насупливается.

– Конечно, – возмущается, – правда, я сама слышала.

– Вот видите, – выглядывает из соседней комнаты не менее обиженная на меня Вера, – и Наташа тоже слышала. Ведь не будет же она врать!

И обе теперь, объединившись в слаженный дуэт и так это смущённо потупившись, всё продолжают ещё и кокетливо улыбаться.

Да. Тут уже и Коммунисту с Мордворотом, и ты, наверно, со мной согласишься, делать нечего.

МЕЖДУ ВИТАЛИКОМ И ПЕТЕЙ

Сегодня у меня сразу же два события: во-первых, мне подбросили секундомер («Вот, – улыбается Вера, – нашли», оказывается, я его на ручье просто выронил, и хорошо, что не утопил, а Наташа на него даже чуть не наступила; и ещё спасибо, что не раздавила); а вот – второе событие, оно, правда, уже не такое радостное: мне в подкрепление прислали работягу, и теперь я в своей каморке уже не так одинок.

Взлётной площадкой, с которой я пляшу в моей системе координат, обычно мне служит Петя. Но в смысле синевы свинчатки я бы всё-таки отдал предпочтение Витеньке. Зато, в пику Витеньке, прибывший мне на подкрепление помощник, наверно, даже и не подозревает, чем отличается первый сон Версилова от второго сна Веры Павловны.

Хоть с виду и мускулистый, но редкостных татуировок на обозримых участках кожного покрова покамест не наблюдалось. И зовут его, можешь меня поздравить с рождением ещё одного моего героя, Игорёк.

А попал он сюда (почему я и вспомнил про Витеньку) из той же самой психушки, где, порезав себе вены, любитель подискутировать об экзистенциализме обрёл покой и уют, и куда в своё время, обокрав своих соседей по общежитию, двинул и Петрович.

Примерно, как и мы в литературу, но только из «Шинели» Гоголя (а если пораскинуть извилинами, то правильной, пожалуй, из «Мёртвого дома»).

Ещё 8-го марта Игорёк вдруг всё перепутал и, обнаружив с чёрного хода первомайскую демонстрацию, до 1-го июня так и не переставал её принимать за пищалки в честь Великой Октябрьской революции. И задним числом теперь ему потребовался больничный.

(Мне Людка по секрету рассказывала, как её боевитая мамаша, будучи в этой самой психушке старшей медсестрой, устраивала туда Людкиного

отчима, который, если тебе не изменяет память, затыривал в электронную панель телевизора уже початые чекушки и, если я не пролеглавлю теще, обещал мне тогда оставить. И после очередной «демонстрации» оформила его к себе в палату и, соблюдая строгий режим, кормила его «с ладони» сырого копчения салом.

– И так потом, – улыбается, – стоял!

Но в результате всё равно пришлось выгнать.)

А вообще-то Игорёк специалист по шурфам. И почетным довеском к Пете и к Витеньке, сразу же припоминается из нашего диоритового отряда Виталик.

Виталик, правда, был взрывник, но в отличие от Игорька, вышел на демонстрацию не 8-го марта, а в день защитника Отечества. Зато к 1-му мая был уже как огурчик. И вместо дома отдыха его в аварийном порядке забросили к нам в Пинакуль.

И Игорёк остался психушкой очень доволен. Да и повёрнутые, с его точки зрения, люди вполне нормальные. И Игорёк там даже на два килограмма поправился. И читал интересные книжки, правда, какие, он уже сейчас и не помнит. А Виталик читал книжки вообще без конца и без начала, раздерёт за вычетом переплёта на страницы, а что останется после растопки потом так внимательно изучает, и в основном это были методические указания, если мне не изменяет память, по квадратно-гнездовой мелиорации северо-восточного плато среднерусского нечерноземья, а я, например, когда сидел у Татьяны на магнитометре, то первый раз в жизни прочёл «Войну и мир».

Их там (это я всё про психушку), дуркует целая команда единомышленников – и кто скрывается от алиментов, а кто, например, спалил по пьянке с чужими голубями сарай, и на предварительном следствии теперь потребуется справка. И если ты психопат, то причина всегда уважительная. А по субботам даже посылали за водкой гонца.

Ну, а поближе к июлю Игорька потянуло на природу. И здесь он знает такие места, где водятся (показывает пальцами размер) вот такие хариусы! Недаром он уже седьмой сезон в тайге. Да что там хариус – вот поближе к зиме пойдёт и песец (а для меня песец – всего лишь фигурант не совсем приличного анекдота; и знаю только, что он голубой, а рыба это или мясо, мне уже подтвердить затруднительно). Ну, и, понятно, соболь.

– Да. Соболь это вещь.

Это мы с ним так разговаривали ещё в первый день.

А вообще-то Игорёк неразговорчивый. Молчаливый такой, сосредоточенный. Принесёт с рыбалки два полных ведра и сначала давай весь свой улов потрошить. Потом развесит по верёвке и похоже на затвердевшие на морозе носки.

И потроха очень даже пришлись по вкусу Моряку, и Моряк в Игорьке теперь не чаёт души. Ну, и девицам на жарёнку тоже перепадает. Чтобы потише ходили.

Ну, а когда рыба завялится, то не забудет для «моей бабы» и меня.

А потом ляжет на кровать и отдыхает. Повернётся подстриженным под полубокс затылком к стене и смотрит в одну точку.

И теперь он для меня прямое продолжение Пети. Правда, в отличие от Пети, слова (с семи подряд согласными) мы с ним пока ещё не придумываем. Да и свисающих с матраса валенок тоже не наблюдается.

Я ему говорю:

– Тебе не мешает? – Это я про свою пишущую машинку. Всё-таки стукотня.

– Да нет, – говорит, – не мешает.

Смотрю – и уже захрапел.

ЛЕСОПОВАЛ

29.07.73

...А вчера, представляешь, что мне устроили эти прошмандовки – не переправили на мою сторону катамаран. Игорёк свою норму выкопал намного раньше и обещал, что у накинутаго на пень каната меня подождёт, у него тут возле ржавого трактора назначено randevu: местные «хунвейбины» в порядке обмена пообещали ему за пачку дрожжей – целую банку! мормышек, мне это слово, хотя и очень понравилось, правда, пока еще ни о чём не говорит, а сам, обуруаемый охотничьим азартом, ушёл на рыбалку, в то время как я, всё еще пребывая в «забое», продолжал добывать свою норму. Я этим певуньям, поставленный на хора комарами, ору, а им, похоже, мой, уже пошедший на хрипоту, отчаянный ор – вроде Лунной сонаты. Пока не присоединился вернувшийся с ведром окуней Игорек. Мы уже выкопали с ним под опоры для подвесного моста две ямы, хорошо еще Игорек меня снабдил рукавицами, как я тебе уже писал, наш бывший начальник, пустивший в расход Ерофеича, за вычетом прогнивших рей и поломанных самописцев, вообще нам ничего не оставил, но у Игорька, помимо своих, были еще и запасные; а свой рабочий инвентарь, когда «смывать под душем сажу и копоть», замаскировываем ветками и корягами и для надежности еще и придавливаем предусмотрительно добытую Игорьком замызанную рогожку камнями, а там, где не берет лопата, при помощи топора приходится еще и перерубать корни, а их руби не руби – все равно что после дождя червяки – всё вылезают и вылезают...

И представляешь, картинка: на одной стороне речки – я, упитанный белоручка со своей персональной кружечкой для гоголь-моголя, а на другой – мой заскучавший по своим хариусам и соболям, сбжавший из психиатрической клиники специалист по шурфам; но речка, правда, теперь уже не Буонда, а её приток, примерно в двух километрах от покосившихся плетней и сараев и, чтобы её форсировать в брод, резиновые отвороты приходится разглаживать по всей длине сапога; и, каждый в своей персональной яме, опускаемся с ним всё ниже и ниже: сегодня – еще по колено, а завтра – уже по пояс; и в результате через несколько дней уже накроет с головой, так что теперь нас даже не увидит исполняющая

обязанности прораба расхаживающая по строительной площадке ворона; и вперемешку с раздробленными камнями и ошметками корней из каждой ямы (на обоих берегах) вылетают увесистые комья глины. Но Игорьку не привыкать – он на этих своих шурфах съел уже не одну собаку, а у меня в первые дни на ладонях надулись волдыри, так что герой моей «Мужской слезы» – стахановец с рязовозаода товарищ Светличный – сейчас бы моими «лайковыми перчатками» остался вполне доволен; еще спасибо, что мой сухощавый первопроходец выбрал мне сторону полегче: и если у меня иногда и попадает песок, то на его стороне, помимо глины, встречается еще и сцементированная вечной мерзлотой не совсем понятного происхождения требуха; позавчера пришли, и всё, что мы с ним за несколько дней успели выдолбить – как будто и не валялся конь: я думал, происки вредителя медведя, но, оказалось, обычный в этих краях оползень; вот и пришлось без всякой 13-й зарплаты дополнительно попотеть и волей-неволей почувствовать трудовой подъем.

И для прокладки прихваченного гирляндой бревенчатого настила из моего Полевого дневника мы валим теперь еще не успевшие перевоплотиться в **обыкновенные красные и массивные брёвна необыкновенно зеленые и пахучие лиственницы**, и кто бы мог подумать, что для этого нам придется воспользоваться самой обыкновенной двуручной пилой. И, прежде чем приступить к работе, необходимо еще выбрать посадочную полосу, куда наша зеленая красавица будет при своем падении приземляться, и тут самое главное, чтобы во время полета она не зацепилась и, оказавшись в лапах своих застывших в оцепенении соседок, не зависла. А дальше её надо чуть-чуть надпилить и потом еще лезвием пилы слегка поводить, покамест не начнет зажимать, и это будет означать, что наша кудрявая недотрога уже со своей участью смирилась и послужившее нам орудие труда подлежит замене; и для окончательного погашения ещё оставшихся признаков неповиновения необходимо теперь несколько раз ударить её обухом топора по стволу, и под воздействием тяжести сдвинутых (после этих ударов) веток, наша подопечная, уже надломленная, невольно замирает и, в преддверии агонии, слегка покачнувшись, начинает медленно валиться: и вот уже снизу вверх по стволу (и вроде бы ещё совсем рядом, но с каждой секундой всё выше и выше), подобно отлетающим из уже безжизненного тела остаткам еще трепещущей души, пробегает прощальная судорога – и каждый следующий выдох (словно угасающие после грозы раскаты грома) становится всё убористей и неслышней... а сверху вниз – наоборот – и всё размахистей и трескливей – рушится отсеченная от корней уже обесточенная древесина – и неожиданно – прямо наотмашь – как будто бы взрыв – и тишина... и даже не слышно пения птиц – точно споткнувшись, все как-то вдруг разом замолчали... и после продолжительной паузы, словно бы всё ещё свыкаясь с потерей, уже опять начинают понемногу проступать: сначала ещё робко, но с каждой руладой всё настойчивей и мелодичней (как будто бы, что-то вспомнив, наконец, спохватились); и теперь уже во весь голос плетут своё оглушительное кружево...

ПАПОЧКА, СДЕЛАЙ МНЕ ИЗБУШКУ

31.07.73

Уже повалили три лиственницы и теперь при помощи топора освобождаем их от ветвей и от сучьев, и пока у меня эта несложная, но очень кропотливая операция получается довольно коряво, а Игорек, уже успев обработать две свои, теперь доводит до ума и мою, покамест еще всю в неровностях и мелких шероховатостях. Потом эта обтесанная связка будет перекинута через ручей, после чего поверх уже обозначенной переправы из подогнанных в стык досок будет сооружен настил, а в вырытых нами котлованах с каждой стороны зацементируют две металлические опоры, соединив их перекинутыми через ручей двумя изогнутыми в виде гирлянды тросами, и в результате на 576-м километре Колымской трассы засияет магаданского разлива миниатюрный Крымский мост.

И когда я представил себе эту картину, то вдруг до меня дошло, что именно здесь на берегу этого ручья среди неведомых мне пока всех этих евражек и бурундуков я просто обязан подхватить брошенную мне ещё в январе 65-го года со словами **Папочка, сделай мне избушку!** перчатку моей двухлетней дочери, подталкивающей своей проснутой через рукав на тесемке варежкой в скверике под берёзой всё увеличивающийся в диаметре и объёме снежный ком.

И это её предварительное напутствие обернется потом уже подаренной мне во время нашей прощальной пьянки на «соловках» Борей Жулановым геологической картой с указанием координат нашей с ним будущей стоянки на реке Омолон, куда мы ближайшей осенью наметим сбежать от пытающихся нас ошипать домохозяек и, заведя там себе по чукчанке, будем теперь иногда делать с ним вылазки на материк, чтобы узнать: а вдруг там опять чудит получивший задание Центрального Комитета вернувшийся из Туруханского края товарищ Сталин, и на своих запровленных в «Эрику» четырех копиях в противовес уже зафиксированным на улице Дзержинского нашим комсомольским жестикуляциям, наконец, ударим с ним в Колокол; и эту геологическую карту вместе со всеми своими беловиками и черновиками я в качестве подковы до сих пор всё вожу в своем рюкзаке, и, невзирая на то, что с Борей у нас, как это ни печально, пока что не очень-то получается, и если даже и не получится совсем, я всё равно продолжу закатывать в гору этот всё скатывающийся и скатывающийся обратно камень теперь уже один и напишу об этих своих возвратно-поступательных потугах жалобную книгу; и буду счастлив, если плоды этого моего Сизифова труда послужат развернутым комментарием к стихотворению нашего Старика под названием

ИЗБА

Среди переплетений
Всех реберных систем
Стоит изба без тени
Просвета – мука стен.
Её подвальный холод,
Её высокий страх!..
Опальному, глухому,
Забитому – сестра.

Её и не заманишь
На свет, – такая глушь.
Окутана туманом
Провальных, вольных душ.
Их узнаваясь страстью,
Их тайнами полна,
Из темных бездн пространства
К нам выпала она.

...Из всех домов, ликуя,
Гримасы, вой, пожар.
С любой избою курвьей
Глухая, на ножах.
С любой избой, с любой
Выдерживает бой,
Отстаивая с болью
Последнее – любовь.

Одна на белом свете
По темноте своей.
И ей одной не светят
Все зори звездных дней.
Замкнулась одиноко –
Ни окон, ни дверей...
Лишь есть слепое око –
Глазок для всех зверей.

С ЕВРЕЯМИ НАДО ПОСТРОЖЕ

Уже без четверти пять и скоро будить Игорька, который меня переправит на ту сторону.

Автобус (если конечно не опоздает) отчалит в половине восьмого. А завтра утром я уже буду в Магадане. И теперь для меня самое главное – чтобы не было дождей.

Когда нету дождей, то самописец себе пишет и пишет и раз в неделю его надо заводить и ставить на заправленной миллиметровке засечку. А если пошел дождь, то необходимо тут же замерить расход. И если это не зафиксировано, то сразу же всё ясно – отвечающий за показания прибора исследователь водного баланса без уважительной причины покинул своё рабочее место.

Покамест облака вроде бы те, что надо. И называются они по научному **цирусы** – что в переводе с латинского обозначает, что они перистые. Я эти тонкости изучил, штудирю методические пособия, когда еще работал в лаборатории у гидрохимиков. А если пошли на уплотнение **кумулясы**, то значит кучевые и тогда похоже на разворачивающийся в небесных столпотворениях воздушный замок и эти клубящиеся красавцы уже предвещают кратковременные осадки. А задевающая сопки низко плывущая рвань называется **стратугсы**, и это значит, что «над седой равниной моря ветер собирает тучи», и тогда мне, подобно «гордо реющему буревестнику», вообще хана.

И, наконец, последним аккордом, которым бы мне хотелось закольцевать это свое не совсем веселое послание, будет описание эпизода, с которого это мое лирическое меццо-сопрано и начиналось.

Уже подхожу к переправе – и ни Игорька, ни катамарана (переправлялись на эту сторону все четверо, но, возвратившись со своего замера, девушки уже успели укатить на ту сторону). Ну, я, конечно, давай на ту сторону орать – но, невзирая на все мои термоядерные потуги, в ответ – сплошная «матросская тишина». А комары уже чуть ли не залетают мне прямо в рот, их здесь в низине просто кишмя. И я ору и одновременно их давлю, а им, надо отдать им должное – хоть бы хны – и даже чем интенсивнее их давишь, тем их становится все больше и больше. И если их вовремя не выплюнешь, то можно и вполне задохнуться. Ну, а моим, заслушавшимся меня кариатидам, наверно, даже приятно. Стоят и под согревающим им душу мой жалобный полонез так это добродушно переглядываются. Вот так и проорал часа, наверно, полтора и даже немного охрип, покамест наконец, не вернулся Игорёк; тут у него, если пройти по трассе дальше, у самых перекаатов замаскированы сети и раз в неделю он их навевывается проверять.

И вот уже несёт чуть ли не полное ведро. А там – переливающийся всеми цветами радуги сплошной краснознаменный перепляс. И как только сложил из своих ладоней рупор – так на той стороне сразу же все и зашевелились – и мои завороченные моим жалобным тембром задумчивые слушательницы, и вместе с ними, поднимая лай, залиvistый колокольчик и мой верный товарищ Моряк.

– Ты же, – говорю, – обещал подождать!

А он мне так это смущенно улыбается: дескать, бес попутал: просто позабыл.

Вообще-то по своей натуре Игорек очень гибкий и держит нейтралитет. Но я думаю, когда вопрос встанет ребром, то сразу же возьмёт сторону униженных и оскорблённых. И это уж как дважды два. И еще хорошо, что я не повторил ошибки трехлетней давности и не признался ему (как своим товарищам по работе на Чукотке) что я наполовину француз. А то бы как-нибудь ненароком придавил меня брёвнышком.

В наших краях (я ведь уже тебе отписал про случай с играющим на трубе замученным врагами народа несгибаемым Шнейерсоном) такое иногда практикуется.

И для профилактики я всё-таки у него поинтересовался, а как он к ним, к этим пархатым гроссмейстерам, относится. И мои предчувствия меня не обманули:

С ЕВРЕЯМИ НАДО ПОСТРОЖЕ

– Но твой Арон, – улыбаюсь, – он-то, душа-человек, тоже еврей.

(А Игорек еще мне всё хвалился, что уж Арон-то его всегда возьмёт обратно на шурфы, хотя, конечно, и понимает, что подвернувшаяся на горизонте психушка для Игорька оздоровительный санаторий)

Арон, конечно, человек. Но все равно **ЖИДОВ НАДО ДАВИТЬ**.

Евреи евреями, но время уже поджимает. А чтобы всё влезло, своё эпистолярное наследие придется рассортировать по нескольким конвертам. И нужно решить, какими на территории Магадана сподручней и безопасней воспользоваться почтовыми ящиками. Так что еще предстоит поднапрячь извилины.

Всё. Пора будить Игорька.

11.08.73

Бюнда

КРАСНЫЙ УГОЛОК

Автобус несколько раз трянуло, и, ударившись лбом о стекло, я открываю глаза. На столбе верстового указателя цифра 47. Поверх белёсого от пыли кустарника радует глаз грязно-серого цвета сарай. Одно единственное строение на весь бледно-зеленый с каменистыми оазисами пейзаж. До войны на территории, приравненной к «местам воинской славы», здесь располагался увитый колючей проволокой красный уголок. А сейчас уже без всяких лепных украшений развалины двухэтажного барака. Никто не сошёл и не сел. Точно исполняя обязанности почётного караула, автобус несколько секунд постоял и, равнодушно проскрипев сомкнувшимися дверцами, двинулся дальше.

Я ПОМНЮ ТОТ ВАНИНСКИЙ ПОРТ...

(или рожденные в рейсовом автобусе намётки пока еще окончательно не сформулированной стратегии)

1

Еще в 69-м году (когда при помощи стеклянной пипетки я титровал полученное в результате реакции нейтрализации выпавшее в осадок серебро) мне (если не изменяет память, в гидрологическом вестнике) как-то попался материал, где речь шла о водоемах Голландии и в частности о том, что на большинстве тамошних постов в районе створа бетонируют дно и на таком забетонированном створе все производственные операции ограничиваются одним замером уровня при помощи обыкновенной рейки. (Но Лешка мне потом объяснит, что любой водоем, прежде чем его забетонировать, необходимо предварительно осушить, а прежде чем это делать, сначала надо построить плотину и только уже после этого перепустить всю выкачанную при помощи особых насосов воду в искусственное русло. А что касается Голландии, то там, объяснит мне потом Лешка, сплошные каналы, а все каналы, как известно любому пионеру, сначала бетонируются, а уж только после этого в них запускается вода.) Но все это будет уже совсем потом, а сейчас я об этом еще даже и не догадываюсь.

2

У нас в управлении на доске почета висит портрет участника Великой Отечественной войны Сергея Ивановича Богданова. Согласно красующейся под этим портретом бирке этот человек занимает должность начальника метеостанции в поселке Палатка, той самой Палатки, про которую, когда я спел Пете песню Городничского про кружащийся над палаткой снег, то Петя подумал, что снег кружится не над палаткой, а над Палаткой. Я как-то видел этого почётного ветерана в президиуме на торжественном собрании: небольшого такого росточка жилистый мужичок и один рукав пиджака у него, будучи пустым, засунут в карман пиджака, а на груди – целый иконостас орденов и медалей.

И, вспомнив со скромной колодкой на груди хромого «дядю Лёву» (в сентябре 64-го уже было взявшего меня в геоморфологическую экспедицию на Среднерусской возвышенности), перед которым я тогда опростоволосился, не сумев ему собрать предложенную мне в качестве проверки на шивость простую электрическую цепочку, соорудить которую способен любой дееспособный семиклассник, решил теперь за разочарованного во мне фронтовика взять реванш и в качестве компенсации за свою профессиональную непригодность заинтриговать висящего на доске почёта «прославленного орденосца» своим неординарным распреложением.

И вместе с биркой ветерана припомнился обслуживающий пост на 77-м километре персонаж по фамилии Торопчин, в начале мая приславший в управление срочную телефонограмму с убедительной просьбой дать ему еще одного человека, мотивировав свою просьбу тем, что имеющийся в его распоряжении наблюдатель сейчас у него только занимает предусмотренную тарифной сеткой единицу, а сам еще 8-го марта (как и наш Игорёк) ушел в запой (о чём я узнал сразу же после Москвы пока, еще не получив направление на Буюнду, в ожидании уехавшего на Олу Арона играл в подвале с переплетчиками в бильярд) и этому Торопчину сейчас приходится одному обслуживать сразу две точки – и речку, и её приток, но к осени, когда польют дожди, одному уже никак не справиться, вот я еще до осенних дождей и предложу им свои услуги и, чтобы Торопчина не спугнуть (а вдруг я хочу его подсадить?), попрошу товарища Богданова, невзирая на мою итээровскую должность, взять меня к себе в штат в качестве наблюдателя, и дать возможность, забетонировав на створе дно ручья возле самостоятельно возведенной жилплощади, претворить своё ращпредложение в жизнь.

3

Для повышения шанса на благоприятный исход мне вероятнее всего придется теперь отказаться от своего незыблемого правила **никогда и ничего не придумывать** и для достижения результата попробовать поменять местами следствие и причину. Вернее, даже не поменять, а внести в этот незыблемый тандем некоторые коррективы.

Обычно я делаю так: сначала я намечаю себе свой вожделенный фарватер и, не ведая брода, тут же бросаюсь в не совсем прозрачную воду; потом, выкарабкиваясь из неожиданного возникшего омута, впрягаюсь в уже было ушедший из-под ног Млечный Путь и, зафиксировав след так и не пойманной за хвост Синеи птицы, всё ещё держу у себя в воображении уже было мелькнувший при восхождении на Дунькин Пуп ковшик Большой Медведицы. И в результате (наперекор уже всё наглухо перекрывшей серой рвани) я воздвигаю свою еще совсем неведомую мне систему.

4

И в предварительной системе моих координат этот ещё совсем не ведомый мне товарищ Богданов (будучи прототипом воспетого Булатом Шалвовичем ЛЁНЬКИ КОРОЛЁВА) зимой 42-го года попадёт в районе Синявинских болот в котел и, выйдя из окружения, организует партизанский отряд, но потом опять наткнется на наследников Гёте и, сбегав из плена, снова прибьется к своим, и работники СМЕРШа, отреагировав на его взволнованный рассказ, определяют его в штрафной батальон, в составе которого он дойдет почти до самой Варшавы и где-то в районе Кенигсберга ему ампутируют руку и уже однорукого при содействии узнавшего его на

очной ставке одного из товарищей по СМЕРШу, погонят сначала под присмотром конвоя и немецких овчарок в сторону Галиции и где-то в районе станции Чоп законопатят в телятник и через весь Советский Союз повезут сначала на Дальний Восток, а уже из порта Ванино в трюме угрюмого парохода доставят в Нагаевскую бухту.

И я уверен, что с человеком, в составе штрафного батальона потерявшим в районе Кенигсберга руку и «в холодном и мрачном трюме» доставленным в родимую Нагаевскую бухту, мы просто обязаны найти общий язык.

НАПЕРЕКОР ВСЕМ ЧЕРНЫМ СПИСКАМ

Я поворачиваю голову, и за стеклом, радуя глаз, мне открывается панорама с моей вожделенной гирляндой, тем самым Крымским мостом хасынского разлива, что мне теперь чуть ли не каждую ночь снится, а когда проснешься, то вместо скрипящих под ногами мостков – повернутый к стене подстриженный под полубокс затылок моего напарника; а если остановить автобус и, прыгнув, скатиться по откосу на отполированную гальку, то можно услышать, как, завихряясь и обтекая облепленные зеленоватой тиной валуны, настаивает на своём еще не успевшая замёрзнуть моя Река, а если пройти по трассе еще четыре километра и раскрутить в обратную сторону девять лет, то на повороте в поселок по соседству с обгоревшим сараем над застеклённой теплицей всеми цветами радуги опять распусаются из трубы так меня покоровшие в ту осень дымы и снова озадачат бесконечные перила воздвигнутого на случай половодья дощатого настила; а через три месяца на «берущей четыре копии Эрике», войдя в конфликт с законопатившим меня в чёрный список товарищем Былиной, я опять отобью отмороженными пальцами свои приблизившие моё изгнание из экспедиции «пасквили», и, вооружившись фотоаппаратом «Смена», приду сюда запечатлеть прощальные сугробы.

И возле той же самой гирлянды будет стоять всё та же самая будка с точно такой же заправленной в самописец миллиметровкой и с точно такой же печкой-буржуйкой и полатями, что и на речке Дукче, куда уже этой весной я водил прилетевшего из поселка Лаврентия Кольку; а в кабинете дома №1 по улице Дзержинского месяц тому назад она будет фигурировать в таинственно выдвинутом из стола и зачитанном мне из рук товарища Горбатов гневном донесении моих соседей по бараку относительно так их поразившего моего высказывания на Зоином дне рождения 9 октября 1972-го года, когда, восторгаясь «хрипотней уголовника Высоцкого и поливая грязью всенародно любимую Пахмутову», я утверждал, что «никакого острова Даманского вообще не существует, и Советским Союзом управляет кучка жуликов и обманщиков», а комментирующий нашу беседу предварительно наклонившийся к скважине ухом Коммунист, положив на стол кипу листов, на которых я должен зафиксировать развернутые ответы на поставленные мне

ребром вопросы, пытаясь мне доказать, что я тогда был косой, всё ещё Фёдору Васильевичу, а заодно и мне, ссылаясь на своё честное партийное слово, объяснял, что настоящий профессионал делает свою работу автоматически, даже находясь в состоянии алкогольного опьянения; а чуть в стороне, увитый традиционной крапивой в распоряжении Таропчина имеется ещё и целый казенный дом, крупногабаритный сарай, куда на государственном пикапе из Магадана каждую пятницу, затарившись ящиком шнапса и закусоном, намыливается по грибы и по ягоды сплочённый коллектив нашего планового отдела, и этот типичный представитель славного колымского зодчества – скорее всего, тоже оставшийся ещё с добрых старых времён «красный уголок».

Всё это мне в начале мая (после информации, полученной от переплетчика в бильярдной) подтвердил уже на 77-м километре местный рыбовод, когда, еще не ведая, куда меня направит Арон, я, заглянув на втором этаже в канцелярию, переварил содержание зафиксированной на имя директора обсерватории телефонограммы и, вооружившись бутылкой агдама, двинул по своим памятным местам в разведку, и после вытащенного из-за пазухи всегда готового к труду и обороне граненого стакана, раскрутив катушку спиннинга, поведал мне, что у моего «партизана» имеется работающий под его началом сын и еще похожая на солистку театра Ромэн дочь, и он тому сам свидетель, как на майские праздники, когда всем коллективом водили вокруг костра хоровод, она, пощелкивая кастаньетами, исполнила на бис «Отойди, не гляди!»; а наш хлебосольный Водолей живет в нем, в этом своём «сказочном тереме», только до морозов, а когда, уже скованная льдом, река застывает, перебирается на 72-й километр в поселок Стекольный (в тот самый «Стякольный», куда еще в декабре 64-го мой златоустый ученик Петя спешил на Новый год к своему «кирюхе»), где у него (у Таропчина) вроде бы отдельная квартира, а когда долбить лунки, то приезжает со своим коловоротом на автобусе, и знакомые шофера в нарушение инструкции высаживают его прямо у створа; а где-нибудь в середине мая или в начале июня в разгар половодья на самописце надо поймать так называемый пик и при этом еще, разгребая обломки льдин, успеть замерить вертушкой расход, и иногда этот «пик», не покидая расстеленного на полатах полушубка, приходится ловить несколько дней и ночей и, обогреваясь блистающей в заиндевелых узорах наледи «буржуйкой», «зубами стучать марсельезу».

Но самое главное – даже не река, а всё тот же самый еще в 69-м году обнаруженный в ГИДРОЛОГИЧЕСКОМ ВЕСТНИКЕ её приток под названием Холодный – покамест еще мной никогда не виденный, но не устающий мне вместе с заветной гирляндой сниться и всё настаивающий на своём ещё не **сжатый ледяною лапой ручей** на рубеже **полярного лета** грозный превратиться в **изумрудного цвета светящийся лёд**, откуда до «соловков» не позволившего мне при восхождении на Дунькин Пуп замёрзнуть Бори Жуланова уже подать рукой, где мой товарищ по всё еще не

завучавшему Колоколу (подаривший своему будущему Огарёву карту Омолона с протокой, сплавиться по которой мне теперь уже никогда не светит), так и не дождавшись наших Воробьёвых гор, уже завел себе совсем не чукчанку, и в январе 70-го мы к нему, когда после второго триппера я ушёл от Зои, даже ездили с Людкой в гости, и прежде всего мне врезалась в память его (тогда еще ползающая в своем деревянном манежике) напомнившая мне мою Олечку дочь, а его супруга (с Львиного мостика на берегу реки Фонтанки) оказалась изящным «пилигримом» по имени Ира, и когда перед броском на Чукотку я прилетел из Москвы в Магадан, то мы с ней пересеклись на 56-м километре в аэропорту: открывая полевой сезон, она дожидалась рейса в район «расположенного в одном из труднодоступных распадков озера Джека Лондона, на живописных склонах которого трудятся красивые и сильные духом люди» (такими диковинными эпитетами два месяца тому назад я запудривал мозги товарищу Горбатым и предложившему мне подать на КГБ в суд и чуть ни схватившемуся от смеха за живот услышавшему, что у водорослей бывает грива, жизнерадостному Мордвороту), а уже совсем потом Ирина Львовна мне расскажет, как в первый выходной апреля (на день геолога) всё еще помнящий меня по моему героическому слалому весь Хасын слушал исполненную рабочим диоритового отряда Анатолием Михайловым на Магаданской радиостанции «Разведчики золотых недр» посвященную старшему технику-геологу Вере Макрушиной мелодию на слова Глеба Горбовского про собранную из трав **на зелененьких ножках весны кровать**, и когда возмущенные моей половой распушенностью соседи осведомили об этом Зою (во избежание неотвратимого кровопролития на время передачи я её предусмотрительно из барака увел), что я пропел осанну своей «заваленной на кровать шалаве», то посчитавшая себя униженной и оскорбленной моя суженая, усомнившись в моей целомудренности, разбила о мою голову бутылку бархатного пива, и мы с ней потом даже ходили в травматологический пункт вытаскивать застрявшие в моей черепной коробке многочисленные осколки.

И, с одной стороны, я за Боря очень рад, но с другой – нам с ним теперь уже никогда не полакомиться из протянувшего Боре лапу «хозяина тайги» шашлыком, зато, когда под мелодию **светящегося изумрудным светом льда** я сколочу себе на курьих ножках шалаш (с керосиновой лампой и вынутым из чехла «Ундервудом»), то в свободное от работы время можно будет (наперекор всем **черным спискам** в картотеке товарища Былины) тайной тропой проникнуть на запретную территорию и, купив у, наверно, уже совсем позабывшей меня продавщицы бутылку, даже сходить к Боре и к Ирочке в гости.

КОМАНДА РС ИВАНОВО

МАТРОС – Лёшка Попов – в одной упряжке с «нашим великим и могучим» – в тяжёлую минуту жизни моя единственная (на Колыме) защита и опора. «Как мало прожито – как много пережито...» – вдруг подытоживает оседлавший соседний ящик из-под пива этот уполномоченный по правам лилипутов ГУЛИВЕР (даже не подозревая, что эти строчки принадлежат прожившему всего 25 лет чахоточному Надсону) и, зажевав соленым огурцом, затягивает свою всегдашнюю после первого стакана песню про «ведущего с похмелья судно старика-капитана» и про его «оставшуюся на материке любимую дочь»; и, убаюкиваемый неожиданно вспыхивающими и тут же гаснущими в тумане сполохами, я жду, когда же, наконец, он доберётся до ласкающих мои барабанные перепонки «в первых числах мая»...

МАТРОС – Витя Литяйкин – когда меня первый раз оставили шлопочным, учил, как, невзирая на встречную волну, табанить для разворота обратно в море.

МАТРОС – Дим Димыч – при выходе на берег теряет человеческий облик, но даже весь в соплях в самый ответственный момент к выходу в рейс героически приползает, что по мерилам здешнего морального кодекса – высочайшая степень надёжности.

МАТРОС – Васильич – по меркам тугошней молодёжи – глубокий старик – уже за 50 – но до сих пор всё ещё ходит в начинающих; забывая «козла», любит пожаловаться на боль в суставах и на лому в костях – и все играющие добродушно посмеиваются – что «скоро наш Васильич выйдет в адмиралы».

ТУЗЛУК (он же засольщик) – по кличке Минтай – весь в рыжих патлах и с пунцово малиновой рожей (согласно легенде, фиксируя улов, оформил на приёмке в качестве сельди 14 тонн минтая); когда-то был вторым штурманом, но за нарушение трудовой дисциплины понизили на палубу плавбазы; жена – член местного комитета и ходит в подругах у Жанны; а так бы уже давно списали.

ТУЗЛУК (ещё один засольщик) – по кличке Вкуснятина. В любое время дня в своём неизменно резиновом фартуке хозяйничает на палубе, колдуя над бочкой со снятым с неё обручем и молотком в кулаке. Пьёт всё подряд – от аэрозоли до тройного одеколона; после путины устроился в гастроном подносилой, но, не дотянув до весны, скоропостижно скончался.

ТРАЛМАСТЕР – Эдик Винарский – похожий на шляхтича стройный «виртуоз иглички», недостижимый кумир женского персонала «Сетепошива»; через несколько лет выбьется в «кэпы» и, прогремев на всё Охотское побережье, получит звание Героя Социалистического труда.

ДЕД – старший механик – оставшийся в живых член экипажа сейнера, перевернувшегося в октябре 64-го при заходе в бухту Нагаево, и, как я полагаю, нёсший в составе двигавшейся мне навстречу похоронной процессии гроб с телом капитана Ерина; всё собирался с ним на эту тему подискутировать, но так и не пришлось; после путины, когда гуляли в ресторане Южном, то своими «трудоднями» и «драгами» все карты спугал златокудрый «золотоискатель» Бэнс.

ПЕРВЫЙ МЕХАНИК – Славик Савитков – бывший вратарь харьковского СКА по водному поло, участник спартакиады народов СССР; вспоминая свою молодость, рассказывал, как за бутылку водки прыгнул с железнодорожного моста в Амур.

ВТОРОЙ МЕХАНИК – по имени Фарид – узбек, а может и киргиз из города Кушка – будучи в состоянии алкогольного опьянения, пригрозив «порвать пасть!», бросился с кулаками на «дракона», что, если учесть внушительные габариты последнего, придаёт миниатюрному Фариду героический ореол; а будучи трезвым, вспоминал, как, списанный с китобоя, жил несколько лет на Курильской гряде среди глухонемых в землянке.

ДРАКОН – или боцман – похож на артиста, играющего бандита в кинофильме «Зелёный фургон»; инициатор и постановщик удивительного зрелища – когда из трюма всем на потеху торчит засыпанная по горло селёдкой моя покрытая рыжим капюшоном голова.

МОТЫЛЬ – он же моторист; когда, будучи на вахте шлюпочным, я, перевоза на «хора» камчадалам «бегущую по волнам», непозволительно застрял и благодаря выпущенному из ракетницы сигналу был обнаружен у соседней по рейду и этапирован на отшвартованной от сейнера шлюпке обратно, уже выгруженному не вяжущим лыка на пирс, «чтобы на всю жизнь запомнил!», пустил мне прямым попаданием «красный паровоз»; через два года вдруг встретились на родительском собрании: Зоин Серёжа и сын «мотыля» оказались одноклассники; после собрания, чуть ни в обнимку, отправились в шашлычную и раздавили «за подрастающее поколение» бутылку.

КОНДЕЙ – или повар и, когда в настроении, балует нас особыми ватрушками – «ландориками». Примерно через год встретились в вендиспансере – наверно, ведь не зря всё травил нам баланду, как, будучи на Шикотане, водил в бараке ручным фонариком «по тёлкам».

ПЕРВЫЙ ШТУРМАН по кличке КОЛУН. Когда я первый раз встал за руль, то, потеряв равновесие и ударившись головой о гироскопический компас, в сердцах меня чуть не пристукнул. Всех ненавидит, но всё равно в доску свой. «Не отходя от кассы», любит не спеша потрапезничать и прямо в капитанской рубке, развернув «вышивной рушничок», аппетитно чавкая, уплетает разрезанное на кусочки сало. Всем без разбора (педагогически поучая) повторяет свою излюбленную прибаутку «заеб...ся глотать!»

ВТОРОЙ ШТУРМАН по кличке ШПИГЕЛЬ (подозреваю, что усечённый Тиль Уленшпигель). Все почему-то не то чтобы презирают. А так, не уважают. Когда-то окончил мореходку, но НИЧЕГО НЕ УМЕЕТ. Задумчивый и «весь в своей мечте». По бабам не ходок, но выпить не дурак. Много читал, но не совсем понятно, что. Перед выходом из Марчекана прочёл ему лёгшее у меня потом на мелодию «Отплытие». А он даже и не знает, кто такой Пастернак. Тонкие пальцы, но весь какой-то прыщавый и в рваном свитере. Во время замёта на мостике КЭП или КОЛУН. А Шпигелю не доверяют. И каждый сезон отфутболивают с РээСа на РээС (корочки есть – значит обязаны трудоустроить). Но все избавляются как от нечистой силы. Во время замёта мне доверяют отпихивать «пёхой» трал. А после – собирать на верёвку кольца. А Шпигелю (штурману) даже и это непозволительно. Но Лёшка Шпигеля всё равно жалеет. Один раз видит (рассказывает) – стоит на пирсе косою и сыт. И так и пошёл с расстёгнутой ширинкой. И Лёшка даже сделал ему замечание:

– Да спрячь, ты, – смеётся, – свою пичужку!

МАРКОНИ – или радист – своей правдивостью всех только раздражал: в эфире никогда не темнил и потому было никак не вклиниться без очереди за «наводящим»; когда бежали от шторма в Спафарьево, то всем желающим (а желающим оказался один я) предложил с уже наклеенными марками конверты: через почтовый катер – как с линии фронта – дать о себе весточку в тыл; и я возьму три конверта (и на каждом, высунув кончик языка, старательно выведу – рээс «Иваново» матрос Анатолий Михайлов) и (передав их потом на катер) пошлю сразу три депеши: одну – в Москву на Киевскую папе (в память о папином вояже через экватор в Южную Америку) и две – в Хасын – Эрику Махновецкому и Боре Жуланову (и ещё в сентябре, затариваясь спиртным, в резиновых сапогах и в рыжей робе, столкнувшись с Эриком в центральном гастрономе, буду им приглашён в гости; где-то в конце октября на главпочтамте получу от папы тёплое родительское письмо с «убедительной просьбой – не валять дурака и по приезде в Москву немедленно прописаться» – как потом выяснится – для получения ещё одной квартиры взамен умершей бабушки Лизы потребовался ещё один квартирисьёмщик; а уже под Новый год в декабре, возвратившись из Москвы в Магадан, получу теперь приглашение на заплыв в ширину и от Бори).

КЭП – он же **КАПИТАН** – запомнился мне тем, что никогда на меня не орал и один раз даже похвалил, когда после десанта на берег при выходе в море я отстоял, помимо своей, ещё две вахты подряд вместо своих самоотверженно приползших, но временно потерявших точку опоры товарищей.

НА БЕРЕГУ ТУМАННОЙ ТЕМЗЫ

С колокольни отуманенной
кто-то снял колокола...
Осип Мандельштам

В последних числах декабря я купил в гастрономе пару бутылок водки и через два часа, спрыгнув с подножки рейсового автобуса, попал, фигурально выражаясь, с корабля на бал; и не успели мы еще с Борей обняться, как сразу же оказались с ним на пьянке, где правила бал Наташа Эпштейн, единственная в моей жизни девушка «французской» национальности, в которую еще с ноября 64-го я был безответно и тайно влюблен (как только её увидел, так тут же положил на неё глаз, правда, совсем не так как, например, на Зою, когда, сразу же выронив гитару, почувствовал себя «перетянутым пыльным мешком»: в ту пору я был верен исключительно своей «медовой», что мне, впрочем, совсем не помешало перед выяснением отношений с поигрывающим желваками скул напомнившим моего товарища по подворотне Бабона Кормщиковым после второго бокала шампанского дотронуться до узорной застёжки на оголившемся бедре своего товарища по работе). И венчающая наши Воробьевы горы туманная Темза все-таки состоялась, но получилась она какой-то незапланированно взвинченной по той причине, что, будучи еще в не совсем просохшей тельняшке, я стал у себя на груди рвать рубаху и, обозвав всех присутствующих недостойными Наташи салагами, был спущен со второго этажа с лестницы, после чего на заснеженном ринге возле перил, сопровождающих ледяную панораму застывшего глядя на зиму Хасына, мы уже выясняли отношения с самим Борей, и возмущенная моим поведением разгневанная Наташа прибежала на нашу с Борей ЧЕРНУЮ РЕЧКУ и бросила мне в сугроб мой скомканный пиратский плащ и мою историческую ушанку (в которой четыре месяца назад в фарватере за наводящим я стоял перед штурвалом рэса «Иваново» и через четыре года в моем НЕБЕСНОМ ГОСТЕ меня в ней увидит Иосиф Бродский); прицельным ударом Боря раскровянил мне сопатку, а я прямым попаданием в точку на лбу над Бориной переносицей зажег ему под обоими глазами (такое волшебное свойство этой чувствительной к не совсем корректному соприкосновению звёздочки) сразу же два фонаря. Бориной Ирочки с Динкой в ту зиму на «соловках» почему-то не оказалось, и мы с Борей в конечном итоге помирились и весь следующий день, перемещаясь в состоянии алкогольного опьянения по всему Хасыну, шарахались с ним из барака в барак.

КОНТРОЛЬНЫЙ ПОЕДИНОК

Узнав по вырезанной возле ржавой жестянки расписания надписи **УСЯКИН, Я ТЕБЯ НЕ БОЮСЬ** (из нашумевшего в начале 60-х кинофильма «Испытательный срок») родимую остановку, я, отвернувшись от окошка, прочёсываю всех вылезавших (и даже не на шутку разволновался: а вдруг меня еще кто-нибудь помнит), но все, кто мог меня помнить, были сейчас в поле, а те, что пробирались к выходу и спрыгивали потом с подножки, оказались совсем незнакомые и чужие, за исключением стоявшей на остановке собаки. Увидев меня, она тут же завиляла хвостом и я ее сразу же узнал. Это был уже постаревший, но всё ещё не утративший своей боевитой осанки Трезор (без малого девять лет тому назад запрыгнувший на плечи разомлевшей Линды), которого мне Петя показывал из барака, когда прямо у нас под окном сплочённый коллектив «наших братьев меньших» справлял свою собачью свадьбу. А перед самой Палаткой я вдруг окончательно понял, что дальше я никуда не поеду. Сейчас достану свой билет и всю оставшуюся от него долю (от Палатки до Омсукчана) попробую забодать.

Вдали уже показались поставленные на попа неуклюжие цистерны, и кому было теперь вылезать на Палатке, зашевелились и со своими саквояжами и баулами стали подтягиваться к выходу и, поднимая за собой столбы пыли, автобус въехал в поселок.

Всех окончательно вылезавших тут же сменили едущие дальше уже из Палатки. Водитель проверил билеты и, хлопнув дверцей, с квитанциями в руках убежал. Часть пассажиров, севших еще в Магадане и следующих дальше, вылезла размять затекшие суставы, и я, всё еще колеблясь, на всякий случай тоже вылез.

Возле передней дверцы столпились желающие уехать. Они еще на что-то надеялись. С ведерком в руке водитель возвратился и, азартно размахиваясь, с какой-то рабоче-крестьянской сноровкой, точно задавая корм своему железному коньку-горбунку, стал поливать у автобуса передние колеса. Уже с пустым ведром опять убежал и, возвратившись, поменял теперь передние колеса на задние. Закинул ведро в кабину и возле ветрового стекла стал поправлять немного съехавшее боковое зеркальце.

Безбилетники его окружили и как-то обидчиво и многообещающе заканючили. Они ему дадут сколько он у них запросит, а он их тогда возьмет без билета. И эти деньги без всякой продажи билетов пойдут напрямик в его личный карман.

Встав на ступеньку кабины, водитель поправил на стекле залипшие «дворники» и, перевавав грядущую возможность пополнить свой бюджет, огорчительно развел руками.

Он взял бы их всех и даже бесплатно, но, к сожалению, ехать в автобусе стоя не положено. На трассе за каждым кустом, лежа на траве, притаился свирепый на штрафы безжалостный гаишник.

Безбилетники вернулись на свои скамейки и, не солоно хлебавши, дружно приуныли.

Я засунул руку в карман и, нащупав его внутренность, добрался до билета. Я все еще продолжал колебаться.

Водитель потрогал каждое из четырех колёс и, повисев на ступеньке, запрыгнул в кабину. Автобус заурчал.

Со словами «кто-нибудь есть до Буюнды?» я вытащил из кармана свой билет и, держа его, точно завораживающий в тенетах мышеловки кусочек сыра, показал безбилетникам.

Проворнее всех оказалась сидевшая на скамейке мешочница. Оставив свои мешки на скамейке, она молниеносно метнулась и схватила меня за рукав. Водитель высунулся из кабины и раздраженно посигналил.

Мешочнице надо было только до Мякита. Билет от Магадана до Буюнды стоил 12 сорок, от Магадана до Мякита – восемь шестьдесят, а от Магадана до Палатки – всего рубль восемьдесят четыре. И вышло, что теперь ей уже из моей доли набегает целый червонец. А от Палатки до Мякита билет стоит примерно рублей семь, а может и 7 пятьдесят.

Мешочница вытащила из кармана десятку и протянула её мне; хотя Мякит был намного ближе к Палатке, чем, например, Стрелка, но желающие нашлись бы и до Стрелки, и даже до Омсучкана. Но водитель все равно бы каждого взял: для него самое главное, что освободилось место.

Я схватил протянутую мне десятку, но мешочница всю её до конца пока не выпускала и в наших руках денежный знак имел теперь все шансы разорваться. Напоминая собой многорукую Шиву, мешочница вцепилась еще и в мой билет и он, в свою очередь оказавшийся в другой моей руке, в результате наших совместных усилий получил теперь точно такую же возможность разойтись по всем швам.

Мешочница все еще не теряла надежды, что я ей отслоню хотя бы два пятьдесят, но по моим расчетам она мне была еще должна пятьдесят шесть копеек.

Водитель уже не на шутку обеспокоился и, высунувшись из кабины, выругался матом.

На мешочницу это подействовало отрезвляюще. Её подруга (с какими-то непомерными бидонами) внимательно следящая за нашим поединком со своей скамейки, подволокла ей мешки, и, судя по округлости выпираемого продукта, скорее всего это были мешки с капустой (а если, например, картофель, то конфигурация мешка, соразмерно плотности его заполнения, уже совсем другая), в то время как сама мешочница, выпустив, наконец, из своих разжавшихся пальцев десятку, выхватила у меня из разжавшихся в свою очередь моих пальцев билет и, уже находясь на подножке, стала проталкивать в набирающий ход автобус своё богатство.

Я поглядел на уплывающие следом за автобусом клубки пыли и засунул отвоеванную десятку в карман.

БОГДАНОВ ИЛИ АРОН

(придуманый и продуманный мной на лавочке автовокзала поселка Палатка вариант, согласно которому я буду потом подбивать все свои реальные действия, а когда всё случится на самом деле, то получившийся результат сравню с запрограммированным вымыслом и скорректирую)

Обнаружив на самом склоне сопки два предназначенных для приема небесной информации радара и взяв их за ориентир, я двинулся прямо на них (я эти космические тарелки запомнил еще из пришвартованного к подножью сопки газака в то утро, когда почти совсем бесчувственного, после визита к друзьям народа и бурных Зоиных проводов Коля Петров забрасывал меня на Буюнду, уткнувшись в свой рюкзак и вцепившись в Лёшкину гитару, я в не совсем адекватном состоянии остался вместе с шофером, а выскочивший из машины с бумагами в руках Коля рванул по деревянной лестнице наверх).

И не успел я еще подойти к ступенькам, как на крыльцо, расположенное на уровне примерно второго этажа без всякого намордника выскакивает похожая на Светкиного пса кавказская овчарка и вместо приветствия с каким-то неожиданным остервенением (словно заподозрив во мне заброшенного товарищем Горбатых шпиона) с клочущего от негодования лая уже переходит на хрип, и, точно откликнувшись на серенаду облаченного в сомбреро влюбленного в изящных джинсах и в такой же джинсовой курточке немного похожая на молодую Нину Ивановну выходит фигуристая девушка.

Я задираю голову и, тщетно пытаюсь перекрыть предназначенное мне хриплое приветствие, «возвышаю свой крик»:

– Скажите пожалуйста, могу ли я увидеть Сергея Ивановича? У меня к нему предложение... Я к вам со станции Буюнда...

Настаивающий на «профилактической беседе» бдительный Карацоба все продолжает остервенело надирать, а вышедшая на крыльцо похожая на молодую Нину Ивановну красotka хватает его за ошейник и со словами «Мухтар, фу! Нельзя! Я кому сказала, фу!» внимательно оценивает мой облик и, не обнаружив во мне ничего подозрительного, наперекор яростному сопротивлению своего четвероногого питомца, гостеприимным кивком приглашает меня подняться.

– Сергей Иванович, – сообщает мне магаданского разлива доморощенная Кармен, – уехал в Магадан на совещание, – и, наконец, утихомирив своего всё ещё нервно рычащего представителя Фемиды, поворачивается к «дверному косяку», – Саш... слышь... а Саш... тут человек... приехал... с Буюнды...

Миновав заваленный кучей связанных за отвороты резиновых сапог тамбур, я заворачиваю в коридор и захожу в заставленный сплошными стеллажами и картотеками кабинет с малогабаритным холодильником и, как и положено в таких кабинетах, красующимся на тумбе в аляповатой узорчатой вазе букетом искусственных гладиолусов; за письменным столом под коллективным портретом сборной СССР по хоккею со вскинутым трофеем – кубком чемпионов мира –

в белой рубашке и в галстук с висящим на спинке стула клетчатым пиджаком сидит молодой человек, похожий на передислоцированного сюда с экрана телевизора капитана команды весёлых и находчивых.

Перед «любимцем публики» в окружении отчетной документации стоит последней конструкции счетно-решающий прибор (еще, правда, не Минск-22, но уже и не арифмометр) и с современным циферблатом совсем не допотопная походная коробка из кинофильма «Падение Берлина»; на исполняющем обязанности крючка моржовом клыке над нерпичьим воротником красуется пятнистое кепи.

– Александр... – молодой человек непринужденно приподымается и, удостоив меня рукопожатием, стискивает мою ладонь. И на его среднем пальце сверкает точно такая же печатка, что украшала пятерню моего комсомольского доброжелателя Игоря Кузьмина.

– Анатолий... – и, как-то лихорадочно мельтеша, я безуспешно примериваю всё так еще и не оформившуюся в недрах гортани свою застрявшую первую фразу.

– Сергей Иванович будет только в пятницу, но если у вас к нему что-то срочное, то я вас могу с ним соединить...

– Вообще-то... – бормочу я, – пока ещё не срочное... я вам сейчас все объясню... мы... понимаете... со своим напарником... возводим для подвесного моста опоры... и я хотел бы вам предложить... забетонировать ручей...

– Забетонировать ручей?.. – все еще не врубившись, повторяет за мной, деликатно улыбаясь, «любимец телезрителей».

– И еще, – уточняю, – оборудовать пост...

– Я вас, простите, не совсем понимаю... Вы случайно не от Святополка Игоревича?

И в пику неожиданно заинтересовавшемуся моей неординарной идеей неведомому мне Святополку Игоревичу перевозку стрелки на поручившего моё гидрологическое становление Коле Петрову Арона.

– Я, – говорю, – от Арона Израилевича...

– От Арона Израилевича?.. – его деликатная улыбка тут же сходит на нет и уступает место уважительному недоумению, – вы лучше вот что... разумнее всего будет дождаться приезда Сергея Ивановича. Вот вам пока наш телефон и вы нам сюда в пятницу обязательно позвоните. – Выдвинув из стола ящик, он протягивает мне свою украшенную золотистыми вензелями визитную карточку и, одарив меня все тем же крепким рукопожатием, дает мне понять, что наш разговор, хотя и завершен, но, тем не менее, он лично не теряет надежды, что следующая фаза наших взаимовыгодных переговоров совсем не за горами.

Уже спустившись по лестнице, я вынимаю из целлофановой обертки аккуратную карточку и читаю:

*Старший бухгалтер Хасынской районной метеостанции
Александр Сергеевич БОГДАНОВ
Рабочий телефон 4-17-43*

И тут до меня вдруг начинает доходить, что это родной сын самого товарища Богданова, а похожая на молодую Нину Ивановну девушка (с учувшим во мне вражеского лазутчика разнервничавшимся Мухтаром) скорее всего его родная дочь.

(И в этом месте мой «облитый слезами вымысел» планирует с высоты птичьего полета и уже на земле обретает вполне реальные очертания)

ДВА ЗАЯВЛЕНИЯ
(или ПОСЛЕСЛОВИЕ к моему облитому слезами вымыслу)

И тут меня вдруг осеняет.

Обогнув бензоколонку с растянувшейся чуть ли не на полкилометра едва ползущей очередью самосвалов и дальнобойщиков, я, наконец, натываюсь на почву.

Я хватаю лежащий на стойке бланк и, потюкав чернильницу, вывожу:

*Начальнику Хасынской районной метеостанции
Сергею Ивановичу Богданову
Директору Магаданской областной обсерватории
Арону Израилевичу Кузнецову
от техника группы аэрметодов
Анатолия Григорьевича Михайлова*

Заявление

Прошу с 15 августа 1973-го года оформить мне перевод (в должности наблюдателя) с метеостанции Буюнда на метеопост Хасын

*подпись
14.08.73*

Хватаю еще один бланк и, по новой потюкав чернильницу, лишь изменив порядок объектов назначения, дублирую всё тот же самый текст:

*Директору Магаданской областной обсерватории
Арону Израилевичу Кузнецову
Начальнику Хасынской районной метеостанции
Сергею Ивановичу Богданову
от техника группы аэрметодов
Анатолия Григорьевича Михайлова*

Заявление

Прошу с 15 августа 1973-го года оформить мне перевод (в должности наблюдателя) с метеостанции Буюнда на метеопост Хасын

*подпись
14.08.73*

И оба этих заявления, преследуя открывающуюся с противоположных сторон одну и ту же перспективу, будут перекрёстно друг друга дополнять. И теперь, если меня Арон спросит, так в чем же, Анатолий Григорьевич, дело, я сразу же сошлюсь на Сергея Ивановича: мол, это и есть то самое заявление, что я вам послал, уже согласовав с Сергеем Ивановичем свой переход на метеопост Хасын. А если потом ко мне с точно таким же вопросом обратится Сергей Иванович, тогда можно будет с чистой совестью сослаться на точно такую же предварительную договоренность с Ароном Израилевичем.

Конечно, можно было бы накатать оба эти заявления прямо не отходя от кассы и попросить секретаршу каждого адресата завизировать второй экземпляр. Но тогда бы сразу пришлось раскрывать все свои тайны: и о почерпнутом из гидрологического вестника голландском варианте бетонирования ручья, и об уже якобы заготовленном строительном материале, а этого, хотя бревна еще даже не напилены и не обгесаны, но в составе уже потерявших волю к сопротивляемости всё еще кудрявых недотрог терпеливо ждут своего возвращения в мой ПОЛЕВОЙ ДНЕВНИК, пока, наверно, все-таки делать не следует. И потом еще не совсем понятно, как к такому стахановскому почину отнесется еще неведомый мне Торопчин и под приправленную крабовым паштетом бутылку «Аралата» не помешало бы с ним провести профилактический тет-а-тет, чтобы он имел стопроцентную гарантию, что никто его не собирается подсиживать. Зато теперь (и это для меня сейчас самое главное) останутся вещественные доказательства, подтверждающие существование этих моих заявлений, причем оба этих документа (и это для меня сейчас тоже крайне важно), будут зафиксированы намного раньше, чем дойдет в Магадан обстоятельный донос моих озадаченных сослуживиц, посланный ими никак не раньше пятницы обычным или даже заказным письмом, направленным сначала с Буюнды в Омсукчан, потом еще как минимум пару дней пролежавшим в Омсукчане в ожидании сортировки и будучи доставленным в Магадан никак не раньше, чем через неделю. И, кроме того, никакая секретарша, сопроводит я предназначенную каждой из них подарочную коробку вишни в шоколаде букетом фиолетовых гиацинтов или даже алых роз, всё равно бы эти оба мои заявления не завизировала.

В позапрошлом году, когда, испугавшись самого факта присутствия среди остальных адресатов доблестной аббревиатуры КГБ, музыкальный редактор на телевидении отказался завизировать мое ОТКРЫТОЕ ПИСЬМО, в тяжелую минуту жизни я прибегнул к точно такой же манипуляции и, посылая уже после этого в качестве штрафной санкции телеграмму Шеленкову, пошел еще дальше. Удостоверившись, что он так и не опустил в почтовый ящик расположенной ниже этажом квартиры № 63 дома №4 по Фрунзенской набережной подписанный (для конспирации) рукой Зоиного Сережи с копией моей «малявы на волю» конверт, я надумал воздать своему бывшему соседу должное (в объяснительной записке я Шеленкова попросил по получении этой моей депеши тут же послать в Магадан телеграмму со словом ПОРЯДОК на имя зафрахтованного мною бомжа, и это будет

означать, что мое ОТКРЫТОЕ ПИСЬМО им передано по назначению; этого бомжа я откопал у нас в гастрономе и в качестве аванса дал ему 28 копеек на пиво; я списал с его паспорта ФИО, и мы с ним договорились, что, когда мне понадобится, то я его разыщу по месту жительства; и через три недели, предварительно побарабанив (условленные четыре стука) на пересечении Портовой и Транспортной в канализационный люк, где моему залегшему до весны «танкисту» еще загорать до начала полевого сезона, я поставил ему бутылку кагора, после чего мы с этим бородатым геркулесом пошли на главпочтамт, но моему теплолюбивому исполнину так ничего и не пришло) и тогда я решил лучшего друга семьи Никитиных окрестить слегка прохуdivшимся, но уже подремонтированным резиновым изделием и, когда телеграфистка мне это сделать воспротивилась, то те же самые два волшебных слова отшвартовал ему заказным письмом с уведомлением о вручении и через две недели получил из Москвы очень порадовавший меня ответ, подтверждающий его собственноручной подписью, что он действительно ШТОПАНЫЙ ГОНДОН.

Телеграфистка отсчитывает мне с рубля 36 копеек, и (точно веточку с двумя лепестками «вашей зелени» для предъявления навалившемуся на меня своей прыщавой скулой Бабону) я запикиваю эти два драгоценных квитка в тайник за обложку паспорта.

ТЕПЕРЬ ЭТО МОЙ КЛЮЧ

Миновал автовокзал и оставив позади поставленные на попа цистерны, я возвращаюсь к истоку своей кручины и в пепельно-буром орнаменте изогнутых коряг на кочковатой поверхности уготованного мне «вместо юга ягеля-моха» расстилаю плащ; вытаскиваю из папки черновика и, подложив под голову рюкзак, скрещиваю у себя на затылке пальцы.

Облака продолжали плыть всё в том же направлении, за сопку, а из низины всё так же тянуло холодом.

Какая-то пичуга, наверно, удивляясь моему присутствию, описала возле меня круг и, набрав высоту, как будто зависнув надо мной в воздухе, вдруг улетела. И это был совсем не воробышек. Воробышек – он ведь серый, а у этой – такая жёлтая грудка.

То ли дело ворона – ворону я бы узнал даже с закрытыми глазами; конечно, если бы она заркаркала. А когда ворона не каркает, то её можно спутать с грачом. Ведь, наверно, не зря Саврасов назвал свою картину «Грачи прилетели». А так бы навряд ли кто догадался, что это у него не вороны, а грачи.

А может, снегирь? Но тоже навряд ли. Снегиря я видел только на витрине. Да ещё вдобавок в клетке. И потом ведь не станут же его ловить так далеко от Арбата. Ну, тогда значит ласточка. Хотя тоже нет. Ласточки летают между домами. А здесь между кустами – кочки.

Когда заходит разговор о ласточке, то мне сразу же представляется

Покровский бульвар, и я, ещё школьник, ближе к вечеру возвращаюсь с портфелем домой (что-нибудь середина мая, и я учусь во вторую смену), и сейчас вот-вот и закрапает; в какой-то тревожной истоме где-то, уже совсем рядом, погромыхивает, а ласточки, как оголтелые, всё носятся и пикируют на протянутые вдоль домов провода.

А может, и не ласточки. Но какая разница? Ну, пускай стрижи... И вот уже капнула первая капля, и сразу же запахло пылью, и как-то всё зловеще притихло... и вдруг, как будто проснувшись, зашелестела, забормотала листва... И тут ведь совсем неважно, осина это или тополь.

Я спустился к воде, и теперь уже облака оказались внизу; запутавшись в водорослях, они медленно наплывали на покрытые мхом островки, из-за которых, завихряясь, всё выскакивали и выскакивали струи; обгоняя облака, струи соединялись в рукава и, словно продолжая спокойную беседу, свободно бежали дальше; встречаясь с камнями, они как будто бы вскрикивали и, переходя на более высокую ноту, белея и искрясь, дробились между валунами.

Раньше я никогда не подозревал, что если слушать ручей совсем близко, то можно услышать столько разных звуков. Всё зависит от глубины. Но теперь я уже знаю, что ручей, если в него как следует вслушаться, это всё равно что оркестр, а каждый в нём камушек – всё равно что струна или клавиша. И совсем напрасно когда-то меня заставляли играть через силу гаммы. Я пришёл сюда сам, и сейчас до моей музыкальной школы подать рукой. А то, что я здесь услышал и открываю, – моя родная речь. Теперь это мой ключ.

ВОРОШИЛОВСКИЙ СТРЕЛОК

Это Клим Ворошилов
и братишка Будённый
даровали свободу –
и их любит народ.
Вл. Высоцкий

Покамест я витал в облаках, автобус на Омсукчан уже успел раствориться в клубках поднявшейся пыли и добираться до Буюнды пришлось на попутке. И мой водила, узнав, что я возвращаюсь на метеостанцию после свидания со своей любимой, поведал мне передающуюся (как потом выяснится) из уст в уста легенду про героя недавно показанного по заявкам телезрителей кинофильма «Тихий Дон» Петьку Мелихова: этот исполняющий обязанности народного мстителя «Ворошиловский стрелок», разочарованный моральным обликом своей хранительницы очага («за то, что, сука, не дождалась из артели старателей своего кормильца, «перепихнулась» с шаркающим у нее под окном «мусором»), теперь отстреливает всех подряд подвернувшихся под

руку оперуполномоченных, но, невзирая на это, его не только никто не осуждает, а даже наоборот – все ему несут самое последнее, а когда, пустив в расход очередного стража порядка, уходит в тайгу, то питается там грибами и ягодами, и все окрестные «искатели» в знак солидарности своему униженному и оскорбленному коллеге организовали ему на сбор калорийного питания благотворительный фонд; и для его поимки из Хабаровска в Омсукчанский район Магаданской области была передислоцирована усиленная пожарной командой краснознаменная дивизия энкэвэдэшников, но ко всеобщему ликованию эта войсковая операция с прочёсыванием на своем пути каждой болотной кочки так и не увенчалась успехом.

Недавно (рассказывает) едет (а у него за спиной прицеп) и ближе к ночи на перевале под прииском имени Гастелло вдруг чувствует, что его походный контейнер не на шутку потяжелел.

Оказывается, Петька. Ну, и пригласил его к себе в кабину. А потом завернули на мерцающий из тумана костерок у стоянки геологов. И те, помимо компаса и спального мешка, преподнесли ему рюкзак с уже разделанной по всем правилам кулинарного искусства рассортированной в облатки из фольги свежей медвежатины.

И даже отказался с меня брать за проезд.

Я вытягиваю из пистона назначенный от своей суженой трюндель, но он уперся рогом и в сердцах чуть ни накинулся на меня с кулаками.

И всё никак не желает успокаиваться:

– Да ты, земля, брось...

Мол, сам подумай: ну какой ещё может быть разговор!

ПО СТОПАМ ИОСИФА БРОДСКОГО И ВОЛОДИ УФЛЯНДА

1

По мнению моего умудренного опытом «землемера и метчика» вырубка таежного леса и переброска по трассе уже обработанных лесозаготовок (в отсутствие заверенной круглой печатью лицензии) замаскированным с каждой корягой свирепым гаишником будет квалифицироваться злостным государственным преступлением.

Ещё задолго до своего марша-броска в Магадан я уже загодя стал продумывать этот возможный вариант и для его предотвращения наметил себе встречу с Главным лесничим Областного Магаданского леспромхоза, чей рабочий кабинет расположен в десяти минутах ходьбы от Зоинного барака, но эта встреча, приостановленная так и не застёгнутым (со второй половины пятницы и до самого рассвета в понедельник) Зоинным халатом, была по не зависящей от меня уважительной причине временно аннулирована.

А с «пьющим росу и зевающим на луну лесовичком» из моей мелодии на слова Глеба Горбовского я познакомился в октябре 69-го, когда после второго триппера и срочного побега на материк мой уже почти пошедший на дно получивший пробоину корабль вернулся в родимую гавань. Выдавая себя за «импресарио» «знаменитого московского художника», я распространял по всему Магадану свою «дурно пахнущую продукцию» и, не обойдя вниманием приемную Главного лесничего, водил у него в кабинете подаренной мне Ларисой указкой, и пришедшиеся ему по душе Толины гравюры «Лошадь» и «Отлет» приправил декламацией своих текстов из цикла «Маяк Севера» (и больше всего ему понравилась зарисовка под названием Петя и Вольдемар, где с развешающимися, точно у Бетховена, волосами приехавший на Колыму налаживать художественную самодеятельность пианист гоняется вокруг стола за стелющей ему раскладушку визгливой коридорной); и он уже было открыл мне зеленый свет на должность курьера, обслуживающего лесные уголья в районе расположенного вблизи поселка Ягодное озера Джека Лондона.

(И сразу же припоминается давнишняя информация нашего Старика о ходящей в те годы легенде про Иосифа Бродского, на пару со своим другом и единомышленником Володей Уфляндом еще в начале 60-х (или даже в конце 50-х) двинувшего в расположенный где-то в районе Медвежьегорска чуть ли не на самой границе с Финляндией леспромхоз, и местного бригадира, очень озадаченного тем, что в его дремучие палестины, замахнувшись на должность лесника, пожаловали два моложавых еврея).

Но в последний момент меня перехватил переманивший обратно в «артисты миманса» на так и оставшуюся вакантной роль «грозы всех местных подрядчиков и заказчиков» Славик Гребенников, и в завершение банковской операции, имевшей место в кассовом зале Магаданского филиала Всесоюзного Госбанка, приключилась моя романтическая история с напомнившей мне бабочку опель-адмирал героиней моей зарисовки «Курочка и Петушок».

ТЕОРЕМА ПИФАГОРА

1

Я втыкаю топор в корневище и, прихватив зачищенную от веток и сучьев лиственницу, мы водружаем её на «верстак». Обязанности верстака исполняет оставшийся от неё пень и ещё один пень от её «соседки по общежитию», уже обработанной Игорьком.

Для определения фронта работы, объясняет мне Игорёк, прежде всего необходимо отгяпать всё лишнее.

Вонзились со стороны комля и, держась за ручки пилы, водим туда-сюда. Я просто держусь, а водит пилу один Игорек.

Отпилили и, откатив, что уже не понадобится, перешли на другую сторону к вершине.

Опять вонзились и опять водим туда-сюда. И опять, что уже не понадобится, откатили.

Игорек вытаскивает из кармана сантиметр и замеряет с обеих сторон диаметры. И тот, что возле комля – приблизительно 25 сантиметров, а тот, что возле вершины – примерно 15. И это означает, что со стороны комля диаметр каждого бревна будет не больше 25-ти, а со стороны вершины – не меньше 15-ти сантиметров.

Длина бревна, уточняет умудренный в этих делах мой напарник, должна быть кратной цифре 2 и, наклонившись к корневищу, протягивает мне своё орудие труда для нанесения засечек.

Я говорю:

– Погоди... – и, повернувшись к висящему на сучке рюкзаку, достаю амбарную книгу.

Вынимаю исполняющий обязанности закладки карандаш и вывожу:

$$\text{площадь } 2 \times 4 = 8 \text{ кв.м.}$$

$$\text{высота потолка } 2 \text{ м.}$$

$$\text{средний диаметр бревна } 25 + 15 = 40, 40 : 2 = 20 \text{ см.}$$

$$\text{всего венцов } 2 \text{ м. (200 см.): } 20 = 10$$

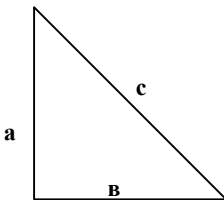
Венец – это лежащие в одной плоскости (и составляющие единый периметр) брёвна.

Количество бревен в одном венце: 2(двухметровых)

+2(четырёхметровых)= 4.

Всего: $4 \times 10 = 40$ брёвен (20 двухметровых +20 четырёхметровых)

Я думал, уже всё, но еще, оказывается, крыша. Совсем про неё позабыл. И значит надо ещё накинуть четырёхметровых (чтобы в начале июня по ним сползал, а может уже и стекал, талый снег), и эти брёвна пойдут на скошенный с обеих сторон (в виде равнобедренного треугольника) чулан, где можно хранить банки засоленных на зиму подосиновиков или опять, а также канистру заправленного клюквой или брусничкой самогона.

Высота от пола до линии перегиба (a) = 1,25 м.

Ширина одной половины (b) = 1 м.

Согласно теореме Пифагора в **прямоугольном**

треугольнике сумма квадратов катетов равна квадрату гипотенузы:

$$a^2 + b^2 = c^2$$

$$a^2 + b^2 = (1,25 \times 1,25 = 1,56) + (1 \times 1 = 1) = 2,56;$$

$$c = \text{квадратный корень из } 2,56 = 1,6$$

Ширина скошенной (на каждой из сторон) крыши (равная длине бревна):
 20 см. (средний диаметр четырёхметрового бревна) x 8 (количество
 лежащих наискосок брёвен) = 1,6 м.

Всего (с обеих сторон): $8+8 = 16$ брёвен

Итого: 40 брёвен (4 стены) + 16 брёвен (чердак) = 56 брёвен

(из них 20 – двухметровых и 36 – четырёхметровых)

2

Сопровождающий извержение свежеспечённых опилок запах древесины. Всё нарастающий и, точно исподтишка, вдруг обрывающийся «вжик» со стуком отлетающей от ствола очередной заготовки...

Всё. Отлетела последняя, и в акватории припойменной террасы встала на рейд флотилия моих бумажных корабликов.

3

Строительным материалом (для нар и для «паркета») с пилорамного участка Магаданского леспромхоза (где кочегар дядя Петя еще с декабря 70-го должен мне рубль) меня с доставкой прямо на ручей обеспечит Лёшка, а запасная буржуйка у него пылится в одной из оранжерей, в которой (направляя по ложному следу Областную прокуратуру) я утаил, навесив им лапшу, что они (взятые на прицел уличившей меня в шарлатанстве «Магаданской правдой» «Мальчики с одуванчиками») уже летят в Ил-18-м над озером Байкал, все сорок четыре Толиных гравюры, обещанные на идеологическую экспертизу товарищу Закевичу, затопавшему на меня сапогами (когда я к ним пришел за Ларисиной указкой). И когда мы с Людкой на пари, кто быстрее сломается, намылились на первую брачную ночь, то Лёшка в этой буржуйке припрятал от Светки пол-ящика с бархатным пивом. А раздвижной письменный стол, на котором вместе с керосиновой лампой будет блестеть кругляшками клавиш конфискованный у мамы УНДЕРВУД, можно приобрести в мебельном отделе универсама ВОСХОД.

И за проделанную работу я пообещал Игорьку отслонить, помимо столника, ещё и висящую у Зои в шкафу Вадикину меховую куртку, в которой меня отмантулили те два амбала, когда в ресторане Северном, вернувшись с путины, я не совсем удачно повсатался к покорившей меня своим декольте Валентине Краснославовне, а в вестибюле Вадикина Тонька, чтоб отбивающие по мне чётку амбалы меня не затоптали, всё ещё кудахтала «Ребята, не бейте... у него умерла мама!

4

Под стрёкот светлячков и мелодичное эсперанто перелетающих с кочки на кочку перепоясанных зелёными кушаками царевен-лягушек ждут своего звёздного часа 56 бумажных корабликов; и если задрать голову, то, приветствуя моё возвращение на Большую Медведицу, плетут свои кружева мои (как сказал бы Валя Лукьянов) КОСМОЯЗЫЧНЫЕ собратья по струне.

5

На Игорьке рыжего цвета роба и за его спиной – на фоне прислонённого к стволу «чахоточной» берёзы спиннинга – стоящее в траве эмалированное ведро.

Игорёк наклоняется к ведру и выуживает из него всегда готовые к труду и обороне два пластиковых стаканчика.

Я разворачиваю пачку галет и, постучав обухом топора по рукоятке открывалки, вонзаю её в банку взятой вчера с боем тушёнки. Банка в мазуте, а купленный в том же продовольственном «Солнцедар», помимо подозрительного цвета, имеет ещё и не совсем приятный привкус. Но в сочетании с пропитанными желе кусочками говядины и намазанным на галету селёдочным паштетом, этот напиток богов успокоительной микстурой обволакивает мой пищеварительный тракт...

Вытерев рукавом прилипшие к подбородку крошки, я выбрасываю пустую бутылку в кусты.

Игорек хватается за ведро и со спиннингом на плече уходит на рыбалку.

А мне поближе к трассе еще предстоит облюбовать с пологим выходом из воды перевал-площадку, куда возвратившийся с рыбалки Игорёк поможет мне сплавить мою стоящую на рейде флотилию.

Выйдя на проезжую часть, я тормозну грохнувший потом бортами еще не загруженный лесовоз и всё своё богатство переправлю в акваторию «светящегося изумрудным цветом льда».

КАК ЭТО ДЕЛАЛОСЬ В ОДЕССЕ

1

После упорных поползновений устроить мне оздоровительный пятый угол и безуспешных попыток уронить меня за борт, выйдя сухим из воды, я, наконец-то, отчаливаю на уже отшвартованном катамаране, и переправившие меня на ту сторону Вера и Наташа в районе сваленной в овраг битой стеклотары сворачивают на створ, а я намыливаюсь на оговоренное накануне с Игорьком в качестве места встречи уже подготовленное к сплаву лежбище своих «бумажных корабликов».

Усевшись на пенёк, я вытаскиваю из рюкзака амбарную книгу и под аккомпанемент плетущих музыкальное кружево своих пернатых поделщиков, фиксирую плывущие в сторону Охотского моря облака, и, убедившись, что со своим ушедшим вчера на рыбалку так и не состоявшимся плотогоном, похоже, мне каши не сварить, шурша осыпающейся следом за мной крупнокалиберной галькой, карабкаюсь на трассу.

2

Покамест не примчался приставленный ко мне Ароном откликнувшийся на донесение обеспокоенных моим непредсказуемым поведением сослуживец Коля Петров, я вношу в свою генеральную линию необходимые коррективы. Перед вручением заветного квитка «вышедшему из окружения партизану», прежде всего необходимо заручиться положительной характеристикой поверившего в меня Арона, после чего не помешает получить директиву на вывоз моего строительного материала самого главного в Магадане «лесовичка», открывшего мне четыре года тому назад зеленый свет на озеро Джека Лондона.

Я выскакиваю из автобуса и, добежав до управления (никем не замеченный) взлетаю на второй этаж. Поручивший меня Коле Петрову Арон уехал на ликвидацию последствий разрушительного паводка, но его миловидная секретарша по имени Вера (совсем недавно срочно выскочившая замуж за вхожего в кабинет товарища Горбатовых пристегнутого ко мне на разработку младшего лейтенанта Комитета государственной безопасности по фамилии Жило), отреагировав на предъявленный мною квиток, документально удостоверяющий потенциальное изменение моего трудового статуса, достает из «папки текущих дел» циркуляр с поступающей корреспонденцией и неожиданно подтверждает, что мое заявление, телеграфированное позавчера с почтового отделения районного центра Палатки, сегодня утром уже зарегистрировано.

... Чуть не столкнувшись с поднимающимся по ступенькам Шкуренкой, я успеваю нырнуть в уже пощелкивающую шарами бильярдную и тут же, не обозначив своего присутствия, из нее вынырнув, залетаю в 45-й; уже в районе прилавка отслониваю пятёрку нацеленной на три бутылки плодово-ягодного подружке нашей Лаврентьевны и забрасываю в рюкзак пузатую ладью сияющего в гордом одиночестве пятизвездочного «Арарата»; закинув в карман 64 копейки сдачи, несусь, не снижая темпа, в сторону ресторана Астры и, огибая наш барак, вбегаю в приемную.

Над дверью в кабинет увитая золотистыми вензелями бирка:

***Главный лесничий Магаданского областного леспромхоза
Василий Иванович Бабушкин***

Ну, слава Богу, ещё не ушёл и, обнаружив на половине светящуюся из кабинета полоску, нажимаю на ручку двери.

С нашей последней встречи прошло уже три с половиной года, но Василий Иванович меня сразу же узнаёт.

(На лычках его кителя, как у работников железнодорожной милиции еще времен товарища Кагановича, разноцветные ромбики, а на груди, как на доске почта у моего «вышедшего из окружения партизана», колодка орденов и медалей. Но, в отличие от товарища Богданова, мне уже не потребуется, «обливаясь слезами над вымыслом», заколдовывать его героическую биографию.)

Вместо зеленого света на озеро Джека Лондона, он предлагает мне теперь должность собирателя коры на 23-м километре в районе Снежной Долины и, вытащив из холодильника баночку лосося разливает мой пятизвездочный «Арагат» по стаканам.

– Я, – улыбаюсь, – Василий Иванович, к вам по делу... – и, развернув амбарную книгу, перечисляю параметры еще стоящих на рейде своих зеленоглазых красавиц...

Достав из папки отпечатанные на «Ундервуде» листы, я угощаю его зафиксированными ещё в Москве своими «Чистыми прудами».

– Вот это, – смеётся, – козлы... – и после бросившихся мне наперерез уже загнавших народ в раздевалку и поваливших меня в сугроб доблестных стражей порядка, ставит на стол бутылку вишневой наливки, а я, порывшись в черновиках, знакомлю его теперь со своей самой последней зарисовкой.

КАК ЭТО ДЕЛАЛОСЬ В ОДЕССЕ

Папа рассказывает про детство: маленький Гриша нашёл на даче клад. Играл с мальчиками в «орлянку». И под конуру закатилась бита. Папа за ней – и вдруг натывается на коробочку...

Мальчики ушли домой, и папа – снова под конуру. Вытащил и принёс бабушке с дедушкой. И оказалось золото. Монет пятьдесят. Наверно, домовладельца.

Бабушка задумалась, но дедушка велел отнести на место – мало ли что? А дядя Саша всё слышал.

Папа отнёс и на следующий день пожалел: надо, думает, взять, хотя бы монетку.

Полез – а под конурой пусто

... Он выдирает из тетрадки чистый лист и сооружает своему корешу такую депешу:

*Лесничему Омсукчанского леспромхоза Николаю Даниловичу Алексееву
Податель сей бумаги техник-гидролог Анатолий Григорьевич Михайлов.
Пожалуйста оформи на его имя для строительства подвесного моста 56
лесозаготовок: из них размером 2м x20 см – 20 экз. размером 4м x20 см –
36 экз.*

*Заранее благодарен.
Жду тебя осенью в Магадане.
Твой Василий
17.08.73*

ПРИВЕТ ОТ КОВАЛЁВА

Спешу тебе сообщить самую последнюю новость – с сегодняшнего дня мой письменный стол приобретает очертания сказочного ковра-самолёта, в результате чего каждый следующий номер ХРОНИКИ ТЕКУЩИХ СОБЫТИЙ, прежде чем поступить в почтовые ящики моих подписчиков, будет теперь мною продумываться:

1. в окружении корзин и мешков на скамейке городского автовокзала
2. на испещренных перочинным ножом неприличными выражениями лавочках под худосочными навесами на автобусных остановках
3. лёжа на траве под молчаливым присмотром обеспокоенных моим появлением царевен-лягушек в тесном сотрудничестве с плывущими за горизонт облаками.

А, например, сейчас я творю своё безобразие в общественной столовой на 432-м километре Колымской трассы и если ещё вчера с видом на подстриженный под полубокс затылок повернувшегося к стене своего товарища по лесоповалу я, сидя на кровати, тюкал по клавишам конфискованного у мамы «Ундервуда», то в настоящий момент я вывожу свои каракули на разлинованной странице амбарной книги, и обязанности моего письменного стола исполняет обшарпанная столешница со стоящим передо мной стаканом клюквенного киселя с оставшимися в алюминиевой миске от уже отобедавших дальнобойщиков кусками бесплатного хлеба и с видом на грудастую повариху, наполняющую при помощи черпака пахучим свекольником выстроенные в ряд тарелки или при помощи деревянной лопатки подхватывающую с плиты пепельно-желтые ячейки приправленной пучками петрушки глазуньи. И если выйти по нужде в промытый ветрами сортир, то в сторону Усть-Неры выстроились в затылок наполненные гравием или щебенкой самосвалы, а в сторону Магадана – груженные древесиной прицепы перетянутых тросами лесовозов, и эти постоянно курсирующие по трассе нарушители моего спокойствия в конечном итоге и стали для меня последней каплей, переполнившей чашу моего терпения.

Моя вожделенная мечта соорудить свой персональный шалаш в содружестве с рассчитывающими на мои мужские достоинства увитыми рельефной мускулатурой напористыми сослуживицами воплотилась для меня исполненным на трубе «танцем маленьких лебедей», в результате чего я принял решение сменить своего непосредственного работодателя, что неминуемо повлекло к переброске уже заготовленного строительного материала на мой (Колымского разлива) Крымский мост, а если учесть, что эта уже восемь лет снятая с меня нерукотворная гирлянда расположена почти в пятистах километрах от метеостанции, то при таком продолжительном марш-броске сразу же встаёт вопрос о государственной лицензии, для получения которой несколько часов назад с запиской от занимающего пост

Главного лесничего Магаданского областного леспромхоза я приехал к его давнишнему корешу дяде Коле, и для предъявления замаскированным за каждой корягой свирепым гаишникам у меня теперь имеется такого содержания документ:

*Омукчанский филиал
Магаданского областного леспромхоза
Настоящая лицензия на транспортировку лесозаготовок в количестве
56 экз. (размером 4м x20 см – 36 экз. и размером 2м x20 см – 20 экз.) выдана
технику-гидрологу Анатолию Григорьевичу Михайлову*

*Круглая печать и подпись
(лесничий Н.Д.Алексеев)*

Но в самый последний момент возникла еще одна незадача: мой многоопытный наставник по художественному выпиливанию и грядущий соратник по надвигающемуся лесосплаву на неопределенное время испарился, а сплавлять в составе одного человека качающиеся в турбулентном потоке кувыркающиеся бревна не совсем сподручно, и по этой причине в качестве спасительной соломинки я неожиданно вспомнил свой романтический вояж, случившийся со мной в 66-м году на территории Иркутской области.

После моего первого изгнания с Колымы папа устроил меня в Москве младшим научным сотрудником Нилнефтегаза имени академика Губкина, и в Восточно-Сибирском филиале этого многопрофильного кладезя советской нефтедобычи на одной из центральных улиц Иркутска в особняке с видом на набережную Ангары я выписывал из всесоюзного каталога номера действующих в Иркутской области скважин и, подставляя глубину бурения в стандартную формулу, вносил в заранее приготовленную таблицу результат; но, не желая каждый день мотаться на электричке в Иркутск и обратно с расположенной у станции Мегет нашей центральной базы (откуда каждый вечер к святящимся на циферблате стрелкам, показывающим над пустынной платформой 20 часов 25 минут, в тоске по 82-му километру Колымской трассы и ограниченному перилами деревянному настилу через уже замерзающую речку я ходил встречать экспресс Москва – Владивосток), с видом на привязанную к осине худошавую козу я снимал в рабочем районе Иркутска за 70 копеек в сутки койко-место, в то время как двоюродный брат Сережи Никитина Витенька (с которым в 62-м году, уговорив две бутылки нашего любимого «Айгешата, мы покупали в Детском Мире родившейся неделю тому назад Олечке коляску и на обратном пути уже под землей на станции площадь Дзержинского, едва не уронив коляску на рельсы, шатаясь под электрическим табло, причёсывались в кривое зеркало) служил в стройбате под расположенным в 50-ти километрах от Иркутска Ангарском; и в одну из июльских суббот я прикатил к нему на рейсовом автобусе в военную часть и, предъявив поднявшемуся из-за стола товарищу майору свой

пропуск в Восточно-Сибирский филиал всесоюзного «Нилнефтегаза», попросил в помощь экспедиции предоставить мне на выходные своего отбывающего воинскую повинность родственника – рядового Виктора Борисовича Стольников. Водя под портретом товарища Брежнева протянутой мне указкой по карте Иркутской области, на акватории Нижней Уды я ткнул в окрашенную зеленым цветом припойменную террасу, где в нашем семейном альбоме на одной из уже пожелтевших фотографий изображён пристроенный к моему плечу на манер трудовой лопаты сачок (для понта взятый мною из Москвы и в районе 4-го или 5-го Братска демонстративно высунутый из нашего полевого драндулета, после чего за такое вольнодумство я получил совершенно справедливый нагоняй от возмущенного моим легкомысленным поведением начальника экспедиции); зафиксированный на этом кадре упитанный молодой человек держит в руке завязанную на тесемки папку (куда заносились фрагменты из так оскорбившего моих товарищей по «Мимике» присланного им уже из Москвы «Полевого дневника»); по единодушному мнению моих тогдашних (и будущих) домочадцев я производил (и буду на них производить) не совсем адекватное впечатление, что годом раньше (неопровержимым поводом для моей госпитализации) подтвердилось заблаговременно оплаченным рецептом случайно забредшего в «наш сарай» «добродушного теленка» в каракулевой папахе и с холодным оружием в своем походном бауле; и в результате его убедил, что «на этом тектоническом разрезе нам срочно потребовалась дополнительная рабочая сила». И товарищ майор, пожелав нам успеха в нашей кропотливой работе, в знак солидарности потряс мне на прощание руку, и с получившим до понедельника увольнение Витенькой мы намылились на автобусе в Иркутск, откуда, под завязку заправившись «керосином», махнули на железнодорожную станцию Листвянка (где у меня теперь на Пушкинской в Питере среди украшающих мою комнату Толиных гравюр радует глаз сфотографированная 52 года тому назад и увековеченная в прошлом году кистью моей Прекрасной Елены нависшая над Байкалом одинокая сосна).

И дядя Коля посоветовал мне проделать тот же самый финт в тутошной военной части в твердой уверенности, что на строительство необходимого для становления народного хозяйства гидрологического сооружения, чтоб не ударить перед покорителями природы в грязь лицом, местное руководство выделит мне в плотогоны бригаду коммунистического труда, сколоченную из самых работящих и дисциплинированных бойцов.

— —

Эту внеплановую депешу отправлю тебе из ближайшего отделения связи. И если всё (включая и распределенную по нескольким конвертам из разных почтовых ящиков предыдущую информацию) дошло, то передай на главпочтамт до востребования ПРИВЕТ ОТ КОВАЛЕВА.

18.08.73

ВОЛШЕБНЫЙ ТРЕУГОЛЬНИК

Я заклеиваю выданные из амбарной книги «секретные» страницы в конверт и, поставив рюкзак на прилавок, смотрю на попавший в поле моего зрения крестик.

– Берите, берите! – не снижая средней скорости конвейера, повариха погружает свой черпак в кастрюлю со свекольником. И не в силах оторваться от волшебного треугольника я стыдливо опускаю глаза:

– Скажите пожалуйста, а где здесь можно приобрести три бутылки водки?

Приостановив автоматическую операцию, девушка заинтересованно оживляется и со словами «одиннадцать пятьдесят» поворачивается к зашторенным у нее за спиной полочкам стеллажа. На занавеске изображена уже знакомая мне по Сашиной любимой пиале цапля: на поляне с «куриной слепотой» воинственная «наседка», склонив свой карающий клюв, берёт на прицел сидящего в траве кузнечика.

Бутылка водки стоит 2-87 и с трех экземпляров набегает навар в размере еще одной бутылки да плюс ещё на сдачу в павильоне нашего гастронома можно приобрести два стакана газировки.

– И ещё мне, – продолжаю, – пожалуйста, три эскалопа и, если можно, то желательно их завернуть...

Девушка переворачивает на электроплите пахучие мясопродукты и, приправив их зеленым лучком, при помощи деревянной лопатки сгружает в сооруженный из рулона обёрточной фольги пакет. И, точно объявляющий в микрофон следующую остановку диктор, сообщает:

– Рубль девяноста.

В мясомолочном отделе один эскалоп стоит 37 копеек и с трех экземпляров набегает навар в размере еще двух эскалопов да плюс ещё на сдачу можно приобрести билет на городской автобус.

Я зачехляю приправленный кусками бесплатного хлеба свой заготовленный впрок провиант и, затянув на рюкзаке тесьму, фиксирую его у себя на спине.

– А вы не подскажите, – возвращаясь на исходную позицию, я опять навожу треугольник на мушку, – как мне добраться до ближайшей воинской части?

И, накидав мне «дорожную карту», работница общепита понимающе улыбается: к защитникам отечества на дружественную политинформацию приехал товарищ по борьбе за мир.

Я выхожу из столовой и сопровождаемый коллективом сразу унюхавших пахучий мясопродукт наших «меньших братьев» (напоминающим приветствовавшую меня в 67-м году кавалькаду, когда после почти трехлетнего перерыва я опять возвратился на Колыму) пересекаю футбольное поле и вдруг замечаю на лавочке «всю ночь гуляющую до утра возлюбленную пару»; сворачиваю на упомянутую поварихой бензоколонку и, оставив позади огороженную флажками груды железобетонногохлама, уже поднимаюсь по ступенькам расположенного в кирпичном каземате генерального штаба.

Под приколоченным над колоннами транспарантом меня останавливает оснащенный холодным оружием крепныш и со словами «Ваши документы!» преграждает мне дорогу.

Я вынимаю вчетверо сложенный бланк и, развернув, предъявляю его в качестве индальгенции своему визави. Бдительный дневальный,водя по камандировочному удостоверению пальцем, замечает на моём документе круглую печать и, сразу же успокоившись, сообщает, что шеф появится на своем рабочем месте ровно в девять ноль-ноль, а через полчаса перед поднятием (открывающим каждый рабочий день) государственного флага, начнётся утреннее построение.

Задёрнув на кармане молнию, я отворачиваю на левом запястье рукав: стрелки часов показывают половину восьмого.

Спустившись на обихожённую керамической плиткой дорожку, я усаживаюсь на парапет, соединяющий «моральный кодекс строителя коммунизма» с гипсовым бюстом Павлика Морозова, и, взяв на карандаш вяло текущую обстановку, точно поставив на предстартовую колодку уже летящий к первому барьеру дрожащий от нетерпения каблук, продумываю название своей будущей зарисовки.

ПЕЙЗАЖ С ХУНВЕЙБИНОМ

Как и положено московскому Спартаку, команду на поле выводит Гусь, и следом за своим капитаном, вода вытянутыми перед собой шеями, подтягиваются и остальные; в акватории лужи «на якорях кувшинок чуть колышетесь стойбище камышей» (в этих краях, как известно, кувшинки не водятся, и это значит, что они мне просто померещились с постоянно снящегося иконостаса развешенных на доске объявлений Толиных гравюр). Заштопанная (крестиками и ноликами) сетка ворот. На штанге сук и на суку, напоминая недоброкачественную петлю, болтается бельевая веревка. На перекладине сидит воробей.

Висящий по соседству с огнетушителем шланг пристроенной к сараю бензоколонки. Напоминая учебно-тренировочный тренажёр для «вздохов на скамейке», похищенные с ПОКРОВСКОГО БУЛЬВАРА лавочки. Вместо кустов сирени на фоне узорчатых решеток – поросший крапивой покосившийся частокол, а вместо дребезжащей по бульварному кольцу Аннушки – фланирующие по трассе лесовозы. И на одной из испещрённых историческими эпитафиями лавочек с венком искусственных ромашек вокруг искусно уложенной косы местная Мисс Интеграл, сидя на коленях местного Дон Жуана, своими нежными дланями обвивает его могучую шею.

Венчая краснознамённую лепнину с поправкой на злобу дня передислоцированный из журнала «Крокодил» транспарант: вместо пузатого дяди Сэма в семейных трусах и в рваных на босу ногу тапочках уже совершенно косою коварный хунвейбин и, взявший супостата на прицел, розовощёкий богатырь в овчинном полушубке и в валенках, как и положено стоящему на страже Родины защитнику отечества, пронзает штыком заброшенного из-за бугра диверсанта.

**МЛАДШИЙ СЕРЖАНТ РЕШЕТНЯК
и ЕФРЕЙТОР КАБАЛАДЗЕ**

1

Сподобивший мне на Байкал моего любимого родственника товарищ майор пошел на повышение, о чем свидетельствует еще одна упавшая на его погоны звёздочка.

На зеленом сукне по соседству с папье-маше отпечатанные на машинке циркуляры.

Я говорю:

– Здравствуйте, я к вам по поручению коллектива нашей метеостанции.

Товарищ подполковник отрывается от бумаг и поднимает на меня глаза. В рязанских васильках характерная для выращенных в условиях вечной мерзлоты кадровых офицеров слегка размытая фиолетовым денатуратом устойчивая свинчатка. Уже подернутая сединой молодцевато взъерошенная шевелюра.

– Мы, – продолжаю, – проектируем подвесной мост и на нашей припоименной террасе случился оползень. И для перекидки строительного материала на новый объект требуется рабочая сила.

Товарищ подполковник одобрительно настораживается и, приготовившись внимательно слушать, заинтересованно застывает.

Я снимаю со спины рюкзак и, развязав на папке тесемки, разворачиваю утвержденное начальником УГМС

ЗАДАНИЕ НА КОМАНДИРОВКУ,
выданное технику группы аэрометодов тов. Михайлову А.Г
на полевые работы на ГМС Буюнда

Товарищ подполковник достает из футляра фланелевую тряпочку и, тщательно протерев запотевшие в оправе стёкла, сосредоточенно шевелит губами.

...Под портретом товарища Брежнева я вожу протянутой мне указкой по карте Магаданской области и, преодолев несколько сантиметров Колымской трассы, прибываю в посёлок Омсукчан.

– Вот, – объясняю, – смотрите, – и, спрыгнув с подножки автобуса, направляюсь к исполняющему обязанности кнехта пеньку. Это река Буюнда. А здесь – наша метеостанция, – и, ухватившись за канат катамарана, переправляюсь на другую сторону. Вот наш ручей, а это 576-й километр. И к Новому году тут будет воздвигнут гидрологический пост.

Теперь разворачиваю полученную на Стрелке лицензию:

Омсукчанский филиал
Магаданского областного леспромхоза

Настоящая лицензия на транспортировку лесозаготовок выдана технику-гидрологу Анатолию Григорьевичу Михайлову

Круглая печать и подпись
(лесничий Н.Д. Алексеев)

Товарищ подполковник наклоняется к стоящему на тумбочке телефону и, нажав на кнопку, просит соединить со своим заместителем по хозяйственной части.

– Здоровеньки булы... – приветствует своего заместителя товарищ подполковник и уже на излёте довольно внушительной паузы расплывается в лукавой улыбке.

– А всё, – хохочет, – темнила, всё строила из себя холостячку... Пришли ко мне Решетняка и Кабаладзе.

2

...Заходит выстроенная друг другу в затылок и тут же перестроенная в шеренгу пара, и одного из вошедших, похоже, я совсем недавно видел.

Белёсой масти и квадратной конфигурации парубок, точно по рельсам вагонетку, выдвигает на товарища подполковника подбородок:

– Младший сержант Решетняк и ефрейтор Кабаладзе по вашему приказанию прибыли!

Товарищ подполковник выуживает из шкафа указку и, повторяя на карте мой маршрут, разворачивает своим подчиненным фронт работ...

– Вопросы есть?

– Всё ясно, всё, товарищ подполковник, понятно! – с оттенком почтительной придурковатости выпаливает продолговатой комплекции чернявый и тощий ефрейтор.

– А это, – уважительно кивает на меня товарищ подполковник, – техник-гидролог с метеостанции Буюнда, и вы сегодня (смотрит на часы) до 19-00 в его распоряжении. Резиновые сапоги и рукавицы получите на складе.

Стоящие плечом к плечу защитники Отечества выдёргивают свои засунутые у каждого за ремень усеянные значками пилотки и, перестраиваясь друг другу в затылок, маршируют на выход.

Товарищ подполковник пожимает мне петушка и, точно выпустив в полёт встающих на крыло еще не оперившихся орлят, с сознанием выполненного долга возвращается к скопившимся на зеленой скатерти указам и приказам.

ДВА НАТЮРМОРТА

1

Верхом на турнике сидит распоясанный рядовой. Его товарищ стоит внизу и держит в руке ремень. Пятиконечной звездой, выложенной на могиле погибшего на Буюнде наблюдателя, на отдраенной мелом пряжке высвечивают серп и молот.

Сидящий на турнике перевернулся и застыл. А тот, что внизу, стоит и смотрит. Тот, что застыл, опять перевернулся и, сгруппировавшись, размашисто спланировал. Выхватывает у товарища свой ремень и,

молодцевато щелкнув пряжкой, прилаживает к гимнастерке. Тот, что внизу, отщёлкивает свой и протягивает его своему товарищу. Подходит к гимнастическому снаряду и пружинисто взлетает. Перевернулся и, перекинув через перекладину ногу, сел.

Верхом на турнике сидит распоясанный рядовой. Его товарищ стоит внизу и держит в руке ремень.

2

Ограниченная красными флажками с разбросанными досками и трубами строительная площадка. Знакомый мне по магистрали на Чукотке теодолит. В мохнатых торбах два бородатых геодезиста.

Тот, что в тельняшке, уже поставил рейку на гравий, а тот, что в бушлате, ссутулился перед теодолитом и, глядя в окуляр, подаёт, прерывисто передвигая ладонь, команды.

Вооруженные лопатами и ломиками будущие хозяева жизни роют котлован.

МЕНЯ ОКРЕСТИЛИ ХОЗЯИНОМ

1

Я сбегая по ступенькам на дорожку и присоединяюсь к откомандированным в моё распоряжение младшему сержанту и ефрейтору. Оба сидят на уже освоенном мною парапете и с нескрываемым любопытством разглядывают неведомо откуда свалившегося со своими бревнами загадочного фраера.

Младший сержант поднимается мне навстречу и, дружелюбно ослабившись, выдвигает на меня свою вагонетку.

– Тарас. – И на правах старшего по званию знакомит меня со своим долговязым товарищем по оружию. – Гиви.

И в звании младшего инженер-лейтенанта запаса, присвоенном приказом МО СССР № 94 от 5 февраля 1963 года, готовый к сотрудничеству со своими младшими по званию новоиспеченными поделщиками я беру курс на выполнение поставленной нам товарищем подполковником задачи.

2

Уже оставили позади турник с сидящим на перекладине распоясанным рядовым и, миновав двух бородатых геодезистов, мы приближаемся к строительной площадке. По её ограниченному красными флажками периметру взлетают вонзающиеся в грунт лопаты и стучат выкорчевывающие мохнатые корневища ломики.

Младший сержант Решетняк подходит к исполняющему обязанности бригадира и, протянув петушка, что-то ему увлеченно втолковывает.

У его собеседника на всю длину погона широкая продольная лычка (у

самого Тараса лычки потоньше, и хотя их теперь целых две, они уже не продольные, а поперечные, а у ефрейтора Кабаладзе – точно такая же и всего одна).

Исполняющий обязанности бригадира отходит от Тараса и, направившись к угловому флажку, начинает внеплановый обход; проходит несколько метров и останавливается напротив чуть ни игрушечного размера копателя. Разгибаясь, миниатюрный рядовой отбрасывает пропитанную глиной и утыканную похожими на дождевых червей корешками трухлявую размазю. Исполняющий обязанности бригадира опускает на плечо своего подчиненного ладонь и до 19-00 передает его в распоряжение младшего сержанта. Напоминая оловянного солдата, разогнувшийся копатель протягивает исполняющему обязанности бригадира лопату и, поправив на гимнастерке съехавшую на бок пряжку, марширует к своему новому работодателю. Присоединяется к нам и, пополнившись еще одной производственной единицей, мы, не снижая выбранного моими подчиненными темпа, слаженным квартетом двигаемся дальше...

Оставив меня в одиночестве, мои спутники скрываются в сарае с надписью СКЛАД, и, прислонившись к штабелю рубероида, я стою и терпеливо наблюдаю...

Вот, наконец, выходят – и каждый в выданных им заместителем товарища подполковника по амурным делам резиновых сапогах, и у каждого – пара полотняных рукавиц. А у меня всего одна – из подаренной мне Игорьком пары после случившегося перед лесоповалом «оползня».

Держа круговую оборону в поединке с решившими сотворить мне пятый угол сослуживцами, свою вторую рукавицу я уронил с катамарана в Буюнду.

3

...Возле пристроенного к бензоколонке сарая у стенда с огнетушителем стоит грузовик. В кабине грузовика, уткнувшись лбом в баранку, озвучивает октаву сошедший с дистанции покоритель серпантина. Через дрожащее стекло слышен его могучий храп.

Тарас снимает рукавицу и в районе отдыхающих на стекле «дворников» наносит несколько превентивных ударов. Тот, что в кабине, размашисто вздрогнув, отрывает свой лоб от баранки и, ударившись затылком о спинку сидения, открывает глаза, и его васильковая синька, в отличие от синьки товарища подполковника, хотя и пребывает все в том же свинцовом растворе, но в силу еще достаточно юного возраста под воздействием фиолетового денатурата покамест не так размыта.

Тот, что в кабине, спрыгивает на землю и, аппетитно похрустев замлевыми суставами, расправляет плечи.

Тарас подходит к сараю и дергает оббитую войлоком дверь – и никакого эффекта. Дергает еще сильнее – но картина не меняется. Перемещается к окну и, размахнувшись, молотит кулаком по раме.

За дверью раздается стук упавшей на пол щеколды. Еще не оклемавшись после «вздохов на скамейке», из сарая выплывает уже знакомая мне Мисс Интеграл (сейчас она без венка и преображенная в шагёр её чудо-коса рассыпана по плечам).

Подчалив к сошедшему с дистанции дальнобойщику, девушка протягивает ему шланг.

Покоритель серпантина откручивает на баке заглушку и, закрутив металлический набалдашник, следит за стрелкой манометра.

Уже заскучавший ефрейтор стягивает с затылка пилотку и, пытаясь ей придать праздничный колорит, меняет местами значки.

– Ну, чё, хозяин, чирик... – добродушно подмигивает мне Тарас (у нас в семье безоговорочным хозяином, или, как его уважительно величают все наши домочадцы, «мэнэджером», почитается Клим Ворошилов и еще так называют папу мужики из кролиководства, когда приходят к нам в Удельной чинить покалеченный нашей домработницей Дуняшей качающий в колодец воду насос).

И объясняет: 95-й подорожал.

Мне не совсем понятно: что означает 95-й, и почему, как любит говаривать мама, «такая баснословная» цифра. Оказывается, бензин. Я выворачиваю пистон и отслушиваю своему предприимчивому подельнику заначенный от своей возлюбленной червонец.

4

Сошедший с дистанции дальнобойщик закручивает у себя на баке заглушку и возвращает даме сердца Тараса уже отсоединённый шланг.

Младший сержант похлопывает свою ночную бабочку по мягкому месту и, улучив момент, шуточно оголяет на её бедре увенчанные кружевными оборочками панталоны. Девушка кокетливо вырывается и, издавая мелодичный визг, убегает к себе обратно в сарай.

Из-под сарая вылезает кошка и, обнаружив на своей территории таинственного пришельца, делает ему горб. Покончивший с наведением марафета ефрейтор отвечает ей реверансом и, прихватив урчащую сотрудницу «вневедомственной охраны», пытается на манер чернобурки ею обвить свою шею (в 66-м году на базе под Иркутском изобразить такой натюрморт мог себе позволить в состоянии алкогольного опьянения гуляющий взрывник).

Не ожидавшая такого поворота потерпевшая делает ефрейтору шип и, разорвав супостату рукав, поспешно скрывается в кустах.

5

Покоритель серпантина распахивает дверцу, и уже поставивший на ступеньку ногу Тарас, точно заманивая в украшенные гобеленами хоромы, приглашает меня и прихваченного на строительной площадке солдата в кузов.

Я ставлю ногу на колесо и, подтянувшись, перемахиваю через борт. И перешедший в распоряжение младшего сержанта копатель котлована следует моему примеру.

Возле сошедшего с дистанции дальнобойщика предусмотренное походным регламентом спальное место. Когда безымянный герой моей клеветнической зарисовки про Дунькин Пуп за рулем, то в это время его сменщик давит клопа. Но если сменщик ушел в запой, то одно посадочное место автоматически превращается в два.

Мотаясь по кузову и периодически натываясь друг на друга, я и мой будущий напарник по сплаву, трясемся, подпрыгивая на колдобинах...

На верстовом столбе Кольмской трассы 576-й километр.

Тарас и Гиви выскакивают из кабины и в знак прибытия на объект выдают на гора несколько прерывистых залпов. Следуя примеру своего товарища по несчастью, я переворачиваюсь через борт и, точно завершая на уроке физкультуры гимнастическое упражнение, спрыгиваю на асфальт.

Покоритель серпантина высовывается из кабины и на прощанье посылает всей нашей четвёрке воздушный поцелуй.

Ломая коряги, мы скатываемся к ручью и, раздвигая ветки, выходим к уже готовой к поднятию якоря моей небесной флотилии.

ОПТИМИСТИЧЕСКИЙ КОММЕНТАРИЙ ИЗ ХИРУРГИЧЕСКОГО ОТДЕЛЕНИЯ ПАЛАТКИНСКОЙ РАЙОННОЙ БОЛЬНИЦЫ

**(куда 22 августа 1973-го года я попаду в результате
дорожно-транспортного происшествя)**

Перечитал вошедшие в амбарную книгу свои последние зарисовки и пришёл к окончательному выводу: из меня никогда не получится профессиональный сочинитель.

И всё-таки чем объяснить: когда изображаешь, например, желающего у тебя узнать, почему у Гитлера было одно яйцо, своего ученика Петю или уволакивающую в омут обхватившую тебя ногами стонущую Зою, то, хотя и чувствуешь себя перетянутым пыльным мешком, но, поймав это ни с чем не сравнимое состояние, ты уже не пишешь, а летишь, и даже не летишь, а паришь на ковре-самолёте. А когда занимаешься сочинительством, то ощущаешь себя обезобразившим резиновый коврик затейником, раскачивающимся на пустынной платформе под Каширой в телефоне-автомате и всё никак не попадающим в заветную десятку уже успевшей выскользнуть из твоих дрожащих пальцев двухкопеечной монетой.

КТО ЕСТЬ – ТОТ НЕ РАБОТАЕТ

1

Белёсый «натуралист» срывает склонившийся над кочкой пушистый одуванчик и, надувая и без того внушительные щёки, выпускает из своей «вагонетки» воздушную струю. Напоминая замахнувшихся на всесоюзный рекорд парашютистов из добровольного общества «Буревестник», тычинки планируют на корягу.

Понравилось. И, повернувшись, озвучивает мне свой мальчишеский восторг:

– Во, бля!.. Не... ты гляди, гляди... видал?

Его чернявый кореш, присев на пенёк, исследует свой разодранный рукав.

– Вот, – сплевывает, – сука!

Откомандированный в аренду копатель котлована, уставившись на сидящую под корягой лягушку, сосредоточенно молчит.

Чтобы достать единственную рукавицу, я наклоняюсь к висящему на сумке рюкзаку и начинаю развязывать намертво затянутый узел. От резкого движения сумок вдруг предательски обламывается и уже на земле, завершая вредительство, из рюкзака выкатывается бутылка.

2

– Ну, чё, хозяин... – глядя на бутылку, загорается энтузиазмом младший сержант Решетняк, – мол, не пора ли для поднятия тонуса прополоскать уже давно пересоший клюв.

– А может сначала поработаем? – я пробую перенаправить в обратную сторону вышитый еще в середине 50-х на мамином кружевном полотенце господствующий у нас в саду незлыблемый лозунг.

Но ефрейтор Кабаладзе со мной не согласен и, вняв предложению своего старшего по званию товарища, приступает к его реализации.

– Э... денег нет – пэ – ра – дай каль – со – ны за два сольди! – склонный к импровизации напористый Гиви затевает эксклюзивный вариант льющей в середине пятидесятых из репродукторов на Чистых прудах в исполнении Ружены Сикоры неаполитанской серенады и, чуть ли не приплясывая, обводит засветившимися «маслинами» посыпанные лучком на блестящей фольге эскалопы.

– Слышь... Кипарис... а, Кипарис... ну, чё ты... в натуре... как не родной... – приглашает на разворачивающееся пиршество своего откомандированного в аренду подчинённого гостеприимный Тарас.

Молчаливый Кипарис отрывается от уже приготовившейся к прыжку лупоглазой царевны и переводит взгляд на переползающего через корягу затоваренного муравья, а уже завершающий зажигательный перепляс хозяйственный Гиви отворачивает на своих сапогах голенища и извлекает перекочевавшие туда из ведерка Игорька пластиковые стаканчики...

3

После распитой бутылки разметавшиеся по зелёной травке два будущих генерала с блаженными улыбками на устах дружно давят клопа. А мы с Кипарисом уже спускаемся к стоящей на рейде флотилии и снимаем с прикола два моих самых первых «парусника».

И не успел я ещё прикоснуться к рукоятке штурвала, как случилось чэпэ: бревно тут же вышло у меня из-под контроля и, потеряв управление, вылетело на стремнину. Но я успел его догнать и, в несколько присестов, оскальзываясь, окоротил. И очень пожалел, что на каждой обесточенной позавчера красавице мы с Игорьком не оставили хотя бы по веточке. И за эту уздечку теперь каждый снятый нами с прикола «рыболовный сейнер» можно было бы вести за «наводящим» без всякого гироскопа. Как за веревку возмущенно блеющую козу или шарахнувшуюся от оглушительного зигзага размашистого кнутовища корову.

Приседая и подлаживаясь под меняющуюся глубину и не давая бревну меня обскакать, я удерживаю свой «быстроходный лайнер» в фарватере. А низкорослому Кипарису (точно «мужичку-с ноготку», сопровождающему «везущую хвороста воз лошадку») все-таки полегче: по крайней мере не приходится так нагибаться.

Настоящие джигиты, объяснил мне три года тому назад сидящий на ящике из-под пива Лёшка, сколачивают из брёвен плот, и управлять им, если позволяет глубина и скорость течения, нужно особой пёхой, но не такой, при помощи которой, раскачиваясь на корме, отпихиваешь трал, а просто палкой и на конце – прибитый гвоздь. Втыкаешь эту колючую хворостину в древесную мякоть – и вся любовь. Но брёвна (и теперь это пришло в голову мне уже самому) совсем не обязательно сколачивать, а при помощи бредня сначала их можно заарканить, а потом, как на картине в Русском музее, тащить, подобно бурлакам по матушке Волге. Мне про такой бредень еще на Чукотке за канистрой «коленчатого вала» рассказывал Юра Удалых, когда, обмывая нашу «Заполярную Венецию», мы проектировали с ним при помощи сброшенных с вертолётa мешков с поваренной солью завалить на Зелёном Мысе «золотую рыбку».

4

На повороте остановились на перекур и, повернувшись (наверно, уже догоняют), ждем, чтобы бросить нашим отдохнувшим стахановцам мою оставшуюся после оползня рукавицу. Но у разомлевших многостаночников, похоже, всё еще тихий час, и под волшебную дудочку приснившегося им на троих птицелова они всё ещё продолжают витать в облаках. А уже на самом финише опять случилось чэпэ: я бросился Кипарису на помощь укорачивать его «быстроходный корвет», и в это время мое бревно, выйдя у меня из-под контроля, опять чуть было ни упорхнуло, и когда Кипарис в свою очередь бросился на помощь мне, та же история приключилась и с моим уже белеющим в Охотском море «одиноким парусом». Но Кипарис проявил

смекалку и к нашим увитым праздничными водорослями «легковесным баркасам», загоняя их в ловушку, успел нагнуть свесившуюся с берега похожую на многоорукую Шиву разлапистую ветвь и вдобавок еще (для расширения образовавшейся запруды) прикатил к ним несколько увесистых валунов. Ну, а потом, поочередно прихватывая их с обеих сторон, уже на суше дотащили до моей перевал – площадки. Сейчас разбудим наших разнежившихся мечтателей и дружным коллективом продолжим в борьбе за переходящее знамя аврал.

Но уже на подходе к мягко-мшистой спальной речки я не верю своим глазам: вместо того чтобы, спустившись к воде, уже включиться в праздничный марафон, наши карапузы поменяли на сто восемьдесят градусов курс и, осыпая шуршащую по склону гальку, карабкаются наверх.

Я кидаюсь им вдогонку и с переходящим на взволнованный шёпот укоризненным бормотанием «Но ведь это же некрасиво! Так товарищи не поступают!!!» взмываю следом за ними.

Выскочив на трассу, я вижу их уменьшающиеся в размерах спины, но, невзирая на прибавленные мною обороты, расстояние между нами продолжает катастрофически расти.

Мне на помощь вырывает грузеный щебенкой самосвал, и, не теряя надежды пристыдить покинувших поле сражения откомандированных в моё распоряжение бойцов, я поднимаю правую руку. Но, оставляя за собой клубки поднимающейся пыли, самосвал пронесется мимо.

Поравнявшись с беглецами, машина останавливается, и младший сержант Решетняк с ефрейтором Кабаладзе задирают свои полученные на складе резиновые сапоги и, ухватившись за борт, переваливаются в кузов.

С «поникшей гордо головой и со свинцом в груди» я плетусь к своему оставшемуся на поле боя «мужичку-с-ноготку» и, скатившись к припойменной террасе, зализываю полученную рану.

Промеж сверкающих обрывков скомканной фольги сиротливо красуется уже абонируемый отрядом насекомых кусок недоеденного эскалопа. А в рюкзаке вместо запрограммированных двух бутылок водки осталась всего одна.

И сразу же припомнился обувший нас с Юрой Удалых после аврала на чукотских помойках, очистивший наши карманы Ваня Келдыш, все-таки позаботившийся о своих ограбленных товарищах и вместе с билетами на самолет оставивший нам, обув нас на 18 с половиной тонн, по полтора рубля на автобус.

А так бы уже в Магадане пришлось бы нам с Юрой тащиться с 56 – го километра пешком.

БОЕВОЕ КРЕЩЕНИЕ

Я придвигаю опущенное на траву бревно к набирающему обороты штабелю и смотрю на часы: на стрелках уже половина седьмого. За два часа мы сплывили 16 брёвен. Четыре ходки или 8 брёвен в час.

Осталось сплавить равно 40 бревен. И где-то в районе полуночи мы выйдем на финишную прямую.

Но не разделяющий обоюдного оптимизма мой напарник обречённо опускает голову: в 19-00 у него построение.

Я протягиваю своему товарищу по несчастью петушка и на прощанье задаю ему (не покидающий меня после приглашения Тарасом на пьянку) вопрос: что означает его загадочная кликуха Кипарис?

И оказалось – **боевое крещение**.

Чтоб новобранец навсегда запомнил **посвящение в воинское братство**, в Красном уголке в качестве теста на профессиональную пригодность под предводительством Тараса и Гиви (дав директиву предварительно разжевать, а потом и проглотить) его попотчевали уже опавшими из кадки двумя пожелтевшими листиками фикуса. А когда новоиспечённого защитника Родины пронесло, то всей казармой сбежались поторчать, как их прошедший испытание на прочность юный сокамерник отскабливает и оттирает своими портянками покрасневший от смущения унитаз.

И, с «растревоженным» (как в песне Владимира Семёновича) желудком, потом, наверно, ещё целый месяц провалялся в лазарете.

Пламенный привет с солнечной Колымы.

Только что перебросивший меня с 576-го километра пустой лесовоз, буксуя и плюясь вылетающими из-под колес ошметками кочек, выехал на 77-й километр Колымской трассы.

Передо мной возле приправленной мостком игрушечной «гирлянды» выгруженный из лесовоза штабель брёвен. Внизу бормочет ручей, наверху чирикают птички. А сам я сижу на пне и, развернув амбарную книгу, пишу тебе письмо.

После моей последней корреспонденции, отправленной тебе четыре дня назад (ПРИВЕТ ОТ КОВАЛЁВА) утекло немало воды, и на висящей в канцелярии Центральной геологоразведочной экспедиции расположенного на 82-м километре поселка Хасын географической карте Советского Союза я еще на несколько сантиметров продвинулся к своей цели.

Заклеив конверт, я приправил три бутылки водки тремя эскалопами, и повариха (о которой ты, надеюсь, успел прочитать) мне объяснила, как добраться до ближайшей военной части, и уже на рассвете, подгоняемый кавалькадой учувшей в моём рюкзаке пахучий мясopодукт стаей приветствующих меня собак я припёрся на командный пункт (или как он у них тут называется генштаб) и, дождавшись начальника, проделал с ним ту

же самую операцию, что и летом 66-го года под Иркутском, но откомандированные товарищем подполковником в моё распоряжение ефрейтор и младший сержант, загоревшись примером кинувшего меня Игорька, после распитой для поднятия тонуса поллитры и прихваченной для полноты впечатления еще одной бутылки, сбежали, и, уже до кучи, на вечернее построение слинял и оставленный мне младшим сержантом в заложники рядовой, с которым из 56-ти бревен мы успели сплавить всего лишь только 16, и здесь случилось непредвиденное: не пожелав меняться местами с причиной, следствие накатило без всяких моих пролитых над вымыслом слёз (о чем идет речь, поймешь, когда прочитаешь мою зарисовку «Я помню тот Ванинский порт...») и когда уже в одиночку я всё никак не мог справиться с уже было пришвартованным, но всякий раз всё выскальзывающим обратно в ручей бревном, с другого берега вдруг нарисовался следивший за моими героическими потугами из-за кустов местный оборванец, и соблазненный обещанной мной бутылкой водки босой и чуть ли не в подпоясанной веревочкой мешковине (в ком я узнал постоянного клиента нашего Игорька, у которого на прошлой неделе за пачку пивных дрожжей мой лесоруб и дровосек приобрел самой последней конструкции набор свинцовых мормышек) выволочив откуда-то из землянки ворох вроде бы непотребного с виду хлама, соорудил из него что-то похожее на бредень (мысль о котором зародилась у меня на пике нашего первого рейса с оставленным мне в заложники рядовым и о котором за канистрой «коленчатого вала» мне рассказывал в моей зарисовке «Шампанское с гарниром» Юра Удалых); и в результате за 5 ходок (по 8 бревен за ходку) все 40 экземпляров обнувшихся в моем «Полевом дневнике» **красными бревнами** плывущих по нашей речке **зеленых лиственниц** без всяких прибитых к палкам гвоздей были сплавлены и пришвартованы к месту назначения.

Ну, а сейчас, как я тебе уже написал, сижу на пне и вспоминаю свой самый последний вояж в свои родимые палестины.

Столетие Ильича. Апрель 70-го. И после моего знакомства с Шурочкой Виноградовой и так и не полученной мной «Красной капли» уже на Хасыне ночной визит к моей палочке-выручалочке (оставлявшей мне под Новый год в кредит до аванса пакетик /150 грамм/ мармеладу и банку /за 44 копейки/ кабачковой икры).

Ее красавица дочь, которой теперь, хотя всего еще только 17, но уже успела сделать от своего одноклассника аборт. Читала (через несколько лет после моей депортации на материк) нашу «Мимику», и ей там больше всех понравился Толя Михайлов.

Решил взять у девушки интервью и по наколке своего соратника по «Мимике» наколол так и не узнавшую своего любимца уже поседевшую работницу общепита и, устроив на лестничной клетке дебош, в сердцах чуть ни оборвал разделяющую нас дверную цепочку.

И хорошо, её мужик (он у нее водитель вездехода) в ту ночь уехал с механизаторами на кабана. А так бы меня, скорее всего, пристрелил.

... На Соловках в районе проложенной сюда еще до войны уполномоченным по правам человека товарищем Гоглидзе узкоколейки (где конвоировавший меня Боря Жуланов, дупцуя по щекам, не позволил мне, чуть не откинувшему коньки «скалолазу», зафиксировать ковшик Большой Медведицы) при выходе из барака заставленный бутылками и закусью длинный стол.

И одна из собутыльниц (как потом оказалось, жена тут же сидящего за столом бородатого геолога) вдруг меня узнаёт – и просто не верит своим глазам.

Такой был всех повеселивший мальчик-с-пальчик, а теперь – пригвожденный на странице «Магаданской правды» к позорному столбу ШАРЛАТАН, торгующий (по мнению автора фельетона) «таящими в себе скрытую враждебность нашим социальным устоям» сомнительными картинками главарь «подпольной банды».

Прижалась ко мне своим горячим бедром, и под управлением взМАХнувшего дирижерской палочкой приютившего меня в тяжелую минуту жизни Эрика неожиданно запели. Я не любитель хорового пения. Но ничего подобного я больше никогда не слышал.

И тут я вдруг понял: ведь это же всё обо мне.

Степь да степь кругом,
Путь далёк лежит.
В той степи глухой
Замерзал ямщик.

И, набравшись сил,
Чуя смертный час,
Он товарищу
Отдавал наказ:

«Ты, товарищ мой,
Не попомни зла –
В той степи глухой
Схорони меня.

А жене скажи
Слово прощальное.
Передай кольцо
Обручальное.

Передай еще –
Пусть не печалится.
Пусть с другим она
Обвенчается.

Про меня скажи,
Что в степи замерз,
И любовь её
Я с собой унёс».

Сейчас разгар сезона и все пока еще не вернулись с поля: а все – это значит один Боря Жуланов. С так и не реабилитировавшим меня за мой «Полевой дневник» Скрипом и с так и не взявшим меня на Омолон и сдавшим товарищу Рябову и товарищу Былине Шпилем я с января 65-го вообще не общался, а Светочка с Махом уже давно с Хасына свалили. Об эмигрировавшей на Полярный Урал открывшей мне глаза на чёрные списки в картотеке товарища Былины Светочке еще в 66-м мне написал в Москву Боря, а с протянувшим в тяжелую минуту жизни мне руку помощи Махом уже после фельетона я встретился в доме №1 на улице Дзержинского в качестве своего пошедшего на исправление заочного подельника. Товарищ Рябов и товарищ Былина для меня теперь вроде стоящих на мосту через Магаданку ледяных изваяний, наподобие стерегущих Красную площадь Минина и Пожарского. А Фавст Максимович с Алексеем Константиновичем так и остались героями законопаченной в сейфе товарища Былины нашей исторической «Мимики».

Это письмо отправлю из первого же не вызывающего подозрения почтового ящика. А всё остальное буду посылать по мере появления хотя бы намёка на абрис едва забрезжившего Ковшика.

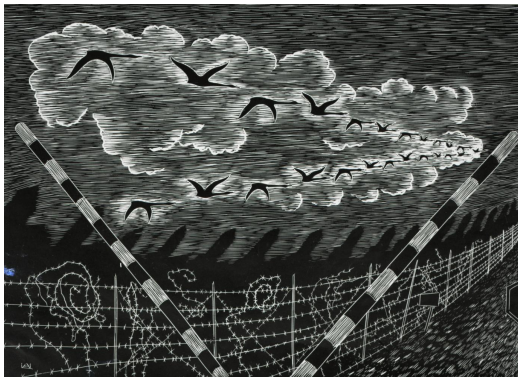
19.08.73

Шестое августа по старому – Преображение Господне

КРАСНОЕ И ЗЕЛЁНОЕ

Когда товарищ Мясников предъявил мне протокол секретной беседы с моими подельниками, то Гена Скиричников охарактеризовал меня щенком, возмнившим себя Наполеоном.

Зато Боря Жуланов оказался ко мне помилосерднее и охарактеризовал меня дальтоником, принимающим зелёную листовницу за красное бревно.

АЛЕКСАНДР ГИНЕВСКИЙ

(Рассказы из рукописи ДУША РАГНЕВАННОЙ МОЛНИИ)

ЗА ЧАШКОЙ ЦЕЙЛОНСКОГО ЧАЯ

(рассказ бывшего клерка компании «Дженкон»)

ЗА ЧАШКОЙ ЦЕЙЛОНСКОГО ЧАЯ

Осенним днём, когда небо над Лондоном казалось огромной серой губкой, впитавшей в себя все дожди мира, на Кемден Таун вешали пирата. По всей видимости, его опознали недавно. Уличная публика, сама не своя до таких зрелищ, плотной толпой обступила высокий помост с мачтой и единственной реей. Толпа кричала, свистела, улюлюкала, словом, всем своим видом выказывала негодование тем, что злодей ещё жив. Его жалкий, задрогавший вид только разжигал её ярость. Я совершенно случайно оказался на площади. Мне хотелось скорее выбраться из этого шума и гама, но я замешкался. По той причине, что я, правда, не сразу, узнал пирата. Среди орущего скопища людей, быть может, не было ни одного человека, кроме меня, который мог бы утверждать, что встречался с ним. Тем не менее, само это отвратительное зрелище внушало мне такую неприязнь, что я старался как можно скорее выбраться. Энергично прокладывая себе путь локтями, я неожиданно увидел лицо. Смуглое, с тонкими чертами, как у какого-нибудь француза гасконца. Большие тёмные глаза и волосы... Густые, вьющиеся волосы! Только теперь они были совершенно седыми. «Господи, – прошептал я, – вот ведь кого следовало вздрнуть на рею, а не того несчастного бродягу...» Внезапное потрясение, видимо, сосредоточилось в моём взгляде: он обернулся. Мы узнали друг друга...

Он стал выбираться из толпы, но делал это без ожидаемой спешки и нервозности. Я последовал за ним. Вскоре мы оказались на тихой безлюдной улице. Я догонял его, а он, судя по всему, не собирался от меня скрыться. Мы поравнялись. Он вдруг остановился.

– Вы Даниэль Пирсон.

В его голосе даже и намёка не было на сомнение.

– А вы...

Я не успел произнести, как он сказал:

– Да, да. Чарльз Фулбрайт. У вас прекрасная память.

Он не назвал своего настоящего имени, что было естественным в его положении. Но мне как-то сразу не пришло это в голову, и я смутился.

Он посмотрел мне в глаза, улыбнулся.

– Мы с вами стоим посреди улицы как два старых дурака. Я живу здесь неподалёку, на Чаринг-Крос. Если вы не возражаете, мы можем посидеть у меня. Выпить по чашке чая. Надеюсь, наши воспоминания будут не менее сладкими, чем сахар...

Его дружелюбный тон рассеял мои сомнения. Кроме того, мне захотелось узнать ряд подробностей, которые приобрели вдруг для меня огромное значение, и прояснить которые мог только он. В конце концов, не он последовал за мной, а я – за ним. Зачем, спрашивается?

Я согласился.

Дом его оказался действительно рядом.

Мы вошли.

Не могу сказать, принадлежал ли дом целиком этому... Фулбрайту, но комнаты, через которые мы проходили, их убранство и мебель говорили о том, что хозяин весьма состоятелен.

Мы расположились за круглым столиком у камина. Правда, надо сказать, что в комнате было достаточно тепло.

Нам прислуживал высокий тощий, как рыбий скелет, старик. Мне бросилось в глаза его длинное, испещрённое сухими морщинами узкое лицо, словно зажатое между двумя седыми щётками неопрятных бакенбард. Невольно подумалось, что он наверняка тоже из шайки морских бродяг, которого выкинуло на берег волной старости. Не исключено и другое: совершенно случайно, по минутной прихоти, он был извлечён из нищеты Гринвичского госпиталя...

Хозяин, занятый своей трубкой, заметил мой пристальный взгляд, и истолковал его по-своему:

– Не обращайтесь на него внимания. Он глух, как могила.

Наконец мой хозяин закурил.

– Сколько мы с вами не виделись? – сказал он.

– Мне кажется, чуть больше тридцати лет, – ответил я.

И мы предалились воспоминаниям.

К старости наша память скудеет, словно ветер времени выдувает события лет и десятилетий. И чем дальше, тем этот ветер сильнее. Но странно, иные мгновения жизни с годами видятся всё ярче, всё отчётливее. И от этого они волнуют сердце, быть может, глубже, чем тогда, когда мы их переживали впервые... События, о которых пойдёт речь, являются для меня одними из таких мгновений. Но сначала мне не обойтись без небольшой предыстории. Её можно было бы опустить, но тогда не до конца был бы ясен смысл моей встречи с Ричардом... то есть с Чарльзом Фулбрайтом.

Итак. Я начал свою самостоятельную жизнь клерком. Самым последним клерком компании «Дженкон». С утра до вечера я склонялся над узкой конторкой, и моё перо с утра до вечера переводило чужое богатство в бесконечные цифры с нулями. От постоянного недоедания я сам походил на цифру «2» – тощую и суголую, если её написать без нажима. Порою мне казалось, что я навсегда пригвождён к этой конторке со скучными бумагами. Чернила, казалось, до конца жизни так и будут оставаться грязными пятнами на моих руках. Но мне было восемнадцать лет! И когда мне удавалось на несколько минут отлучиться от своей конторки, я спешил вниз, к пирсу, к пакагазам, над которыми покачивались клотики корабельных мачт. Горы ящиков, бочек, чайных кип окружали меня со всех сторон. И я с жадностью вдыхал их аромат, рисуя в своём воображении далекие сказочные страны. Даже прохладный, чуть затхлый сырой воздух Темзы не мог справиться с этими тонкими волнующими запахами. Какой-нибудь обрывок манильской бечевки, полу истёршийся ярлык, заставляли сильнее биться моё сердце. Молодость окрашивала мои смутные предчувствия в светлые тона радости.

Не удивительно, что при первой же возможности я, как и многие мои сверстники, не задумываясь, бросился в объятия своей судьбы. Я покинул туманные берега родины в поисках счастья и средств, которые бы обеспечили мою жизнь в будущем.

Здесь не место рассказывать о восторге, испытанном мною во время путешествия, и от встречи с экзотической природой острова, куда я прибыл. Моя новая жизнь началась на Цейлоне. Мне повезло. Через пять лет я состоял при губернаторе сэре Олдинге, и ведал всеми почтовыми операциями острова. Через пять лет мне было предоставлена возможность посетить родину. Я ею воспользовался. Тем более что я наконец-то мог повидать своих родителей. Мне не терпелось увидеть их ещё и потому, что с некоторых пор я был в состоянии им помогать. Иными словами, мне было приятно предстать перед родителями возмужавшим, прочно стоящим на собственных ногах.

Мы должны были выйти в море из Тринкомали на почтовой бригантине «Лаун Стар», принадлежавшей Ост-Индской компании. В это время в порту загрузили чаем барк «Кейп Лизард» той же компании. Предполагалось, что оба судна выйдут в море одновременно и весь путь проделают вместе.

Получилось так, что нам необходимо было взять небольшой бочонок с золотом и драгоценностями из резерва банковских накоплений. Золото – в виде маленьких слитков и монет на сумму девяносто три тысячи фунтов стерлингов. Алмазы, рубины, сапфиры, изумруды – на пятьдесят пять тысяч. «И того» – как записал бы я в свою бытность клерком – на сумму сто сорок восемь тысяч фунтов.

Золото и драгоценности, гораздо в большем количестве, принято было отправлять с военными судами. Нападение пирата на такое судно практически исключалось. Что же касается нашего случая, то необходимо сказать следующее: во-первых, это был всего лишь один небольшой бочонок. Во-вторых, содержимое бочонка принадлежало колонистам, которые сравнительно недавно прибыли на остров. Многие из них спешили первые свои деньги отправить на родину, чтобы вложить в какое-нибудь основательное дело, или же спрятать понадежнее, скажем, положить на счёт в Английский банк. Иные желали дать понять своим родственникам, что они не пропали, и что вот неоспоримое доказательство их начавшегося процветания. Одним словом, всем этим людям не терпелось отправить накопленное, а заход военных судов в ближайшее время не предвиделся. Так или иначе, бочонок надо было доставить в Англию. Но как его спрятать на судне? И на каком? На почтовой бригантине – слишком безрассудно. На этих судах частенько оказывалась малая толика денег, и пират, наткнувшись на него, не упускал случая поживиться и этой мелочью.

Посоветовавшись с сэром Олдингом, мы поступили так. Вскрыли одну из чайных кип. Аккуратно спрятали бочонок в сердцевину кипы. Поверх серого холста нанесли полосу чёрной краской. Узкая полоса, шедшая от середины кипы, напоминала упаковочную бечёвку и совсем не бросалась в глаза. Под моим наблюдением кипу вместе с другими погрузили на барк. О том, что это за кипа, не знал даже капитан «Кейп Лизарда». С нашей стороны это было

естественной мерой. К тому же, барк, груженный одним чаем, не представлял для пирата особого интереса. Следует сказать, что прятали в кипу бочонок я и капитан «Лаун Стар» Джек Флумен. Других свидетелей при этом, кроме сэра Олдинга, не было. Что же касается репутации Джека Флумена, то она была безукоризненной. Сам губернатор не раз говорил мне о своей привязанности к этому человеку. Он уважал в нём прекрасные знания морехода и его порядочность, которую особенно оттеняла суровая немногословность.

Погрузка была закончена.

12 июня 1853 года оба судна подняли паруса и вышли в Бенгальский залив.

Море встретило нас сильной зыбью. Дул юго-западный муссон.

Мы взяли курс к родным берегам.

Из пассажиров на борту «Лаун Стар», кроме меня, было ещё семнадцать человек. Все они по разным причинам спешили домой.

В первые дни мы много говорили о пиратах. Ещё на острове я знал имена самых отвратительных. Одно из них: голландец Якоб ван Лехт. О вспыльчивости этого деспота, о его бессмысленной жестокости ходили легенды. Он мог налететь даже на рыбацкую лодку туземцев. Смять, сломать её своим форштевнем и оставить на погибель ни в чём не повинных людей, по несчастью попавших ему на глаза. Говорят, это доставляла ему удовольствие. Не зря его судно называлось по-английски «Имплейкебл Кем». В конце концов он разбил его, налетев на рифы. Теперь у него было другое. Называлось оно «Лолита».

Много слухов ходило и о разбойнике, к стыду англичан, нашем соотечественнике, Ричарде Хаксли. Он носился по южным морям на своём быстроходном трёхмачтовом «Тони Фокс». Говорили, что его команда состоит из людей невероятно огромного роста и могучего телосложения. Один их вид наводил панический ужас. И самым маленьким среди этих великанов был он сам. Но о жестокости Хаксли говорили мало. Упоминались и Кеджит, и Голдсмит, и Шеппард, которые в погоне за золотом и дурной славой тоже промышляли морским разбоем.

Подобные разговоры меня очень волновали. И оно понятно. Ведь я был молод, я не принадлежал к загадочному для меня племени моряков, и лишь второй раз находился во власти безбрежной стихии моря. Мне хотелось ещё раз испытать настоящий шторм. Быть может, чуть посильнее, чем те несколько, что я испытал когда-то. Хотелось, хотя бы издали, увидеть судно пирата... Разумеется, вслух я об этом даже не заикался. Тем более, что наш капитан всячески избегал этой, как он говорил, «бессмысленной и пустой болтовни». В конце концов «болтовня» прекратилась. Она была вытеснена воспоминаниями о доме, о родных и близких. У каждого на языке вертелось много мельчайших подробностей, связанных с домом. Теперь эти милые пустилки обрели для нас всех тайную притягательность. К тому же, в пути люди особенно разговорчивы и откровенны с теми, с кем предстоит расстаться. Кого мы потом уже, быть может, больше не встретим.

Полушутливые воспоминания подогревали наше желание скорее

вернуться, скорее увидеть родные туманы. Здесь – в южных широтах они казались нам прекраснее чистого безоблачного неба над головой.

«Лаун Стар» шла впереди барка, в прямой от него видимости. Разумеется, мы постоянно досаждали нашему суровому капитану просьбами «прибавить парусов». Иногда удавалось его уговорить. Тогда ставились лисея вниз и на марсе. Ветер заметно подхватывал бригантину, мы улетали далеко вперёд. Потом Джек Флумен приказывал лечь в дрейф, пока не появится на горизонте барк.

Тут, пожалуй, надо сказать следующее. Обычно самый первый чай очередного урожая вывозился с Цейлона скоростными клиперами. Узкотельными четырёх - пятимачтовыми красавцами, достигавшими берегов Англии за восемьдесят – девяносто дней. Они мчались по гребням океанских волн в огромном облаке своих парусов. Их окрыляла надежда получить солидную премию за небывалую скорость. В этом отношении «Кейп Лизард» значительно им уступал. Даже «Лаун Стар» могла двигаться гораздо быстрее, чем он.

Наше нетерпение возрастало. Росла и уступчивость капитана. С каждым разом мы отрывались от барка всё дальше и дальше. И вот однажды мы лежали в дрейфе, ожидая подхода барка. Стоял на редкость тихий и солнечный день. Кто-то с тревогой в голосе крикнул:

– Смотрите!

Оттуда, куда он показывал, шло судно. Оно шло со стороны, наперерез нашему курсу, потому вряд ли могло быть барком. Несмотря на очень слабый ветер, оно подвигалось с хорошей скоростью.

Наконец капитан Флумен опустил подозрную трубу.

– «Тони Фокс», – сказал он.

Меня поразило хладнокровие, с каким он произнёс эти два слова. Всех нас они привели в глубокое уныние. «Моё дурацкое желание увидеть пирата, кажется, исполняется...» – с мрачной усмешкой подумал я. Признаться, вскоре я вздохнул с некоторым облегчением. Почему? Во-первых, у нас на борту не было золота и драгоценностей. А в кассе почтовой каюты имелось всего несколько сот бумажных фунтов. Во-вторых, если верить слухам, что главарь шайки морских разбойников ещё сохранил человеческий облик, то мы, так или иначе, останемся живы. Впрочем, кто знает, что у него может быть на уме...

Пират подошёл уже почти вплотную. Вдоль его бортов и на вантах мы увидели настоящих головорезов. Они были действительно нечеловеческого роста, и это действительно производило впечатление. Мы застыли, словно кролики перед удавом.

Послышался грохот абордажных багров, сбросили штормтрап и, наконец, мы увидели самого главаря.

Почему-то принято считать, что у истинного пирата отвратительное лицо злодея. Один глаз непременно выбит, и вместо него виднеется чёрная засаленная повязка. Какой вздор! Тот, который предстал перед нами, казался благородным юношей с прямым открытым взглядом, по воле рокового случая

оказавшимся в толпе белокожих дикарей. Густые волосы, чёрными, как смоль, кольцами, словно кипели на его маленькой красивой голове. В улыбке пирата должно быть что-то мрачно-жестокое. Но когда улыбнулся капитан «Тони Фокс», к нам всем пришло физическое ощущение собственного тела. Тем не менее, никто из нас не ответил на его приветствие.

По лицу Хаксли пробежала хмурая тень. Маленькая рука сжала эфес шпаги и тут же его отпустила. Он справился с внезапно охватившим его гневом, но больше уже не улыбался.

Ричард Хаксли – это был он – мягко, по-кошачьи спрыгнул на палубу нашего судна. Казалось, его прыжок должен был послужить сигналом к тому, чтобы его люди начали привычную для них резню. Но за Хаксли последовал лишь один из громил с пистолетом и большим кривым ножом за поясом.

Они двигались по палубе, и было ясно, что они хорошо знали, куда и зачем идут. Неожиданно меня осенило: да они направляются к каюте с почтой!

Зачем я это сделал? Почему?.. Не знаю... Но я выхватил шпагу и, как мне показалось, через секунду был у входа в каюту. Я раскинул руки, всем своим видом давая понять, что скорее расстанусь с жизнью...

За несколько шагов от меня они остановились. Верзила дикарь вопросительно посмотрел на своего хозяина.

– Убери, – спокойно сказал Хаксли.

Головорез сделал шаг и тут я ударил шпагой плашмя по его омерзительному лицу. Разве мог я тогда предполагать, что когда-нибудь эта отметина позволит мне узнать его... Почему я его не проткнул? Видимо, не совсем ещё потерял голову. В противном случае это для всех нас могло кончиться печально. А в то мгновение, когда я его ударил, он даже не схватился за лицо. Он протянул свои лапы, оторвал меня от двери и, прижимая к себе, смял, будто кусок брезента. Я слышал, как трещат мои кости, как по швам расползается камзол. И тут я внезапно затих, словно потерял сознание. На самом же деле оно оставалось ясным. Я неожиданно вспомнил, что в потайном кармане моего камзола лежат важные бумаги. Среди них и те, в которых говорилось о наличии золота, драгоценных камней; кому и какая часть принадлежит. Именно страх перед тем, что эти бумаги могут оказаться в руках пирата, заставили меня прекратить сопротивление.

Вход в каюту был свободен. Хаксли вошёл и захлопнул за собой дверь. Он пробыл там не больше десяти минут. Вышел, за ним последовал его головорез.

Обессиленный, я лежал на бухте каната и видел, как они поднялись на борт «Тони Фокс». Через несколько минут судно уходило от нас в ту сторону, откуда оно пришло.

Немного оправившись, я поспешил в почтовую каюту. Ко мне присоединились несколько моих спутников. Пришёл и сам Джек Флумен. Мы все вместе перевернули мешки и пакеты, старясь найти хоть какой-то след, оставленный Ричардом Хаксли. Наши поиски оказались бесплодными, и мы только терялись в догадках.

Мало-помалу мы приходили в себя после пережитого. Все заговорили нормальными естественными голосами. Стали раздаваться шутки. О моём поступке судили по-разному.

– Как вам не стыдно, Пирсон? Проявить такое мальчишество...

– Убей вы этого бандита, что бы с нами было?.. – говорили одни.

– К счастью, этого не случилось, – отвечал я.

– Напрасно вы осуждаете Даниеля! Он оказался единственным мужчиной среди нас.

– Несомненно! – брали меня под защиту другие.

– В моём поступке действительно оказалось мало благоразумия, – пытался возражать я.

– А всё-таки, – сказал кто-то, – этот Хаксли пор-рядочная скотина, если среди скотов могут таковые быть...

Шутка вызвала смех.

Ни у кого не возникло сомнений, что с барком всё в порядке, что он не попал на глаза этому Хаксли. Что же касается меня, то я, разумеется, испытывал некоторую тревогу. Мне показалось, что и капитан Флумен тоже обеспокоен. Правда, об этом мы с ним не заговаривали.

«Лаун Стар» оставалась в дрейфе на том же месте до утра.

Как только начало светать, мы с Флуменом были уже на мостике. Прошёл час, другой, третий, но никаких признаков приближающегося барка не обнаруживалось. А ведь он должен был нагнать нас ещё вчера. Вряд ли «Кейп Лизард» прошёл ночью мимо, не заметив условных огней на мачтах нашего судна. Тем более что ночь была ясной.

Ждать больше не имело смысла. Я посоветовал Флумену лечь на обратный курс. Мы так и сделали.

Я не отрывался от подзорной трубы, но куда бы ни бросал взгляд, горизонт был чист. «Этот Хаксли вряд ли нападёт на барк с чаем», – успокаивал я себя. Наконец не выдержал и высказал эту мысль Флумену. Тот согласился со мной.

– Это совсем было бы не похоже на него, – сказал он.

Так или иначе, но моим опасениям суждено было сбыться.

В полдень мы увидели первую кипу чая. Её покачивало волной. Она уже погрузилась в воду на треть. Затем мы увидели другую, чуть левее. Затем третью – справа.

Вскоре нашим взорам предстал и сам барк. Более печальную картину для моряка трудно представить: на «Кейп Лизард» не было мачт.

Мы медленно подвигались к барку меж полузатопленных кип. Они обступали нас со всех сторон, как серые осколки льдин.

Я думал о пропавшем бочонке. Сколько горя принесёт эта потеря, сколько рухнувших планов на жизнь, сколько разбитых надежд!.. Та кипа наверняка утонула. Если она и оставалась на плаву, то по сравнению с остальными, не долго. А не могла ли она оказаться в руках пирата? От этой мысли у меня даже начало ломить затылок. Нет, конечно! Такое – не возможно. Ведь о существовании бочонка в море знали только трое. Стоит ли воображать

какую-то совсем уж дикую случайность? Кипа с бочонком наверняка уже на дне океана.

И хоть уверял меня капитан Флумен, что вряд ли такое надругательство над барком мог совершить Хаксли, мне да и другим ничего не оставалось, как считать виновным именно его.

– Каков негодяй!

– Выбросить в море чай, изучечить судно и уйти, не заработав на этом ни пенни?!

– Да, но почему же он с нами обошёлся так вежливо?

– Загадка.

– Ещё не известно, живы ли те, кто оставался на барке?..

Все эти вопросы мучили и меня.

Мы подошли к разбитому судну. Выяснилось, что часть команды вместе с капитаном барка были убиты. Их тела лежали тут же – на искромсанной палубе.

Один из оставшихся в живых матросов произнёс:

– «Лолита».

– Какая дикая случайность! – воскликнул Флумен. Наш капитан был буквально поражён этим известием. – Нам ещё повезло... – добавил он чуть позже.

Как выяснилось, голландец ничего не искал на судне. Он велел команде барка срубить мачты и выбросить их за борт. Тех, кто по его мнению не спешил повиноваться, он прикончил на месте вместе с теми, кто попытался оказать сопротивление. Затем, как бы в наказание, он приказал остальным бросать в море кипы с чаем. Их было слишком много. Вскоре эта забава надоела капитану «Лолиты». Его судно ушло так же внезапно, как и появилось.

Четыре верхних слоя кип оказались за бортом. Та кипа лежала в третьем слое.

Матросы с пострадавшего барка утверждали, что «Лолита», уже было скрывшись, появилась на горизонте снова. На барке решили, что голландец возвращается, чтобы потопить «Кейп Лизард». Судно приблизилось. Но потом, словно передумав, развернулось и ушло.

Да, теперь я убедился собственными глазами в разнице «почерков» двух «рыцарей» морской удачи. Судьбе было угодно, чтобы на своём пути мы повстречали обоих.

«Кейп Лизард» мог продержаться на плаву до первого шторма. Нам ничего не оставалось, как взять на борт остатки команды барка и следовать курсом домой. Но перед этим капитан Флумен сказал мне, когда мы остались с ним наедине:

– Стоит поискать кипу среди плавающих.

– Есть ли хоть единственный шанс? – спросил я.

– Если есть, то, может, сотая часть единственного...

– И всё-таки вы считаете, стоит?

– Стоит. Хотя бы за тем, чтобы потом не мучиться угрызениями.

– Пожалуй, вы правы, – я согласился без всякой надежды.

Мы шли, время от времени меняя галс. Я стоял у борта и вглядывался в проплывающие кипы. Особенно запомнилась одна, разорванная. Аккуратные цибики с чаем плавали совсем рядом с ней. Как утята вокруг утки.

– Пирсон, что вы там ищите? – спрашивали меня то и дело.

Я повторял каждый раз:

– Одну кипу.

– Что с ним?

– Не сошёл ли он с ума? – раздавалось за моей спиной.

– Похоже, что и капитан Флумен тоже...

– Пирсон, возьмите любую кипу на борт, и поспешим домой!

– Кончится тем, что этот голландец налетит, и уж тогда-то не упустит случая отправить всех нас на дно!

– Вместе с той кипой, которую ищет Пирсон...

Я вглядывался в проплывающие кипы до сумерек.

Наступила ночь. Флумен предложил дожидаться утра и возобновить поиски. Тем более что погода благоприятствовала. Я согласился наперекор здравому смыслу.

С рассветом мы снова начали поиски. Как и следовало ожидать, они не принесли ничего утешительного.

Капитан Флумен, казалось, был огорчён неудачей больше, чем я. Но, в конце концов, он положил судно на курс домой.

Ничто нас больше не задерживало, и мы использовали попутный ветер всем своим такелажем.

Иногда, закрывшись в почтовой каюте, я доставал документы с фамилиями владельцев золота и драгоценных камней – богатства, которого для них больше не существовало. Я думал об этих людях с горьким сочувствием.

Дальнейшее наше плавание прошло без всяких неожиданностей. Мы благополучно достигли желанных берегов. Как и представлялось нам четыре месяца назад, пасмурным, дождливым днём мы миновали Орфордский нос и вошли в Темзу.

Вот, собственно, в чём и состоит несколько затянувшаяся предыстория.

...Теперь, по прошествии стольких лет, передо мной сидел Ричард Хаксли. Естественно, я испытывал большое желание выяснить некоторые детали, имевшие отношение к событиям, нами некогда пережитыми.

– Вы не совсем точны, Пирсон, – сказал он, рассеянно глядя, как белесый пар над чаем смешивается с сизоватым облачком трубочного дыма. – Мы с вами не виделись ровно тридцать четыре года.

– Да. Но я бы хотел...

– Золото... Вас интересует то золото и драгоценные камни?..

Я выронил чайную ложку. Она упала на блюдце, чудом его не разбив.

– Да! – вырвалось у меня. – Тот бочонок, что остался на дне океана.

Очевидно, выражение моего лица вызвало у него улыбку.

– Вы думаете? – усмехнулся он. – В таком случае вы заблуждаетесь. Он не утонул.

– Он попал в руки голландца?!

– Не будем спешить, дорогой Пирсон. Вас не удивляет то, что я вообще знаю о бочонке?

Я опешил.

– Да! Конечно! Как?! Откуда вы могли знать о его существовании?! Может, вы узнали позднее?

– Нет. Представьте себе, я знал. С самого начала.

– От кого?! Кто мог сказать вам о нём?

– Джек Флумен.

– Капитан Флумен?!

– Да.

– Но ведь это был... это был честнейший моряк! Я и в мыслях не могу допустить такое. Сам сэръ Олдинг...

– А вы всё-таки допустите, – перебил он меня. – На минуту-то вы можете допустить такое предположение?

– Не могу! И потом, когда вы напали на нас, вы с ним и словом не перемолвились!

– Простите меня, Пирсон, я не нападал. Я подошёл к вашему судну, сделал то, что хотел, и ушёл. И вы правы: я даже не взглянул на Флумена.

– А что вы сделали? Вы говорите: «сделал то, что хотел, и ушёл». Вы оставили записку, письмо?

– Нет.

– Тогда что?

– Не спешите, Пирсон. Вернёмся к Флумену.

– Нет, я не могу о нём плохо думать. У меня нет на то никаких оснований.

– Но всё-таки...

– Хорошо, – после долгих колебаний сказал я, – допустим. Но когда и где он мог сообщить вам о золоте? О том, что оно есть и его отправляют.

– На берегу... Перед вашим отходом.

– На берегу?! Но, простите, Хаксли, вы и Флумен... Что может быть между вами...

– Вы думаете?.. Напрасно. Раз так, мне придётся несколько отклониться. За пять лет до тех событий, о которых мы с вами говорим, Джек Флумен был на «Тони Фокс» моим помощником.

– Вашим помощником?! Не может быть!

– Да. Так вот, присматриваясь к нему, я заметил, что ему очень не по себе находиться в кругу людей, занимающихся разбоем. Будучи воспитанным в семье видной и состоятельной, он тяготился своим положением. Оно было оскорбительным для него. Я знал, что рано или поздно такой от меня уйдёт. И он сбежал. А то, как он оказался у меня на борту – целая история. Но это уже совсем другая история.

– Простите, Хаксли. Он сбежал в Англию?

– Да. В конце концов, он оказался дома.

– И он не побоялся вернуться?

– Я уже говорил: он из очень влиятельной семьи. Любое прошлое ему бы всегда помогли замаять. И потом, его тёмное прошлое, – с иронией произнёс Хаксли, – было слишком безобидным и слишком коротким. Это был порядочный, но изрядно запугавшийся в жизни человек.

Я вспомнил с каким почтением говорил сэра Олдинг с Флуменом о его родителях. Я начинал верить словам Хаксли. Но что-то всё-таки продолжало во мне сопротивляться. Человеку всегда больно разочаровываться.

– Позвольте, Хаксли, – сказал я. – Почему при встрече с вами на берегу, он не схватил вас, не задержал? Ведь это был его долг.

– О! Он хорошо меня знал. На его месте это было бы, пожалуй, слишком рисково. К тому же, между нами были такие отношения... Собственно, говорить сейчас о них не стоит, так как это уже не имеет никакой связи с нашим разговором. Скажу только: Флумен покинул меня в очень трудную минуту. Всякий другой на моём месте непременно бы посчитался с ним. Но я повторяю: у нас были свои отношения...

– Хорошо. Но ведь он мог умолчать. Не тащили же вы его за язык?

– Вы совершенно правы – он мог умолчать. Но я действительно тащил его за язык.

– С какой стати?!

– Видите ли, я знал, что военных судов давно не было. Я знал, что в ближайшее время они не предвидятся. Я предполагал, что назрела необходимость отправить какое-то количество золота и драгоценностей в Англию. Я догадывался, что для выполнения этой миссии, в тот момент, сэра Олдинг не найдёт более достойных кандидатур чем Флумен и вы. В разговоре с Флуменом я исходил из того, что знал, ну и... прибавьте к этому немного наглой интуиции пирата.

– Понимаю. Значит, вы знали о бочонке ещё до нашего выхода в море.

– Знал, дорогой Пирсон! Скажу больше. Эта мысль: спрятать бочонок в кипе с чаем, была моей.

– Вашей?! – внезапно у меня пересохло во рту. Шершавый язык, касаясь нёба, вызывал неприятные ощущения, как это бывает в начале приступа тропической лихорадки.

– Да. Это была моя мысль, – продолжал Хаксли. – И осуществил её Джек. Это вам казалось, что затею придумали сэра Олдинг и вы. В этом случае Флумен сыграл как блестящий актёр. Только он всё-таки немного переиграл. Немного...

– Я вас не понимаю.

– Мы с ним договорились, что кипа будет лежать в самом верхнем ряду. Чтобы мне не заниматься лишней вознёй. Я же не Якоб ван Лехт. Правда, я намерен был всё обставить таким образом, чтобы на Джека не упала даже тень подозрения. Понимаете?

– Да. Но почему та кипа...

– Вот именно: почему та кипа оказалась спрятанной глубже?.. Флумен настоял на этом, стараясь в глазах губернатора и в ваших глазах выглядеть

предельно заинтересованным в сохранении тайны. По отношению ко мне – тут он переиграл. Эта была естественная минутная слабость Флумена. Я его понимаю.

– Значит бочонок попал в ваши руки. Значит барк всё-таки разграбили вы...

– Вы не ошибаетесь, Пирсон. Бочонок оказался у меня. Но барка я и пальцем не тронул. Так же как и не причинил вреда вашему почтовому судну, если помните. Ни один из моих матросов, и я в том числе, не ступил на борт «Кейп Лизарда».

– Да возможно ли это?! – воскликнул я. – Вы знали, что на барке бочонок с золотом и драгоценными камнями. Вы намеревались заполучить его. Бочонок оказался у вас, и теперь вы утверждаете, что не тронули барка!..

– Да. Я это утверждаю. Тут, уважаемый Пирсон, я должен сказать, что вам не повезло. Крепко не повезло! Мне отчасти тоже... Дело в том, что я не успел. На ваш барк первым налетел этот идиот голландец. С таким же успехом он мог налететь на дерево в лесу и вырвать его с корнем, раз оно показалось перед ним. Разумеется, этот безмозглый дурак ни о каком бочонке не знал и не догадывался. Он сделал именно то, что следовало от него ожидать. Фантазия не посещает такие крепкие головы. И то, что он наткнулся на «Кейп Лизард» – чистая случайность.

– Простите, Хаксли, но как же в таком случае бочонок оказался у вас? Ведь та кипа с цибиками чая и с бочонком золота должна была уйти на дно прежде других!

– Вот тут повезло мне. Чертовски! – воскликнул Хаксли. – Вы помните, что мачты на барке были срублены?

– Да, конечно!

– Так вот. Кипа с черным пояском упала на... а, может, быть под неё нанесло волной – большой обломок мачты с такелажем. Мне оставалось только найти. Признаться, я считал игру окончательно проигранной. Но мне повезло во второй раз. И, знаете, я нашёл её скоро. Как видите, я не совершил ничего противозаконного, ни одной человеческой жизни не погубил на сей раз...

– Да-а... Между прочим, команда барка видела, как «Лолита» повернула к ним снова.

– Скорее всего это была уже не «Лолита», а мой «Тони Фокс». Ничего удивительного – «Лолита» им уже мерещилась...

– Теперь мне многое понятно. А ведь мы тоже пытались найти кипу.

– Скорее всего, вы искали, когда её уже не было.

– Вот, значит, как...

– Да.

– Мне вспоминается. Странно... Но я видел искреннюю заинтересованность капитана Флумена в поисках злополучной кипы. Неужели он тут тоже играл?

– Тут он уже не играл, поверьте. Когда он понял, что на барк налетел голландец, он воспрянул духом. Он так же, как и вы, надеялся найти кипу. Уж

будьте уверены, найдись она, он доставил бы бочонок по назначению. Он сделал бы это с гордостью перед своей совестью. Я-то знаю...

Наступило долгое молчание.

Хаксли в очередной раз набил трубку и спросил:

– Неужели вас больше ничто не интересует? Ведь прошло столько лет, – он усмехнулся. – Во мне, очевидно, говорит стариковское желание поделиться прошлым. Тем более что таким прошлым поделишься не с каждым...

– Да, да, – сказал я. – Всё мне теперь понятно. Но какой же был смысл с вашей стороны подходить к нашему почтовому судну? Тем более, что вы не причинили нам никакого ущерба.

– Как же?! – движением руки Хаксли развеял облачко дыма. Глаза его сощурились. – А то, что мой матрос схватил вас, извиняюсь, как щенка, и чуть не переломал вам рёбра?!

– Ну, за это, да и за многое другое, он поплатился сегодня на площади...

– Да. Это он. Жаль беднягу.

– Вы всё-таки не ответили на мой вопрос. В дополнение к нему я вспомнил ваши слова: «Я подошёл к вам, сделал то, что хотел сделать и ушёл...» Так что вы сделали на борту «Лаун Стар», войдя в почтовую каюту?

– А-а, да! – Хаксли улыбнулся. – Тут, Пирсон, вы вряд ли мне поверите.

– Ну, всё-таки.

– Я зашёл и сунул в один из ваших мешков с корреспонденциями письмо. Письмо своей матушке. К сожалению, её уже давно нет в живых...

Признаться, я не поверил.

– И ради одного этого вы подошли к нам?!

– Представьте себе. Не думайте, что я всегда был эдаким дальновидным ловкачом. Случалось и мне оказаться в положении, как говорят французы: «сообразил на лестнице...» Воспользоваться вашим судном, чтобы отправить письмо, пришло мне в голову только в море. Плохим я был сыном – не отрицаю... Сами понимаете, обратись с подобной просьбой к кому бы то ни было, да хотя бы к вам? Сомнительно, чтобы вы взялись доставить письмо Ричарда Хаксли. Не правда ли?..

– Да, пожалуй.

– Ну вот. А обратиться по этому поводу к Флумену у вас на глазах, было бы с моей стороны последней глупостью.

– Да, конечно. Теперь я вот что хотел спросить вас...

– Пожалуйста, Пирсон.

– Я вспомнил ваших бандитов. Эту команду головорезов в восточных шароварах. Где вы подобрали таких громил?

– А-а. Пустое! – Хаксли махнул рукой.

– Ну, а всё же.

– Где и все. В любом порту всегда можно найти несколько десятков пропившихся, сбежавших по разным причинам со своих кораблей, совершивших преступление и скрывающихся от возмездия. Одним словом, таких, которым терять уже нечего, которые готовы на всё.

– Это понятно. Но ваши... это стадо циклопов. Гигантских циклопов...

Хаксли рассмеялся.

– Да, у страха глаза велики. Вы преувеличиваете.

– Может быть. Но в чём тут дело?

– Я их всех поставил на небольшие ходули, Пирсон. Дерево и брезент – всё сооружение! Постоянно тренируя, я научил их забывать, когда надо, что их ноги оканчиваются деревом и брезентом!.. Между прочим, именно поэтому на моей совести, если она только может быть у пирата, не так уж много человеческих жизней. В основном это жертвы собственной неосмотрительности.

Я думал о Ричарде Хаксли, который сидел сейчас напротив меня. Я думал о бесконечных случайностях, которые порою определяют человеческую судьбу. О том, как каждый по-своему, по-своему и неповторимо проходит жизненный путь...

Словно предугадывая мои мысли, Хаксли сказал:

– Я всё ждал, дорогой Пирсон, когда вы наконец зададите вопрос, на который я бы хотел ответить. Я ловлю себя на том, что ещё никогда и никому не отвечал на него. Мои слова звучат странно, если учесть, что мы с вами встречаемся лишь второй раз, а говорим в первый. Но всё дело в том, видимо, что вы, Пирсон, располагаете к себе. Поверьте, это не комплимент. Интуиция меня не обманывает.

Я не совсем был уверен, что он меня правильно понял, поэтому спросил:

– Какой вопрос вы имели в виду?

– Как и почему Ричард Хаксли стал человеком, которому до сих пор приходится скрываться под чужим именем? Короче, как он стал пиратом?

– Да, да, конечно. Именно об этом я думал...

– Так вот. Пожалуй, слишком трудно исчерпывающе ответить на этот вопрос. Пожалуй, я расскажу лишь о толчке, с чего всё началось... В молодости я служил на военном судне. Я был в чине младшего офицера. Надо сказать, что командовал нашим бригом некто Редьярд Овертон. Характером своим он напоминал голландца Якоба ван Лехта. Того самого. Короче, это был такой же деспот и самодур. Разница между ними лишь та, что Овертону ничто не грозило – он был под сенью закона. Что говорить?.. Мы невзлюбили друг друга. При этом Овертон мог на каждом шагу подчёркивать свою неприязнь, я же – не имел права отвечать ему тем же. Признаться, это его развлекало, особенно если учесть мою тогдашнюю вспыльчивость. Со временем я чаще сжимал зубы и терпел, в надежде, что рано или поздно попаду под начало другого человека. Я надеялся сменить судно. Этого не случилось. Вернее случилось, но не так как я предполагал.

Однажды, во время шторма я проходил мимо его каюты. Дверь была открыта. Я не заглядывал внутрь, я только увидел, что дверь открыта и прошёл мимо. «Эй, кто там?!» – неожиданно окликнул меня Овертон. Я вошёл к нему и встал у порога. «А! Это ты, Хаксли!» – сказал он. Овертон был вдребезги пьян. Любопытно, что чаще всего он напивался именно в шторм. Он лежал на полу. Только руки и плечи его опирались на кожаную

подушку, упавшую с дивана. Он с трудом удерживал голову. Глаза его были красными, волосы торчали во все стороны. «Слушай, Хаксли, – прохрипел он, – сходи к моему коку и принеси мне рюмку виски. Мигом, слышишь!» Я бросил взгляд на стол, по которому каталась пустая бутылка. «Там ничего уже нет, – сказал он, заметив мой взгляд. – Там всё. Пусто!» Попробуй, донеси рюмку при такой качке, – пронеслось у меня в голове. «Я вам принесу бутылку», – сказал я. «Нет, ты принесёшь мне рюмку! – рявкнул он. – Ступай! И живо у меня!..»

Мне стоило труда донести рюмку полной. Я шёл, держа в одной руке поднос, в другой – рюмку. Я вошёл к нему. Поставил рюмку на поднос. «Вы просили, капитан...» Он с трудом поднялся на ноги. Сделал шаг в мою сторону и ударом ноги выбил из рук поднос. Он полетел с грохотом в угол каюты. Раздался звон стекла. Лицо моё было в крови. Я почувствовал это не сразу...

Овертон упал, корчась от смеха. Я стоял над ним и смотрел, как его раздирал смех и кашель. Я смотрел, казалось, целую вечность. Но она, видимо, всё-таки истекла, если я схватил его за воротник и бил по этому, уже давно не смеющемуся лицу, казалось, целую вечность...

Кончилось тем, что он меня вышвырнул в ближайшем порту без единого шиллинга в кармане. А куда следовало, он сообщил, что Хаксли смыло волной во время шторма. Такое же известие получила когда-то моя матушка...

Хаксли умолк.

– И, знаете, Даниель, – продолжил он не сразу, несколько оживившись, – Овертон мог поступить со мной куда круче. К счастью, после такой крепкой пьянки он не до конца был уверен, что это был именно я. Вот так всё началось, дорогой Пирсон... Хотите ещё чаю?

– Да, пожалуйста.

– Знакомый аромат, не правда ли?

Я запоздало кивнул головой.

ПРИМЕЧАНИЯ:

Гринвичский госпиталь – богадельня для престарелых моряков в Лондоне.

«Лаун Стар» – одинокая звезда.

«Кейп Лизард» – мыс Лизард – самая южная оконечность Англии.

«Тони Фокс» – красно-бурый лис.

«Имплейкебл Кем» – неумолимый кулак.

Цибики – небольшие коробки чая, которые потом складывали в кипы.

ЭТОТ СТАРЫЙ ЧУДАК ЛЕРГО

– Там ничего нет! Ни капли! – крикнул Ивик, закрывая крышку бензобака.

И тогда раздался голос дядюшки Лерго. Это был не голос. Это был глас. Трубный глас. Так трубили допотопные пароходы лет двести тому назад где-нибудь на Волге или Миссисипи.

– Не может быть! – крикнул дядюшка Лерго.

Он подбежал к машине, оттолкнул острым локтём Ивика, крутнул крышку. Он думал её отвинтить, но на самом деле – завернул ещё туже. Потерпев это маленькое поражение, дядюшка Лерго, озадаченный, вытянулся во весь свой рост телеграфного столба. С этой внушительной высоты он уставился в светлую макушку Ивика вопросительным взглядом.

– В чём дело?!

– Ты не туда крутишь.

– Это почему же не туда?!

Ивик знал: дядюшке Лерго надо дать самому убедиться в своей оплошности.

– Вот попробуй, – сказал Ивик.

Дядюшка Лерго снова накинулся на крышку и отвинтил её.

– Ты был прав, – хмуро бросил он мальчику.

– Я часто бываю прав...

Эти слова дядюшка Лерго пропустил мимо ушей. Он сунул в горловину бака палец, который был не меньше экземпляра атлантической сельди; вынул его и понюхал. Палец пах бензином.

– Ты прав, мальш, в баке нет горючего, – удручённо сказал он.

– Придётся, дядюшка, отложить твою вечернюю прогулку до завтрашнего утра.

– Такого ещё не бывало! – оглушительно пророкотал дядюшка Лерго. – Не бывало и не будет!

– Но ты же сам видишь: у нас нет бензина!

В ответ на это дядюшка бросился в сарай. Там где-то, перепятанная руками тётушки Ленн, должна была быть канистра с керосином. Тётушка Ленн заряжала им примус, когда ей приходило в голову готовить на нём, а не на плите. Сейчас дядюшка пожертвовал бы ужином ради своей обычной вечерней прогулки.

Он притащил канистру к машине и велел Ивику заправить бензобак.

Пока Ивик занимался делом, дядюшка Лерго обмахивался своей дырявой соломенной шляпой, опершись на ржавое крыло Козлика.

Козлик был не просто собственностью дядюшки, он был его радостью. Этот автомобиль с открытым верхом, если можно его так назвать, дядюшка собрал сам. Он собрал его из выброшенных на свалку детских колясок и частей ракет, которые вышли из моды. Так или иначе, Козлик заводился, ездил, поворачивал влево и вправо и, главное, останавливался. Он мог взять на свои сиденья из досок дядюшку Лерго, тётушку Ленн и Ивика – всех одновременно. Следует сказать ещё об одном достоинстве Козлика. Его

можно было заправлять бензином, керосином, соляркой, топливом для ракет, нефтью и даже отстоянной сырой водой. Правда, о том, чтобы заправлять водой, дядюшка Лерго ещё не догадывался.

– Готово, – сказал Ивик.

Мальчик залез в машину и включил зажигание.

В ту же минуту дядюшка накинул свою шляпу на голову Ивика и бросился прочь. Он помчался туда, где по низкой траве распласталась его гордость. Гордость называлась Ласточкой. Но по сути дела это был двухместный планер – существо мужского рода. И если позволительно сравнить планер с тестом, то он был замешан на сосновых и бамбуковых палках, на полиэтиленовой плёнке и мешковине; на стараниях Ивика и на возвышенной любви дядюшки Лерго к полётам. Когда планер был готов, оставалось украсить его борт надписью: «Ласточка». Но в самую последнюю минуту дядюшка передумал. «Нет, Малыш, – сказал он Ивику, – не будем из Ласточки делать рекламный щит». Ивик согласился...

...Не успел дядюшка Лерго вскочить в кабину и одеть мотоциклетные очки, как Козлик подал голос. Это Ивик давил грушу клаксона, предупреждая о том, что вот-вот тронется.

Дядюшка поспешно набивал свою глиняную трубку табаком, закуривал и давал отмашку рукой.

Ивик включал скорость. Толстый резиновый жгут, соединявший Козлика с Ласточкой, натягивался, планер – трогался. Он долго полз по траве с печально-утробным скрипом. В этом звуке, напоминавшем треск разрываемого полотна, казалось, таилась угроза пилоту. Но когда Козлик, окутанный паром и дымом, развивал скорость перепуганного страуса, планер отрывался от земли.

Дядюшка Лерго быстро находил восходящий поток воздуха и приступал к тому, что он называл: «Спокойно выкурить вечернюю трубку». Но перед этим он ещё раз бросал взгляд под крыло. Там, внизу стоял притихший, остановившийся Козлик. А рядом – Ивик. С высоты дядюшка не видел усиженного веснушками, запрокинутого к небу, лица мальчика. Он видел только, как тот машет ему шляпой. И, как бы давая понять, что с ним всё благополучно, дядюшка орал:

– Эй ты, Ивик! Не забудь поставить Козлика в сарай!

...Дядюшка Лерго парил над землёй. Он думал о жизни. О том, как она прекрасна.

Иногда одна-другая искра из его трубки попадала ему за пазуху, но это не омрачало его чудесного настроения.

Вечернее солнце клонилось к закату. Его лучи нежно касались обшарпанных крыльев Ласточки. Внизу, под этими крыльями, простирались родные зелёные холмы дядюшки Лерго. Когда-то эти поросшие травами земли были бескрайними. Но теперь, теснимые растущими городами, они превратились в лужайки. В жалкие остатки былого величия природы.

Дядюшка Лерго бросил взгляд на землю. Туда, где неподалёку от его хижины был маленький виноградник. Дядюшка возделывал его всю жизнь. Плоды этого труда приносили в его дом хлеб и веселье.

Вид виноградника был каплей, которая переполнила душу дядюшки Лерго. Он запел. На земле дядюшка не сочинил ни одной стихотворной строки. Но когда он поднимался в воздух, он складывал целые поэмы. Лишь ветер и Ласточка понимали их смысл до конца. Человеческого уха коснулись бы только обрывки: «Милая, милая Ласточка, твои крылья стали крыльями моего сердца... Мой старый, старый друг виноградник, пусть твои лозы ещё долго тянутся к солнцу... Мы ещё поживём с тобой, поживём и повеселим друг друга...»

И только в сторону Бокомстауна не хотелось смотреть дядюшке Лерго. А ведь это был город, на окраине которого он родился. От некогда маленького пыльного городишки, состоявшего из деревянных домов, остались лишь две хижины. Одна – дядюшки Лерго. Другая принадлежала многочисленной семье Моупсов. Моупсы тоже владели небольшим клочком земли. Они крепко за него держались. Каждый год они распахивали его и сажали только репу. Так делали их прапрадеды, прадеды, деды. Так делали и они. Эта угрюмая, неколебимая верность памяти давно ушедших поколений отличала Моупсов от прочих бокомстаунских обывателей. Все же остальные дома были уничтожены человеческой страстью ломать старое и строить новое. Как курица отряхивает с себя пыль, так и город покончил с древесной шелухой прежних строений. Теперь на их месте возвышались стозажные бетонные коробки. Своими каменными лбами они упирались в небо, будто хотели его проломить и показать своё величие другим мирам.

С борта дядюшкиной Ласточки можно было увидеть, как тучи удушливого смрада вьются вокруг этих серых, чудовищно огромных камней Бокомстауна.

Город и дядюшка Лерго вели между собой великую войну, и потому дядюшке не хотелось сейчас смотреть в его сторону.

Он делал круг за кругом, напевая: «Мой старый виноградник, какое счастье! Какое счастье – мы с тобой живы!..»

И было действительно чудом, что холмы под крыльями Ласточки ещё зеленели. Бокомстаунский Муниципальный Совет не раз выносил решение: «Покончить с этим зелёным безобразием!» Но каждый раз дядюшка Лерго поднимался в небо и бросал в сторону Бокомстауна: «Только попробуйте!.. Тьфу! Тьфу на ваше решение!..» От этих громогласных «Тьфу!» Муниципальный Совет содрогался. Совет знал: от дядюшки Лерго можно всего ожидать. И потом, среди членов Совета были и такие, которые считали, что городу надо иметь «пару лужаек с естественным покрытием». К их голосам приходилось прислушиваться. Всё-таки они не были лишены смысла. И только в одном вопросе члены Муниципального Совета были горячо единогласны: этот допотопный планер, этот образ жизни старого Лерго, один его внешний вид наносят удар по благопристойному лицу Бокомстауна. Воспоминание о дядюшке лишало сна городских обывателей. А каково им было, когда их город наводняли экскурсанты из других, таких же цивилизованных городов? Тогда обыватели всячески старались скрыть от приезжих существование дядюшки Лерго. Но это не всегда удавалось. И когда какой-нибудь из очень любознательных показывал пальцем в небо:

– Смотрите! Смотрите! Что это там за чучело?!

– Это не чучело. Это кусок шифера. Его сорвало ветром с крыши портового пакгауза, – мрачно объясняли бокомстаунцы, давая понять приезжим, что кроме ракетодомов у них есть ещё и морской порт.

Экскурсанты, в своих личных ракетах, стаями, как саранча, налетали на Бокомстаун по весне. Потом осенние дожди смывали эти полчища с улиц города. И тогда городские газеты переходили в открытый рукопашный бой с дядюшкой Лерго.

Самых значительных и авторитетных газет было две. «Сытость» и «Красивая жизнь». Если в «Сытости» появлялась статья «Зловещая тень Лерго», то в тот же день «Красивая жизнь» печатала передовую статью «Он позорит наш город». Так продолжалось до самой весны. До прилёта первой стаи экскурсантов.

Дядюшка Лерго не выписывал ни одной газеты. Но недостатка в них не испытывал. Многие обыватели, потрясённые очередной статьёй, спешили оседлать свои ракеты и мчались к дому дядюшки. Они громко изливали своё негодование, трясли перед его носом статьями и уходили прочь, бросая под ноги привезённые газеты.

Дядюшка деловито сгребал их в кучу и топил ими баню, которая стояла во дворе за сараем, ожидая ремонта...

...Вечерняя трубка была выкурена, и пора было на посадку. Снизаясь, дядюшка Лерго увидел свою жену – тётушку Ленн. Она стояла на высокой куче картофельной ботвы, что-то кричала и грозила небу кулаком. Дядюшка понял, что это касается его. Надо было что-то отвечать, и он протрубил:

– Ты опять вышла без платка! Марш домой! Не хватало мне, чтобы ты простудилась!

Тётушке Ленн было трудно перекричать мужа, и она решила, что сейчас правильнее будет выполнить его наставление.

Дядюшка посадил планер у бани. Он вылез из кабины, снял очки и растёр затёкшие ноги.

– Теперь не плохо бы перекусить, – сказал он, и, словно в зеркальце, заглянул в подслеповатое окошко бани.

На кухне ждал ужин. В том, что он готов, дядюшка Лерго не сомневался.

Он сел за стол, молча взял каравай хлеба и, прижав его к груди, начал резать.

Пробил час тётушки Ленн.

– Где керосин? – спросила она без обиняков.

– А где Ивик? – ответил дедушка.

– Я его накормила и отправила домой. Я спрашиваю тебя: где керосин? – спокойно повторила тётушка Ленн.

Она знала, что только такими незамысловатыми клещами можно было вытащить из простодушного мужа гвоздь правды. И своего она добилась.

– Я заправил им Козлика, – отведя глаза в сторону, признался дядюшка Лерго.

– А ты не подумал о том, что мне пришлось идти одалживаться у Моупсов? Ты что, забыл, что вчера их курица забрела в наш огород?!. Я её погнала прутиком, а Моупсы это увидели. И теперь они со мной не разговаривают. Забыл?..

– Ну, вот! Вспомнила! Завтра наша курица залезет к ним в огород. Они её выгонят, а ты, если захочешь, перестанешь с Моупсами разговаривать. Вот и будете квиты, – рассудил дядюшка Лерго.

В конце концов тётушка Ленн находила такое решение мудрым, и начинала думать о том, за что бы ещё отчитать своего мужа, пока он занят едой.

– Да. Я вот что хотела сказать, – неожиданно вспомнила она. – Приходила мать Ивика. Она сказала, что больше не пустит мальчика к нам. Что ей надоело слушать со всех сторон упрёки...

– Знаю, знаю, – нетерпеливо буркнул дядюшка Лерго. – Сотый раз это слышу. Чего она хочет? Мальчик уже не маленький, понимает, что к чему. Сама знаешь, у нас не мёдом мазано. Ходит, значит, ему здесь хорошо.

– Разве в этом только дело?! Понять не можешь. В школе его клюют как гадкого утёнка...

– Ничего. Малыш умеет за себя постоять. Если бы было не так, его бы давно заклевали. И потом, вспомни: из гадкого утёнка иной раз кто вырастает?.. То-то же...

От этих слов сердце тётушки Ленн наполнилось грустью, и она вздохнула. Вздох этот дядюшка понял по-своему.

– Ведь говорил: не выходи на улицу без платка.

После ужина дядюшка Лерго отправлялся на виноградник.

– Пойду, полежу под лозами, – говорил он.

На винограднике дядюшка проводил все дни с утра до вечера, исключая время воздушных прогулок и прочих хозяйственных забот. Туда же к нему частенько приходил Ивик. Лёжа на шерстяном одеяле, бездельничая, болтая о весёлых пустяках, они наслаждались славными часами отдыха. Разумеется, прежде чем заняться отдыхом, они занимались делом.

Однажды Ивик прибежал на виноградник уж очень чем-то встревоженный.

– Дядюшка Лерго, дядюшка Лерго!

– Что случилось, малыш? Опять?!

– Да, дядюшка! Только на этот раз сам мистер Сфинкс!

– О, черт! – с досадой бросил дядюшка и посмотрел по сторонам: то ли спрятаться в бане, то ли в гуще виноградника?.. Но неожиданно ему пришлось на ум подурчиться, и он бодро произнёс:

– Передай, малыш, что я иду.

Мистер Сфинкс, Председатель Муниципального Совета Бокомстауна; элегантно одетый, с орденом «Поборник Прогресса» в петлице пиджака, ожидал во дворе дядюшку Лерго. Его маленькая ракета с опознавательными знаками стояла невдалеке.

Подошёл дядюшка. По пути он согнулся в три погибели. Так, видно, сказался на нём вид высокого представителя власти. Однако в глазах дядюшки можно было прочесть и чувство собственного достоинства, и даже некоторое наплеватьство на высокий статус прилетевшего гостя.

– Здравствуйте, мистер Сфинкс, – начал он ещё издали.

У Председателя Муниципального Совета была заготовлена целая обличительная речь. Но неожиданно ему стало любопытно узнать, что может сказать этот тёмный не образованный старик – осколок исчезнувшего времени. Поэтому мистер Сфинкс лишь снисходительно ответил на приветствие.

– Я не затем оставил дела на винограднике, чтобы сказать вам добрый день, – продолжал дядюшка Лерго. – Сейчас я соображу, *что* хотел сказать... В моём возрасте туго соображается, не правда ли?

– Я вас слушаю, – сказал Председатель, стараясь не смотреть в грубое крестьянское лицо дядюшки. Его раздражали эти дядюшкины уши, похожие на резиновые лопасти домашнего вентилятора.

«Весь он – действительно отвратительное пятно...» – подумал мистер Сфинкс.

– Да, так вот, господин Сфинкс. Вчера я прочёл в «Сытости» статью «Грязное пятно на костюме джентльмена».

– Простите, Лерго, – с неприязнью перебил Сфинкс, – статья была напечатана в газете «Красивая Жизнь», а не в «Сытости».

– Разве?! Ивик, иди-ка сюда, – Дядюшка подозвал мальчика. – В какой газете, малыш, была статья про пятно?

– В «Сытости», дядюшка.

– Ну вот. Двое против одного. Значит вы, господин Сфинкс, ошибаетесь. Но перейдём к сути...

– Нет, позволяйте! – мистер Сфинкс нетерпеливо помахал пальцами перед носом дядюшки. – Статья была напечатана на прошлой неделе. Это во-первых...

– Как на прошлой неделе?!

– Да. Представьте!

– Быть того не может! Малыш, когда была напечатана статья, скажи господину председателю.

– Дядюшка, она была напечатана ВЧЕРА, а ПОЗАВЧЕРА ты ею растапливал баню, – выпалил мальчик.

Мистер Сфинкс почувствовал, что в глазах у него забегали полосатые зайчики.

– Какая баня?! При чём тут баня?! – взорвался он.

– Да плюньте вы на баню! Сдалась вам эта баня! – гудел дядюшка Лерго.

– Захотите, покажу вам её в другой раз! Выслушайте меня, господин Председатель. Я о статье. Правильная статья.

От этих слов мистер Сфинкс на некоторое время пришёл в себя.

– Что вы сказали?! – воскликнул он. – Повторите!

– Я говорю: хорошая, дельная статья. Я начал её читать, устал и попросил Ивика читать дальше. Потом я задремал, и мне показалось, что статья про меня. Не приснилось ли мне это?..

– Нет, не приснилось, дорогой Лерго! Наконец-то вы сказали дело.

– Сейчас я вам скажу ещё одно дело, – продолжал дядюшка Лерго. – Я думаю, что если дело в костюме какого-то джентльмена, то его надо сдать в химчистку. Я имею в виду костюм, а не почтенного джентльмена.

– Опять вы не о том! Вот что значит ваш преклонный возраст и отсутствие полноценного образования. Всё дело в пятне! – с досадой сказал мистер Сфинкс.

– Тогда тем более!! – воскликнул дядюшка.

Мистер Сфинкс чувствовал приближение полосатых зайчиков в глазах. Но тут, из сострадания к нему, дядюшка вышел на прямую дорогу:

– Господин Председатель, статья заставила меня задуматься... – Шевеля усами, похожими на осколок сапожной щётки, тронутый сединой, дядюшка Лерго печально смотрел в глаза мистера Сфинкса. Это был красноречивый взгляд. Председатель Муниципального Совета забыл про заготовленную речь. Он поспешил улететь, чтобы сообщить всему Высокому Совету: «Кажется, Лерго меняется в положительную сторону». Словом, ещё немного, ещё чуть-чуть...

Высокие головы Бокомстауна редко навывались к дядюшке. Зато почти каждый день появлялся полицейский по имени Храпвел. Он походил на бегемота, которого по недоразумению засунули в тесный мешок синего цвета с блестящими пуговицами. Пыхтя и постанывая, Храпвел выбирался из своей полицейской ракеты. Делал несколько шагов по двору. На боку у него висела служебная сабля. Конец её волочился по земле, как игрушечный автомобиль за ребёнком.

У дверей хижины Храпвел останавливался и требовал:

– Эй, Лерго! Выйди для разговора!

Появлялся дядюшка Лерго, с трудом скрывающий огромное желание забросить Храпвела на какую-нибудь далёкую, малопривлекательную планету, уже изрядно загаженную самоуверенными обитателями Земли; из чьих рядов и выходили исполнительные Храпвелы...

– Эй, Лерго! Выйди на разговор!

Появлялся дядюшка Лерго.

Они долго стояли один напротив другого. Молча. Казалось, Храпвел пересчитывал морщины на смуглом лице дядюшки, а дядюшка без интереса рассматривал, уже порядком надоевший, нос полицейского. Нос напоминал размерами крупную картофелину, а цветом – спелый баклажан.

В квадратной голове Храпвела тёрлись мысли. Шершавые, как коровий язык: «Надо начать... Начать надо так... Лерго... Что ж это такое, старина Лерго? Правильно, так и надо сказать... Во! Хватит быть бельмом на глазу! На чьём глазу?.. Ах, да! На глазу Бокомстауна... Повторим сначала, пока не забыл. Значит, так Лерго, ты бельмо... Нет, так не годится...»

Эти мысленные потуги отражались на лице Храпвела: картофелина елозила из стороны в сторону, словно искала удобное место, где бы ей прорости.

Наконец на лбу полицейского выступал пот и он сдавался.

– Присядем, – выдыхал он.

– Присядем.

И они садились за стол под платаном.

Дядюшка Лерго ещё некоторое время изучающе смотрел в лицо Храпвела. Не раскроет ли он свой рот? Но полицейский оставался нем, как рыба.

– Ивик, – командовал дядюшка. – Кувшин вина из подвала для мистера Храпвела.

– Несу, дядюшка!

Убегая, Ивик смеялся, потому что знал, какое сейчас начнётся представление.

На столе появлялись вино, хлеб и сыр.

Время от времени дядюшка спрашивал мальчика:

– Ну, как?

Ивик бросал взгляд на нос полицейского и говорил:

– Ещё!

– А теперь?

– Ещё!

– Ну, а сейчас?

– Теперь красный! Готов!

– Займи пока гостя, поведай ему что-нибудь весёлое. Я скоро вернусь.

В ожидании дядюшки, Ивик травинкой щекотал за ухом мистера Храпвела. Такое развлечение, хоть и вульгарное, было единственным, соответствующим духу служителя закона.

– Отставить! – вяло сердился полицейский. – Отставить!

Возвращался дядюшка Лерго. На нём было старое платье тётушки Ленн. Поверж платья – передник. Из кармана передника торчал сковородник.

И только тогда полицейский Храпвел по-настоящему раскрыл рот:

– Здравствуйте, тётушка Ленн! – пытался он приподняться. – Вы уж извините нас. Мы тут с вашим мужем по стаканчику остаканились... А, может, двумя... Кстати, где он? Он ведь только что тут был...

– Он улетел, – отвечал дядюшка Лерго своим громоподобным басом.

– Как так улетел? Без моего разрешения?!

– Без разрешения.

– А-а, понимаю! Улетел в подвал за вином. Это хорошо. Это надо. Вы извините, тётушка Ленн, но я всё же когда-нибудь его оштрафую. Или арестую. Уж точно!

– За то, что в подвал улетел?

– Нет. За то, что улетел на своей этажерке. Это позор: в наше время поголовных ракет летать на таком транспорте...

Пытаясь что-то вспомнить, Храпвел умолк.

– Ах, да! – спохватился вдруг он. – Ваш муж это... как его... бельмо...

– Сами вы изрядное бельмо.

– Я?!

– Ну да, вы!

В растерянности Храпвел захлопал глазами.

– Мне раньше это никто не говорил.

– Выпейте стаканчик ещё и сразу вспомните, что об этом вам говорят, чуть ли не каждый день.

– Странно... Ну, хорошо, тётушка Ленн, я выпью. Только за ваше дамское здоровье. Выпью, раз вы настаиваете. Так. Теперь по долгу службы мне необходимо знать: за что вы любите этого шалопаю.

– Какого ещё шалопаю?

– Как, какого?! У нас в Бокомстауне только один...

– Лерго что ли?

– Вот именно! И вы его, похоже, любите. А за что?

– Да за то, что он не похож на всех вас, дураков!

– На всех нас, молодцов?

– Верно. На всех вас дураков.

– Тётушка Ленн, как вы не понимаете, что это как раз и плохо! Ну, то, что он не похож на всех нас, молодцов...

Уставший от смеха Ивик, наконец кричит:

– Дядюшка, всё. Созрел!

Теперь нос мистера Храпвела имел цвет изрядно переспелого баклажана.

Дядюшка Лерго и мальчик с трудом тащат полицейского к ракете. Они заталкивают его в кабину вместе с саблей. Через минуту оттуда доносится молодецкий храп. Полицейский Храпвел продолжал находиться при исполнении служебных обязанностей.

В конечном счёте все эти посетители не столько веселили дядюшку Лерго, сколько утомляли.

– Мне семьдесят два года, – с возмущением говорил он тётушке Ленн. – Я хочу прожить все сто, но этот Бокомстаун считает, что с меня хватит и моих прожитых. И вот стараются! Во все лопатки.

И Бокомстаун действительно старался.

Дядюшку Лерго охватил панический страх, когда Ивик, тоже порядком расстроенный, прибежал на виноградник и сообщил о прилёте миссис Стопкран. Колочий ком растерянности скатился на дно широкой души дядюшки. Его большие уши как-то сразу увяли и стали походить на жухлые осенние листья платана. Жёсткие, всегда бодро ошетиленные усы вмиг стали гладкими, как кошачий мех. Кроме того, что миссис Стопкран была Членом Попечительского Совета учебного заведения, которое посещал Ивик, она была ещё и дамой. А с дамами дядюшка Лерго разговаривать не умел. Впрочем, это его неумение распространялось на всех женщин. И потому затруднительно сказать как, при каких обстоятельствах дядюшка женился когда-то на тётушке Ленн. Теперь это похоже на тайну. Во всяком случае, понятна гордость тётушки, когда она говорила: «Если бы не я, Лерго остался бы холостяком, и никогда бы не знал вкуса домашних обедов...» Обычно в подтверждение этих слов, дядюшка кивал головой.

И вот теперь эта миссис... Да ещё миссис Стопкран.

Но мало-помалу, к дядюшке Лерго возвращалось присутствие духа. Он взял мальчика за руку и сказал:

– Пошли.

Миссис Стопкран прилетела на изящной дамской ракете.

Вне ракеты она была худощава, как вязальная спица. Гораздо точнее о ней можно было бы сказать так: это была пара огромных очков на высоте человеческого роста.

При виде двоих босоногих, державшихся за руки, в стёклах очков миссис Стопкран вспыхнули маленькие молнии негодования. Одна из этих молний, видимо, задела дядюшку Лерго.

– Здравствуйте, – шёпотом произнёс он и потупился.

– Я по поручению Попечительского совета, – произнесла миссис Стопкран голосом, напоминавшем перебор гитарных струн. – Мне бы хотелось начать с главного. Все наши мальчики и девочки, все дети летают на занятия в своих ракетах. Я понимаю, у мамы этого мальчика, – очки повернулись в сторону Ивика, – недостаточно средств...

– Мисс Стопкран! – вырвалось у Ивика. – Я езжу на велосипеде, но ведь я не опаздываю к первому уроку?!

Миссис Стопкран словно ударило током.

– Вот! Вот, видите?!

И она вытянула в сторону мальчика палец, сухой, тонкий и длинный, как указка.

Дядюшка Лерго испуганно посмотрел на Ивика.

– А в чём, собственно, дело? – с недоумением спросил он.

– Это ваше влияние, мистер Лерго. Он перебивает старших. Слышанное ли дело?!

– Простите, миссис Стопкран, – дядюшка старался говорить как можно вежливее и как можно тише, – мальчику показалось, что вы не совсем правы. Он не сдержался, это так понятно. Он ещё маленький, но ведь и у него уже есть самолюбие. Поймите, пожалуйста...

– Это кто?! Я – не права, – взвилась миссис Стопкран. – Я! Я – не права?! Какой-то босоногий мальчишка смеет говорить мне – члену Попечительского Совета, что я не права?!

Дядюшка Лерго заметался, как последний матрос на тонущем корабле.

– Миссис Стопкран! Миссис Стопкран! Успокойтесь, прошу вас!

Но миссис Стопкран слышала только себя. Она продолжала токовать. Как глухарь на заре.

– Пошли, дядюшка, на виноградник, – чуть не плача, сказал Ивик, – пусть она тут остаётся и кудахчет себе.

– Негодник, как тебе не стыдно?! – взорвался дядюшка Лерго. – С человеком истерика, а ты?! Живо за тётушкой Ленн!

На крыльцо, подбочаясь, вышла тётушка.

Надо сказать, что в плечах она была раз в девять шире дядюшки Лерго. И потому она не без оснований сказала:

– Кто тут обижает моего мужа?

Сразу было видно, что тётушка Ленн умеет разговаривать с дамами. Мисс Стопкран подняла очки и внезапно успокоилась.

– Здравствуйте, миссис... миссис... – пролепетала она.

– Миссис Ленн, жена мистера Лерго. А вы?

– Очень приятно. Я член Попечительского Совета...

– Мне тоже немного приятно, – перебила тётушка. – Так в чём тут дело? Чего не поделили?

От всего пережитого несколько минут назад миссис Стопкран никак не могла вспомнить причину своего расстройтва. И окончательно она нашлась только тогда, когда ей на застеклённые глаза попались босые ноги Ивика.

– Вы только полюбуйтесь, – с надеждой на сочувствие обратилась она к тётушке Ленн. – Мальчик ходит босиком, как последний оборвыш. Это в нашем-то передовом городе. Возмутительно!

– Ничего возмутительного в этом не вижу, – твёрдо и спокойно отвечала тётушка. – Что может быть приятнее для ног, чем тёплая земля – наша родительница? Особенно мальчишке.

– Это даже полезно, – обиженно вставил дядюшка.

– Помалкивай! – бросила в его сторону тётушка Ленн.

Миссис Стопкран смутилась.

– Это вы мне?

– Это я мужу.

– Да, ваш муж и впрямь недостаточно воспитан. Он не умеет разговаривать с дамами. А вместе с тем, – спохватилась миссис Стопкран, существует же кожаная обувь...

Тётушка Ленн недоверчиво посмотрела на своё отражение в больших очках миссис Стопкран.

– Вы насчёт воспитания или о чём? – переспросила она.

– Вообще-то я всю жизнь посвятила воспитанию детей. Я член Попечительского...

– Ну, это вы говорили, – спокойно прервала тётушка Ленн. – А сейчас-то о чём?

– Я? Об обуви. Ходить в ней, во-первых, прилично. А во-вторых, она предохраняет ноги от повреждений.

– Это вы очень здорово сказали насчёт повреждений. Прямо в самую точку попали.

– Правда?! – впервые улыбнулась миссис Стопкран.

– Да. Просто красиво сказали. Мне так не сказать... Только чего ж это мальчишке, – продолжала тётушка Ленн, – напяливать на ноги ботинки, когда он сам не хочет? Надо полагать, успеется ещё.

– Что значит «не хочет»? В нашем городе давно покончено с бедностью. У нас в Бокомстауне, – не без гордости произнесла миссис Стопкран, – в современном цивилизованном городе такого не должно быть, чтобы дети ходили босиком. Это – стыд и позор!..

– Ах, у вас в Бокомстауне... Ну, там-то да! До чего же вы хорошо и правильно говорите. Я бы вас так и слушала, жаль, у меня грудинка на сковороде жарится.

Миссис Стопкран показалось, что её визит можно назвать удачным. Она снисходительно кивнула в сторону незадачливых мужчин, и, сопровождаемая тётушкой Ленн, направилась к своей ракете.

– Рада была с вами познакомиться, – сказала она тётушке Ленн на прощанье.

– Проваливай, проваливай, голубушка, – ответила тётушка Ленн под шум заработавших на малых оборотах двигателей.

Тётушка поспешила в дом, к плите, на которой варилось, жарилось и парилось. Поднимаясь по ступеням, она бросила дядюшке Лерго и Ивику:

– Эх, вы... мужчины называется...

Вечером, во время ужина, дядюшка сказал жене с грустью:

– Сдаётся мне, отберут у нас Ивика...

– Ешь, давай, – с суровой сердитостью ответила тётушка.

Предчувствия не обманули старого Лерго.

– Ну?! Что я говорил?! Они своего добились! – кричал дядюшка, вбегая как-то в дом. – Иди, убедись собственными глазами!

Тётушка Ленн поспешила во двор.

Она увидела, как из приземлившейся маленькой ученической ракеты выскочил Ивик. Однако лицо его сияло от радости.

Оба они – и дядюшка, и тётушка сразу почувствовали себя глубокими стариками.

– Теперь он нас забудет, – сказала тётушка, промокая заслезившиеся глаза краешком фартука.

– Тётушка Ленн! Дядюшка Лерго! Видите ракету?! Это моя! От Попечительского Совета, – весело выкрикивал Ивик, подходя к крыльцу.

– Видим, малыш, – грустно и не сразу произнёс дядюшка, – видим...

– Ну что вы оба какие-то сегодня? Случилось что?

– Случилось, малыш... А ведь такую ракету и мы бы могли тебе купить. Только бы сказал. Уж мы бы поднатужились...

– Да! Ждите! Так я и променял свой велосипед на эту тарактелку.

Дядюшка Лерго и тётушка Ленн переглянулись.

– Так чему же ты, малыш, радуешься?

– Как чему?! Дядюшка! Ведь это сколько запчастей! – Ивик с прежней весёлостью оглянулся на свою новенькую ракету. – Ведь это же!.. И Козлика починить можно! И в Ласточке кое-что заменить! Да мало ли?!.

Тётушка Ленн плакала, уткнувшись в плечо мужа. Плакала от счастья.

– Мальчик, но что скажет твоя мама?.. – голос дядюшки дрожал, как дрожит голос опечаленного контрабаса.

– Мама уже сказала. Она сказала: «Отстань! Я от тебя устала. Делай с этой ракетой что хочешь. С меня хватит того, что ты не приносишь двоек».

И в тот же день подарок Попечительского Совета был разобран нетерпеливыми руками дядюшки Лерго и Ивика. Он превратился в нужную груду гаек, болтов и отдельных узлов.

Во время работы дядюшка Лерго чувствовал себя куда счастливее, чем, скажем, мистер Сфинкс при получении ордена «Поборник Прогресса». А тётушка Ленн, в эти минуты, поворачивалась у плиты с такой расторопностью, словно с её плеч свалилось несколько прожитых десятилетий.

Покончив с делами, она сказала:

– Вот что, ребятишки, я вчера вас катала, но мне хочется покатать вас и сегодня.

Эти слова тётушки Ленн были встречены шумным восторгом. Потому что обычно тётушку Ленн надо уговаривать и уговаривать.

Особенно радовался Ивик.

И вот... тётушка Ленн за рулём Козлика. Надо сказать, что чувствовала она себя на этом месте не менее уверенно, чем на кухне.

Тётушка Ленн за рулём Козлика, а дядюшка Лерго и Ивик в кабине Ласточки.

Мальчик взмахнул рукой, и – тётушка Ленн включила первую передачу...

В считанные минуты дядюшка и Ивик вознеслись на небо. Они махали тётушке руками. Тётушка отвечала им взмахами дядюшкиной шляпы.

Дядюшка Лерго передал управление Ласточкой Ивику, а сам прислушался к закипавшей в груди песне. Невольно он бросил взгляд туда, где щетинились каменные громады Бокомстауна.

Песня была забыта.

– Эй, вы, сытые бокомстаунцы! – крикнул вдруг дядюшка Лерго. – Вы хотели отнять у нас мальчика! Но у вас ничего не вышло! Вы глупы и самодовольны как пробки! Вы не любите жизнь! Вы не умеете её любить! С утра до вечера вы только и делаете, что куёте своё благополучие! Вы умеете только покупать и печься о своей благопристойности! Вы...

Неожиданно дядюшка Лерго умолк.

Ивик даже испугался внезапно наступившей тишины. Он обернулся: не вывалился ли дядюшка?

– Дядюшка, что случилось? Почему ты замолчал?

Лицо старого Лерго сияло блаженной улыбкой восторженного изумления.

– Тихо, малыш. Вот сейчас тихо...

Посреди огромной костлявой ладони сидела стрекоза.

Солнце играло радужным светом на её отдыхающих крыльях.

Свободной рукой, не шевелясь, дядюшка потянулся и достал свою «воздушную бутылку». Это была простая тёмная бутылка, оплетённая ивовым прутком.

– Я пью за это прекрасное создание, так доверчиво сидящее на моей руке, – сказал дядюшка Лерго и отхлебнул из «воздушной бутылки».

– Она ещё не улетела? – оборачивался Ивик.

– Нет, малыш, она ещё с нами.

–И сейчас ещё здесь?

– Нет, малыш. Теперь её нет, – грустно вздохнул дядюшка Лерго.

– Жаль.

– Мне тоже... – не сразу ответил дядюшка.

– Ей было хорошо с нами.

– И нам было хорошо с ней... Я вижу, малыш, нам пора на посадку.

– Ну, дядюшка!.. Ещё немного! Ведь я давно не летал.

– Задаст нам тётушка.

– Ничего. Я скажу, что это я всё...

Видимо, Ивик уговорил дядюшку, если тот вспомнил вдруг о другом.

– Малыш, – сказал он, – теперь у нас много всяких железяк. С чего мы начнём?

– Я думаю, надо у Ласточки заменить троса управления элеронами и...

– Это всё понятно! – перебил дядюшка. – Само собой. А что бы нам такое придумать?

– Пока не знаю.

– А я, кажется, придумал.

– Что, дядюшка?!

– Давай, малыш, садись. Ужинать пора. Вон видишь, тётушка Ленн уже грозит нам...

– Сядем, и ты мне расскажешь. Хорошо?

– Ладно.

– Ну, иду на посадку.

Придумка дядюшки Лерго оказалась не столько оригинальной, сколько в его духе.

Как-то тётушка Ленн возилась во дворе со своими курами. Она помечала их фиолетовыми чернилами, потому что все её куры были белые. Для чего? Чтобы её куры не перепутывались с курами Моупсов. Чтобы, если курица залезла в огород к тётушке, то издалека должно быть видно, что она – чужая.

У каждой курицы был свой нор. Чтобы поймать её, тётушке приходилось то и дело менять тактику. Тётушка Ленн увлечённо занималась своим делом, а в это время, в доме, дядюшка Лерго и Ивик воплощали идею дядюшки в жизнь.

Когда тётушка вернулась на кухню, она застыла в изумлении. Она даже не заметила, как остатки чернил вытекли на фартук.

Через минуты три тётушкино изумление перешло в возмущение.

– Что это ещё за циклотрон вы мне тут установили?! – воскликнула она и схватила кочергу.

– Тётушка, да ведь это же умывальник! – вовремя успел крикнуть Ивик. Иначе быть бы новоиспечённому умывальнику битым кочергой.

– Умывальник?! – с удивлением в голосе переспросила тётушка.

– Ну, да!

– Ничего себе?.. А ручек-то, а рычагов-то понатыкано. И впрямь – циклотрон.

В глазах тётушки загорелось любопытство.

Воспрянувшие духом, дядюшка Лерго и Ивик наперебой стали показывать ей, какие рычаги, какие ручки и в какой последовательности надо крутить.

Из блестящего крана вода шла то водопадом, то струёй, толстой, как канат, то дождичком из мельчайших брызг.

– Очень даже занятно, – сказала наконец тётушка Ленн. – Придётся мне вас сегодня прокатить...

Дядюшка с Ивиком, перемигиваясь, уже потирали руки в предчувствии скорого удовольствия. Это их радостное предчувствие длилось ровно полчаса. Ровно через полчаса тётушка Ленн Безнадёжно запуталась в рычагах и ручках нового умывальника.

Она обратилась за помощью к мужчинам.

Мужчины начали бодро хвататься за те же самые рычаги. При этом они уверяли друг друга, что сейчас всё будет в порядке.

Тётушке Ленн нужна была вода. Хоть в виде струи, хоть в виде струйки. Но новый блестящий кран лишь что-то урчал, грустно повесив нос.

– Та-ак... – грозно сказала тётушка Ленн. – Прогулка отменяется...

Разом смолкли мужские голоса. Дядюшка и Ивик вздохнули с облегчением. Им показалось, что они ещё хорошо отделались.

– Где старый умывальник? – сказала тётушка Ленн тоном полководца, требующего к себе провинившегося генерала.

– В сарае, – поспешил доложить дядюшка.

– Несите его сюда. И живо мне!..

Старый умывальник был прост, как печное полено. Вся техническая хитрость его заключалась в металлическом соске: стоило подтолкнуть его рукой снизу вверх, как в отверстие текла вода. Несмотря на эту простоту, установка его на место заняла много времени. Ведь сначала надо было разобрать «циклотрон».

Вскоре «циклотрон» был забыт. Во всяком случае тётушка Ленн о нём не вспоминала. По той причине, что всякий раз, когда дядюшка Лерго садился в небольшую «лужу», как это случилось с «циклотроном», тётушка в душе жалела его.

А дядюшка, вместе с Ивиком, лёжа под виноградными лозами, уже вынашивали очередную придумку. Им виделся простенький транспортёр, по которому дрова из сарая поступали бы прямо в кухонную плиту тётушки Ленн. И они оба, мальчик и старик, еще не продумав всех деталей, с весёлым смехом представляли себе как это будет здорово. Правда, Ивик предлагал сначала заняться починкой Ласточки. Но дядюшка Лерго не хотел пока об этом слышать.

Наконец они принялись за дело. Собрали остов транспортёра. Уже начали крепить валки к раме, когда однажды дядюшка Лерго поднялся на Ласточке в небо «выкурить вечернюю трубку». Набирая высоту, дядюшка неожиданно попал в сильный, резко восходящий поток воздуха. Он попытался вывести Ласточку из него, но, видимо, не справился с управлением. Он упал...

Ликование Бокостауна было сдержанным. В рамках приличия.

На этом можно было бы закончить рассказ о старом чудеке дядюшке Лерго. И поставить точку. Но, честное слово, тогда не стоило бы и начинать!..

Через какое-то время после гибели дядюшки, когда газета «Сытость» писала уже только о сытости, а газета «Красивая Жизнь» – только о красивой жизни, по городу прокатилась новость, которая повергла обывателей Бокостауна в глубокое уныние.

Над восточной окраиной города был замечен планер, как две капли воды похожий на Ласточку. Да, это была другая Ласточка.

Над зелёными холмами парил Ивик.

ДУША РАЗГНЕВАННОЙ МОЛНИИ

1

В сумерках, у входа в пещеру мужчины делили добычу.

Дети и женщины, остававшиеся в глубине пещеры, с жадностью следили за движениями мужчин. Они замерли в ожидании. Все их существа превратились в одни горящие глаза. Доносился треск разрываемого мяса и хруст костей.

Этот звук, казалось, не долетал до ушей Мгро. Он сидел, привалившись к своду, чувствуя слабую боль в спине от выпирающих камней. Но ему не хотелось шевелиться. Глаза его были полузакрыты. Он устало дремал. Время от времени веки его глаз тяжело поднимались. И тогда Мгро видел часть неба, затянутого тучами. Звёзды прятались где-то там, за ними. Это не сулило удачи на завтра, и Мгро снова закрывал глаза в надежде открыть их чуть позже. Открыть и увидеть свет хоть одной звезды.

– Дождётся, что всё разделят, а ему достанутся одни кости... – ворчала Ана – жена Мгро.

Мгро слышал этот упрёк, но промолчал. Он знал, что его семье достанутся самые лучшие куски. Знала это и Ана – жена вождя. Но её мучил голод. К тому же сзади сидели дети. Своими ногтями они безмолвно царапали звериную шкуру на спине матери. Они требовали пищи, и Ана ничего не могла с собой поделаться.

– Дождёшься...

– Замолчи, – спокойно прервал свою жену Мгро.

– Дети твои голодны... – опять начала Ана.

– Замолчи! Не только мои дети...

Мгро опустил голову. Посмотрел на свою левую изуродованную руку. Он попробовал сжать её в кулак. Рука едва повиновалась. Он перевёл взгляд на правую. Сжал её. Это была мускулистая, сильная рука вождя. Теперь она стоила двух рук любого мужчины из маленького племени Мгро. С тех самых пор...

Это было давно. Тогда, когда Мгро был молод, как этот Чор, который сейчас так ловко обращается с каменным ножом. «Из Чора выйдет хороший охотник, – подумал Мгро. – Люди вокруг него не будут голодать подолгу...»

Как давно это было... Мгро закрыл глаза, мысленно возвращаясь в далёкое время своей юности, и оно проходило перед ним с ясностью событий вчерашнего дня. Вождём племени был тогда весёлый и удачливый Орп. Всё случилось при нём. Однажды, в глубокую просторную яму, которую нашли и подрыли специально, чтобы загнать туда оленя, попался кабан. Это оказался молодой кабан с ещё белыми клыками. Не из самых больших. Сколько тогда было радости, когда все они, охотившиеся, ещё издали услышали голос пойманного зверя. Его забросали камнями. И когда спрыгнули в яму, чтобы

вытащить тушу, кабан вдруг вскочил на ноги. В страхе охотники бросились из ямы. Даже Орп. Правда, он не убежал с криком, как остальные. Он замер на краю ямы. Но и в его глазах блуждал страх. Орп видел оставшегося в яме Мгро. Видел, как тот в отчаянии схватил камень и бросился на кабана. Мгро добил его, но не спас от кабаньего клыка свою левую руку...

Мужчины кончили разделывать тушу.

– Мгро, – тихо окликнул вождя Чор.

Мгро едва заметно кивнул головой и снова закрыл глаза. Это был знак: можно раздавать.

Куски сырого мяса передавались по рукам в глубь пещеры. Чор называл кому, какой семье каждый кусок.

Вскоре под каменными сводами было слышно только жадное гулкое чавканье и хруст разламываемых костей. Крепкие зубы поспешно отрывали куски мяса. Глотали их, едва прожевав. Немного насытившись, люди ели уже не так торопливо: с хлопаньем и свистом обсасывали кости, сплёвывая попадавшуюся в рот звериную шерсть.

– Мгро, – Ана коснулась плеча вождя, – поешь.

– Сейчас, – ответил он, открывая глаза.

В сравнении с остальными, Мгро не испытывал такого острого желания поскорее набить пищей живот. Ведь он был уже не молод. К тому же он привык пересиливать голод и не обращать внимания на тупую боль в желудке. Но надо было подкрепиться. Чтобы из правой руки не уходила былая сила. Чтобы его семья всегда получала самые лучшие куски. Чтобы как можно дольше оставаться вождём...

Он думал об этом и тогда, когда всё его племя спало, завернувшись в звериные шкуры.

2

Предчувствия не обманули Мгро.

Уже четыре дня шли сильные ливни. Они не прекращались, и Мгро с тоской смотрел в мокрое мглистое небо. Небо не хотело помочь людям добыть себе хоть что-нибудь на пропитание. В такую погоду всё живое пряталось. Дождь смывал и запахи и следы. Из-за него нельзя было разглядеть зверя издали. А раскаты Грома, а Молния – были страшнее любого зверя. Страшнее голода. У людей в пещере были запасы корней и трав. Тоже пища. Но от неё всё равно убывала сила мужских рук, нужная для настоящей охоты.

За спиной вождя шептались о том, что Небо покарало людей Мгро, и теперь все они умрут в этой пещере.

Мгро молчал. Он старался беречь силы. Говорить, успокаивать, убеждать – для этого тоже нужны были силы. Но пусть силы лучше уйдут на добычу зверя. И потом – Мгро хорошо это знал – вожди не убеждают – вожди повелевают.

– Мгро, – раздался голос Чора, – нам надо выйти. Надо попробовать. Ведь неизвестно, сколько ещё продлится непогода...

Вождь даже не обернулся на слова Чора.

– Мгро, – продолжал Чор, – может, нам повезёт и в одной из ловушек будет зверь... Может, нам повезёт, и мы не увидим Молнии, не услышим Грома...

Мгро знал, какая это слабая надежда. Вождь молчал. Замолчал и Чор.

На следующий день погода не улучшилась. Но когда рассвело, Мгро подал знак, которого так долго ждали мужчины. И хотя все они были обессилены голодом, они тут же поднялись на ноги и вышли из пещеры вслед за вождём.

Стараясь не терять друг друга из виду, направились к ловушкам.

Переходили от одной к другой, но каждый раз убеждались в том, что ветви, прикрывавшие ловушки, оставались нетронутыми. Небо покарало людей Мгро, и теперь они даже боялись смотреть друг другу в заросшие косматые лица.

– Мгро! Сюда! Скорей! – раздался срывающийся крик Уса – брата Мгро. – Удача!

Все бросились на зов.

Это была действительно удача. В ловушке оказалась маленькая лань. Ею можно было накормить только несколько человек, и всё же...

Охотники ликовали. Небо не забыло людей Мгро. Оно послало им эту добычу. Хотя ещё один день племя продержится, а там, может, Небо пошлёт хорошую погоду.

– Мгро! – кричали охотники. – Нам повезло!

– Это всё Небо и ты!

– Без тебя мы бы погибли!

Как ласкали сердце вождя эти возгласы. Как веселела душа его, хотя глаза оставались спокойными и даже угрюмыми. Каждый раз, выходя из пещеры на охоту, он верил, что добудет не только зверя, но и вот эти крики – невольную дань уважения и признательности ему, Мгро. Но, как всегда, он и теперь произнёс сурово:

– Не надо слишком радоваться. Если Небо увидит нашу радость, оно может погубить нас... Пусть каждый про себя воздаст хвалу Небу.

– Да.

– Ты прав, Мгро, – отвечали охотники, и их лица опять выражали тревогу и беспокойство. А радость удачи уползала глубоко внутрь зрачков, на самое их дно.

Неожиданно небо расколосось, совсем рядом сверкнула белая ветвь Молнии и чудовищный Гром прокатился над головами охотников. Затем раздался шелестящий шум падающего дерева.

Охваченные жутким страхом, люди упали ничком. Пальцы царапали землю, словно каждый хотел зарыться в неё, спрятаться поглубже туда, где не будет слышно этого Грома, от которого сердце, казалось, вот-вот замрёт и остановится; туда, куда не проникнет свет Небесной кары. Мгро прав. Зачем они так громко радовались? От Неба не скроешься – оно услышало их восторг и вот теперь послало им разгневанную Молнию.

Люди долго лежали, не смея поднять головы.

Гром уже грохотал где-то далеко, едва слышно. И земля уже не вспыхивала белым светом. Но что-то, совсем рядом, трещало, словно огромный олень продирался сквозь чашу кустарника.

По-прежнему лил дождь. Сквозь его шум всё не утихал жуткий треск.

Наконец и он ослабел, и теперь был едва слышим.

Люди оторвали от земли лица, бледные, с глазами, до краёв наполненными животным страхом. Они посмотрели туда, откуда доносился треск. Там лежало огромное дерево с расщепленным комлем. Часть пня торчала из земли. Она была охвачена огнём. Огонь издавал треск. Люди увидели языки пламени, и в новом приливе ужаса уткнули свои лица в землю.

Первым поднялся на ноги Мгро. Он направился к тлеющему пню. Сердце его билось и замирало, но не так как когда-то, в самый-самый первый раз... Теперь пересиливать страх было легче.

Охотники, подняв головы, увидели спину вождя. Мгро сидел на корточках у самого того места, где тлел огонь. Вождь протянул к огню руки. «Их Мгро не бойтесь огня! Он угоден Небу! Как хорошо, что Мгро их вождь!» – так думали охотники, и в их тёмные души медленно, прохладными каплями, просачивалось успокоение. Вождь не сердится за то, что они совсем недавно так громко радовались удаче. За эту радость Небо послало на них разгневанную Молнию, а их вождь остался великодушным. Он молчит.

Мгро хорошо знал, что думают его люди у него за спиной. Да... ему было страшно находиться в такой близости от красного чудовища, но он вождь племени. И его люди должны это всегда чувствовать. А страха его они не увидят. Как никто другой, Мгро умел пересиливать голод и страх.

Охотники поднимались с земли. Они отворачивали свои лица в сторону от огня. Осторожно пятились подальше, подальше от красного чудовища. Оно благоволит только Мгро. Пусть Огонь и Мгро останутся наедине. А вождь придёт. Притихшие люди будут ожидать его в густом кустарнике.

Мгро оторвал взгляд от огня и увидел Чора. Чор сидел на корточках прямо напротив вождя и с осторожной медленностью тянул свои руки к огню. Мгро видел, как дрожали пальцы Чора.

Впервые в своей жизни Чор ощутил тепло солнца у себя под ногами. Оно грело не с Великой Высоты Неба, а у самого лица. С Великой Высоты Неба лил и лил дождь. Но здесь, на земле грело солнце, которое не слепило глаза. Если бы оно не было таким горячим, до него можно было бы дотронуться. Невидимое тепло его касалось пальцев, ладоней и проникало внутрь тела. «Огонь оставила разгневанная Молния. А сама исчезла...» – догадался Чор.

Мгро посмотрел в лицо Чора и понял, что с этой минуты тот для него опасен...

На лице Чора цвела улыбка.

3

Охота была удачной.

Мужчины весело разделывали тушу зверя.

Мгро, как всегда, сидел у входа в пещеру, прикрыв глаза, погружённый в свои воспоминания.

Мясо уже раздали. За спиной вождя слышалось торопливое чавканье.

Мгро не сразу заметил, что долю своей семьи Чор почему-то ещё не передал в пещеру. И самого его не было ни видно, ни слышно. Перед глазами Мгро, рядом с кучей сухих ветвей лежали куски мяса. Странно, но вождь не заметил, как исчез Чор.

Он вернулся не скоро. Дрёма слетела с лица Мгро, когда он увидел идущего Чора. В руке Чора была тлеющая головня.

Мгро продолжал сидеть неподвижно, как каменный. Только глаза его сощурились, словно на охоте в минуту опасности. В минуту, когда страшнее всего было потерять спокойствие рассудка.

Чор сунил головню в кучу сухих веток. Вспыхнул огонь.

– Не надо бояться его, – сказал Чор. – Это заменит нам Солнце.

Но люди в пещере, увидев пламя, забыли о пище. Они падали, прижимаясь лицом к холодному полу пещеры, не смея шевельнуться. Лишь один Мгро продолжал спокойно сидеть и чувствовать себя живым. Глаза на невозмутимом лице вождя были прикрыты веками, но ни одно движение Чора не ускользало от них.

– Мгро, – раздался наконец чей-то мужской голос. – Небо этого не простит. Почему ты молчишь? Ведь погибнет твоё племя...

Мгро молчал. Он видел, как Чор взял в руки большой кусок мяса и поднёс его к огню.

Вскоре люди в пещере почувствовали странный запах. Такого им не доводилось ещё обонять. Его хотелось вдыхать и вдыхать. От этого запаха у людей невольно потекли слюны, как это бывало, когда они видели очень вкусный кусок мяса. Но сейчас они ничего не видели. Сейчас они только ощущали этот сладко щекочущий ноздри запах. Откуда он?..

На глазах Мгро большой кусок мяса, насаженный на палку, становился всё меньше и меньше. Это огонь превращал большой кусок в маленький. Но как аппетитно он пах!..

«Да. Видимо, такое мясо самое вкусное на свете, – Мгро сглотнул слюну. – Такого мяса мои люди ещё никогда не ели. Но если полюбят такое мясо, то их никогда будет не накормить. Ведь огонь из большого куска делает маленький...»

– Мгро, – повторил тот же мужской голос, – ты видишь: мы в страхе. Мы даже не можем спокойно доесть то, что у нас есть... Почему ты молчишь?

«Это опасный человек в моём племени, – снова подумал Мгро о Чоре».

И тогда вождь встал. Он сделал несколько шагов, выхватил из рук Чора палку с мясом и сильно толкнул его правой рукой в грудь.

– Ты не будешь есть это мясо, – сказал Мгро.

Чор лежал испуганный, повергнутый. Только сейчас до него дошло: он навлёк на себя гнев вождя и всего племени. А это было страшнее огня. Но разве он не предполагал, что так может обернуться? Да, он этого боялся. Но ещё больше он надеялся, что Мгро окажется на его стороне, поддержит его и тогда...

Мгро большой веткой бил огонь, пока не погасла последняя искра.

И когда из пещеры улетучился странный запах, люди подняли головы. Всё было как многие дни, месяцы, годы тому назад. Теперь голод снова напомнил им о том, что у них есть пища.

– Чор, что ты с нами делаешь? – взмолилась жена Чора – Ила. – Твои дети ждут мяса. Где оно? Почему ты нам его не даёшь?..

Казалось, Чор не слышит причитаний своей Илы. Он лежал на спине неподвижно, и глаза его были плотно закрыты. Его только толкнули... За этим мог последовать настоящий гнев вождя.

Но Мгро взял оставшиеся куски свежего мяса.

Передайте семье Чора, – сказал он и сел на своё место.

Ана подала кусок мужу из своей семейной доли.

– Нет, – отвернулся Мгро. – Я должен съесть то, что *испортил* Чор.

Зубы вождя впервые вгрызлись в такую ароматную мякоть. Как легко волокна отделялись друг от друга. Как легко пережёвывались. Словно сладкие корни сырых трав. Мгро ел и чувствовал, что силы его прибывают. «Что ж, – думал он. – Вождь должен быть самым сильным...»

Но со стороны могло показаться, что Мгро ест мясо с большим трудом и без всякого удовольствия: и даже такое – не должно пропасть. Взглянув на вождя, многие его жалели: ведь это мясо породнилось с Огнём. Там, в глубине пещеры молились, чтобы Небо никогда не заставило их есть такую пищу. Молились молча, про себя.

«Чор слишком опасный человек в моём племени», – думал Мгро, обсасывая тёплую кость.

4

– Чор, – сказал Мгро, глядя ему в глаза, – сегодня ты пойдёшь со мной проверять самую дальнюю ловушку. Если что-нибудь там окажется, то ты сбегашь за людьми. Пока мы с тобой ходим, остальные займутся ближними ловушками.

– Хорошо, Мгро, – послушно ответил Чор. – Я готов.

И они пошли.

Когда солнице начало клониться к горизонту на западе, вернулась вся группа охотников. Кроме вождя и Чора. Охотники пришли без добычи, и потому их лица были полны молчаливой печали. Все объясняли неудачу отсутствием Мгро. Без вождя ходить на охоту не имело смысла. Сколько раз они в этом уже убеждались.

Уставшие мужчины забрались в пещеру. И тут на их головы посыпались упреки жён.

Мужчины молчали. Молчала и жена вождя. Она сидела, поджав губы, и смотрела в проём пещеры. Душа её питалась в это время тем, что слышали уши. Да... без мужа племя пропало бы. Ана хотела, чтобы об этом говорили дольше, и потому молчала.

Охотники, время от времени, с надеждой смотрели в проём пещеры. Порой им казалось, что уже слышны быстрые шаги Чора. Он прибежит, крикнет об удаче, и тогда мужчины забудут горечь слов своих жен и усталость. С весёлыми возгласами бросятся они следом за Чором. Но где же этот Чор? Нет уж... В конце концов, лучше пусть вернётся скорее сам Мгро. Даже если им придётся снова голодать. Но только бы Мгро был рядом. С ним спокойнее. Только бы с ним...

И Мгро вернулся. Он пришёл один. Уже в сумерках.

– Ила, – глухим голосом сказал он жене Чора, – не жди больше своего мужа.

– Где он?! Что с ним?! – вскричала женщина, хватаясь за волосы.

– Он не вернётся. Он оступился и упал со скалы. Я предлагал ему обойти её, но он не послушался. Ты же знаешь: он не очень-то слушался моих советов...

В пещере раздался громкий вопль Илы. Ей вторили дети: девочки Ситу и Рта, мальчики Нер и Тор. Только старший сын Чора – Урт сидел, низко опустив голову, закусив губы.

И когда Ила, обессиленная своим горем, немного забылась на каменном полу пещеры, Мгро сказал:

– Ила, ты выплакала свои слёзы и теперь выслушаешь то, что я тебе скажу. Слушай внимательно. Твое горе – это и моё горе. Это горе всех нас. Чор был хороший охотник. Без него всему племени будет плохо. Не только тебе и твоим детям. Но знай, Ила, из всего, что мы добудем, ты будешь получать долю на свою семью. Тебе и твоим детям не придётся голодать больше остальных. Это моё слово. Слушай ещё, Ила. Твой старший сын Урт уже достаточно подрос. Я сам буду обучать его охоте. Придёт время и он заменит твоей семье Чора. Я постараюсь, чтобы это было так.

5

Шло время и Урт – сын Чора стал действительно одним из лучших охотников племени. Мгро сдержал слово. Мало кто кроме Урта мог так осторожно, так незаметно и так близко подойти к зверю. Мало кто мог так точно распознать его по запаху на большом расстоянии. И мало кто мог так быстро сообразить, как действовать во время облавы.

Урт с горячностью, свойственной его молодости, не раз высказывал свои соображения по поводу очередной охоты. Мгро выслушивал его молча. Молча, не подавая вида, поражался он быстрому уму Урта. И так же молча пользовался вождь предложениями сына Чора.

Однажды между Мгро и Уртом произошёл такой разговор:

– Мгро, я был у Синих Скал. Там, где наша самая дальняя ловушка.

Вождь кивнул головой.

– Мгро, – продолжал Урт, – я нашёл там кости. Это мой отец Чор...

– Да, возможно, это твой отец, – сказал вождь.

– Мгро, он не упал со скалы. Он не разбился... Мгро, слышишь?.. Он не разбился.

– Да, я слышу.

Вождь долго молчал. Глаза его были прищурены. Они были холодны и смотрели в лицо Урта непреклонно. Это был взгляд вождя и Урт не выдержал, – отвел свои глаза в сторону.

– Урт, – сказал наконец Мгро, – услышь и запомни. Твой отец Чор упал со скалы и разбился. Я повторяю еще раз: твой отец Чор упал со скалы и разбился. Ты должен запомнить мои слова, Урт. Других слов не будет...

Урт, потупившись, отошёл в сторону.

«Видит Небо, я вырастил из него хорошего охотника. Но я ошибся, – размышлял Мгро. – Тень Чора живёт в его сердце. Урт опасен, как был опасен его отец».

Воспоминания об этом разговоре удручали вождя. Вглядываясь иногда в рассеянное, задумчивое лицо Урта, Мгро испытывал тревожное беспокойство. Он многое бы дал, чтобы узнать, что скрывается за этой задумчивостью. Но правильнее было набраться терпения и ждать: пусть размышления юноши созреют. И вождь выжидал, пока однажды не услышал:

– Мгро, – сказал Урт, – моя мать Ила, мои братья и сёстры – мы уйдём из твоего племени...

Это было неслыханным. Ещё никто и никогда не произносил таких слов.

– Отпусти нас, Мгро, – продолжал Урт. – Мы хотим уйти.

Вождь ответил не сразу.

– Урт, – сказал он, – ты хороший охотник. Но вы пропадёте. Вас слишком мало. А твои братья ещё не могут быть тебе по-настоящему полезными. Мне жаль терять тебя, Урт... Из племени ещё никто и никогда не уходил.

Сын Чора стоял потупившись. Он смотрел себе под ноги, не смея поднять глаз.

– Мгро, – всё же настаивал он, – отпусти нас.

– Урт, ты вынуждаешь меня сказать это вслух. Я мечтал, что со временем, когда я умру, ты займёшь моё место. Я видел тебя вождём племени.

– Мгро, в племени есть другие мужчины. Подрастают мальчики. Среди них будут способные юноши. Ты выберешь любого и воспитаешь из него человека, какой нужен тебе... Он заменит тебя, когда придёт время.

– Урт, один раз я уже ошибся...

– Мгро, отпусти нас...

– Я вижу, тебя не убедить, – ответил вождь, – ты похож на Чора. Но я не хочу, чтобы ты тоже упал со скалы... Так можно искоренить племя. Ступай со своими, куда ты намерен идти. Я отпускаю.

– Мгро, – Урт поднял глаза, в которых поселилась человеческая благодарность, – ты великодушен. Ты настоящий вождь.

Мгро усмехнулся одними глазами.

– Урт, напрасно трагишь силы на эти пустые слова. Побереги их, они тебе пригодятся для настоящего дела.

6

Известие о решении старшего сына Илы покинуть племя ужаснуло людей.

– Его покарало Небо.

– Небо лишило его рассудка, – шептались они.

– Мгро напрасно отпускает их.

– Они всё равно пропадут, а мы потеряем охотника, – говорили другие. Но все они малодушно радовались про себя той мысли, что несколькими ртами в племени станет меньше.

На прощание вождь сказал сыну Илы:

– Урт, помни, ты всегда можешь вернуться. Постарайся только не заблудиться и не пропасть...

– Хорошо, Мгро, – отвечал сын Чора. – Это я буду помнить.

Семья Илы во главе с Уртом скрылась из глаз племени.

С каждым днём они всё дальше удалялись от пещеры, где прошла их прежняя жизнь. Этому радовался только один Урт. Илу беспокоила радость сына. «Как он ещё молод, чтобы осознавать всю опасность их теперешнего положения», – думала она. А вслух иногда спрашивала:

– Ты хорошо обо всем подумал? Ты помнишь, что с тобой мать, младшие братья и сёстры?..

– Да, мама, – отвечал Урт. – Ты же знаешь, я не сразу решился на это.

Они шли и шли.

Когда случалась гроза, они падали на землю, пряча в ней свои лица. Дети прижимались к матери. Они бессловесно вздрагивали при звуках Грома, словно каждый удар приходился в них. В такие минуты казалось, что жизнь покинула живые существа, оставив мокрым камням их оболочку.

И только расширенные зрачки Урта, затопленные страхом и отчаянием первобытного человека, всё же следили за тем, как откуда-то сверху, из высоких глубин Неба, внезапно рождалась Молния. Порою от её гнева, как травинки, валились огромные деревья. Её яркая, необъяснимая сила внушала трепет и ужас. Молния исчезала, оставляя после себя нечто живое и ещё более страшное – Огонь. И тогда Урт вспоминал отца, вспоминал Мгро...

Несколько раз Урту случайно доводилось видеть издалека, как вождь сидел у Огня. И всегда это происходило далеко от пещеры, в укромном месте. Мгро подносил куски мяса к огню, а потом их ел. Он ел поспешно, с жадностью самого голодного человека племени. Урт не верил своим глазам: неужели это был Мгро, вождь? И вместе с тем, этот голодный, стареющий человек, каким он казался со стороны, не боялся находиться вблизи огня, опустившегося с Великого Неба...

Эти мысли вращались в голове Урта как тяжёлые камни. Они не давали покоя.

Непогода сменялась теплом и солнцем. Можно было продолжать путь.

Наконец пришёл день, когда Урт сказал:

– Мать, вот здесь мы будем жить, и он показал пещеру на южном склоне высокого холма, поросшего редкими деревьями с гладкой тёмной корой.

Самый верх холма венчали скалистые валуны. Оттуда был хороший обзор. Сердце Урта весело забилося, когда он увидел с холма совсем неподалёку большое озеро. Из озера струилась река.

Пещера оказалась сухой. Достаточно вместительной. В хорошую погоду свет солнца заглядывал внутрь.

– Мне нравится здесь, – впервые за всё время их странствий улыбнулась Ила. И, глядя на мать, улыбнулись её младшие дети.

– Но только будет ли для нас здесь пища? – на лице Илы снова появилась тревога. Это чувство очень редко и ненадолго покидало людей, весь смысл существования которых был – выжить.

– Я надеюсь, мама, – сказал Урт. – Мне поможет он... – Урт тронул рукой нож, который когда-то принадлежал его отцу.

7

Он возвращался с охоты. И хотя день сложился неудачно, походка его была легка. Там, в пещере его ждали. Там, в пещере был запас пищи. А удача... В конце концов придёт. Только бы не уставать к ней стремиться.

Урт был уже почти у пещеры, когда увидел человека, лежащего ничком, в такой же звериной шкуре. Вид незнакомого человека напугал, ошеломил Урта. Но тот лежал без движений, и это немного успокоило охотника. «Он мёртв, – подумал Урт. – откуда и как он сюда попал?»

Урт склонился над человеком. Неожиданно тот пошевелился.

– Ты жив? – спросил Урт.

– Да, я жив, – произнёс человек хриплым дрожащим голосом.

– Повернись ко мне, я не вижу твоего лица, – их понимание друг друга основывалось скорее на жестах и мимике.

Урт всмотрелся в черты незнакомца. Нет, он не из племени Мгро. Но разве есть ещё люди кроме людей племени Мгро и семьи его матери Илы?

– Как тебя звать? – спросил наконец Урт.

– Боо.

– Боо? А откуда ты? Как ты сюда попал?

Незнакомец показал рукой направление.

– Там моё племя, – сказал он.

Урт был поражён.

– Ты из племени?!

– Да.

– И кроме тебя там есть ещё такие же люди?!

– Да, – Боо всё ещё был подавлен и растерян.

– Так вставай! – воскликнул Урт. – Я покажу тебя своей матери! Пусть она узнает, что есть и другие люди.

– Нет, – произнёс Боо. – Там, там... – сказал он, прикрывая одной рукой лицо, а другой показывая в сторону пещеры Урта.

Урт взглянул туда и понял причину испуга пришельца: перед входом в пещеру горел **костёр**.

– Боо, это **огонь**, – сказал Урт. – Это мой огонь. Не надо его бояться. Видишь, я его не боюсь. Я смотрю на него спокойно, потому что он мой.

– Твой? – переспросил Боо.

– Да.

В глазах пришельца смешались ужас и восхищение: человек, такой же как и он, спокойно смотрит на **Огонь**. Не явился ли он тоже... с Великого Неба?..

– Пойдём в мою пещеру, – сказал Урт.

– Не-ет, – покачал головой Боо.

Тогда Урт крикнул мать, братьев и сестёр.

Услышав голоса полные участия, увидев оживлённые лица женщины и детей, человек наконец уступил.

...Он сидел спиной к огню, готовый в любую минуту вскочить и броситься прочь. Его пугал треск сухих сучьев – по спине волнами пробегали мурашки. «Из такого звука рождается Молния», – думал он. Но странно, время шло, солнце заходило за горизонт, а ему было хорошо, словно он лежал в тёплый полдень, подставив спину Великому Небу.

– Ешь, – Урт протянул ему кусок мяса.

Оно удивительно пахло и таяло во рту. Боо зажмурил глаза от наслаждения, никогда ранее им не испытываемого. Казалось, он забыл о недавнем страхе. Но тот, кто угощал таким мясом, вдруг вернул Боо на землю.

– А теперь, – сказал Урт, – посмотри на огонь. Не бойся. Ты не увидишь разгневанной Молнии. Молния давно исчезла. Она скрылась в Великом Небе...

Боо посмотрел туда, где вот-вот должны были показаться спокойные звёзды.

– Да, Боо, – продолжал Урт, – Молния исчезла там. А здесь остался огонь – душа разгневанной Молнии. Это она согрела твою спину и сделала мясо таким вкусным...

Боо медленно повернул голову. Щеки его коснулось тепло. Живое, как дыхание. Сейчас оно напомнило Боо ласковое прикосновение ладочки его младшей дочери.

Боо осторожно приоткрыл один глаз.

ЖИЛИ-БЫЛИ АПТЕКАРЬ С КОПЁШКОЙ

ПОВЕСТЬ

ПОЧЁМ ХОМУТ

Давным-давно, мно-ого лет тому, однажды под вечер смеркалось. В избе Гордея Силыча вся семья была в сборе. Дружно в круг стола сидели. Посреди стола дымился большой горшок. От мала до велика глаз не могли от него оторвать. Уж такой аппетитный запах в нос ударял. Но ждали. Ждали, пока глава семейства закончит речь свою, хоть была она слышана-переслышана не один раз.

– Я его спрашиваю, – басовитым шмелем гудел Гордей Силыч, – сколько за хомут просишь? «Пять целковых», - отвечает. - Не много ли? – говорю. А сам думаю: ну, я погожу, нам не к спеху. Покрутишься у меня, покрутишься, да и скинешь цену. До ночи с ним сидели, кто кого пересидит. Наша взяла. Не захотел домой последний хомут везти, уступил. За четыре с полтиной.

– Выгода, – вторил отцу старший сын Никодим.

Думал Никодим и свою речь заплести. Ну, хотя бы про соседа Истукария. Мол, с утра уехал за сеном, а до сих пор нет. По дороге, видать, голову потерял. На что тятя Гордей Силыч сказал бы: «По сию пору ищет, небось...»

Подумал Никодим и промолчал. Потому как речь тятиня о хомутах была. Да к тому же, в животе Никодима поднывало – есть хотелось...

– Верно. На ярманку ехать с умом надо, а возвращаться – с выгодой, – заключил Гордей Силыч, и наконец-то степенно взял ложку, потянулся к горшку. Вслед за ним осторожно, и вида не показывая, как есть охота, – все остальные.

– Да-а... На печи сидеть, генералом не станешь. Матвейка!..– Гордей Силыч аж привскочил. – Ты чей кусок тащишь?! – и хлоп – младшенького сынка ложкой по лбу.

– Больно, тятя! – вскрикнул Матвейка.

– Больно, говоришь? Вдругорядь больней стукану. Ты ребятёнок. Так что из горшка тyani по своей ложке.

– Я и так по своей. Кабы я самый большой вытянул! А там вон – ещё больше. На донышке-то...

– Цыц! Углядел бесёнок. Вдвойне поделом тебе. Не будь такой глазастый.

Никто за Матвейку не заступился. Где там: еда на столе стыла. Да и Матвейка, по правде говоря, был хоть и мал, да удал. За словом в карман не лез.

«НЕСКЛАДЁХА ТЫ, НЕСКЛАДЁХА...»

«Уж давно мужику пора дома быть, а его нет как нет, – сетовала жена Истукария. – Вон и детишки хнычут, пора за стол садиться. Да как без отца-то?... И где его носит?..»

В который раз выходила она на крыльцо. Видела огонёк в соседней избе Гордея Силыча. Думала с завистью: «Ведь вот всё как у людей, всё ладом у Гордея-то. А мой-то... Такой нескладёха, такой нескладёха. Видит бог, век за ним так в слезах и прохожу... Вчера взять. Сели за стол, а он возьми да смахни рукой горшок с кашей на пол. Добро б только каша на полу, а то ведь и ногу зашиб, и горшок треснул. Ну, куда с таким? Пропадёшь и только...»

Но вот дети со двора бегут.

– Мамка! Тятя приехал!

– Живой хоть? – уныло спросила мать.

– Живёхонький!

– Слава те, пронесло на сей раз...

Вошёл Истукарий в избу. Стоит у порога, виновато мнётся. Ну – не хозяин вернулся, а гость незваный о ночёвке просить собирается.

– Ну, чего опять приключилось? – чуть не плача, спросила его жена. – Чего застрял-то так?

– Да вот... понимаешь... Сено дорогой чуток порастрёс. Пришлось вертаться, собирать...

– Да как же ты по первости-то увязывал его? Ох, нескладёха...

– Так и увязывал. Ладом увязывал.

– Ладом... А ещё чего было?

– А ещё. Книжника, Гаврилу Дормидонтыча встретил. На краю деревни, у избы Аптекаря. Из кустов вылез, – Истукарий замолчал, решив, видать, что и сказанного хватит.

– Ну, вылез... Дальше-то что? – теперь уже из любопытства спросила жена.

– Дальше? Смотрю: железо мятое тащит. На нём буквы всякие. «Наше почтение вам, Гаврило Дормидонтыч, – говорю. – Никак книжонку какую нашли?» «Нашёл», – отвечает сердито. «И чего в ней, Гаврило Дормидонтыч, написано? – говорю. – Прости уж меня тёмного за любопытство». Тут он совсем осерчал. «Вот дурак! – говорит. – Да откуда я знаю, коли нашёл только?! Принесу домой, дома прочту». – Сотворит же господь человека – по уму и грамоту дал...

– Тебе бы дал, – сказала жена, – ну, хоть вот столечко ума бы. А уж без грамоты как-нибудь прожил бы. Не хуже других, – тут она вздохнула. – Садись, давай, за стол.

– И верно. Уж так есть охота, – обрадовался Истукарий.

– Постой! – спохватилась жена. – Лошадь-то ты распряг хоть?

– Нет ещё.

– Так ступай же, распряги сперва! Да кинь ей охাপку сена в ясли! Господи, вот нескладёха-то...

ПОЖАР В ЗЕЛЁНОЙ БАНКЕ

Изба Аптекаря на самом краю деревни. И такая она ветхая, что от старости ей бы и развалиться пора. Да не разваливалась: хозяйина жаль. И гнилым бревном, а придавить можно.

Люди в деревне крепкие, здоровые, работающие. Оттого они почти забыли, что у них на самом краю Аптекарь живёт. Зачем им было помнить, если они здоровые, крепкие да степенные? К тому же и вывеску у Аптекаря то ли ветром сорвало, то ли ещё как, словом, куда-то подевалась. А люди жили себе, почти не тужили. Почему почти? Да потому что чего-то деревенскому люду всё же не хватало. Только вот чего?.. Этого они и сами толком не знали.

Аптекарь же с утра до вечера в своей избе. Сидит за столом. Сам – мужичонка неказистый. Бородёнка маленькая, реденькая. На носу очки железные. Стёкла в трещинах. Дужка на переносье ниточкой обмотана. Перед ним полки с лекарствами разными. А на столе – банки всякие. В трёх банках у Аптекаря мухи живые. В одной банке – крупные, с напёрсток. В другой – с горошину. В третьей – с булавочную головку. Мух, которые в третьей банке живут, Аптекарь называет жеребятами. А тех, покрупнее – лошадушками и конями.

На столе, под рукой у Аптекаря много всяких тележек, повозок, тарантасиков, бричек, колясок и тяжёлых экипажей. Все они из тончайшей проволоки. Много труда и старания приложил Аптекарь, чтобы они получились лёгкими и красивыми. В них-то он и запрягал своих коней и лошадушек...

Вот и на сей раз, вечером сидит Аптекарь за своим столом. Берёт в руки повозку. Осматривает её со всех сторон, начинает думать: сколько коней можно поставить в упряжь? То ли парой запрячь? То ли тройкой? То ли цугом по паре? Решит и снова думает: какой масти подобрать? Ведь мухи у него и вороные, и гнедые, и чалые, и каурые. А как устанет голова Аптекаря от думаний, тут он ловко поднимет крышку нужной банки и выхватывает как раз нужного коня. Да так расторопно, что у него ни один лишний до срока из банки не выскочит.

Не просто запрячь застоявшуюся муху. Но Аптекарь дело знает.

– Чуть было про жеребят не забыл, – бормочет он, не ведая, что у него под окном Матвейка притаился. Наблюдает. С интересом. Стоит, только вчерашнюю шишку на лбу потирает. – Парочку надо б, – говорит Аптекарь. Достает из третьей банки жеребят и тут же отпускает со словами: – Ладно, бегите. Подрастайте на воле. Придёт время, узнаете, что такое хомут, подруга и вожжи.

– Ишь, жеребят на волю пустил! – радуется Матвейка.

Вот раскатывают по столу Аптекаря повозки, коляски и тележки с поклажей. У некоторых под дугами весело позванивают мельчайшие колокольчики. Сам Аптекарь кнутиком помахивает и смотрит, чтобы повозки

друг на друга не наехали, не кувырнулись. Как увидит, что один конь пристал, задыхается от быстрой езды, сразу раз – и в банку его. На отдых. А на его место свежего ставит, полного сил...

Ещё бы надобно сказать, что у Аптекаря на столе, на дальнем краю, тихо жила большая Банка из зелёного стекла. Чтобы совсем уж не забыть, кто он такой, и за какой надобностью в деревне обитает, Аптекарь нет-нет да и вспомнит про порошки, снадобья разные и про эту банку. Только вспоминал он не головой, а руками. Ну, раз у него голова лошадыми забита. Вспоминал так: возьмёт свободной рукой щепотку подвернувшегося снадобья и бросит в зелёную Банку. Бросит вторую щепотку и – глаза зажмурит. На всякий случай. Мало ли что?.. Вдруг вспыхнет, вдруг грохнет. И правильно делал. Потому что на сей раз в Банке и впрямь: вспыхнуло, загорелось, правда, не грохнуло.

– Пожар! Аптекарь загорелся! – с криком бросился Матвейка на деревню.

Сам же Аптекарь ничего не заметил. Да оно и понятно, коли потухло раньше, чем загорелось. К тому же в ту минуту у Аптекаря на столе как раз большая беда стряслась: два экипажа сшиблись – только колёса в разные стороны.

Аптекарь своей бедой занят, а тут на деревне к его избе люди спешат. Матвейка впереди.

– Вот тебе раз! Пожар, а огня не видать.

– Я видел! Вот, ей богу! Ка-ак пыхнет!

– Изба на месте, – говорит Гордей Силыч. – Как стояла, так и стоит. И дымом не пахнет.

– Верно. Мальцу бы за враньё уши надрать.

– Не твоими руками только... Надо будет, сам надеру.

– Не дам уши драть, – закричал Матвейка. – Своими глазами видел, как пыхнуло! Чтоб мне с места не сойти!..

Подошли мужики к дому Аптекаря. Сгрудились у окна. Задние на передних давят.

– Ну, чего там? Горит – не горит?

– А ты, Истукаша, отойди отсюда. Невезучий ты...

– Верно. Того и гляди дом Аптекаря повалится. Давно ему пора.

– На Истукария повалится, а нас, глядишь, придавит.

– А что ему?.. Мокрый дождя не боится. Верно, Истукарий?

Истукарий с опаской глянул на дом, да сконфуженно так в сторонку, в сторонку...

– Ну, чего там, братцы?

– А-а! – развернулся от окна Гордей Силыч. – Никакого огня не видать. А Аптекарь всё с мухами воует. Одно слово: Данило с мотовило, а ума не с шило. Матвейка, где ты? А ну, ухо давай!

Так Матвейка и дался! Спрятался за спины мужиков. Поймай его в потёмках.

– Ладно. Ужо дома... – сказал Гордей Силыч. – Айда по домам, мужики.

Завернули обратно. По дороге Матвейку бранят, а заодно и Аптекаря.

– Ну вот, – сказал вдруг Истукарий, будто кто его за язык потянул, – ничего у нас в деревне не происходит. Пожара и то с прошлого лета не было.

– На тебя каждый день то горшок свалится, то полено, а тебе всё мало! – накинулись на него.

– Пожара ему захотелось!..

– Тихо живём и на том спасибо Господу.

Истукарий и сам был не рад, что рот открыл.

Мужики расходились, а Аптекарь у себя бедой своей занят. Не слышит ничего, не видит. То колесо ладить на место к тележке приметя, то кнутиком зачем-то взмахнёт. Растерялся, одним словом.

В такой неразберихе попробуй, заметь, что тебе уже давно помогают. И кто?.. С виду толком не понять: то ли копёшка свежего сена, то ли веник из елового лапника.

– Для перепуганных надо особую банку, – говорит Аптекарю этот веник. – Они в ней скорее успокоются.

– Без тебя знаю, – сказал Аптекарь и стал отправлять зашибленных мух, одну за другой в свободную банку. А веник этот, только знай, накрывает банку крышкой. Щёлк, щёлк – ловко так.

– Всё вроде, – вздохнул наконец Аптекарь.

– Вот ещё один конь. Хромает. И его надо...

– Ничего он не хромает.

– Нет хромает!

– Не хромает, а просто устал.

– Перепугался тоже.

– Малость устал с перепугу, – сказал Аптекарь.

– Вот и сажай его на отдых.

– Ладно, – со скрипом согласился Аптекарь. – Вроде с конями всё.

Аптекарь повертел в руках сломанные экипажи.

– Одни оглобли остались, – говорит. – Тут и чинить-то нечего. Придётся новые делать. Это ж сколько работы!..

– Потом сделаем, – слышит в ответ. – Сейчас другим займёмся.

Тут только взглянул Аптекарь сквозь очки на советчика.

– Чем займёмся-то?

– Дырку надо в потолке сделать.

– Зачем?

– Зима придёт, снегом нас завалит. По самую трубу.

– Ну? Может, и не завалит. Ещё какая зима будет.

– А я говорю: завалит. А завалит, так мы через дыру на улицу выходить будем.

– А-а. Только придётся и в крыше дырку делать.

– А как же! Целых две!

– Ладно. Давай.

– Неси пилу, топор.

– Пилу ещё найти надо, – Аптекарь стал шарить по столу.

– Чего ты там на столе ищешь? Нам сейчас не муху надо, а пилу.

- Верно, верно, – спохватился Аптекарь.
Пошёл он в сени. Возвращается с пилой и топором.
- Ну, и пила у тебя, – говорит этот веник. – Ржавая, тупая. А развода, почитай, никогда и не было. Сходил бы к соседям, одолжился бы хорошей.
- Да, сейчас... Так они и дали. Дадут, догонят и ещё поддадут.
- Эх, вы-ы... Живёте тут, как сычи. Все по углам, каждый за своё крепенько держится. Оттого-то скучища будто паутиной всех оплела... Ладно. Нам дырку небольшую надо. Выпилим как-нибудь.
- Уж как-нибудь... – поддакнул Аптекарь.
Немного поработали они, Аптекарь и говорит:
- Слышь, как тебя звать-то?
- Вон когда хватился! А чего раньше не спрашивал?
- Сперва не до того было, сам видел. А потом подумал: всё равно забуду.
- А-а. Ну, тогда хоть Копёшкой зови.
- Копёшка, значит. А меня Аптекарь.
- Знаю. Давай дальше пилить.
- Кончили они дело.
- Ну, вот, – вздохнул Аптекарь, – кажется всё.
- Вроде неплохо получилось, – отозвался Копёшка.
Аптекарь глянул в дырку.
- А на дворе-то уже ночь! – говорит. – Спать пора.
- Спать, так спать.
- Улеглись они кто где. Один на лавке, другой на печи. И обоим в дырку хорошо видать.
- Эй, Аптекарь, не спишь? – окликнул Аптекаря Копёшка.
- Нет ещё.
- Хорошо, а то бы будить пришлось. Во-он, видишь – уже и снег летит. Только далеко ещё.
- Но никакой это не снег был, а просто небо вызвездило. Подмигивают звёздочки Аптекарю с Копёшкой в самую дырку.
- И верно! – обрадовался Аптекарь. – Во время мы дыркой обзавелись. Пока снег до нашей деревни долетит, мы с тобой экипажи новые сделаем. Лето-то еще не кончилось.
- Какие экипажи! – кричит Копёшка. – Некогда будет по пустякам мельтешиться. Спи, давай! А то утро придёт, а мы не выспались.
- Успеем выспаться. Шить ли, белить ли – завтра велик день, – сказал это Аптекарь и вдруг привскочил на своём месте, будто его петух клюнул. – Слышь, Копёшка, ты кто такой?
- Я? Забыл уже что ли? Копёшка – я.
- Я не про то. Ты откуда взялся?
- Из Банки.
- Из банки?! Из какой?!.
- Скажи тебе, всё равно забудешь. Спи, давай! С утра жизнь начнётся.

НЕ ВДРУГ НА ГОРУ, С ПОНОРОВОЧКОЙ

Утром вскочил первым Копёшка. Будит Аптекаря:

– Вставай, вставай! Уже солнце на дворе.

– Что? Запрягать пора? – спросонок отозвался тот.

– Хватит, назапрягались! На двор пошли, – тормозит его Копёшка.

– А что мы там забыли?

– Пошли, пошли, говорят тебе!

– Не хочу я из дому выходить.

– Не хочешь? – обиделся Копёшка. – Тогда я назад в Банку пошёл.

Тут Аптекарь вскочил.

– Нет, Копёшка, погоди! Не надо так. Лучше во двор выйдем.

Вышли они на крыльцо.

– А хорошо-то как на дворе! – потянулся Аптекарь. – Солнышко светит.

Птички поют. – Аптекарь зевнул, подумал немного, говорит: – Неси пилу, воздух пилить будем.

– Ну, вот ещё! – отвечает Копёшка. – Напилим, наколем, сложим – во дворе не повернуться будет. Пошли лучше на дорогу выйдем.

– А что нам там делать, на дороге на твоей?

– Пошли, пошли. Людей хоть встретим.

– Тю-у! Людей?! Ну их в болото топкое. Мы им не нужны, а они нам и подавно.

– Во-во! Так и живёте... Ну, тогда как знаешь. Я пошёл.

– На дорогу?

– В Банку я пошёл, – задумчиво сказал Копёшка.

Испугался Аптекарь. С этим словым венником только одну ночь в избе провёл, а уже и не чаял жизни без него.

– Копёшка, Копёшка! – говорит. – Да разве это дело так сердчать? Чуть что, ты сразу в Банку лезешь. Ты чего же? Меня одного хочешь оставить? Друг называется. Ведь не хорошо так. Не хорошо. Ладно уж... пошли на твою дорогу.

– Это не моя дорога, – отвечает Копёшка всё ещё в обиде на Аптекаря, – она ваша, деревенская...

– Хорошо, хорошо... Пошли на нашу, на деревенскую.

Вышли они на дорогу. Видят: мужик с лошадыю. Лошадь воз тянет. Вот-вот на гору ей подниматься.

– Ну? Видишь? – говорит Копёшка. – Человек идёт. И лошадь.

– И чего в том занятного? Ну, мужик. Идёт. Похоже, Истукарий. Ну, лошадь его воз тащит. В угор поднимаются. Чего тут такого, Копёшка?

– Во! Всё ты хорошо видишь. Не зря очки на носу. Ещё бы увидел, что подсобить человеку надо.

– Подсобить?... Ладно. Пошли. Только по первости подсобим лошади, а потом уж Истукарию. Потому как воз лошадь тащит, а не мужик.

– Так мы больно долго помогать будем. Мы уж лучше обоим сразу подсобим.

– Обоим так обоим, – согласился Аптекарь, а сам думает: как это сразу обоим?

Нагнали они мужика с лошадыю.

– День добрый, Истукарий Спиридоныч, – говорит Аптекарь.

Огляделся Истукарий по сторонам с опаской. Мол, не валится ли какое бревно на голову.

– Здравствуйте, здравствуйте, люди... люди добрые, – отвечает.

– В горку-то тяжело подыматься? – спрашивает Аптекарь.

– Тяжеленько, люди добрые. Ох, тяжеленько. Лошадушку-то дак совсем слепни заели.

– Как ещё жива, сама удивляюсь, – поддакнула лошадь.

– А ну-ка, держись! Сейчас подсобим! – крикнул Аптекарь и давай плечом подталкивать Истукария сзади. – Не вдруг на гору, а с поноровочкой! Эй, Копёшка! А ты давай воз подталкивай!

Туда, сюда крутнул головой Аптекарь: нет Копёшки.

Истукарий же с перепугу кричит что есть мочи:

– Братцы, братцы! За что вы меня? Ведь ничего худого вам не сделал! Не берите греха на душу! Помилуйте, братцы!

– Эх, ты! – кричит Аптекарь. – Голова садовая! Тебе подсобляют, а ты караул кричишь! Будто разбойники на тебя налетели.

– Да ведь... да ведь... С хвоста хомута не наденешь. Кто ж так подсобляет? Так ведь только до смерти можно запугать. А ведь у меня это... дети малые, жена, лошадушка, коровушка, три овечки, поросёнок. Совсем махонький...

Откуда ни возьмись – Копёшка. Подбегает к лошади, и давай её охлопывать ветками по одной стороне спины.

– Вот спаси-ибо! – заржала лошадь. – Вот спаси-ибо! Уж теперь истинно: не вдруг на гору, с поноровочкой! – и пошла веселей.

Истукарий с Аптекарем так и застыли, глядячи на Копёшкину выдумку.

Бросился в кусты Аптекарь. Прибегает тоже с ветками. И давай охлопывать лошадь по другому боку. Охлопывает и думает про слепней: это ж каких коней губим! Их бы в мои тележки...

Так и поднялись в угор.

Аптекарь запыхался, говорит Истукарию:

– Немного подсобили тебе, а?

– Малость есть того...

– Ну, бывай Истукарий Спиридоныч. Теперь и сам доберёшься.

Бедный Истукарий всё опомниться не может.

– Благодарствуем, благодарствуем... – бормотал, пока Аптекарь с Копёшкой с глаз не скрылись.

– Ну что ты, Истукаша, право?.. – сказала жалеючи хозяйина лошадь. – На всякую беду страху не напасёшься. Совсем ты с лица спал. Будто на тебя забор уронили. Нельзя так.

– Не приведи, господь, таких помощничков, – знай себе, шепчет Истукарий.

– Эх, ты-ы... Угорела барыня в нетопленной бане... Люди-то добрые. И ведь помогли, Век помнить буду.

Проехали немного, лошадь снова заговорила:

– Слышь, Истукарий?

– Ну?

– Один-то наш, Аптекарь. Который всё мушинными конюшнями занимается. А второй-то кто?

– Второй-то? Второй-то, видать, в ученики к нему прислан. А, может, какое большое начальство. Кто ж его знает?

– С виду у нас таких отродясь не было. Но толковый, видать. Толковый парнишка.

– Нашла парнишку... а как и впрямь начальство какое?..

– Эх, Истукарий, Истукарий... помотала головой лошадь, ничего больше не сказала.

«СМЕЙСЯ, ПОКА ТЯТЕНЬКА НЕ ВИДИТ»

Аптекарь с Копёшкой тем временем к дому направлялись. Зашли на ручей умыться. Увидели они посреди ручья корову. Немного попила она, стоит задумчивая. В удовольствии хвостом обмахивается. А на другом берегу ручья – Никодим. Посматривает на свою корову.

– Корова! – говорит Копёшка. – Видишь, почти перешла, а мужику никак. Мокро кругом.

– Ну и что? – отвечает Аптекарь.

– Как ну и что?! Беги за доской! Только, смотри, длинную тащи. Давай, одна нога здесь, другая – там.

– Ты чего измываешься над старым Аптекарем? – обиделся вдруг Аптекарь. – Что это за такое: пили, беги, тащи! Что я тебе – мальчик? Нашёл мальчика! Говорил: жизнь начнётся. А какая это жизнь? Прости, господи, теребиловка одна!..

– Аптекарчик, – взмолился Копёшка, – мы с тобой в другой раз поругаемся, ладно? А сейчас доска нужна.

Дрогнуло сердце Аптекаря.

– Доска? Какую хоть надо? – буркнул.

– А деревянную, конечно. И длинную.

– Ладно.

Убежал Аптекарь. Возвращается с доской.

– Вот... принёс... – говорит, запыхавшись.

– Спорый ты на ногу оказался, – похваливает его Копёшка. – Молодец. И доску принёс в самый раз. Упрел, небось? Ну, да свесив руки, снопа не обмолотишь. Верно?

– Верно.

– Отдышись пока.

Копёшка той минутой кладёт доску на спину корове, концом – прямо в ноги Никодима.

– Эй, ты, как там тебя? – кричит.

– Не эй ты, а Никодим Гордеич.

– Давай переходи, Никодим Гордеич. Не бойся!

– Вот дураки! – осерчал Никодим. – Да мне не к чему на ту сторону-то! Я жду, когда корова моя совсем напьётся.

– А-а! Понял! А потом корове твоей всё равно к тебе надо будет идти?

– Ну, да!

Тут и Аптекарь догадался, говорит:

– Вот оно что! Раз такое дело, Никодим, полезай в воду! Мы на тебя доску положим, а когда корова напьётся, перейдёт на твою сторону по доске! Понял?

– Понял?! – добавил Копёшка. – Корова твоя и копыт не замочит!

Корова услышала такое, подняла голову, говорит:

– Это чтобы я не простудилась?

– Ясное дело! Тебе ж, небось, ещё и телёнка вырастить надо!

– Зачем же тебе хворать, – добавил Копёшка.

У коровы даже слёзы на глазах выступили.

– Я, милые, – говорит, – вспоминаю себя в телячестве. Так вот, скажу вам, даже матушка моя комолая и та обо мне так не печлась.

Никодим стоит, не знает, то ли ему ругаться, то ли смеяться.

– Эй, вы, дурики – мозги набекрень! – кричит. – На вас гляючи и смеяться охота.

– А ты посмейся, раз охота.

– Нет уж, не раззадорите. Тятенька говорит: не пристало степенному мужику баловство такое.

– Впору поплакать, коли тятенька не велит смеяться.

– Плакать не с чего, посмеяться, на вас гляючи, охота.

– Вот беда-то! – кричит Копёшка. – Чего уж там! Смейся, пока тятенька не видит, да пока смех разбирает.

– Милые, чего захотели! – говорит корова. – Да кто у нас в деревне смеяться горазд? Пахоть – это хоть с утра до ночи, сеять – тоже самое, избу поставить, телегу починить, сани – до всего руки доходят. А вот смеяться – что-то я не слыхала. Хоть моего Никодима взять. Хороший хозяин, слов нет. А посмотришь на него другой раз, ну не человек, а индюк надутый. Одна сурьёзная степенность. Да и та тятенькина...

– Помалкивай, кулёма рогатая! – перебил её Никодим.

– Вот, слыхали? Ладно уж, молчу.

– Слышь, Аптекарь, друг твой этот, лохматый, откуда взялся? Вроде ты один жил.

– Откуда... Из Банки, – отозвался Аптекарь.

– Откуда, откуда?!.

- Глухой что ли? Говорят же тебе: из Банки!
Никодим со смеху схватился за живот.
- Ой, ой!.. Ой, не могу! Ну, уморили! – шатается, как былинка на ветру, вот-вот упадёт – в ручей бухнется.
- Эй, Никодим! Никодим, слышь? – окликнул его Копёшка.
- Чего тебе, лохматый?
- Ты там не шибко-то расходишь. Ещё шлёпнешься в воду, а у нас верёвки нет.
- Никодим так и присел.
- А верёвка-то на что?
- От смеха совсем рехнулся, – говорит Аптекарь. – Да тебя спасти, вот на что!
- А доска на что?
- Доской, – говорит Копёшка, – ненароком зашибить можно, кулёма бестолковая!
- Тут Никодим опять схватился за живот.
- Ох, ох! Не могу! Да ведь в ручье-то мне по колено будет!
- Это ещё как хлопнешься, – говорит Копёшка. – Может, так, что с макушкой скроет, коли плашмя.
- Никоди-им! – послышался зычный голос Гордея Силыча. – Чего это у тебя корова там ревёт? Никак, не напоил ещё?..
- Никодима будто громом ошаршило.
- Тятя..
- Вон как тяти испугался, – говорит Копёшка. – Теперь, гляди, со страху не помри.
- Гордей Силы-ыч! – откликнулась корова на голос Гордея Силыча.
- Чего тебе там ещё?
- Это не я реву.
- Как не ты? Кто ж тогда?
- Это сынок твой старшенький, Никодим. Развеселился, вот и смеётся.
- Чего-о?!

НАШ ФЕДОС ЛЮБИТ ПРИНОС

Докатилась молва про Аптекаря и Копёшку до порога избы, в которой жил Гаврило Дормидонтыч, прозываемый за глаза Книжником. В деревне кроме него никто не разумел в чтении.

Книг у Книжника было много. Полный дом. Для жизни хозяину только маленький пятачок на полу середь избы остался. На этом пятачке и прокрутился Гаврило Дормидонтыч весь свой век. Промеж книг своих.

А книги у него всё старинные. Иные толще бревна. И сами большие, как речные плоты. И тоже сырые и тяжёлые: только колом обложку и поднимать.

Гаврило Дормидонтыч не просто читал свои книги. Он искал в них Смысл Жизни. И потому на деревне с большим уважением о нём и его занятии говорили. «Это ж надо столько книг держать! И как только они у него в голове помещаются?» – говорили одни. «Ежели бы они у него в голове помещались, он бы их не в доме держал, а в сарае», – возражали другие...

Вот как-то раз собрались мужики деревенские у порога дома Гаврилы Дормидонтыча, кой о чём расспросить его, послушать его мудростей. Сами они не решались вызвать Книжника для разговора. Стояли, дожидались, когда Гордей Силыч придёт. Только он был вхож в дом Книжника. Дожидаясь его, мужики меж собой толковали:

– Слышь, а Аптекарю он кем приходится?

– Разное говорят. Кто говорит – сват, кто – брат, кто – друг.

– Кругом родня: на одном солнце лапти сушили...

– Какая там родня! Говорят, будто бы в ученики к Аптекарю прислан по аптекарскому делу.

– Кем он Аптекарю приходится, – вставил своё слово Истукарий, – определённо не знаю. Может, он и начальство какое большое – не ведаю. Но скажу вам, братцы, толковый парнишка. Очень даже...

– Ну, Истукарий! Начальство парнишкой называешь!..

– Начальство! Какое оно начальство. Начальство – они пешком не ходят.

– Истукаша, что бочка пустая. А пустая бочка звонче гремит.

Все посмотрели на Истукария.

– Я что... Я ничего... – смутился тот вконец.

Чуть в сторонке Никодим, индюком насупленным, вставил своё:

– Дураки они оба. И Аптекарь ваш и Копёшка.

– Оно, может, и дураки. Кому надо, тот лучше знает, – поддакнул кто-то и продолжал: – Только, говорят, этот... как его... Копёшка что ли?

– Ну, да. Копёшка его звать.

– Так говорят, будто он из Банки какой-то вышел. Не знаю: правда – нет.

– Ишь, ты!

– Да вон Матвейка. Он, говорят, видел всё как было.

– А ну, пострел, иди сюда, – цапнули Матвейку за ворот. – Расскажи народу как всё было.

– Про Копёшку что ли?

– Про него самого. Ты, говорят, всё видел.

– Значит так, – начал Матвейка, – стою я это у окна...

– Постой вратъ-го, у какого ещё окна?

– У какого!.. У Аптекарского!

– Так и говори.

– Я так и говорю!

– Дальше давай.

– Стою это я у окна. Смотрю. А уже вечерело. По ногам холодок от ручья так и тянет, так и тянет. Вижу: запрягает...

– Матвеша, кто тянет, кто запрягает?

– Аптекарь тянет, а холодок запрягает...

Мужики переглянулись, почесали в затылках.
– Так кто запрягает-то?!

– Кто, кто!.. Аптекарь, конечно! – отмахнулся Матвейка, как от назойливой мухи.

– Так и говори!

– А я как?

– Мужики, будет вам воду в ступе толочь. Давай, Матвейка, дальше.

– Значит, запрягает это он своих мух. В тележки, значит. А по столу у него: тройка мчится, тройка скачет, только пыль из-под копыт... За ней – другая. За ней – другая. За ней..

– Да остановись ты! Про мух мы и без тебя знаем. Ты дело говори.

– Матвеша, сынок, кто запрягает-то?

На глухого да тугодума так и зашикали:

– Ясно кто! Аптекарь, кто ж ещё!

– А я, братцы, думал этот... как его... Копёшка.

– Думал! Ему про сапоги, а он про пироги.

– Да ну вас! – рванулся было Матвейка. – Не хотите слушать, не надо. – Но держали крепко.

– Ты, Матвейка, головы нам не морочь. Ты про Копёшку давай. Откуда и как он взялся. А не про забаву Аптекаря.

– Ладно уж, – недовольно буркнул Матвейка. – Значит так. В зелёной Банке ка-ак пыхнет!!

Мужики разом вздрогнули. Матвейка вырвался, убежал.

– Вот, значит, как, – покачали головами мужики.

– Чудеса и только.

– Да чего ж тут чудесного?

– Вот именно. Враньё не споро – попутает скоро...

– Какое враньё! Банки у Аптекаря есть? Есть. Порошков всяких заготовлено?

– Заготовлено.

– Вот из порошков-то, видать, и получился этот Копёшка. В Банке, понятно, получился.

Разговор умолк. Стояли мужики, думали: так оно или не так?

– Где ж это Гордей Силыч запропастился?

Посмотрели все на Никодима.

– Тятя велел его дожидаться, – сказал и глянул на облака, будто это и не он изрёк, а кто-то с самого неба.

Тут Матвейка:

– Тятя, тятя идёт!

Показался Гордей Силыч.

– Гордеюшка, тебя ждем.

Гордей Силыч будто и не слышал.

– Что ж? Книжник-то не выходил ещё? – спросил, бороду пригладил.

– Кому ж его звать, как не тебе?

– Кхе! Кхе! – кашлянул в кулак Гордей Силыч.

Все расступились. Поднялся он на крыльцо. Осторожно дверь приоткрыл. Вошёл, и за собой так же осторожно прикрыл.

– Гаврило Дормидонтыч, а Гаврило Дормидонтыч? – позвал хозяина.

Никто не откликнулся.

– Да оторвись ты, Гаврило Дормидонтыч, от труда своего хоть на чуток. Народ тебя дожидается.

И на то ответа не было.

– Наш Федос любит принос, – проворчал себе в бороду Гордей Силыч. – Слышь, Гаврило Дормидонтыч, завтра с Никодимом пришлю тебе кадушечку капустки квашеной...

Наконец-то Книжник, где-то там, на своём пяточке в избе засопел, зашевелился.

– Потекла вода под лежачий камень, – сказал себе Гордей Силыч. – Слышь, Гаврило Дормидонтыч, Истукашка нынче мёд гонит. Хозяин он, сам знаешь какой: дичь во щак да всё тараканы. А вот мёд у него нынче отменный. Так я ему подсажу. Чтобы, значит, тебя не забыл...

На сиё замечание показалось и лицо Книжника. Хмурое, недовольное. Волосы нечесанные – дыбом. Борода клочьями – по сторонам.

– С чего это там в народе волнения? – спрашивает.

– Нехитрое дело: с дуру мужик сам себя мутит, – издали начал Гордей Силыч. – Говорил им: нечего такого человека по пустыкам от дела отрывать, так нет. Их уйми. «Хотим, – говорят, – слышать Гаврилу Дормидонтыча. Пусть, мол, он скажет».

– Об чём хоть?

– Да про этих... Аптекаря и евойного дармового работника. Или кто он там ему?..

– А-а! – с досадой махнул рукой Книжник.

– Уж верно, – поддакнул Гордей Силыч. – Глаза бы мои не видели этого Аптекаря. Да вот народ, Гаврило Дормидонтыч... дожидается твоего слова мудрого, как ты учёный и есть. Надо бы, надо бы чего сказать нашим глупым людишкам...

– Надо, говоришь?

– А ты сам-то пораскинь умом-то: ты – слово учёное, а тебе за него – почёт и... грибки, яички, сальцо с мяском... Одними книжонками-то сыт не будешь.

– Верно говоришь. Ладно. Пошли, – поморщился Гаврило Дормидонтыч.

Вышли они из избы.

– День добрый, Гаврило Дормидонтыч, – поклонились мужики.

– И вам... – отвечает тот хмуро.

Тишина наступила. Мнутя люди, не зная как, с чего начать.

Нашёлся-таки смелый, говорит:

– Прости уж, Гаврило Дормидонтыч, что от книгочейства оторвали. Не обессудь...

– Тут мы, Гаврило Дормидонтыч, миром собрались... Море ветром, народ слухом волнуется.

- Знать хотим... – поддержали первого.
- Об чём хоть? – спросил Книжник, ещё больше напустив на себя туману.
- Про Аптекаря да про этого... Копёшку. Слыхал, небось?
- Слы-ыхал.
- Вот и нам бы узнать... Как ты на всё это смотришь.

Гаврило Дормидонтыч хмуро глянул поверх голов, говорит:

– А чего тут смотреть?! Не на что тут смотреть, как я посмотрю. Потому как во всём этом нет никакого Смысла Жизни. Что же касается кадушки, (ох, и хитёр был Гаврило Дормидонтыч. Кадушку вставил в свою речь, чтобы лишний раз напомнить Гордею Силычу об обещанной капусте...) из которой якобы появился новый провизор, так это полная нелепица. А нелепица потому, что в книгах про то, чтобы провизоры из бочек выходили, ничего не прописано. Вот вам и весь мой сказ, – сказал – как отрезал. С тем повернулся и хлопнул дверь. Ему было некогда разводить тары-бары. Книги ждали.

– Слово толковое, стоит целкового. Слыхали? – сказал Гордей Силыч.

– Чай не глухие.

– Раз так, и по домам пора.

– Можно и по домам. Только что ж это получается? Выходит, этот Копёшка-то из бочки взялся?..

– А говорили из Банки.

– Кто тут теперь разберёт? Так и так может быть.

– Не-ет. Книжник знает. Не зря всю жизнь в книжках копошится.

– Верно. Ему вон – даже паутину некогда смахнуть с усов.

«ГДЕ ЭТО ВИДАНО, ЧТОБЫ АРМЯК НА СВЕТИЛО ВЕШАТЬ?!»

В тёплый летний вечер, когда на небе ни тучки не было, а лишь прогуливался месяц, яркий, ровно самовар чищенный, да весело перемигивались звёздочки, во дворе Аптекаря собралась чуть не вся деревня.

Аптекарь посреди высоченную лестницу держит. А на самом верху её – Копёшка стоит. В руке армяк. Привстаёт, тянется – норовит свой армяк на рог месяца повесить.

Народ вокруг хохочет, глядя на обоих. А им не до смеха.

– Эх, коротковата лестница, – говорит Копёшка. – Чуть-чуть бы подлиннее и повесил бы. Самую малость не дотянуться.

– Я бы дотянулся, – говорит Аптекарь.

– Оно и понятно, коли ты верста коломенская – длиннее меня будешь. Да ведь что поделаешь, ежели мне жарко, а не тебе.

– Это верно. Только, может, слезешь? Устал я лестницу держать-то.

– Не-ет. Теперь слезать не надо. Я уже... повесил.

Загомонил народ:

– Гляди, братцы! Висит!!

– Армяк-то висит!

- Чудеса!
- Коль в тепле да сыт, – пусть хоть там висит!
- Братцы, братцы! За Книжником послать бы!
- И верно! Посмотрим, что Книжник скажет.
- Может, и за Гордей Сильчем?..
- Ну его! РазворчитсЯ. Пойдёт уму-разуму учить – потом не остановить будет.
- Эй, Матвейка, беги за Книжником!
- Мне тут интересней, – отвечает Матвейка. К тому же он помогал Аптекарю держать лестницу. Да и другие – ребятишки, мужики – тоже помогали.
- Кому говорят!
- За Матвейку заступились:
- Чего ж мальчонку неволить, коли ему тут интересней.
- И впрямь, чего неволить, – сказал Истукарий. – Вон ребятишки. Рты пораскрывали, глазёнки так и горят. Забава им. Радость. Вот ведь как...
- Мужики, может, Истукарий мой сбегает? – говорит жена Истукария, а сама его в спину подталкивает, шепчет: – Беги, Истукаша, от греха подальше. Тут, не ровён час, месяц рухнет, а то и – лестница. А голова у тебя одна...
- Помялся Истукарий.
- Я что, – говорит. – Для мира, если надо, я могу.
- Дуй, Истукаша! Чтобы одна нога здесь, другая – там!
- Побежал он.
- Эй, Копёшка, поди, остыл? – кричит Аптекарь. – Небось, уж и прохладно стало?
- Да есть того!
- Слезай тогда! А вы отпустите. Без вас справлюсь, – говорит Аптекарь помощникам.
- Удержишь ли?
- Да он лёгонький, удержу.
- Копёшка, Копёшка! – кричит народ. – погоди ты слезать! Посиди там малость. Книжник придёт, пусть глянет...
- Вот ещё! – отвечает Копёшка. – Буду я вашего Книжника дожидаться! Не за тем я залез. Забрался-то я сюда по надобности. жарко стало, вот и решил: пока не остыну, армяк с себя снять. Теперь я остыл, можно и слезать. Вот только армяк отцеплю, надену... – хочет Копёшка армяк снять, да где там.
- Тем временем Книжник за Истукарием вышагивает.
- Бить того не может! – кричит.
- Да как же, Гаврило Дормидонтыч, когда я сам видел. Вот, чтоб мне с места не сойти! Сам вот сейчас всё и увидишь. Своими глазами.
- Увидишь... Было б на что смотреть. Только того, об чём говоришь, всё равно не может быть. Потому что, какой же в этом Смысл Жизни, а? Я тебя спрашиваю!
- Не ведаю, – виновато отвечает Истукарий.

– Не ведаю... – передразнил Книжник. – Ты лучше скажи, когда мёду принесёшь?

– Да ведь давеча... давеча приносил.

– Я тогда тебе что сказал? Сказал: «Хороший у тебя, Истукашка, мёд нынче». Значит что?.. Значит надо ещё нести. Понял?

– А-а... – почесал Истукарий в затылке.

– До чего же вы все бестолковые. Каждый пустяк объясняй вам.

За этим разговором и вошли они во двор Аптекаря.

Книжник так и застыл. От удивления и рот закрыть позабыл.

– Ну, чего? Никак? Не снимается? – кричит Аптекарь Копёшке.

– Никак. А без армяка слезать не охота.

– Вот тебе раз! Накинуть – накинул, а снять – никак?

– Ну да! Как же это так получается?

– Видать, месяц чуть выше поднялся, – отвечает Копёшка.

– Делать ему нечего! – рассердился Аптекарь.

– Ты вот что. Тащи другую лестницу. Я её к этой привяжу и – самый раз будет.

– А не свалишься, пока я бегаю?

– Пустяки! – кричит Копёшка. – Я за армяк держаться буду!

– Ну, держись! Я мигом!

Аптекарь с места в галоп. Оглянись он, так увидел бы: Копёшка с армяком в руках, вместе с лестницей так и повалились.

Бросился к нему народ.

– Копёшечка, Копёшечка, – приговаривает Матвейка, – поди зашибся?

– Зашибёшься тут. Народу кругом сколько. Не дали.

Прибегает Аптекарь с Лестницей. Видит: Копёшка-то уже на земле, среди людей. Рассердился.

– Копёшка, люди жать, а мы с поля бежать – так что ли получается? – выговаривает ему. – Послал меня за другой лестницей. Я, понимаешь ли, спешу, ташу, надрываюсь, а он – взял и слез!

– Ты погоди, не серчай, Аптекарь, – тихо так, задумчиво отвечает Копёшка. – Понимаешь, и сам не заметил как слез.

Аптекарь поправил очки на носу. Спросил:

– А чего так споро?

– Да, видать, мне там зябко стало. Я и надумал спуститься.

– А-а, – кивает головой Аптекарь. – Другое дело. Я, пожалуй, лестницу-то унесу. К тому же вон – и армяк на тебе уже.

– Ты погоди, друг Аптекарь. Мне, может, опять жарко станет...

Книжник, стоявший до той поры соляным столбом, да только глазами хлопавший, вдруг заорал:

– Да это же дурачье! Это же фигляры! Где это видано, чтобы армяк на светило вешать?!

Все вокруг согласно закивали головами, а сами про себя только посмеиваются.

– Слышь, Гаврило Дормидонтыч, дозвошь спросить? – нашёлся мужик побойчее.

– Дозволяю.

– Гаврило Дормидонтыч, какие такие футляры? От очков что ли?

– Дурак! Не футляры, а фигляры!

– Виноват, Гаврило Дормидонтыч. Что ж это за фигляры такие?

– Это – паяцы, – ввернул Книжник уж мудренее некуда.

– Паяцы? А они пашут на лошадях?

– Дурачьё! – медведем взревел Книжник. – Почитай у каждого в голове темно, как в погребе, – махнул рукой, крутнулся на месте, и двинулся восвояси, бормоча под нос что-то.

В след ему неслось:

– Кабы нас хоть в чём просветил. А то сам только...

– Ещё чего! Так, глядишь, иной светлее меня станет. Верно, Гаврило Дормидонтыч?!

В ответ только слышался сердитый треск кустов. Гаврило Дормидонтыч спешил к себе домой напрямик, не разбирая дороги. Шутка ли, для такой чепухи оторвали от дела.

«СОЛНЫШКИ, СОЛНЫШКИ! НА ЗАБОРЕ СВЕТАТСЯ!..»

Пошло лето на убыль. Стало небо всё чаще хмуриться. То тёплые дождики накрапывали, теперь – куда там! Холодной сыростью потянуло. И в доме Аптекаря тоже.

Вот раз и говорит Аптекарь другу своему Копёшке:

– Мы с тобой вроде под крышей, а у нас, смотри, как мокро. Лучину запалить – и та потуга напрасная. Делать-то что? Удмал?

Поёжился Копёшка.

– Мокрее станет, тогда и подумаем.

– Подумаем... Вот проливные дожди грянут, затопит нас. В избе по колено воды будет.

– Не будет. Вода в подпол уйдёт.

– Ну, подпол зальёт! А потом...

– Пока заливает, – перебил Копёшка, – мы что-нибудь придумаем.

Глянул Аптекарь на Копёшку, обиделся.

– Я смотрю, – говорит, – тебе никакого дела нет до своего дома. Пропадай всё пропадом!..

– Сдался тебе твой дом, – отвечает Копёшка. – Тут про всю деревню думать надо.

– Чего-чего?!.

– Про деревню, говорю, думать надо.

– Делать тебе нечего. Это у тебя, Копёшечка, от сырости. Погоди, погоди. Промкнешь до костей, так про весь белый свет думать станешь.

– А чего? Я уже и об нём думаю.

– Ишь, пряткий какой! Ну-ну...

В сырой избе много не наговоришь. Замолчали оба.

Наконец Аптекарь улыбнулся, спрашивает:

– Что удумал-то, генеральская голова?

– Пока ничего, – отвечает Копёшка.

– Давай дырку нашу заколотим.

– Ну-у... Я-то думал, – заскучал Копёшка.

– А что?

– А то, что снег проморгаем

– Ты погоди, – говорит Аптекарь. – Мы нашу дырку знаешь как заколотим?..

– Как?

– На живую нитку. Вот как!

– Это ещё куда ни шло, – согласился Копёшка. – Надо будет – расколотим.

– Вот именно! Где-то молоток был, Матвейка приносил вывеску нашу приколотить. Я уж везде обыскался – вывески нет как нет. А молоток – вот он. Малость, правда, заржавел от сырости.

Начали они заколачивать дырку. Вдруг Копёшка сорвался с места, во двор кинулся.

«Ладно, и один управлюсь», – подумал Аптекарь.

Кончил он дело, выглянул в окно, видит: Копёшка на заборе сидит, манит кого-то рукой.

От удивления Аптекарь молоток на пол уронил. Хорошо, не на ногу...

Вышел он на крыльцо.

– Эй, Копёшка, – говорит, – ну что? Не выходит?..

– Да, понимаешь, – отвечает Копёшка, – ему никак не выйти. Тучи мешают. Разогнать бы их.

– А-а! Верно! – догадался Аптекарь. – Давай дуть будем. Если разом дунем, авось и выйдет.

Стали они оба дуть, ветром тучи разгонять. Только, видно, слабый ветерок у них получался – без толку всё.

А дождь меленький – ситничек, – крапает себе.

– Ладно, – говорит Аптекарь. – Пошли в избу, а то совсем вымокнем.

– Ты иди пока пообсохни, – отвечает Копёшка, – а я ещё подую. Может, самый пустяк осталось. Я, как оно выйдет, тут обсохну. Не беспокойся за меня.

Аптекарь стоял-стоял, думал-думал и говорит:

– Давай, Копёшка! А я тем временем с другой стороны попробую!.. – и кинулся в избу.

Дома он время не терял. Нашёл четыре обрезка от доски, какую когда-то на ручей таскал вырывать Никодима с коровой. Потом бросил в пустую банку одного снадобья, другого, залил водой – краска получилась. Отрезал кусок от старого валенка, приладил к щепке-палочке – чем не кисть? И начал малевать.

Закончил, расставил свою работу по углам.

Сразу тепло и светло стало в доме.

Вышел Аптекарь на крыльцо, Копёшку зовёт:

– Беги скорее в избу, обогреешься! У нас уже светит!..

Копёшка, как вошёл, так и замер.

– Ну, Аптекарь! Удумал-то как здорово! – обрадовался. Стоит, руки озябшие потирает.

И минуты не погрелся. Похватал размалёванные доски, молоток, гвозди и – во двор.

– Копёшка, ты что?! А нам?! – кричит ему вслед Аптекарь.

Не слышит Копёшка. Знай себе, приколачивает доски к шестам. Потом шесты к забору давай прилаживать.

Стало во дворе светло-светло.

И пока Копёшка возился, Аптекарь стоял на крыльце туча-тучей.

– Аптекарь, – говорит ему Копёшка, – не сердчай, а? Пусть они деревне посветят. И нам хватит. Дом-то рядом. Он сперва снаружи обсохнет, потом – изнутри.

Копёшка последний шест приколачивает. А Аптекарь той минутой сорвал один шест, доску отрывает. Только тут увидел это Копёшка. С кулаками налетел на Аптекаря.

– Ты что делаешь, а?! Я думал, ты человек, а ты?!.

А Аптекарь и не собирался обороняться.

– Копёшечка, – бормочет, постанывая от тумачков, – ну что ты расхотелся? Я попробую туда забросить, – и показывает на небо. – Может, за какую тучку зацепится да и останется там...

Понял Копёшка. Бросился обнимать Аптекаря.

– Аптекарчик, – кричит, – да ведь тогда всему белому свету теплее станет! Ты уж прости меня недотёпу-то. Не понял я сразу. Не сердчай уж, прости, а?..

Тронули Копёшкины слова Аптекаря. На глаза слёзы навернулись.

– Да как же это я на тебя, – говорит, – осерчаю? Да пусть мой дом дождём зальёт по самую трубу! На тебя и захочешь осерчать, да не получится. Вот какой ты. Одно слово, не такой ты какой-то... Только мне ты всё равно... это... по душе.

– И ты мне это... по душе, – растрогался в свой черёд Копёшка. – Ты ведь тоже малость какой-то не такой...

– Я?! – удивлённо спросил Аптекарь. И очки снял, чтоб протереть.

– Ага. Иначе мы бы с тобой, может, и не встретились бы.

– Вон оно что? Тогда хорошо, что я тоже... чуть-чуть какой-то не такой...

Пока они друг другу добрые да ласковые слова говорили, показались на дороге мужики деревенские. С поля шли. Увидели ещё издали Аптекаря с Копёшкой, стали про них меж собой добродушно посмеиваться.

Подходят ближе. И только тут заметили.

– Братцы, – говорит один, – а деревню-то нашу дождём не мочит!

– Какой там не мочит!.. Тепло, светло!

– Чудеса в решете и только!

– Гляньте-ка, братцы! Да никак у Аптекаря на заборе солнышки светятся?!

– И верно!

– Гордей Силыч, ты у нас в счёте силён. Сколько их там на заборе? Почитай не одно...

– Тоже... нашли солнышки, – насупился Гордей Силыч. – Доски это малёванные – вот это что! Вам, дуракам, на потеху.

– Гордеюшка, пушай доски. Окажи милость, сосчитай. Миром просим... – говорит один мужик, а про себя думает: «Мужик богатый, что чёрт рогатый».

– Ладно, ладно. Пристали, как репей... – Гордей Силыч наморщил лоб, губами зашевелил. – Кажись три, – говорит.

– Надо же! Много...

Подошли мужики к забору. С Аптекарем и Копёшкой здороваются.

– Ну как? – спрашивает Копёшка, а сам на шести смотрит.

– Чудеса прямо!

– Тепло, светло и мухи не кусают!

– Вот удружили! Прямо на душе стало... это... как его... веселее...

– Гляньте, братцы! И ведь по всей деревне так! Вон и улица подсыхает!

– Это ещё что! – говорит Копёшка. – Погодите, сейчас Аптекарь забросит на самое небо ещё одно, тогда уж всему белому свету тепло да светло станет.

– Ишь ты, чего удумали!

– Не уж-то до неба добросит?

– Аптекарь-то?! Добросит!

– Эх, знай ямскую по столбам! – кто-то даже шапкой оземь ударил.

А Аптекарь вышел на середину двора и давай кидать доску в небо.

Все уставились, ждут: докинёт или не докинёт.

Тут, откуда ни возьмись, Матвейка бежит. С ним ещё ребяташки. Матвейка прыгает на одной ножке, распевает:

– Солнышки, солнышки! На заборе светятся! Поглядите, светятся сразу сколько много штук!

И только он подбежал, Гордей Силыч хватъ его за ворот.

– Чего раскудахтался? Нашёл солнышки... Доски это малёванные, а не солнышки.

– И не правда, тятя! – задрыгал Матвейка ногами в воздухе. – Вон как светло, вон как тепло!

– Это тятя-то неправду говорит, да?! Гляди сейчас. Гляди! Увидишь, чья правда-то...

Гордей Силыч отпустил Матвейку, вошёл во двор и – к шести.

– Гляди, Матвейка! Все глядите! Я на ваше солнышко фу-у-у!.. – дунул. – Где оно? – зло смеётся. – Нет его! Потухло! Так что во всяком хлебе мякина есть...

Бросился Копёшка на Гордея Силыча.

– Ах, ты, Змей Горыныч! Ты что такое сотворил?! Его зажгли для тебя, для всей деревни, а ты?!

– Зажгли... – передразнил Гордей Силыч. – Небось, баню истопить толком не сумеете, а туда же...

Копёшке на помощь поспешили Аптекарь с Матвейкой.

– Тятка, зачем потушил?! Зачем солнышко потушил?!

– Матвейка! – прикрикнул на него Гордей Силыч, – на кого руку поднимаешь? На отца родного?!

– А зачем солнышко потушил?!

– Не дам тятю в обиду, – решил вступиться Никодим.

– Погодь, сын, – остановил его Гордей Силыч. – Я и один управлюсь с соломой этой.

Кой кто из мужиков, хоть и с опаской, но помогли Аптекарю, Копёшке и Матвейке вытолкать Гордея Силыча со двора в калитку.

– Теперь, Гордей Горыныч, ты погляди! – кричит Копёшка. – Ты думал, твоя правда?! А вот увидим!

Копёшка забрался на забор с шестью. Стал ласково гладить доску, на какую Гордей Силыч фукнул давеча. Гладит и приговаривает:

– Выйди, свет, Ясное. Выйди, свет, Красное. Посвети долгожданное.

Обласкай, обогрей, улыбнись поскорей.

Тут-то и случилось чудо. Вспыхнуло потухшее солнышко.

– Вот! Смотрите, люди добрые! – обрадовался Копёшка.

– Смотрите! Смотрите! – закричали все.

– Заторопились больно, – сказал Гордей Силыч. – Таперича опять мою правду глядите. Фу-у-у!.. – уж и так дует, и сяк. От натуги стал Гордей Силыч красный, будто рак варёный.

А солнышко, знай себе, горит, всей округе улыбается.

– Худая у тебя фуколка, – говорит, посмеиваясь, Аптекарь.

Сам опять вышел на середину двора, опять давай доску в небо забрасывать.

– Да-а... – сказал кто-то из мужиков. – Вот как бывает: и там – правда, и там – правда. Но куда как хорошо, когда светлая правда над тёмной верх берёт.

А Матвейка подошёл к Аптекарю.

– Аптекарь, устал, поди? – говорит. – Дай мне разочек, а?..

– Чем чёрт не шутит, когда Бог спит, – отвечает Аптекарь. – Попробуй ты.

Подбросил Матвейка доску, да так высоко, что и там вспыхнуло, засияло...

– Видали?! – кричит Матвейка. – Ур-ра-а!

Ребятишки так и запрыгали от радости.

– Ай да Матвейка! – говорит Копёшка. – Теперь всему белому свету тепло!

Что там говорить, обрадовались мужики. Один Никодим поднял голову, давай дуть, чтобы погасить. Тут Гордей Силыч треснул его по затылку.

– Дуралей! Оно же эвон где!.. Высоко больно. Эх, Никодим. Под носом взошло, а в голове не посеяно.

МЕШОК ТЕПЛА – НЕ МЕШОК КАРТОШКИ

Подкралась неслышно зима к деревне. Рано поутру, чуть развиднелось, сыпанула с небес первым стойким снежком. Аптекарь с Копёшкой того и ведать не ведали. В тот час, знай себе, посапывали да похрапывали каждый на свой лад.

Проснулся Копёшка. Чует: руки, ноги едва гнутся, Совсем закоченел.

– Оё-ёй! Колотун-то какой! – будит Аптекаря. – Вставай, друг ситный! Пока спали, зима пришла, снег выпал. Топить пора! Слышь, Аптекарь?!

– Угу, – тот даже и носа не высунул из-под тулупа.

– Чего ты гукаешь, как филин в лесу ночью. Вставай, говорят тебе! Зима пришла. Топить пора.

– Копёшечка, – бормочет Аптекарь, – что же ты мне сон обрываешь? На самом интересном месте. Ну, чуть-чуть бы погодил хоть.

Любопытно стало Копёшке: что за сон его друг увидел.

– Что хоть приснилось? – спрашивает.

– А приснилось мне, будто запряг я тройку своих лошадушек гнедых. И жеребёночек с ними. Тоже. Гикнул я, свистнул и – айда. А вот куда айда – не увидел. Из-за тебя всё. Разбудил раньше времени.

Рассердился Копёшка. Думал, что интересное услышит.

– Тьфу! – говорит. – На твоих лошадушек бесхвостых! Тут топить надо, а он опять на мухах спотыкается!

– Копёшечка, – взмолился Аптекарь, – ну дай досмотреть, куда ж это я гикнул, свистнул.

Пожалел Копёшка Аптекаря. Подумал: «Угрелся друг Аптекарьчик, а я его из тепла-то выгрываю. Не хорошо это». Подумал так и говорит Аптекарю:

– Ладно, слышь? Спи, давай. Как тепло станет, так и вставай. А я топить пошёл.

– Угу, – отозвался Аптекарь.

Оделся Копёшка. Взял мешок, на двор вышел. Двери за собой не стал закрывать.

Наложил он полный мешок дров из поленицы и – бегом на улицу. Опростал мешок посреди улицы, опять побежал за дровами. Целую гору натаскал. Поджёл снизу, береста схватилась огнём, стал костёр разгораться. Копёшка вокруг него приплясывает, распевает:

– Вы, полешечки мои, вы берёзовые! Разгорайтесь скорей, чтобы стало теплей! А как станет теплей, станет жизнь веселей!..

Пока он приплясывал да распевал, Аптекарь в доме проснулся. Говорит сам себе:

– Вроде дырка ещё не расколочена, а холод в избе собачий. Это под тулупом-то. Ну и ну. Что с избой приключилось? Не натопить никак.

Полежал, полежал Аптекарь. Высунулся из-под тулупа.

– Эй, Копёшка! Ты чего так плохо топишь?!

Никто ему не ответил.

Тут Аптекарь вскочил с лавки – прямо ногами в валенки. Забегал по избе, в углы заглядывает. И таракана живого не видать.

– Копёшка! Слышь, где ты?

«Вот тебе раз! Не уж-то в Банку ушёл... И двери настезь. Уже и позёмка по полу метёт...» – подумал.

Выбежал он во двор.

– Копёшка! – кричит. – Ты куда подевался?! – выбежал он за ворота на улицу. Смотрит: костёр горит. Вокруг него Копёшка хлопочет, приплясывая. «Лучше бы избу протопил», – хотел было обидеться Аптекарь, да передумал: «Ну, что я, в самом-то деле? Хоть нашёлся и то – радость. Вон и на душе потеплело». Кричит он Копёшке:

– Ты чего там середь улицы застрял? – Услышал Копёшка, и ответил вопросом на вопрос:

– Ну что? Согрелся?!

– Согреешься с тобой, когда ты двери оставил нараспашку!

– Я для того и оставил, чтобы и к тебе тепло шло! От костра. Понял?

– А-а. Ну, видать, ещё не дошло, коль я проснулся оттого, что озяб.

– Ну, да! Давай к костру!

– Дай, хоть шапку надену.

– Одевайся.

Подошёл Аптекарь к костру.

– Грейся, да поскорее, – говорит ему Копёшка.

– Как это поскорее? – надулся Аптекарь. – Буду греться, пока не согреюсь.

– А ты ногами притопывай, – посоветовал Копёшка, – руками прихлопывай – вот и будет поскорее.

– Копёшка, а куда нам такая торопёжка? Тьфу ты!.. Никогда складно не говорил, а тут с тобою заговариваться начал.

– Куда, говоришь?.. Делом займёмся.

– Чего-о?! Послушай, Копёшка, зима пришла. На зиму медведи и те в берлогу залезают и спят. До самой весны лапу насасывают. А на тебя прямо никакого удержу. Всё со своими делами. Перекреститься лишний раз, и то не дашь...

– Тпру-у!..

Аптекарь оглянулся.

– Где ты лошадь увидел?

– Это я тебе. Чтоб остановился.

– Тебе б только шутки шутить над старым Аптекарем. Скажи лучше: мешок зачем взял.

– Обогрейся, потом скажу, – подмигнул Аптекарю Копёшка.

– Копёшка, глянь! Матвейка бежит к нам. И тоже – с мешком пустым.

– Подмога идёт!

– Аптекарь, Копёшка, вот и я! – кричит Матвейка. – Я тебя, Копёшка, в окно увидел. Дома одна маманя, я мешки незаметно прихватил и – к вам. Может, чем подсоблю.

– В самый раз, Матвеша, в самый... – Копёшка похлопал по плечу Матвейку.

– Без тебя никак не обошлось. И мешки нам для дела позарез нужны.

– Я так и думал, – обрадовался Матвейка.

– Палёным запахло, – говорит аптекарь. – Никак, борода моя уже дымится. Стало быть, я готов.

– Ну, коли готов, держи мешок. Да не так, а вот так! – показал Копёшка. – Чтобы полный мешок тепла набралось. Как наберётся, сразу завяжем.

Наконец-то Аптекарь догадался, в чём дело.

– Теперь понятно, – говорит. – Наберу и – к нам в дом! Ай, да Копёшка! Хорошо придумал. И дыму никакого. И угару тоже...

Тут Копёшка его перебил:

– Не нам, не нам! Мы и так перетопчемся. Как наберём полный мешок, ты сразу вон в тот дом и беги с ним. Там дети малые, а хозяин дров никак не привезёт. Лошадь у него пала. Вот он и ждёт, когда кто даст в лес съездить. Понял?

Не понравилось это Аптекарю.

– Ну вот, – говорит. – Запряг прямо, а поехал криво.

Зато Матвейке эта затея в самый раз пришлась по душе.

– Здорово-то как! – говорит. – Копёшка, а мне куда с теплом бежать?

– Ты, Матвеша, вон в тот дом беги, к бабке Маланье. А я в тот. Уразумели?

– Уразумели.

– Здесь потом и встретимся.

Кинулись от костра Аптекарь с мешками. За ним – Матвейка. За Матвейкой – Копёшка.

Через какое-то время сбежались все трое к костру.

– Ну, как? Отнесли? – спрашивает Копёшка.

– Я принёс, стал тепло-то выкладывать, – говорит Матвейка, – а бабка Маланья хватя у меня из рук мешок, да давай гонять меня по избе. Мешком лупит и приговаривает: «Ладно, Аптекарь, ладно, Копёшка! Ты-то, пострел, куда лезешь?!» Насилу выскочил. Мешок всё же вырвал.

– Вот незадача, – глянув на Матвейку, вздохнул Копёшка. – Надо было тебе по первости сказать: так, мол, и так...

– Я бы сказал, да бабка Маланья не дала. Налетела, как петух с шеста.

– Ну, ничего, Матвеша. И так бывает. Главное, ты на бабку не сердчай. Не поняла она, – Копёшка повернулся к Аптекарю. – А ты как?

– Отнёс. Хозяин, правда, чего-то всё ворчал. Только мне слушать его не досуг было.

– Это он тебе спасибо говорил. Благодарствую, мол...

– Может, и так, – плечами пожал Аптекарь. – Я не расслышал. Назад торопился.

– Братцы, смотрите! – закричал вдруг Матвейка. – Во-он Книжник бежит.

– Верно! И никак сюда.

– Может, смысл жизни нашёл, – говорит Копёшка. – Теперь нам расскажет.

– Расскажет, дождайся... – мотнул головой Аптекарь.

– Братцы! Книжник-то без шапки! И валенок только один! Другой, видать, по дороге потерял. Шибко сердитый чего-то.

- Несётся, будто конь борзый. Борода да усы белые. Изо рта пар валит. Испугался Матвейка.
- Побегу, – говорит. – Увидит меня Книжник, тятя скажет, что я опять с вами.
- Беги, Матвеша.
- Мы уж тут, в случае чего, вдвоём отобьёмся.
- Убежал Матвейка.
- Книжник всё ближе. Уже и разобрать можно, что кричит:
- Дурачьё! Фигляры! Кто же улицу зимой топит?! Да есть ли в том хоть какой смысл?!
- Копёшка присмотрелся к Книжнику. Говорит Аптекарью:
- Вот что. Держи мою шапку, держи мой валенок. Неси Книжнику. Только бегом. А то он, пока до костра доберётся, воспаление лёгких схватит.
- Факт, что схватит. Да ещё и двухстороннее. Только постой, Копёшка!.. А ты сам-то как?! Без шапки да без валенка?..
- Я-то? Я-то ничего. Перетопчёмся. Беги, беги, давай. А я пока Книжнику мешок тепла приготавлию.
- Аптекарь так и припустил от костра.
- Смотрит Копёшка: из проулка Никодим выскочил. В руках корытце долблёное с каким-то приносом... Так с ходу и налетел на Книжника. Корытце – в сторону, оба в сугроб повалились. Барахтаются. Тут к ним Аптекарь подбегает.
- Гаврило Дормидонтыч, – говорит Никодим, – ты чего прёшься, как угорелый, пути не разбирая?
- А у тебя что, глаз нет?! – кричит на Никодима Книжник. – Видишь, бегу, уходи с дороги!
- Меняшиб, сам в снег завалился, – ворчит Никодим. – И вот – добро по дороге раскидал. И я ещё у него виноват. Ну, ты и фрукт, Гаврило Дормидонтыч. Добро-то это я тебе нёс.
- Так чего же ты, балбес, стоишь?! Собирай живо!
- Ну, Гаврило Дормидонтыч, ты и птица! Тебе принеси яичко, да и облупленное.
- Аптекарь стоит, слушает, как они меж собой переругиваются, совсем забыл, зачем бежал.
- Помогай Никодиму! – кричит ему Книжник. – Не стой пеньком!
- По первости шапку надень да валенок, – опомнился Аптекарь.
- Дело говоришь. Давай сюда шапку! А валенок этот откуда? У меня чёрный был, а этот серый!
- Ещё аргачиться будет, – начал сердиться Аптекарь. – Надевай серый, пока не заболел. Ну вот. Теперь собирай своё добро, а я пошёл. Сейчас тебе мешок тепла принесу.
- Книжник так и застыл с огурцом в руках. Вспомнил вдруг, куда и зачем бежал.
- Чего-о?! – кричит. – Дурачьё! Фигляры! Мешок тепла!.. Тащи лучше мешок картошки. В нём хоть смысл есть!

– Знаем, что делать. Собирай своё добро. Вон его сколько по дороге раскидано, – махнул Аптекарь рукой и пошёл обратно.

Подходит к костру. Видит: Копёшка. От холода на одной ноге попрыгивает.

– Ну? – спрашивает.

– Раскричался Книжник, на чём свет стоит. «Не надо, – говорит, – мне вашего мешка с теплом. Тащите, – говорит, мешок с картошкой».

– Слышь, Аптекарь, – перебил его Копёшка, – Дормидонтыч-то ругался хоть не босиком?

– Не-ет. Валенки и шапку напялил. Малость, правда, поартачился.

– Ну и ладно. А чего это он до нас не добежал?

– Не до того, видать, стало. Огурцы малосольные надо было собирать, вот и застрял на огурцах.

– На каких огурцах? Ты о чём?..

– На каких... Никодим ему малосольных огурцов корыто нёс. А как налетели друг на друга, так и огурцы – по сторонам. Теперь вот оба и собирают.

– А-а. Вон оно что. Значит, тепла ему нашего не надо...

– Тепла... – передразнил Аптекарь. – Всю поленницу спалили. Хоть бы одну дровину для печи оставили...

– Аа-пчхи!.. – чихнул Копёшка. – Одной дровиной улицу не нагреешь.

– Ты не про улицу думай! – рассердился Аптекарь. – А про наш дом! Ведь холод в избе собачий.

– Ежели ты дверь не закрыл, придём – тепло будет. Аа-пчхи!.. Жаль, дрова прогорели. Оттого, видать, мне и зябко.

– Батюшки, Копёшка, друг ситный! – спохватился вдруг Аптекарь. – Что же я тут стою?.. Стою, лясы точу, а ты у меня уже во всю чихаешь!..

Схватил Аптекарь Копёшку в охапку и – ударился к дому.

А Копёшка уже и носом хлопает:

– Не горюй, Аптекарь. Пере... аа-пчхи! – топчемся как-нибудь.

ПРОЩАЙ, КОПЁШКА!..

Всю ночь тяжело кашлял Копёшка на печи.

С вечера кое-кто из соседей дров принёс, печь истопили. Аптекарю не до того было: то ковшик воды Копёшке подаст порошок запить, то тулуп на нём поправит. Тот ему подмигивает:

– Ничего, Аптекарь, перетопчемся. Не горюй, ещё не так народ повеселим.

– Ясное дело, – отвечает Аптекарь. – Только ты пока помалкивай, Копёшечка. Поправляйся, давай.

Уж под утро прилёг Аптекарь на лавку, забылся коротким сном. С рассветом очнулся.

– Копёшка, – позвал. – Слышь, Копёшка?

Высунулся Аптекарь из-под тулупа. Глянул: нет Копёшки. Подумал: «Ну, видать, поправился. Улицу побежал топить». Только хотел снова с головой укрыться, ещё поспать, как вспомнил.

– Постой, – говорит себе, – какая улица? Все дрова до последнего полена вчера стопили.

С этими словами вскочил Аптекарь.

– Копёшка! Не валяй дурака, куда спрятался?!

Смотрит Аптекарь: армячишко драненький его – вот, на гвозде висит. И валенок один. Не уж-то так побежал?..

Теперь уж не на шутку испугался Аптекарь. Выбежал на крыльцо.

Вокруг белым-бело. Ни следа.

Бросился Аптекарь во двор.

– Копёшка! Эй, Копёшка! Чего опять удумал? Куда запропастился? Я бегай, ищи тебя, слышь, Копёшка?! Не дело это, – Постоял Аптекарь, прислушался. Ветер завывает. – Копё – ёшка – а! – закричал, затоптался на месте. – Что ж это такое...

А холодно. Погнал холод Аптекаря в избу. Вбежал он, к столу кинулся, к Большой Зелёной Банке.

– Копёшечка-а... друг ситный... Отзовись, милый... – простонал.

Слышит: Копёшка...

Только не из Банки, а откуда-то сверху. И голос такой хриплый, едва узнать можно:

– Ты уж, – говорит, – не сердчай на меня, Аптекарь. Шибко заболел твой друг Копёшка... И себя не брани. Потому как вашими лекарствами не поправить меня. Вот и ушёл я. Думал, тебя разбудить перед тем, да больно сладко ты спал. Не обессудь уж... Прощай, друг Аптекарь. Не поминай лихом...

– Постой, Копёшка, стой! – закричал Аптекарь. – А придёшь ли когда опять?! Уж как бы я ждал... Уж я бы дождался...

Не было ответа на те слова.

– Э-х, Копёшечка, друг мой... Ушёл... – горько вздохнул Аптекарь.

Час, может, целый сидел он за столом. Спроси его: кто он? откуда? зачем здесь? – не сказал бы. Только вдруг, будто кто его под руку – толк. Схватил он Банку и давай в неё шепотками всякие снадобья свои бросать.

Бросал, бросал – никакого проку.

Обнял Аптекарь Большую Зелёную Банку.

– Копёшечка-а!.. – заплакал.

Плачет, заливаясь. Не слышать ему голосов.

В ту минуту подъезжает к дому Аптекаря Матвейка на лошади Истукария, разговор промеж них:

– Я к тятя: «Дай, – говорю, – тятя, лошадь. Я дров Аптекарю с Копёшкой свезу». «Ещё чего!» – отвечает сперва. Хитрый он. А потом и говорит: «Либо лошадь, либо дрова бери. Одно только».

Тут я смекнул: лошадь я найду где взять. «Давай, – говорю, – тятя, дрова». Смеётся: «Бери!» Думал, я одно-два полена возьму. Мол, боле мне не нести. А я – к Истукарию, твоему хозяину. Так, мол, и так...

– А я, как услышала, кому дрова, – весело отозвалась лошадь, – сама в сани запряглась.

– То-то Истукарий Спиридоныч удивился. «Уже, – говорит, – и лошадь моя готова. Видать, помнит, как Аптекарь с Копёшкой ей помогали».

– И верно. Грех хорошее-то забывать.

Въехали они во двор Аптекаря. Свалили дрова. Матвейка в дом пошёл.

– День добрый, Аптекарь! Принимай дрова! Привёз. Чтоб мне и сегодня избу протопили как полагается. Слышишь?

Видит Матвейка: Аптекарь плачет.

– Аптекарь, ты чего? Стряслось что?.. – Матвейка давай тормозить Аптекаря. – Чего хоть стряслось? Говори толком!

– Стряслось, Матвеша, – покачал головой Аптекарь. – Друг-то мой Копёшка...

– Чего Копёшка-то?!.

– Всё. Нет больше Копёшки. Ушёл...

– Ушёл? Ты хоть искал его? Может, во дворе где?

– Искал уж. Нет его. Ушёл..

– Куда хоть?

– Не сказал. По всему видать, совсем ушёл.

– Может, вернётся ещё. Погоди реветь-то.– Нет. Не вернётся. Шибко он заболел... Теперь не вернётся...

– Хоронить-то погоди! Может, на деревне где! Копёшка-то ведь такой! Чего не удумает! Ты сиди, я искать поеду, – кинулся Матвейка из избы.

– Куда, Матвеша? – крикнул ему вслед Аптекарь. – Одежка-то его вся здесь. Да и напрасно...

Но не слышал Матвейка. Прыгнул в сани.

– Но! Пошла!

Помчалась лошадь. На бегу спрашивает:

– Матвейка, чего случилось хоть?

– Копёшка ушёл. Большой шибко был, а ушёл.

– Не уж-то?..

– Гони на деревню! Искать будем.

– Держись, Матвейка. Уж я понесу...

– Давай, милая!

На деревне то там, то здесь слышен голос Матвейки:

– Копёшка! Эй, Копёшка! Копёшка, где ты?

Мужики повстречались.

– Не видали Копёшку? – спросил их Матвейка.

– Нашёл где искать. К Аптекарю езжай.

– Нет его у Аптекаря.

– Где ж ему быть, как не там?

– Ушёл Копёшка от нас. Может, совсем ушёл...

– Ты хоть думай, малец, что говоришь!

– А ну вас! – осердясь, крикнул Матвейка. – Пошла!

Будто кто подсказал ему, завернул он к дому Книжника.

– Гаврило Дормидонтыч! – стучится.

Долго стучался. Приустал даже. Уже и лошадь, и та хотела ему помочь

копытом. Да крыльцо у Книжника высокое, – не сподручно было лошади копыто применить.

Открылась наконец дверь.

– Гаврило Дормидонтыч, – сунулся в неё Матвейка. – Копёшка пропал! Нет Копёшки. Может, ты чего знаешь? Помоги. Окажи милость, подскажи. Ты же учёный, про всё на свете знаешь...

– Получай своего Копёшку! – рявкнул Книжник. Бросил под ноги Матвейке валенок и шапку. С тем и дверь захлопнул.

Поднял Матвейка валенок, шапку. Узнал: Копёшкина амуниция...

Тут он с новой силой стал колотиться в двери Книжника.

– Дормидонтыч, куда Копёшку подевал?! А ну, отпирай! Слышишь?! Не то сейчас мы крыльцо и двери твои в щепки разнесём!

– Поозоруй у меня, поозоруй, – донеслось из избы. – Я вот отцу скажу. Уж он тебя приструнит, ухи-то накрутит. Вспомнишь меня...

– Мне теперь всё одно! – отвечает Матвейка. – Куда Копёшку подевал, говори?!

Уж так осерчал Матвейка, что не слышал, как лошадь его окликает. Наконец услышал:

– Матвеша, да не колотись ты понапрасну-то...

– Это почему же понапрасну?

– Сейчас поймёшь всё. Помнишь, Книжник по улице бежал? Без шапки да в одном валенке?

– Помню. Я, как увидел тогда, так убежал от греха подальше. Чтоб с ним не встретиться.

– Ну вот. А Копёшка-то тогда снял с себя валенок, снял шапку и велел Аптекарю отнести это всё скорее Книжнику. Мол, пока Книжник в одном валенке бежит, простудиться может. Понял теперь, что за валенок у тебя в руках?

– А-а... Вот оно что. А ты откуда про это знаешь?

– А мы с Истукарием как раз тем часом мимо ехали, чуток другой дорогой. Всё видели.

– Понятно теперь, – вздохнул Матвейка. – Что ж... поехали к Аптекарю. Худо ему одному-то.

Приехали. Матвейка с валенком и шапкой вошёл в дом.

– Вот только... – говорит с порога.

Аптекарь так и бросился к нему.

– Нашёл?!

– Да где там... Это у Книжника было.

– А-а... – вспомнил Аптекарь. – Ну, да...

Пришёл Истукарий. Поставил на стол горшок.

– Моя Анфиса послала. Говорит: «Снеси, Истукаша, мёду Копёшке. Пускай, – говорит, – скорее на ноги встаёт».

– Мёд?.. – задумчиво говорит Аптекарь. – Вчера приносил, сегодня...

– Да ведь как же?.. – опешил Истукарий. – Бабка Маланья – молоко, я – мёд...

- Некому, Истукарий Спиридоныч, мёд есть... – сказал Матвейка.
- Это как понимать? – насторожился Истукарий.
- Так и понимать. Нет больше Копёшки. Не стало...
- Помилуйте! Вчера был, а сегодня не стало! Может, вышел куда? Может, поискать хорошенько надо?
- Уже искали, Истукарий Спиридоныч. Нет его.
- Глянул Истукарий на Аптекаря и Матвейку. Понял: так оно и есть.
- Потянулся к дому Аптекаря народ. Толкуют люди меж собой:
- Слыхали?
- Как же. Гордея сынок, Матвейка, всё по деревне гонял, всё кликал: «Копёшка, Копёшка!»
- И не нашли что ли?
- Вышли на крыльцо Матвейка и Истукарий.
- Слышь, Истукарий, куда Аптекарский друг-то подевался?
- Не сразу ответил Истукарий.
- Заболел он. Шибко заболел...
- Ну-у?!
- С того и не стало Копёшки, – подтвердил Матвейка.
- Да-а. Беда, что вода: нечаянно на двор приходит. Мужики переглянулись.
- Да как же это стало? Помер что ли?..
- Истукарий и Матвейка только головами кивнули.
- Мужики один за одним стали заходить в дом. Видят: Аптекарь за столом своим. Перед ним Большая Зелёная Банка.
- Подходят, заглядывают через плечо.
- Слышь, Аптекарь. Ты бы это... как его... того... побросал бы своих снадобий... Авось да небось, он бы и снова сладился. Копёшка-то?..
- Бросал уже, – отвечает Аптекарь едва слышно.
- И никак?
- Никак.
- Вот горе-то...
- Да-а... Копёшка... Не было у нас таких! Отродясь не было...
- А мы всё жили, думали: чего нам хватает?.. А он, Копёшка-то, пришёл и будто чем светлым посветил вокруг...
- Вроде как понятно стало...
- Аптекарь чуть очнулся от тяжких дум, говорит:
- Бывало, только скажет: «Ничего, друг Аптекарь, перетопчемся!» А оно вон как обернулось...
- В избу вошли Гордей Силыч и Книжник. У Книжника под рукой старая ржавая вывеска с облупленными буквами: «Аптекарь». Все расступились, давая им дорогу. Меж собой перешёптываются:
- Гляди-ка, даже Книжник пришёл. А уж как Копёшку-то с Аптекарем поносил бывало.
- Видать стыдобушка заела.
- Вот, – говорит Книжник Аптекарю, – вывеска от твоего заведения. У меня промеж книг оказалась. На, приколоты на место.

– Не до тебя сейчас, Гаврило Дормидонтыч, – махнул рукой Аптекарь. – И не до вывески. Шёл бы ты...

– Та-ак... Это что же?.. – насутился Книжник. – Меня, Гаврилу Дормидонтыча, выпроваживаешь? Стало быть, так надо понимать?

Тут мужики не выдержали, зашумели:

– Ты, Гаврило Дормидонтыч, не обессудь, да уж больно ты с этим железом-то не вовремя пришёл.

– Уж точно, Гаврило Дормидонтыч, в неурочный час... Не до тебя сейчас Аптекарю. Да и нам тоже...

Книжник ещё больше нахмурился, губу выпятил.

– А чего так? – спрашивает.

– Тут, понимаешь, друга Аптекаря это... того... не стало... Копёшки, значит...

– Копёшки... А его и не было! Не было никакого Копёшки! – строго резанул Книжник.

Все переглянулись.

– Ты, Дормидонтыч, говори, да не заговаривайся.

– Как так не было? Как так не было?!

– Да вот так. Не было и быть не могло никакого Копёшки. Умственная игра воображения – вот как называется это по-учёному. Понятно?

Сбил-таки Книжник кой кого с панталыку своим напором да мудрёными словами:

– Ну, ежели умственная... – почесал в затылке один, другой.

И сказать вроде больше нечего. А тут Истукарий! Кто б и подумать бы мог?!

– Побойся бога, Гаврило Дормидонтыч! – говорит. – Как только у тебя язык-то поворачивается?.. А когда ты босиком по морозу дул, да без шапки, кто тебе валенок дал, а?.. Шапку кто дал?..

Книжник, не моргнув глазом:

– Может, и ты дал. Стану я разбирать: кто да что. А ежели по правде говорить, так это мне Аптекарь дал. Вот.

– А чей валенок, не знал?! – подступился к Книжнику Матвейка.

– Матвейка! – одёрнул его Гордей Силыч.

– Э, погоди, Силыч, – говорит Истукарий. – Сын твой, а ум у него свой.

– Только язык у него мелет, чего голова не ведает, – буркнул Книжник.

А Матвейка опять к нему цепляется:

– Значит, не знал?! А когда выкинул мне валенок, что сказал? Помнишь?!

– Ну, что? Соври, я послушаю, – сказать-то ему нечего, вот он, малец, и ехидничает.

– Я не совру, я напомним, – гнул своё Матвейка. – Сказал ты: «Получай своего Копёшку!» Вот что ты сказал.

– Ай, да Матвейка! – загомонили мужики.

А Книжнику хоть бы что. Говорит спокойненько:

– Матвейка, Матвейка... Не хорошо получается. Оговариваешь Гаврилу Дормидонтыча, клевету разводишь.

У Матвейки щёки огнём вспыхнули.

– Я?! Оговариваю?!.

– А то кто же?.. Не говорил я тебе ничего такого, – Книжник прищурил глазки. – А хоть бы и говорил, да кто слышал? Ты! Один! Мальчонка!.. Вот, брат, и получается: чистый оговор.

– Да уж... Наш Филат не бывает виноват, – сказал кто-то.

– Матвейка правду говорит! – заржала на дворе лошадь Истукария. – Своими ушами слыхала твои слова, Гаврило Дормидонтыч!

Все так и застыли. Один мужик толкнул другого плечом.

– Вот уж истинно: ложь стоит до улики.

– Глупой животине – поверили! – натужно засмеялся Книжник. – Дитю малому – поверили! А мне – нет!.. Эх, темнота необразованная! – повернулся, уходить собираясь, но тут попался ему на глаза Гордей Силыч. – Гордей, скажи хоть ты этим неслухам, что никакого Копёшки не было. Не было его в светелстве человеческом! Ведь так?

Замаялся Гордей Силыч, но сказал:

– Кажись факт... Не было.

– Вот, слышали? Ваш же Гордей Силыч говорит. Уж ему не поверите что ли?!.

– Тятя! А кто на солнышки дул?! – подскочил к отцу Матвейка. – Копёшка с Аптекарем зажгли их, а ты, тятя, хотел потушить! Забыл?

Насупился Гордей Силыч, покраснел.

– Матвейка! Не твоего ума это дело, слышишь?..

– Ты постой, Силыч, а малец твой верно говорит. Я сам тому свидетель.

– И при мне это было. Вот как сейчас помню.

– И я видел. Вот. Чего уж там, видел, – поддержали мужики Матвейку.

– Да что там толковать: в камень стрелять – только стрелы терять...

– Да что вы, братцы?! Конечно, был Копёшка!

– Был. Определённо. Чего там!

– Кому ж я мёд вчера приносил... – тихо говорит Истукарий.

– Да ну их! – махнул рукой Книжник. – Дурачье! Бараны! Пошли, Гордей Силыч, отсюда.

Они уходят. Чуть погода потянулись за ними и остальные.

Сидит Аптекарь за своим столом. Уронил голову на руки, всхлипывает. Всё успокоиться не может. А рядом Матвейка. По плечу его гладит. Мол, не терзайся ты так Аптекарь, коли не вернёшь его... И стоит Матвейка аккуратно там, где Копёшка стоял, когда в первый раз у Аптекаря в доме объявился... А рядом с Матвейкой – Истукарий. Голову повесил, вспоминает Копёшку...

...Так Копёшка и не вернулся. Да где ж это видано, чтобы после чуда случилось ещё одно и точно такое. Но, надо полагать, вернись Копёшка, хоть на краткий миг, он бы сказал: «Это ничего, что меня нет. Зато люди теперь, может, догадываются, чего им не хватало...» Нет, пожалуй, Копёшка не стал бы говорить таких слов. Он скорее сделал бы что-нибудь такое, от чего все вокруг улынулись бы. Улынулись по-доброму, как улыбаются проделкам всяких чудаков, всяких Копёшек... Ведь когда улыбаются так, то меньше зла остаётся на свете, и ярче светит наше не нарисованное солнце.

Владимир Лапенков

Отрывок из мемуарной прозы: «Пара-меморий», СПб., 2011 г.

Отрывки из неопубликованных мемуаров «Вспоминая воспоминания»:

Портрет Давида Дара. Отрывок из повести «Негативы», 1980-81 гг.

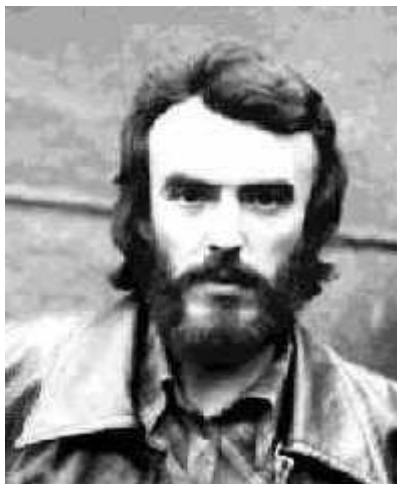
Отрывок из книги «Парамеморий», СПб., 2011 г.

ПРИЗРАК ГЕНИЯ

или Окончательное решение шекспировского вопроса.

(взгляд дотошного читателя) 2002 г

СОЮЗ МУТАНТА и ХИМЕР

Лапенков Владимир Борисович, г.р. 1951 – Ленинград, ученик Д. Я. Дара, работал трубочистом и кочегаром, примыкал к движению хиппи и рок-культуры в период их создания, входил в Клуб-81 и круг Малой Садовой, печатался (иногда как Игорь Непруха и Владимир Константиади) в самиздате 80-х гг. («Часы», «Обводный канал», «Метродор»), а также – «Эхо» (Париж). Писал прозу с 1969 до 1987 года, в дальнейшем увлекся культурологическими изысканиями. См. – «Самиздат Ленинграда». М.: НЛЮ, 2003 и в Интернете.

Отрывок из мемуарной прозы: «Пара-меморий», СПб., 2011 г.

...Но вернемся к литературной действительности. В свое время я написал критическую статью на скандально известную книгу Ильи Гилилова («Тайна Великого Феникса»), где среди прочего выделил главный нервus probandi нескончаемых поисков персонажей на место Шекспира. Многие почитатели творчества Великого Барда неудовлетворены куцыми сведениями о его личности, а еще более *возмущены* содержанием оных, рисующих гения в виде мелкобуржуазного скопида и склочника. То ли дело – фигуры благородных аристократов, его современников – интеллектуалов, эстетов, героев, красавцев!.. Такой школьный романтизм представлений о гениях, видимо, неистребим, но это не означает, что с ним надо смириться. Не буду пересказывать саму статью, расскажу лишь о ее злоключениях.

В «Звезде», даже не читая, заявили с порога: нет-нет, мы на эту тему, гилиловскую, уже откликались [на мой взгляд, не слишком убедительно. – В.Л.] и более возвращаться к ней не намерены. И вообще, нас больше интересуют злободневные темы, наш читатель уже перекормлен разного рода шекспиро-досто- и бродсковеденьем. Ох уж эта пастырская забота о духовном здоровье читателя, тонким образом сказывающаяся на его покупательских интересах!

Выбор в нашей столице не дюже велик и я направился в редакцию «Невы». Милейший завкритотделом, Борис Соломоныч, статью взял и сказал, что созвонится со мной через пару недель, но когда через месяц я сам позвонил ему, он, вежливо извинившись, попросил заслать еще один экземпляр, т.к. предыдущий уже затерялся. Но и в этот раз статья не была прочитана по причине невозстановимой порчи бумажного носителя. Когда я привез третий экземпляр вместе с дискетой, Борис Соломоныч грустно указал мне на потолок над своим письменным столом. На потолке, на месте отвалившейся старинной лепнины, зияло неаппетитное лохматое отверстие.

«Так и живем, – не без юмора развел руками завкрит. – После дождя протек потолок, а ваша рукопись лежала как раз с самого верху, предназначенная для первоочередного прочтения...»

Наконец, по прошествию еще какого-то времени, Борис Соломоныч сообщил, что ознакомился с рукописью. «Давно уже пора было что-то такое написать, а то от этих новомодных сенсаций проходу нет. Будем печатать. Позвоните через пару недель».

Спустя названный срок, он позвонил мне сам и сообщил: «Состоялось редакционное собрание и мне заявили, что статья не пройдет. Наш читатель не знает, кто такой Гилилов и с чем его едят, он ничего не поймет в данной полемике».

«Но вы же...» – пытался я что-то промямлить.

«Вот именно! – подхватил завкритотделом. – Я отстаивал с пеной у рта. Так им и заявил, что *я-то*, ведь, понимаю, *мне-то*, ведь, нравится... На что мне довольно резонно ответили, что мне и по статусу положено понимать,

за это мне как раз деньги платят... А читатель наш не обязан ничего понимать, он сам платит деньги...».

Я почувствовал себя мореплавателем, ступившим, наконец, на твердую землю. Кажется, это в советское время о духовном состоянии читателя заботились с таким предельным вниманием, и вот переменялось столь многое, а в итоге ничего не переменялось, разве что сместились акценты. Однако на этом мое обучение насыщенной духовности еще не закончилось. В дело вмешался Геннадий Трифонов. Сам он, конечно, не стал читать моих опусов, но дал пару московских адресов и телефонов.

Поначалу я позвонил Татьяне Бек, завпоэзией «Вопросов литературы». Я считал себя уже достаточно тертым для начинающего, вечно юного литератора и потому в разговоре с ней ни о чем не просил и ничего не рекламировал, лишь попытался вызнать, способна ли заинтересовать редакцию журнала сама тема и стоит ли присылать подобную рукопись.

«А я не знаю! – с плохо скрытым удивлением и возмущением, даже с вызовом ответила Бек. Я попытался что-то там объяснить, но не слишком успешно и договорился только, что рукопись вышла. Через день Геннадий рассказал мне о телефонном разговоре своем с московской мэтрессой: «Звонил какой-то сумасшедший! – сообщила Бек. – Добивался сведений о планах редакции и требовал опубликовать у нас статью, которой место где-нибудь в «Иностранке» [хорошо, не в уборной! – В.Л.]. Мы же занимаемся *отечественной* словесностью. Чего ему от нас надо?!.»

Я к тому времени статью им уже отослал, но ничего покоя она не нарушила: вылежав во всех положенных пунктах необходимые сроки, она вернулась назад в слегка помятом, но все еще девственном конверте. Мною овладел своего рода спортивный азарт: если нет ни одного отрицательного отзыва, то в чем же дело?! Надо пройти путь унижений до конца! Я воспользовался другим данным мне адресом и направил рукопись в «Континент», причем перед тем условился с Геннадием, что он поговорит с редакцией, как их постоянный автор, и пояснит, что речь идет всё же не об очередном «госте с улицы», а о человеке, некогда с восторгом отмеченном их отцом-основателем, покойным Максимовым.

Проходит какое-то время и Геннадий сообщает мне, что ему звонили из редакции и спрашивали, сколько автору лет и какая у него ученая степень. Прошел еще месяц, затем другой – никакого шевеления. Я сделал последнюю попытку и отправил в редакцию письмо с вопросом о судьбе рукописи. Ответа не последовало. Ничего не хочу этим сказать об эволюции «Континента», некогда бывшего грозой и пугалом советской идеологии, но на странные мысли навела меня информация, которую я раздобыл в Интернете о персональном адресате моих посланий. Адресат-завотделом – литературная девушка – незадолго до «Континента» работала обозревателем в журнале под названием... – никогда не догадаетесь! – «Цирк».

Вот теперь я уже полностью повзрослел и помудрел, скинул в Сеть свою статью и более ничему не удивлялся. Что вы хотите от простых смертных, когда сам Вильям Шекспир...

Отрывки из неопубликованных мемуаров «Вспоминая воспоминания»:

...Худпроза писалась мною с конца 60-х до 86-го года; точнее, это была *около-*, *вокруг-* и *металитература*. Ну и в последние 25-30 *правильных* лет – работы культурологического и мемуарного характера. Попадание в андеграунд было неизбежным. Начиная с того, что был изгнан из школы и являлся, по факту, первым ленинградским хиппи; отсюда – дурные компании, ночные сейшны, хич-хайк по СеСеРу... М.б., еще не всё было бы потеряно, но с юнейших лет попал в руки Давида Дара, и тот, вместо того, чтобы направить отрока на путь истинный, напротив, еще более поощрял в антисоциальных и антитрадиционистских взглядах. Поэтому и писал я (под псевдонимом Непруха) только иронические и пародийные, в современной терминологии – постмодернистские описи. Соответственно и приятели были авангардисты, алкоголики и антисоветчики. Впрочем, даже если бы Дар и попытался бы привить мне что-нибудь благолепно приличное, вряд ли бы это превозмогло тяжелую наследственность и отсутствие должного воспитания. Все же оба деда моих получили по «маслине» в затылок не в роли безвинных овецек режима, рукоплескавших стройкам и тройкам, а в борьбе обрели несчастье свое (эсер Иван в 37-м, а басмач Алекпер аж в 26-м; осина не родит апельсина). Так что тогдашнее концептуальное свое «отрицалово» я не из одних только книжек вычерпал. Но с годами, присмирев и обломав рога на дискурсивных полях, уже сам с отчужденно-исследовательским интересом обращаюсь к тому периоду на правах читателя и поминателя...

Уж не знаю, дедовские гены ли, минуя родителей, так проявились, аль что иное, но сызмальства испытывал страх и ненависть к буржуазному (совейскому тож) орднунгу-распорядку. Весь мир насилия – учителя и начальники, паханы и вожатые, смотрящие и рулевые, все иерархии вертикалей... Только бегство в миры параллельные, в виртуальный апгрейд, в андеграунд, в мифический град на обетованной земле, где хиппуют свободные личности, где все одной крови, чингачгуки и геки финны, диланы и ленноны...

Здесь наверно уже надо признаться в моральном грешке раннего «пиндосизма»: что поделаешь, американская литература – лучшая в мире литература для подростков (от Купера и Твена до Сэлинджера и Фолкнера), а если еще прибавить к этому рок, блюз и прочую джазофрению... то, боюсь, намного потянет, господа пристяжные председатели.

.....

А подумать – так покажешься сам себе Кошеем Бессмертным... Это ведь надо ж – я помню, не поверите, *колёсный пароход!* Мне было годика эдак четыре, и я плыл оным по матушке с матушкой, то бишь по Ра к Ярославлю, в область древней Арсании русов. И страшно ревела сирена, и жуткие старики и старухи-мешочницы молча глядели гляделками, похоже вполне способные меня съесть, ну в крайнем случае – обсосать беззубыми дёснами... Сказка ли, или намёк на вещи ценности и телесные скрепы? В Арсании слезам

чужеземцев не верят; не даст соврать Ибн Фадлан. А кстати, об устах глаголистых младенцев: где-то через пару годков, уже под Москвою, точнее, под Клином, довелось мне посетить провинциально-поселковое гестапо со святой инквизицией, в просторечьи – медпункт. Там выяснилось, что у дошколёнка, меня, давно уже во рту не «молочники», а постоянные зубы, успевшие глубоко познакомиться с кариесом. А теперь (гуманитариев и слабонервных прошу удалиться) представьте картинку: одна тётенька держит меня, а другая – сверло бор-машины... Нет, трудно начать, слов не хватает в писательском несессере... Дело даже не в том, что тогда, в глубинном СеСеСеРе, не знали науки «обезболивания», а в том, что машина не знала науки электричества и работала *на приводном ремне*. Широком, шершавом, скрипучем... И геройская тётя для вращения сверла крутила педальку *ногой*. Не в зуб ногой, но зуб за зубом... Однако Клин Клином, а Арсания славна контрастом: в те дни столица светилась от широких мужских фестивальных улыбок и искрящихся девичьих взглядов из лиц студ-молодежи. ...

.....

Полноценный мифологизм русской культуры порождён пулей Дантеса. Пушкин до и после смерти это разные фигуры: да, «большой оригинал», яркая фигура, салонный литератор, элита, ВИП, но и только. Зато потом – общенациональный поэт, «наше всё», создатель новой русской культуры, логически неизбежно ставший не только главным героем академического буквоедства, но и – что важнее – персонажем литературных пародий и анекдотов.

...За ним и Лермонтов спесивый
О буре демона просил,
В горах нашел пленер красивый
И пуле вымолвил «мерси»...

А по заветам (→ Советам) Карла-Фридриха и примкнувшего к нём Института, государство должно возвеличить своего друга-врага до титана иль демона, чтоб, так сказать, не похерилась игра равновеликих космических сил: тут Булгаков и Троицкий, Пастернак и Бродский, Сахаров и Солженицын, чью благоую-облыжную весть, не читав, осудили текущие вселенские массы.....

.....

На поминках (в галерее «Борей») по Борису Ивановичу Дышленко мне вспомнился следующий эпизод. Как-то в «нулевые» годы направился я в ДК Крупской по книжкам пошарить... Глядь, на подходе, под раскидистой «неклюквой», стоит Б.И.Д. и предлагает проходим незадорого свою книгу «На цыпочках». Ну я тут же соориентировался помочь ему в этом богоугодном деле. Рядом остановилась пара моднявых фраерков усредненного возраста. Оказалось – немцы, но вполне недурно ботающие на нашском родном. Интересуются: кто-что-почем. Что им сказать, одновременно не слишком соврав? «Это наш русский Кафка», – говорю, не стесняясь. И тут фрицы меня удивили, даже, считай, ошарашили. «А ведь

это *очень* плохая реклама!»), – сказал мне, чуть шурясь, один из фрицев, с усиками а la Григорий Замза. Я не сразу нашелся, но, недолго подумав, и вспомнив старый-добрый лозунг, «мы рождены, чтоб Кафку сделать былью», выдал, почти не краснея: «Да-а, ваш Кафка, канешна... не спорю, тут без вопросов... Мрак, морок и заморочки Модерна. Но вот *на-аш*... Это дело иное!».

Купились. Купили. Однако буржуинские пруссаки заявили мне тут же, что ежели книга им не понравится, то вернут ее и потребуют деньги обратно... И вот теперь не пойму, какая ж из этого следует мораль, кроме известной сентенции, «что русскому здорово, то немцу смерть»?.. Может та, что не всегда нравится портрет портретируемым, и неча на писаку пенять, коли рылом не вышел?.. А может, это как раз *мы* отстали от новейшей крылатой ракеты Прогресса, и всё по-старому копошимся, тянемся *на цыпочках*, выставляясь мелкими бесами-гаракашками из-за мрачной пазухи Достоевского?.. ..

.....

Что ещё можно сказать о художественности как таковой? Таковое загадочно всё ж по сих пор в ранжирах своих. *Хто* художественен в хорошистом смысле и *што* должно художным считаться на гамбург-, а не чизбургерных, калькуляторах-счётах?.. Многотиражные массолиты сразу оставим за скобками (хотя это как раз наилегчайшее решенье вопроса). Но и узкоэстетский, университетский подход к долгожданному естеству универсум-консенсуса отнюдь не приводит. Даже и договоримся мы с вами, что Пушкин (Бродский, Шекспир, Вася Пупкин) «наше всё», но всё равно понимаем и ценим по-разному и за разное ж. Да сегодня и судьи-то кто, как не басмановы грозные? Нынешний сетевой хомячок и футбольный фанат сам себе культурный судья и дикий адвокат. Он помнит, конечно, что Гамлет заколол brutального тельца Полония, за что и получил в ответку... Хотя нет, это Гертруда выпила предназначенный ему отравленный чаёк. Это вам не 4-х процентный «Туборг», а 100-процентный гроб! В общем, полный жмур и склейка ластов на литературной сцене.

Да что молодежь? Она хотя бы не строит из себя фельдфебелей от литературы, а ныне, когда в мире всё так смутно постмодерно, слишком многие погоны примеряют, особо те, кто и в душе себе фельдфебель. Во всяком случае – отличник-медалист, или, на худой корень – бывший хорошист, вроде Хомы Бруга. Короче, образованы от пуза, открывают дома вузы, ну и глаза, в смысле – веки, на истину в вышней (и вечной) инстанции. Сие неизлечимо.

.....

...Так мы, стало быть, о 70-х. Реально они начались сразу же после краха революций 68-го и закончились в момент оборотных тенденций 86-го. Календарь событий не всегда совпадает с формальной сеткой. 60-е ведут отсчёт от 56-го, да и сам XX-й век начался с опозданием на 14 лет...

В каждом периоде были свои плюсы-минусы, только в разной консистенции. Вот реальный коммунизм 50х-60х, «который мы потеряли»: отвалился со звоном оттаявший обруч, язык почувствовал кисло-сладкий привкус свободы и Россия забилась в литературной горячке. Трудно уже представить себе тот культурный взрыв – Биг Бэнг биг-бендов, мастер-класс (паблой буду!) Пикассо, стилиги и барды, Белка на Стрелке, стихи-«евтухи» собирают стадионы. А новый театр, а *saints go marchin' in* коммуно-рай без остановки и морщин!?... А ведь всего лишь несколько лет прошло как умер Хозяин, и «верный Руслан» ещё не успел почуять исторического ветра свежей «гексаграммы»...

Новаторы-шестидесятники, как уже говорилось, вполне могли бы быть названы пятидесятниками, но данный термин наверное не имел шансов проявиться по случаю несколько туманного понятия «баптисты-пятидесятники» (водились такие несознательные элементы в толще тогдашнего прогресса). Сегодня уже и самый ленивый прошелся по поводу неисправимого *naiva* «образованщины» тех лет, что стряхивала пыль с «коммиссарских шлемов», и по-молодежному стилижно выстраивала окрест себя виртуальный златоград с улётным человеческим лицом. Хотя именно этой своей несхожестью лица со всеми до- и после-поколениями и были интересны: очки а-ля цыбуль над хемовой щетиной, твистовый хоровод вокруг синхрофазотрона, вертикально-высоцкие поиски мужской биографии, рок-рентген «на ребрах», зовущий к сексу джаз козла-на-саксе, зачитанные до дырбулшила братья по фэнтези и чистая лирика чувств к извивам вновь по-аксенову-модного прозожанра...

Да почти любая эпоха успевает кратко блеснуть задором и задиром штанов и мундиров. Царскосельский лицей, почеркушки Писарева и коммуна Слепцова, романтический пафос ранних Шагала-Малевича-Бурлюка. Да и в постыло-бесстыжих десятиях новейшего века пыхнула искорка на болоте юмориной Орлуши-Обломова-Быкова, матюгалкой Шнура и кричалками братьев Навального. Не снимая, правда, цепей с основного контента. А тогда, в вознесенскую нестудёную пору, кой-кому могло показаться, что еще чуть-чуть, еще немного и мир уже *не вернется в назад*...

А в чем, по-одесски говоря, две разницы эпох? Ну, ежеллли... (ежами на соц-линии) Система давит больше (сильше), то и «профурсеток», ясно, будет больше, а если «ясли» мало-мал целее (= уроды-ироды жмут послабее), то профурсеток уже меньше, и больше будет не будетлян, а графоманов. А гениев – всегдажды одинаково.

70-е моё любимое время, что, впрочем, не мешает ему оставаться «застойным» и выморочным. Просто так вышло, что всё моё т.н. худ-ство чётко уложилось в этот 17-летний отрезок и прошло вместе с ним. Началось с юного хулиганства под обэриутов, продолжилось экзистушными повестушками вперемежку с формалистскими играми, и закончилось перезрело-заумными прозаизмами в придурошном стиле пред-постмодернизма. Овеществившись подобным образом, оно само стало предметом моего нынешнего изучения.

Антиллихентный Лапенков по-чеховски (на стульчаке, вестимо) по капле выдавливал из себя «крыжовник». И вспоминал меломанскую свою сладкую младость... Конечно же, *хипаризма* сублимативно манила эросом дульсиной:

Французских нет болезней гаже.
 Одна под видом эпатажа
 уж желтой кофтой прошумела,
 лет шестьдесят имеет стажа.
 Но ведь сейчас – другое дело!..
 В года усатого владычя
 блюли константное приличье...
 Урод же, лысая пролаза,
 народ и расу распоясал.
 Хотя и не было свободы
 особой, но прокralись моды,
 пусть ухудшался вкус колбас,
 но расползался рок и джаз.

Да автор сам, насколько помнит,
 Прошел сквозь этот искус тёмный.
 Имелась хаза, то есть явка,
 где по ночам курилась травка,
 магнитофон, творец экстаза,
 за сутки не смолкал ни разу,
 соседи в заявленьях перья
 ступили, мент стоял за дверью,
 а мы – в окно (второй этаж)...

Таков был ранние эпатаж!..

.....

...уже трудно представить *как медленны мы были...* Достать (не с полки!) хорошую книгу, найти и купить джазовый диск, а заодно за колбасой отстоять. Дозвониться с уличного автомата... Можно, конечно, усмотреть элемент некой романтики в том, как стирали пыль с винила или склеивали оборвавшуюся магнитную ленту. Поехать через весь город в «Публичку» ради одной строчки, намытой из словаря. На деле оказалось, что и новомодные гаджеты не дают полного счастья (и даже свободы), и это природный закон. В советские времена холодильник и цветной телевизор, молодежные движения и рок-н-ролл, о которых и мечтать не могли наши родители, которые однако имели радио, телефон и паровое отопление, а их предки освещали жилище лучиной, но предки предков могли похвастать перед своими пращурами колесом и бронзовым мечом... Счастливее всех, наверное, была обезьяна, которая не спешила стать человеком...

.....

А вот вам страшно страстная вечерняя сказка для внуков. Из эпохи диких-диких предков, беспечно скитавшихся по неведомым и памятным весям и внутриграницным краям по-над пропастью *без смартфона в кармане!*..

Однажды молодой и отважный дедушка выскочил из дома в одних рваных джинсах (рваных не «от кутюр», а от тесных контактов с шероховатостью жизни!) и пробрался по темной холодной улице на соседнюю (столь же мрачную), к единственному несломанному телефонному автомату, и дерзко попросил у беззвучной как смерть автоматной очереди пройти без очереди, дабы скорей вызвать скорую для красавицы-бабушки, в муках рожающей *твою мать!*.. ..

Сегодня уже очевидно, что грусть-тоска нас съедала из ощущения непохеряемой вечности этой системы, навеки отделившей одну шестую от общей, выздоравливающей, палаты. Другой жизни не будет и потому пройти ее стоит гоголем, плюя на голимого голема. Способны ль неведующие путей и сроков предположить и неминуемый крах и неизбежную ностальгию?..

Былинная эпоха, когда хлеборобы и сталевары вызывали друг друга на сореживание по величине удова и на скорость яйценоскости, а литературоведы писателей – по вескости томов и геморроидальных шишек...

Да что ж это все-таки было?.. Говоря пифагорически: полная жопа. Хотя и с золотым сечением!.. ..

Постой, паровоз... Станцию Муссолиниевку проехали с песнями и плясками. Может, хоть в Коммуне будет остановка? Все ж таки дороги исхожены... (Кондуктор не спешит... Кондуктор понимает?.. ..)

Из т.н. исторических законов железно работает только один: принцип снежного кома. Если понеслась нелёгкая во все тяжкие – запреты, санкции, раскол, гибридные войнушки – то уж остановка будет только по причине полной капец-коммуны, иссяк-усекновения и всяческой энтропии субъект-объектной материи.

Что до изжеванного как бы вопроса о роли личности в истории (похоронная команда Толстого супротив dreamteam Карлейля, ежли кто помнит о чем речь), то – увы из Тувы – даже малая (но ядрёная!) вошка во власти чисто конкретно (то бишь грязно-технически) запросто может объектив эволюции повернуть обратно в идейную душу, не оставив материи и шанса на материнство, окромя виртуального рая.¹ Под проплаченный плач

¹ Моральная причина падения элементарна как Ватсон: система «потлача», повышения ставок, игра в «пальцы всером». И кто б это не был, не важно: Гудвин, Великий и Ужасный, или Нашсталинсегодняя (а Ленин-Петин послезавтра), да обычный вчерашний придурок и Ванька-Каин во веки веков... Чтоб далеко не ходить (по Вселенной), напомним о теории современных ученых, объясняющей отсутствие разумных сигналов из космоса. Предполагается, что цивилизации, достигшие сходного с нашим

профессиональных кликуш и на радость всем маньякам и зомби... А мы-то, дуремары логоцентричные, всё о логосе своем, традиционно новаторском, скорбим и печёмся. Воипостазировали-воипостазировали, да не вывоипостазировали...

Исходя от глобалки к локалке, можно (а кто запретит?) вспомнить литературную ситуёвину. Почему б не поэтов? Почему бы не питерских? Пуркуа па (кордебалетных и примусных, никем не починенных)?

Вот давеча (осень 2018-го) побывал я на вечере памяти Кривулина и Кузьминского в библиотеке имени Маяковского, что на Фонтанке. В самом маленьком зальчике-маргинальчике, и то целиком не заполненном. Присутствовало в основном весьма ветхое поколение («сухофрукты», как назвал ведущих вечера, Буковскую и Мишина, их внучок), где самому молодому питу было с лишком за тридцать. А что за стишата ими читались!?.² Приснопамятные волхвы-волкодавы ушедшего андеграунда удавились бы от тоски. Без притока свежей кровушки неизбежно измельчание-вырождение, а она давно уж перетекла в долины силиконовые.

Это совсем не похоже на 60-е, когда и физики в законе и лирики в авторитете. Слово перестало быть самовитым, а стало лишь составной частью общего мультимедизма. Не пугая высокого начальства и не радуя сермяжных образованцев.

А ведь вилося и наливалось когда-то, и били копытами по бездорожью рысаки-иноходцы.

Дмитрий Бобышев, «граф Шампанский», «барон Урбанский», весьма, на мой взгляд, тонкий стилист и глубокий метафизик, сидя в далеком Шампейне, не потерял еще боевого задора и по-прежнему грозит «отсель» литературной указкой пресловутому шведу-нобелеату, своему вечному сопернику, Осе-Жозефу. Не накидывая на себя третьейской мантии, все же отмечу, что при всей глубокой угонченности ДВБ-у в борьбе батырско-«баратынской» не хватило эффектных игровых приемов и спасительного чувства иронии, некоторого *нахрапистого пушкинианства*, в сравнении с гораздо более универсальным ИАБ-м.³

технологического уровня, просто не удержались на нём и развеялись с «ядерным пеплом».

² Да хрен со стишатами! Меня больше тогда поразила их полная самодостаточность при некоторой маловменяемости. Пришли, стало быть, погудеть-побазарить за Костю с Витюшей, а выяснилось мимоходом, что даже сайт Антология новейшей русской поэзии У ГОЛУБОЙ ЛАГУНЫ многим из них практически неизвестен. Ау! По клавишам бить вроде бы все научились, «а толку?!» (как любил выражаться сам ККК). Что уж тут говорить о понимании современности! Спроси их о том, кто смотрит мульт «Заповедник», читает ЕЖа, или даже Пелевина, вряд ли бы больше двух рук поднялось...

³ А может и к лучшему: держава и корона давят такой авторитарностью, что враз превращают Ланселота в дракона.

Перейдя от языкового фехтования и дуэльно-динамитной темы к одинокому черному всаднику, Вик. Ал. Сосноре, можно, мне кажется, смело употребить термин «гений» в самом тяжеловесном, коңдово-старинном и околохлебниковском значении. Здесь мы наблюдаем горный поток, смывающий собой деревья и камни и человеческое жильё... Гипербола и метафора? Конечно, и это всё о нём. Читали ли вы толстый «галмуд», тайные записки Вячеслава Овсянникова, «Прогулки с Соснорой»? Уже и не важно. Но столь ли он одинок в своем странствовании? Да нет: гениев можно немало намыть в мутной петербургской водичке. Хоть целых, хоть половинчатых, хоть осмущкоподобных. Одна только Леночка Шварц, *нежданная* «блудница-монахиня», стóит паки-паки многих иных. А несхожий ни с кем архаист-новатор, Сергей Стратановский? А Александр Кондратов? А полубезумный Миронов, то ж Александр, и безумный, вполне официально, Вася Филиппов?.. А за ними уже гремит мозговыми костями легион подпольной империи, андердог-андеграунд...

Нет, в смысле – да. Не накормить горсткой символических премий наш город-ворог и гордый варяжный народ!..

Или вот – тень усопших хоровод-мельтешенье, пляска посмертных граффити на стене литературного Шеола-Аида.

Друг юных дней Горбовского и Сосноры, Слава (Соломон) Гозиас, осевший (и почивший) в Техасе: десятки тысяч строф стихотворных, два десятка повестей и романов, воспоминания, саркастически едкие, о писателях-современниках. Где это? Кому? Для чего? Кто тот искомый критик, совиный соглядатай русской ночи, скриптотерпец и криптогенетик, у которого спасется и самый малый зарытый талант?

Доказывать оригинальность произведений, скажем, Гран-Бориса (Кудрякова) или Аркадия Бартова (Шейнבלата), при всей их вынужденной элитарности, значит ломиться в открытую дверь. Но вот совсем другая история с творчеством того же Гозиаса, или Юрия Шигашова (тоже, кстати, давешнего приятеля Сосноры, Горбовского, Довлатова и Кузьминского). Тут все не просто. Креативный напор гозиасских писаний столь же очевиден, как и то, что автор не справляется (и демонстративно не желает справляться!) с бурным потоком сознания, и искать у него «чеканные» формы и многоумную рефлексию дело гиблое-зяблое. Разматывается бесконечный клубок паремийно-речевой бечевы с редкими узелками для памяти; своего рода тот же Соснора, но без видения берегов и без лоцмана-«лотмана» (или, хотя б, «топора» в башке).

В предисловии к сборнику его стихов я писал: «Поэта далеко заводит речь по путям расходящихся словесных тропок (равно и «тропов»). Иногда так далеко, что устаешь за ним следовать:

«тянет слово за собой
упираюсь а напрасно
тут в поэзии изгой
поднимается на праздник...»

Если современный поэт, избавляясь от архаичной песенности, все чаще говорит специфической прозой, усложняя и уплотняя смысловую суть, то Гозиас, напротив, остается в традиции рифмованной прозы, раешника, частушки и прибаутки, зонга и шванка, некой «сермяжной» песенной речи, временами напоминающей средневековый фольклорный роман, а временами переходящей в иермиаду и ветхозаветный плач. Но российские корни и послевоенный опыт «юродивого» бытия неизменно превалируют над чисто литературным опытом. Всем известны «шестидесятники», но Гозиаса... и круг его друзей правильно было бы назвать «пятидесятниками», а сами себя они называли представителями *уличной* литературы... А также «сиротами», «выблюдками», «бутыльниками» [в пандан «будетлянам»] и «скоморохами» («Третьян Скоморохов» – один из его псевдонимов).⁴ И пускай заоблачная профессура брезгливо морщит свои носопырки.

С Шигашовым ситуация еще более грустная, о чем я писал уже ранее. Три малых рассказика в давно забытых сборниках прозы – это все, что осталось от автора, о котором отзывались как о новом Достоевском, а Давид Дар (я – свидетель) даже заплакал на чтении рукописного романа «Остров». А в итоге рукописи дognивают в семейном архиве его вполне таки путёвого сына, если еще не выкинуты на помойку.⁵ Хотя бывает и хуже (ср. описанную мной историю Геры Григорьева).

Однако меж «потреблятской» помойкой и нобелеатским синдромом можно отыскать и другие, приватные, заповедные, зоны-зоны, райские куши и муравчатые острова. Сакраментальная гениальность и общественные вышки успеха меркнут перед редкой в нашей культуре удачей индивидуального статуса автора, хотя (по всей вероятности) и покончившего с собой, но оставившего след счастливой гармонии. Нужно ли называть его имя? Вы угадали: ну, конечно же – ессе homo! – пресловутый Леонид Аронзон! Поэт-демиург, безвременно находящийся по ту сторону привычной нам гениальности, в своем персональном Эдеме, сам себе Будда, Кун-цзы и Хуй-нэн. И к этому мне уже нечего добавить.

⁴ В каком-то смысле его можно даже считать неким провозвестником современного *рэпа*, «протогнойным» Оксимироном-Хаски, как в свое время А.К. Толстой был протоХармсом.

⁵ К известной байке Довлатова о споре Горбовского с Шигашовым, кто из них более безумен, можно добавить яркую иллюстрацию. Когда в 1970 году Дар, Панова и Лиля Брик приехали на похороны Эльзы Триоле, они привезли Луи Арагону рукопись Шигашова (вероятно в переводе своей знакомой, Э. Л. Линецкой). Арагон был поражен: «Да это же второй Достоевский! Мы обязательно будем выдвигать его на Нобелевскую премию!..». Ну как же! Еще чего! Как рассказал мне поэт Володя Беспалько, Шигашов стал буяннить: «Я русский писатель! Не нужно мне ихних нобелей-шнобелей!». М-да, Горбовский мог подтереться своей жалкой справкой о сумасшествии. Однако, я припоминаю, что Юра как-то успел похвастать, что ожидает шведскую премию, только боится, что с ним поступят хуже, чем с Пастернаком. «Да брешешь ты всё!», подумалось мне тогда.

Здесь меня, впрочем, легко упрекнуть, пнуть, поймать, поймать за словесное ретивое: мол, после нас только мертвое поле, не боле; выжженный морок и вавилонский бардак, а Логос повесился с горя на русской осине. Ан нет, господа сухофрукты! Всех не перевешаете! (Это как бы *я-мы* в пародии как бы *их-нас*, и как бы в обратку)... Да, заплутал в рефлексии (возраст, чего уж там говорить!). Короче, имеется мнение, что *всё далеко не так плохо, как нам бы с вами хотелось!*

Даю сразу пример. На очередном награждении премией Андрея Белого в номинациях выступали молодые лауреаты университетского облика и несли в массы свой актуально-активный литературный просвет. А вы говорите – «мертвое море» и «выморочный полигон»! Поздравляем, соврамши! (Это я снова как бы шутку).

«Что-то я ни единого слова не понял», – шепнул мне на ушко сидевший рядом Сергей Стратановский. И это, между тем, заявил человек, слушавший лекции самого Владимира Проппа, и, одновременно, любимый ученик-соучастник поэтических семинаров профессора Дмитрия Максимова, который в оное время беседовал с живым Белым-Бугаевым и отрыл, сохранив для потомков, архив Иванова-Разумника.⁶ Ну просто *Ууунс!* (как иронично выражаются на своем жаргоне упавшие интернет-браузеры).

Но *я-то*, в отличие от мэтра, прекрасно все понял! Т.е. понял как раз *каждое* «единое» слово и всю эту конкурентную терминологию, но тоже вот не обьял смысла общего их сочетания. Хотя нутряным, тринадцатым, чувством врожденного лузера смутно догадывался, что новые фрукты из высокосортных семей, получив доброкачественное образование, удобряют теперь, под себя, фирменной «дерридой» отечественную поляну. И уверены, что это трендово!⁷

Что до премий, то будь у меня такая возможность, я бы учредил премию «Литературный власовец» трех степеней. Третья степень – в награду – банка варенья (яблочного) и пачка печенья («мадлен»), вторая – к этому еще доллар, счёт за гамбургер и шкалик «Белая лошадь», и первая – восковая фигурка богатыря в очёчках, с фитилем в заднице, на плечах вырезаны генеральские погоны; в правой руке – триколор, а левая выжимает штангу (о надписи можно подумать еще на досуге⁸).

⁶ Где оказалась, кстати, оригинальная версия романа Белого «Петербург».

⁷ В перерыве я подошел к одному из лауреатов (А. Конакову) и с интонацией провинциальной училки сказал: «А я вот не дал бы вам премии. Похоже, что вы в своем весьма спорном предисловии к книге Кудрякова совершенно не учли то, что ранее о нем писали Драгомощенко, Берг и Вальран. Не говоря уж о прочих кудряковских товарищах». «А зачем мне? – пожал плечами лауреат. – Мне неинтересны чужие мнения. Я пишу так, как мне хочется. Я так вижу». «Ты не прав, Володя, – пожурил меня позже Боря Останин. – Это новое поколение. У них на все свой взгляд. Ты и сам когда-то таким был...».

⁸ Навскидку: на левом «блине» штанги – «Люблю Россию», на правом – «но странно любовью». Или – «Не забуду Рашу-Мать!», а с другой стороны нечто в рифму.

Портрет Давида Дара. Отрывок из повести «Негативы», 1980-81 гг.

Еврейский Сократ, русский Монтень, советский Чжуан-цзы. Смерть сглаживает противоречия, не все было гладко и в нем, и в наших с ним отношениях. Словами Мандельштама: нрава он не был лилейного, мало в нем было линейного. Близкие звали его просто Дедом. Но не Дедом-учителем. «...Мерзкое слово! Пусть вас толстобрюхие учат, а мне интересней учиться самому!..».

(Я знал прекрасных стариков, мне было с ними легко и свободно: ни столкновения самолюбий, ни конкуренции. Один – своеобразный писатель, буддист, утопист, эстет-пантеист с неистребимой любовью к природе и дитя с философским чутьем. Дураки именуют его советским фантастом. Другой, дитя Левого Фланга, поэт, оставшийся живым, и потому – неизвестным, т. к. его не шлепнули вслед за друзьями – Введенским и Хармсом...).

В отличие от нормальных дедов, наш Дед не только не кичился житейской премудростью, но честно расписывался в полном ее отсутствии; он не обставлял свой быт престижными вещами, не собирал, а раздаривал личную библиотеку, и также славился как заядлый битломан. За спиной шушукались, за глаза посмеивались, но ходили к нему на поклон. В его комнатухе было не продохнуть от непризнанных гениев и табачного дыма. Нечесанные бородачи, калеки-интеллектуалы, плаксивые дылды, женоподобные подонки, лысеющие апостолы и вдохновенные доходяги вопили, шептали, рыдали, острили и листали творения...

«Боже мой! – всплескивали маленькие ручки и трубка чуть не выпадала изо рта. – Как я устал всех кормить, всех баюкать, разносить стаканы, выносить пепельницы, отговаривать от самоубийств!» А через минуту: «Господа, у меня есть чудный гороховый суп!».

Но ходили к нему не только за супом. Дед служил лакмусовой бумажкой в литературных отварах наших личностей. Настоящий критик мало интересуется, что ты за птица, он судит или с монблана общих идей, или с горки собственного вкуса. Дед же патологически был устремлен на чужое. Зритель-пиявка всасывал твою жизнь, растворялся в ней и говорил уже как о своей собственной. Несоответствие твоего и тебя вдруг становилось постыдным. «Какой вы старый! – отпрянув и взбивая серебристые патлы. – Как довольны собой, как уверены в каждом слове, поступке... Вам с собою не скучно?..» Люди, которых не за что было жалеть, кому не в чем было сочувствовать, надолго у него не задерживались. Не имея возможности помогать и дарить, он болел виною бессилия. В Израиле, среди шелеста окружавших его новых друзей, сердце, привычное к большим затратам, стало сдавать и – ненужное – остановилось.

Событий его жизни хватит на серию пьес под общим названием «За кулисами литературной России» (тут надобны Булгаков с Мейерхольдом). Я легко могу себе представить Деда, скрючившегося над томиком Стерна, болтающего с Чуковским или с Натали Саррот, сидящего на краешке

больничной койки Пастернака или на подоконнике у Мандельштама («единственной мебелью поэта был сундук, но в нем жила Надежда Яковлевна»). Труднее вообразить его с наганом в окопе на Невском пяточке, или колесящим по стране на мотоцикле, или в курильне опиума на Дальнем Востоке. Суетливый маленький еврей, задыхающийся от астмы, вздрагивающий при появлении милиционера, покорно сносящий хамство первого же грянувшего хама. Но мне приятней вспоминать старика-дрожжевика, увлеченного новой идеей, которую он только что понял, или новой личностью, с которой он только что познакомился, – «...вы не представляете!.. никто из нас, старых пердунов, на это б не отважился!..» – искристого, бодастого, газированного Деда.

Он не был бодрячком-добрячком с пряничком для каждого: мог прослезиться от трагичности чьей-то судьбы, но мог прервать хлесткой насмешкой, в два счета выставить за дверь. Но и мы, акробаты подпольного цирка, охочие до ахов-охов и прочего, мы-то чем интересовались, помимо собственных отражений? Теперь уже поздно тыкаться виноватыми шупальцами ретроспекций в зазеркалье утраченной души...

Обидно, что образ Деда, такой ясный и такой мне знакомый, не проступил на бумаге. Не удалось мне раздуть угольки его глаз, затеплить его улыбку, раскурить его трубку, но стóит лишь захлопнуть тетрадь, как мигом взвивается пыль полубессвязных воспоминаний...

...Риторика бурлит в нашей крови алкоголем. Хорошо говорить мы уже научились, но научимся ли когда-нибудь слушать? («Знающий не доказывает, доказывающий не знает» – завет, оставленный Лао Данем начальнику пограничной заставы).

Глыба головы на придавленной пирамидке тулова, набрякшие скепсисом веки, закопченные морщины натянуты на колок угасающей трубки. Мой внутренний глаз недоверчиво отмеряет абзацы, пока голос зачитывает произведение вслух: что-то не так? Голос сминает страницу, прожорливо тянется к следующей. В ней я уверен, уж здесь-то... В глазах Деда лиловеет улыбка, я уловляю ее радаром своей шевелюры. Снова сомнение? Но тут я не сдамся: мое!

«Хорошо, что ты так уверен. Я, наверно, не прав». Пауза. Проигрывает себе вину, как пластинку Махалии Джексон. «Уж климакс близится, а мудрости все нет. Не слушай меня. Всякому старику хочется видеть свое подобие. Особенно, когда маразм на пороге». Смеется. Мне неловко. Я понял, что рассказ мой не годится и на подтирку. («Твердое преодолевается мягким... Правдивые слова похожи на свою противоположность»).

...Автобус, не дожидаясь, отходит. Трость колотится форелью об лед, простреленная нога ползет грузным тюленем, жадно клокочет жаба грудная, на лице... улыбка виновности. Вот также, извиняясь за нерасторопность, он пошел бы на нож, на этап, на Голгофу, к Бабьему Яру... Да где ж твоя сила духа, Дед?! Твоя индивидуальность?! (Но мне уже стыдно за едва не сорвавшийся мальчишеский выкрик. «Сянь жэнь ставит себя позади других, благодаря чему он оказывается впереди. Он пренебрегает своей жизнью, и

тем самым его жизнь сохраняется. Кто не теряет свою природу, долговечен...». Но вернемся от древнего китайца к древнему еврею).

...Давний солнечный полдень. Воды, виды и давка на Невском. Выпуклость моста выстлана скотоложеством Клодта. Популяция плоти преет в глотках колготок. Мы с приятелем – в затертых шкурах и в бусах из старых кроватных шурупов. На веревочке – некая пожарная машина с сиреной, взятая напрокат у племянника. Вдруг – кашель знакомый из-за чьей-то спины, краешек походки, за губу зацепился вопросительный знак, рядом – спутник солидный – бобр с седой, рогой бородачки, перевернутый восклицательный галстука. Краткая трапеза взглядов: винегрет удивления, презрения, радости.

– Дед, идем с нами! Усядемся на газоне и будем наяривать на гармошке.

Достаю из штанины золоченый «Weltmeister» и делаю два-три пробных такта.

«Мне дико захотелось бросить все и пойти вместе с вами, – Дед потом признавался, – но я просто струсил: не выдержу насмешек прохожих, осудит солидный мой собеседник. Я отрекся, как Петр, но не от вас, а от собственных же философских позиций...».

Его богом был Иисус, его богом был Разум. Но из-под знамени этих богов, из-под знамени любой высокой идеи выползают те же ацтекские ритуалы, жертвоприношения гнездятся в бархатных складках, и невыносимо громко гремят шаги победителей. «Стук наших копыт громче, чем стук наших сердец». И он проклял Идею, «эту богиню стад, эту безжалостную, бесчеловечную старуху, эту седую ведьму с барабаном в руках». В начале было Слово?.. Нет, «в начале была плоть, плоть цвела и ликовала; и славила природу. И это был Бог. Потом плоть начала вянуть... и дряхлеющим людям захотелось развенчать тело. Они придумали интеллект, они придумали духовность, они придумали Слово». «Отличается мой нынешний Бог от всех прежних своей юностью. У юности нет апломба ни Бога Разума, ни Иисуса Христа. Юность не выдает себя за истину. Она быстротечна в масштабах одной жизни и неиссякаема в масштабах человечества...».

(«Твердое и крепкое – то, что погибает, нежное и слабое – то, что начинает жить». Снова вмешался китайский дряхлец).

...Помню день в Комарово, жаркий, как противень, и липкий, как пластырь. Замшелые пни нашей культуры нежатся в тенетах ухоженных трав. Опята племянников с велосипедами... жрицы поэзии лижут мороженое и сосут валидол в инвалидных колясках. Снует персонал по аллеям райского сада.

Дед, измятый вчерашним инфарктом, сидит на постели и зевает, как Гаргантюа.

– Давай шлепнем водочки. Врачи запретили пить, но жить пока не запрещают... Нет, не желай мне здоровья, пожелай мне мгновенной легкой смерти. Я не смерти боюсь, а агонии, продаваемой больничным гуманизмом... Что-нибудь пишешь?

– С лендой.

– Стареешь, брат. Стариков надо душить, пока они еще молодые, пока не научились душить других своей мнимой значительностью, своим мнимым жизненным опытом. Так ты что же: почувствовал себя мэтром и боишься написать лишнюю фразу? А между тем подлинно художественная литература состоит только из лишних слов, которые образуют лишние фразы, которые в свою очередь создают абсолютно лишние произведения.

– Вот именно бесполезность литературной деятельности меня и удручает.

– Литературы или деятельности? Послал же бог ученичка!.. Мой милый, я давно уже понял, что настоящая литература – это рукопись. А книга или журнальная публикация – это литературная продукция, обыкновенный рыночный товар. Наиболее знаменитыми писателями являются наиболее предприимчивые, деловитые и энергичные продавцы своей продукции. Раскрой тебе секрет моего литературного преуспеяния: я ничего серьезного не печатаю, а изредка читаю кому-нибудь дома и вместе с тем абсолютно плюю на читателей, на издателей, на редакторов журналов. И вот все смотрят на меня и думают: «Такой старый, такой седой, с трубкой во рту. Посылает к ефене матери и писателей и читателей. Ни на что не жалуется, всем доволен, никому не завидует. Не иначе, как он очень знаменит и гениален!» Потому и относятся ко мне, как к Гомеру. А если бы я напечатал что-нибудь серьезное, все прочитали бы и сказали: «Какое дерьмо! Таких гениев пруд пруди, только их никто не читает...».

Говорил ли Дед именно это тогда, а может быть, что-то иное. Но схожее? Или писал мне об этом позднее в письмах «оттуда»? Не важно. Ни «здесь», ни «там» не смогли повлиять на него, изменить его мысли. Передо мной лежит одно из его посланий, отправленное незадолго до смерти.

«Число, месяц, год. Тот Свет.

(...) Мой милый... вот уже третий год я живу в так называемом свободном мире. Не верь, что он свободный. Зависимость от честолюбия, от материальных благ, от мнения окружающих тебя людей здесь такая же, как и в мире, где живешь ты. Чем лучше писатель, тем меньше он зарабатывает. Это дурачки из Советского Союза думают, что где-то существует высокооплачиваемая свобода. Дудки! Нигде в мире за свободу денег не платят. Хочешь быть свободным, так будь нищим. А хочешь посылать друзьям подарки, так изволь продаваться. Кому угодно. Евреям. Коммунистам. Фашистам. Террористам. Капиталистам. Диссидентам. Пролетариям. Президентам. Проституткам. Священникам. Республике Чад. Гомосексуалистам. Королеве (в изгнании) объединенной империи лесбиянок.

(...) Непосредственное чувство личности – качество в современной литературе крайне редкое: почти все писатели осознают себя или как «жертву» времени, или как «продукт» времени, или как представителя какой-нибудь народности, какой-либо идеи, какого-либо стиля. Непосредственное чувство личности имеют только дети в очень раннем возрасте, гении и мы с тобой. Больше никто. Непосредственного чувства

личности нет ни у Солженицына, ни у Аксенова, ни у Воннегута. Все они олицетворяют нечто другое, то, что находится вне их личности. Если мы с тобой еще встретимся (в аду) и если нас там не очень круто будут поджаривать на сковородке, то мы на эту тему поговорим подробнее.

(...) Литература здесь, благодаря свободе печати, превращена в такой блошинный рынок, что печататься почти неприлично. У меня вышла небольшая книжка, которую некому ни покупать, ни читать. Даже подарить ее некому. Издательство уверяет, что ни в Европе, ни в Африке ни один молодой человек не читает ничего, кроме политики и порнографии. Так-то, брат, обстоит дело со свободой творчества. И в Европе и в Африке ты бы работал кочегаром или трубочистом. На мой взгляд, это почетнее, чем писателем.

(...) Живу я отлично: одной ногой в могиле, другой на небесах. Денег нет, эрекции нет, славы нет, учеников нет, учителей нет, друзей нет, врагов нет, языка нет, родственников нет, а есть полная свобода. А больше мне ничего и не надо. Никакой родины я не переменял. Моя родина не вне меня, а во мне.

(...) Завтра я пойду в Храм Гроба Господня, чтобы поставить за вас всех свечки. Так как я не обманываю Господа, будто верю в Него, то Он выполняет все мои просьбы. Боже мой, целых шесть свечек – ведь это же стоимость двух банок отличного пива! Цените, негодяи! *Ваш Дед*». Такой старый, такой седой... такой уже мертвый!

И вновь лезут в голову слова старого, мертвого третью тысячу лет, Лао Даня: «Кто не теряет свою природу, долговечен. Кто умер, но не забыт, тот бессмертен»...

.....

Отрывок из книги «Парамеморий», СПб., 2011 г.

Время уже писать некрологи друг другу, а не воспоминания с запоздалым доругиваньем по поводу истин, канувших в черную Лету-дыру. Но такого некролога-элогии, какой написал себе Давид Дар (еще за 20 лет до кончины), никому из нас не создать. Подобной радости бытия, при одновременном нескрываемом скепсисе и тотальной иронии, ни в литературе, ни в жизни я не встречал и вряд ли уж встречу. Дар уникален в той степени, когда завидовать или подражать ему совершенно бесперспективно.

«Сегодня вы хороните одного из самых счастливых стариков на свете. Мое счастье заключалось в том, что я не поверил ни Жан-Жаку Руссо, ни Карлу Марксу, ни Ленину, будто каждый человек имеет право на хлеб, труд и счастье, на свободу, равенство и братство. Когда я родился на свет, я не ставил никому никаких условий, и мне никто ничего не обещал, как никто не обещает ни новорожденному таракану, ни новорожденному щенку, ни новорожденному льву... И, может быть, именно по этой причине мне всегда очень везло...».

И он имел полное право этим бравировать: ну-ка, молодая, сколь угодно гениальная, но – преждевременно скисшая, литературная поросль! вы, продравшись сквозь месиво фронтowych и сталинских лет, смогли бы сохранить любовь к жизни, к слову и к людям в той мере, чтобы ежедневно этой любовью и радостью делиться с другими?!. Это – Дар. Комментарий здесь только один: нам, тем, кто был с ним знаком, неслышанно повезло, хотя бы в том, что мы знаем – *такое возможно*.

Но из-за того, что он растратил себя на других, *просто* на бытие («много» это, или же «мало»?), не написав мемуаров, в которых должна была отразиться вся закулисная «совейская» литературная жизнь 20-х - 70-х годов, какую он знал в уникальных деталях, в этой самой литературе зияет огромное пятно. И эту «дыру» не заделает уже больше никто...

...И ведь не столько чужой текст, пример или личность формируют автора, сколько нечто поверх них, что-то до- и сверхтекстуальное, помогающее открыть в себе собственный «текст». Если взглянуть с даосской точки зрения, настоящий учитель не тот, кто учит. А согласно *нашим* традициям, маргиналы – единственное оправдание предшествующего поколения. Здесь будет к месту отрывок из стихотворения Бобышева:

«Нет ни Дара, ни Глеба Семенова...
А мы сами-то, разве мы есть? –
От пасомого стада клейменого
с вольнодумством отдельная смесь.
Нас учили казенные пастыри:
– Деньги-штрих, деньги-деньги, товар.
Нам же – дай своего: хоть опасного,
но живого, не правда ли, Дар?..».

...Дар не столько сознательный «универсалист», сколько неотсистематизированный, хаотический, «уникалист» – «странный аттрактор», духовный «фрактал», пребывавший сразу в нескольких измерениях. Он был равно далек и от парадигмы «почвы и крови» и от либеральной просветительской идеологии. От идеологии как таковой.

Можно упомянуть ряд литературных попыток нарисовать образ Дара – Г. Горбовского, Д. Бобышева, О. Бешенковской, С. Довлатова, К. Кузьминского, автора данной статьи (не считая фельетонного антисемитского тьяканья г-на Любомирова) – но ни шарж, ни структурно-философская схема, ни историко-биографический очерк не способны исчерпать нелинейный «динамический хаос».

Любая идея, по Дару, борясь за главенство, уничтожает не другие абстрактные идеи (что невозможно), но живых людей. И Разум, и Вера, и любой «изм» это, в первую очередь – армейское знамя, барабанная дробь и стук копыт адептов и неопитов («стук *наших* копыт»). Любой школьный начетчик возразит с подковыркою, что это, мол, тоже «идея», а поскольку мир тотально семиотичен, то и выхода нет... (И будет, конечно же, прав, да читатель и сам может продолжить, сославшись на Витгенштейна, Фуко, Лосева, Лотмана и иных корифеев). Но – Дар исповедовал «мягкие

моды», даосский подход: «да» значит «нет», и только поэтому «да». Выбирая «слабое», «молодое» и «плотское», то есть *жизнь*, в противовес «жесткому», «абстрактному», «старому» – *смерти*, он действовал согласно принципу «давать», а не «брать» и чувствовал себя при этом много счастливее своих выдающихся учеников.

Дар безжалостно отсекал от индивида идеи, как неживое от живого, дискредитированное себя *общее* от природно «невинного» *частного*. Впрочем, не меньшим жупелом был для него и древнейший социальный инстинкт – инстинкт стадности. Он поддерживал в каждом веру в себя, т.е. веру в то, что пока еще не реализовалось – в «заявку», в «росток», парадоксальным образом пытаясь оградить этот росток и от мертвающей экспансии «Духа» и от самого дальнейшего природного роста, неизбежного будущего осточенения. Как тут не вспомнить евангельское «будьте как дети!»... Но рано или поздно ученики уходили в большой мир с его неизменными и более понятными законами.⁹ Лучше хоть какая-то уверенность и социальная воплощенность, нежели неуловимая, пугающая «материнская бездна» чистых потенциалов, возможностей... Действительно, не жлет новейшая физика: постоянно «дарить», отдавать, никогда не исчерпываясь, способен только бесконечный «динамический хаос».¹⁰

Вероятно поэтому сам Дар оставил после себя так мало написанного (хотя об этом «малом» можно сказать еще многое). Он защищал не только «зверей и детей»: сыграл роль и в защите Иосифа Бродского, писал открытые письма в защиту Солженицына (и вовсе не потому, что считал последнего «отцом русской демократии», он защищал из

⁹ Логика простая: большинство авторов жаждали признания и радостно несли свои произведения в издательства. Но власть, которую Господь вовремя лишил разума, но которая все же обладала абсолютным чутьем на талант, всячески препятствовала их публикациям, благодаря чему таланты не «скурвились» заблаговременно, а литература в целом сохранила достоинство. Гении любой эпохи в первую очередь – живые люди. Поэтому для того, чтобы на деле противостоять всякой публичности (а не только узко взятому «официозу») нужно – в экзистенциальном плане – быть чем-то большим, чем «просто гений». Таких людей, кстати, история знает немало – монахи, хасиды, дервиши, суфии, Экклесиаст, Сократ, Лао-цзы... В иронических «подколках» Дара, что, мол, истинный гений должен творить на чердаке, а закончить жизнь в сумасшедшем доме, прочитывался не один только юмор. На глубинном уровне у заботливого защитника личности проявлялась негуманитарная, свойственная природе жестокость, т.е. некая *надличностная*, чисто *космическая* мораль...

¹⁰ Уже после написания этих строк, я прочел публикацию писем Дара Владимиру Губину («Звезда» №8, 2002), где (с 147) с изумлением обнаружил слова Д. Д., обращенные им к своему молодому адресату (1955 год): «Только из хаоса может быть создан мир... Только хаос, в своем стремлении к порядку, есть движение, творчество, созидание».

сердечного чувства, «по жизни», а не ради «демо»-идеи). Сегодня это уже история, т.е. «кунсткамера», эпоха духовной архаики, и сам Дар на сегодняшний день это... *идея*, концепт, архетип, парадигма, а не только фигура невозвратной эпохи («последний чудак», по выражению Довлатова). Идея редкая, экзотическая, *не для всех*, уроки которой до сих пор не усвоены...

И это далеко не всё: случай, стохастика, и космический детерминизм неразрывны и могут быть рассмотрены с разных сторон...

С годами понимаешь Дара все лучше, глубже и тоньше... Забавно то, что эта мысль впервые возникла у меня еще при жизни Дара и с тех пор появлялась довольно регулярно, каждый раз как итоговое, окончательное и бесповоротное «помудрение».

В чем основной «секрет» Дара? Чем подкупал он своих учеников, таких разных, ни в чем не похожих друг на друга?.. Я, впрочем, считаю, что главные тайны всегда прячутся на поверхности. То, что это был гениальный *читатель*, ясно и без объяснений, но в подобной хвале скрыта потенциальная оценка его как *писателя*: кажется, уж либо одно, либо другое... Однажды он спросил меня о моем отношении к его «Маленьким завещаниям». Нет, мне, конечно, симпатизировали его взгляды, интеллектуальная смелость, ирония, юмор, оптимистический скептицизм, о чем я сразу сказал ему. Да и сам стиль, пожалуй, манера выражения... хотя последняя в целом казалась уже несколько архаичной; вот у нас, «новых гениев», виртуозов языковой и формалистской игры... у нас – это *да*... Каково же было мое удивление, когда Дар нарушил негласный договор хвалить только юную поросль! «А я, между прочим, – сказал он со всегдашней полуиронией, но и с некоторой долей обиды, – считаю себя писателем ничуть не менее выдающимся, чем все вы, господа хорошие!..»

Однако. Я посчитал тогда этот выпад факультативным, случайным отклонением от «генеральной линии», не более. На этом можно было бы остановиться... многие так и сделали – зачем менять свои взгляды?.. Мое сегодняшнее мнение вовсе не связано с тем, что я открыл в его прозе что-то ранее незамеченное, и даже не с тем, что сам изменился. Перечитав его письма, я вдруг осознал, что в случае с Даром следует пересмотреть некоторые привычные взгляды на вещи: то, что учитель желает своего продолжения, *бессмертия*, в своих учениках, это не затертая, лежащая на поверхности, метафора и даже не буквальная материализация таковой, но – тайная, едва ли не мистическая, «доктрина» и глубоко продуманная *личная стратегия*.

У этого эстетствующего «чудака», гениального «зрителя», «читателя-отбога», «губки», впитывавшей чужие достижения и трагедии, был свой – казалось бы совершенно открытый и в то же время никем не видимый – «онтологический» интерес... Сегодня, написав эти строки, я не могу избавиться от ощущения, что тем самым реализовал некую виртуальную, «матричную», программу...

Что это была за «программа»?.. Образ некой невидимой глазу системы, виртуального Мирового древа литературы, вырастающего, по древнему мифозакону, из тела умершего предка?..

Глава из неопубликованной книги «Война историй»

II.2. Союз мутанта и химеры.

Как можно объединить или даже синтезировать таких на первый взгляд непримиримых противников, как два различных типа этномудрецов? Легко. И сделано это было намного раньше, чем сами эти мудрецы появились на свет. Евразийство – вот ответ на еще не заданный вопрос.

Классическое евразийство еще «при жизни» было расколото, раскритиковано (на что горько жаловался Н. Трубецкой), потерпело идейно-политический крах (как течение), а те из адептов, кто заигрывал с большевизмом, сами были репрессированы. Но сохранилась общая идея, идущая от славянофилов, Леонтьева, Данилевского и далее, в которой помимо утопических надежд есть и некий элемент духовной истины. Г. Флоровский писал: «Судьба евразийства – история духовной неудачи... это правда вопросов..., правда проблем, а не решений»¹¹. А. Кизеветтер, там же, с 266: «Евразийство есть настроение, вообразившее себя системой».

Пора однако разобраться со взглядами основоположников, без сомнения людей искренних и честных, беззаветно преданных родине (даже на чужбине). И начать, конечно, следует с евразийца «намбэ ван».

Н. С. Трубецкой «О туранском элементе в русской культуре»¹². Автор размышлял следующим образом: Простота, душевная ясность, устойчивое равновесие мысли, языка и культуры тюрка. Семит с удовольствием выискивает и казуистически разрешает противоречия, любит «ворощиться в... запутанных тонкостях», «семит делает за тюрка ту работу, на которую сам тюрк не способен». «Единый туранский этнопсихологический тип» с оттенками (монгол, тюрк, угрофинн) исторически стал частью русского нацхарактера. «Беспрекословное подчинение есть основа туранской государственности», но и сам правитель подчинен верховному принципу (с. 71) – у нас – православие. Русская государственность, выйдя из татарской, «оправославилась» (сс 72-73). Наше православие, в отличие от греческого, далеко от богословских абстракций.

Бердяев на это в свое время заметил, что «Чингисхан им дороже Платона». В общем, туранская роль положительна, а вот романо-германское «иго» это Петр и большевики.

В статье «Мы и другие» (там же: РмЕиА, сс 77-89) говорится: евразийство против казенного православия и признает только такую монархию, которая бы была органическим следствием национальной культуры (с 81). Имперство Романовых, народничество, большевизм –

¹¹ Цит. по «Россия между Европой и Азией: Евразийский соблазн. Антология». Наука. М., 1993, с 237.

¹² Евразийский временник. Берлин, 1925. Цит. по «Россия между Европой и Азией», 1993, с 65 и сл.

результат романо-германской культуры. Народники также выбирали из народной культуры лишь близкое западным идеям социализма.

В статье «Общевразийский национализм» (Париж, 1927; РмЕиА, сс 90-99): ныне крайний русский национализм фактор антигосударственный, сепаратистский. В СССР одного идеала соц-справедливости недостаточно для национального мира между народами... нацсубстратом м.б. теперь только совокупная многонародность со своим национализмом – евразийским. С 97 – Евразийский народ это «расширение» национализма каждого, «симфоническое (хоровое) единство» (ср. еще «симфоническую соборную личность» Льва Карсавина. – В.Л.) и общность исторических судеб, чего нет в панславизме и панисламизме.

Во всем этом была, разумеется, своя, частная и избирательная, интеллигентская, правда (а у кого ее нет?), но – несмотря на вселенские претензии – недостаточная для влияния на геополитику в первую очередь из-за неискоренимого интеллигентского утопизма и несовпадения с реальными идеологическими трендами того времени.

Согласно П.Н. Савицкому (там же, сс 100-160) – [Россия] степная цивилизация; русская культура получила от нее «скелет». Византия и эллинизм тоже по-своему евразийские культуры. Славянофильство устарело (провинциально и «домашне»). Европоцентризм придает универсальное значение делению народов по культурности/дикости, плюс его «воинствующий экономизм», материализм-атеизм (сейчас – либерализм. В.Л.). Всему этому нужно объявить религиозную войну. «Верующая личность должна быть соборна». Евразийская религиозность безразлична к прикладным формам практики (левая, консервативная и т.п.). «Без «татарщины» не было бы России» (с 123). Дотатарская Киевская Русь – удельный хаос, упадок культуры... после – сила, государственность, «ощущение континента» на фоне «западно-европейского ощущения моря». В горниле «ига» выковалось русское духовное своеобразие и благочестие, космизм и духовность истинного, «хозяйского», экономизма. Но человек и хозяйственный субъект несовершенен и требуется «державное иго», но не социалистический коллективизм, а хозяйственная соборность...

Как хорошо, что они не попробовали осуществить это на практике в качестве правящей партии! Ср. там же, с 172 (1927 г.) у Н.Н. Алексева: «мы не хотим, чтобы избирателю его мнимые интересы вколачивала партия». Лев Карсавин (там же, сс 174-216): «Демотическое» государство должно быть единой и сильной идеократией, многопартийность изначально невозможна...».

Да уж! Поневоле задумаешься: большевизм шел не только от радикализованных низов и профессиональных революционеров.

В программном документе евразийцев 1927 года содержался призыв к народам СССР довершить революцию, укрепив и преобразовав советский строй, убрав интернационализм и западнизм. Евразизм выступает как третье решение между капитализмом и коммунизмом (с 220). Бердяев отмечает: «Восток Ксеркса» их пленяет, они не могут его победить в себе и не хотят

его победить в русском народе» (там же, с 297). О том же Г. Флоровский (с 237): «...в пределы Евразии вводится слишком много Азии. Всегда есть пафос отращения к Европе и крен в Азию. О родстве с Азией, и кровном и духовном, евразийцы говорят всегда с подъемом и даже упоением, и в этом подъеме тонут и русские, и православные черты».

В конечном результате не помогли ни деньги неопита, английского миллионера Сполдинга, ни заигрывание с большевиками. Итог красноречив. Карсавин погиб в советском концлагере, не выдержав реальных условий господства «идеократии».¹³ Петр Савицкий отсидел десять лет, репрессированы Д. Святополк-Мирский¹⁴ и «чистый агент» Советов Сергей Эфрон, муж Цветаевой.

Критики евразийства обвиняли его адептов в «чингиз-хамстве», но к дворянским интеллектуалам сие, конечно, относится в гораздо меньшей степени, нежели к их сегодняшним продолжателям. Наш современник не просто принимает от классиков евразийства эстафету, но творчески развивает учение путем ужесточения ряда акцентов.

Консервативный романтик и эзотерик Александр Дугин глаголет: «Мы, русские, живем под сенью Чингисхана. Он принес нам не только иго с Востока, но и свободу от ярма Запада. Он распластал нас под своим владычеством, но научил нас бороться и побеждать. Он не просто организовал железной дланью континентальную административную машину... но передал нам основы государственного аппарата... Он... дал нам через свою кровь степную ярость и великую энергию пространства... Русские до Чингисхана и русские после Чингисхана – это два разных народа, две разные идеи, две расы, две миссии. Русские до Чингисхана – периферия Византии и Европы. Русские после Чингисхана – оплот Вселенской Империи, новая Византия, последний Рим, абсолютный центр геополитической битвы за судьбы мира. Чингисхану мы обязаны всем. ...Орды Темучина несут в себе универсальную весть. Они не просто уничтожают противника, завоевывают народы и государства... они предлагают... новый евразийский порядок. ...«Белое Царство» Сарая стало матрицей русской государственности в ее московском облике. ...И встал Третий Рим, Русь Монгольская, несущая народам и царствам «Белый Завет», новую этику, новую весть, новый порядок».

В принципе, об ордыно-московском порядке, правда, с противоположной этической оценкой, много писали и раньше. Но здесь необходимы некоторые уточнения. Согласно более серьезному, чем Дугин, историку, С. Нефедову, ордынцы ввели на Руси фактически китайскую (а со времени принятия ислама – арабо-персидскую) форму управления. Ведь сделал татаро-монголов государством «эффективный китайский менеджер» Елюй Чуцай. Более того, вряд ли евразийцам понравилось бы то историко-культурное значение Востока, которое отметил Нефедов. Здесь и языковые, и культурные, и хозяйственные, и военные заимствования. Все это вместе немного оставляет

¹³ За что пострадал человек в сталинские годы?!. Ясно, что не за мысль.

¹⁴ Не помогло и вступление в компартию после реэмиграции.

от исконной русско-славянской самобытности, которая тоже, по мнению Нефедова, не слишком-то была славянская и не даже самобытная.¹⁵

Но евразийцы выдерживают собственную «процентную норму» в данном вопросе: иностранного (и в дурном и в хорошем смысле) бывает всегда лишь столько, сколько необходимо для доказательства выношенной идеологии. Ориенталистские увлечения не мешают (скорее, помогают) Дугину восхвалять историческую и проповедовать новую внутреннюю опрочинину, а также естественность экспансионистских религиозных войн «за веру, царя и отечество». Однако ср. у Хантингтона: «По мере того как мир уходит от господства Запада, сходят на нет идеологии, олицетворяющие позднюю западную цивилизацию, и на их место приходят религиозные и другие культурные формы идентификации». И – «Глобальное религиозное возрождение, возвращение к святыням, является ответом на тенденцию восприятия мира как единого целого». А также – «демократия по своей сути является процессом, ведущим к защите местнических интересов, а не к космополитизации».

Т.е. духовный регресс Запада и технологический прогресс Востока это в определенной мере общий духовный регресс (при некоторой «пассионарности» этого регрессивного духа).

В качестве небольшого комментария следует сказать, что Киевская Русь эпохи междуусобиц не была каким-то культурным деградантом и политическим изолятом. Напротив, как впоследствии и раздробленная ренессансная Италия, она бурно развивалась. И развивалась не по единому лекалу. У той Руси были все шансы не отстать в культурном и политическом отношении от европейского Запада. Если бы не катастрофа Батыева завоевания...

Однако человеку чисто психологически свойственно выбирать из двух зол меньшее, и наоборот. То есть, из двух «добр» выбирается большее. Что лучше: жить в маленькой, не богатой и не могучей стране, которая может похвастать одним-двумя историческими героями и знаменитыми культурными деятелями, да урожаем тюльпанов либо кишмиша, или быть жителем великой империи? Великой во всем, даже в злодействах? Ну, конечно, всегда найдутся «ботаники», которые предпочтут тюльпаны в шампанском, но их можно не принимать в расчет.

Блеск Империи застит глаза и смущает разум наших сограждан. Пепел былого могущества, славы и классических декораций стучит в сердце идеального патриота... Но, разумеется, всяк имперец видит свою картинку:

¹⁵ «После завоевания Руси монголами началось становление нового общества и нового государства. Нашествие разорвало связь с прошлым, с эпохой былинной Киевской Руси – эпохой работорговли и варварского господства варягов... В конечном счете, Россия стала восточным государством с мощной царской властью и разветвленной административной системой. Именно этой власти и этой организации Россия обязана своим великодержавием, тем, что ее владения распространились на половину Евразии». См. сборник «Урал индустриальный». Екатеринбург, 2001.

одни не могут обойтись без мистических загогулин, попрытавшихся в темных аллеях национальной глубинки, другие согласны обойтись более пресной моделью околосоветского типа.

Согласно новейшим – синергетическим – исследованиям, на границе существования и взаимодействия различных (здесь – этносоциальных) структур возможно образование новой стабильной структуры, т.е. сама граница культурных контактов, сама маргинальность, может превратиться в самостоятельную систему. Понятно, что в первую очередь речь идет о России.¹⁶ В этом плане любопытна геральдическая семантика двуглавого орла. Этот образ возник уже в неолите, военное значение принял у хеттов в Малой Азии, затем использовался в качестве эмблемы власти Византией и, наконец, ее духовной наследницей, Россией.

Это может быть случайностью, а может быть – чистой интуицией, но так или иначе символ воспринимается как *пространственная* метафора; ведь упомянутые земли находились в положении *между* Западом и Востоком, позднее – между латинством и исламом. «Нормальный» орел западных империй четко соответствует их активному цивилизационному статусу и культурации, некоторой духовной прямолинейности и механистичности. Что до архетипики Древнего Востока, то последнему была присуща семантика многоголовых химер, отражающая космизм слабо дифференцированного мифологического мира. Трудно в таком сопоставлении культур не заметить некую историческую динамику, эволюционный вектор во времени и пространстве.

Двуликость, «двухголовость», отечественных теоретиков и практиков рационально труднообъяснима. В стране, «натурально-конкретно» идущей по пути присоединения к глобальному технологическому сообществу, без стеснения используют примитивную риторику, направленную на борьбу с виртуальными диссидентами и агентами иновлияния. Иначе говоря, идут задом наперед, в новые «мехи» вливая старое имперское «вино», уже превратившееся в укус. Другой вопрос, есть ли этому альтернатива. На нынешнем уровне «практической» культуры, может быть, и нет: приватизировать, распределить «кормящие точки», развесив по периметру рекламную «кнопку» слоганов, много легче, чем создать что-то действительно новое и жизнеспособное.

Никита Михалков радуется в более прекраснотушных, чем Дугин, тонах за то же имперство с почитанием «Правды и Права» (а конкретнее – вертикали власти и ранга) под именем «просвещенного консерватизма». Очередная порция духовных советов «как нам обустроить Россию» столь же утопична, как и все предыдущие: несмотря на признаки злободневной риторики, философская часть манифеста еще более архаична, чем цитируемые классики консерватизма. Симфония динамики и стабильности, новаций и традиций, свободы и послушания, хозяев и рабочих, церкви и науки, а также многого прочего навевает нам привычный сон золотой. Гораздо более

¹⁶ См. Басина Г.И., Басин М.А. «Синергетика. Эволюция и ритмы человечества». «Норма», СПб., 2003, сс 48, 133-134.

адекватно выглядит сочинение на сходную тему старшего брата из знаменитой семейки – Андрона. Он справедливо укоряет современных философов в благодушии и в уходе от вопроса о проблеме религиозно-крестьянской ментальности у народов 3-го мира, включая Россию. Однако постановка вопроса (не столь уж новаторская, надо признать) сама по себе еще не ответ, поэтому претензии автора к философскому обществу остаются в пространстве риторики.

В чем специфика русского имперства? У Византии перенята идея высочайшего духовного и земного верховенства царя, как защитника православия, а сама страна считается единственно христианской. А хорошо разработанное в Византии римское право осталось невостребованным. Законы же социальной реальности были переняты, скорее, у Золотой Орды, хотя и здесь остались невостребованными народные обычаи взаимоотношений свободных кочевников (востребованы разве что казачеством). Но здесь важны не столько детали, сколько общая тенденция к самобытности. Мы всё заимствуем, но и всё преобразуем. Проблема не в том, *что* перенято, а в том, *как* освоено. И социализм и капитализм получились у нас специфично российскими, как нынче принято говорить – «суверенными».

Что касается контекста, в который помещаются гендерные характеристики России, то ему свойственны общие закономерности отношения к Иному: феминная инаковость способствует возникновению как русофильских, так и русофобских представлений.

Наша гендерность тоже суверенна. Женщина как Иное – и святая, и блудница... Гитлеровский спец по культурам (получивший, кстати, образование в России), Альфред Розенберг, в своей книжке «Миф XX века» писал, что в основе арийской культуры лежат мужественные ценности, аполлоническое начало, в то время как в основе культуры неарийской – женственное, дионисийское (с 48-50); ярким примером арийской маскулинной активности он называет культуру варягов на Руси (с 102-104). И согласно мнению А. Гитлера, организующее, оформляющее начало в России – это всегда немцы (с 556), а в его речах мужественные германцы противопоставлены женственным славянам.

Конечно, фюрер не сам до этого додумался. См. вполне сходные мысли у А. Риан и М. Гимбутас, а еще ранее – у Бердяева,¹⁷ что свидетельствует только об определенной истинности данной теории. В целом далеко не

¹⁷ Бердяев немало страниц посвятил русской ментальности, говоря о разорванности и стихийности, о внутреннем языческом дионисизме и восточно-азиатском характере русской души. Прочитируем здесь только несколько слов из «Философии неравенства» («Русское зарубежье», Лениздат, 1991, сс 19-22): «женственная и пассивная душа русского народа», «исключительное развитие начала бюрократического и было недостатком мужественности в народе», «православное религиозное воспитание не давало того закала личности..., которое давало на Западе католическое», «мужественный германский дух давно уже ставил себе задачей цивилизовать женственную русскую землю...». И т.п.

случаен тот факт, что успешными управленцами, продюсерами, менеджерами, у нас являются иностранцы (в первую очередь, немцы, или хотя бы у немцев учившиеся, как Ломоносов). Русский народ не приспособлен к господству, это и хорошо и плохо, или не хорошо и не плохо, а просто порода такая. Все же исторический опыт что-то да значит, и у каждого народа он специфичен. Евреи, армяне и греки лучше приспособлены к торговле, а вот земледельцы и коннозаводчики из них никакие. Индивидуально натренированный и специально воспитанный китаец, араб, тюрк, японец, афроамериканец, грек, испанец не уступит в занятиях математикой, физикой или классической музыкой немцу, но в массе соревнование наций здесь бесперспективно. Российский, или польский помещик вовсе не комплексовал по поводу отсутствия деловой жилки, а нанимал немца, или еврея, или старообрядца-скопца управляющим и не ощущал от того своей рабской, «склавенской», природы. С другой стороны, вышедший из народа же в начальство, будь он хоть из бояр, хоть из мурз, также проявит себя и в начальствовании. Т.е. если и будет любим, то уж никак не за умелый профессионализм, а за что-то другое. Подобных этнокультурных примеров можно привести еще очень много и самого разнообразного свойства, но не будем этим чересчур увлекаться в виду большой непопулярности таких упражнений в нынешнем политкорректном (т.е. признающем англосаксонскую мораль) мире.

Здесь однако возникает весьма тонкая ситуация. Понятие национальной и культурной идентичности, как самопонимание и как вектор самоустроения, не полностью совпадает с идентификацией, данной со стороны, в частности, со стороны «объективного» наблюдателя. Чаще всего первое более идеалистично и комплиментарно.¹⁸ Желаемое всегда превосходит действительное (что вовсе не является чем-то изначально позорным, а, напротив, может служить задачей и целью, без которой смирение с неприятной реальностью привело бы только к распаду). С другой стороны, приятность уже обретенного образа греет душу и успокаивает сознание («умный в гору не пойдет»).

Об этом довольно остроумно высказался Василий Черепанин (<http://www.zerkalo-nedeli.com/ie/archiv/509>): «поиск идентичности – побочный продукт глобализации... Самоопределение всегда сплавлено с идентификацией с кем-то другим. Общим местом в социальной психологии (и не только) стало представление о том, что все мы носим маски, принимаем идентичности, скрывающие наше «настоящее Я»... Но наивно считать, что наш образ только видимость, за которой скрыта истинная сущность; как раз наоборот: единственная реальность – это маска. Возможно, в ней больше истины, чем в том, что мы принимаем за наше «настоящее Я»... И если идентичность ищут, разве уже это не свидетельствует об ее отсутствии?..».

¹⁸ Хотя последнее не так уж обязательно: мы вполне можем и недостатки свои представить как достоинства, что не раз и делали. Конечно, «пассивность» сюда никак не входит, а вот та или иная форма «мачизма», переходящая все границы, запросто. Понятно, что сама запредельность подобного выражения уже негласно апеллирует к фрейдистской «компенсации».

В определенном плане образ и миф могут оказаться гораздо более эффективными социальными и политическими «энергетиками», чем какая-то рациональная картина бытия. Женственность вовсе не препятствует патриотизму и даже мессианизму нации, рассматривающей окружающий мир как «павший» и потому требующий иного устройства. А уж если такая мысль станет продекларированным трендом... Поберегись!..

Вначале было слово, потом – дело. Потом, возможно, «слово и дело» в духе времен Анны Иоанновны и товарища Сталина, лучшего друга советских физкультурников... Тренды рулят. Дайте мне фонарь, поднимите мне веки! Ищу человека – *не* патриота! Нет таких. Все, поголовно все – патриоты, кого ни возьми. Кто и когда говорил о своей нелюбви к Родине? Напротив, чиновник и уголовник, партиец любой партии, левый и правый, блондин и шатен, клянутся по матери и землю едят. Даже жгучий брюнет с римским носом и тот может быть русским патриотом! Уж если либерастичный Анатолий Чубайс некогда говорил о возрождении империи, то куда же осталось идти со своим фонарем «диогену»?..

«Страсть к Империи» можно отнести к неким надвременным психологическим архетипам. Правда, общая канва этого чувства прошита тонкими нитями различной и противоречивой расцветки. Так, современные правые ностальгируют по СССР, как державе, но искренне презирают тех, кто эту державу воссоздал – коммунисты, чиновники либерального направления, некие конкретные деятели не приветствуются. Здесь все очень специфично: Сталин, конечно же – «да», но Ленин, Берия, Хрущев – «нет». Жуков – «да», Тухачевский – «нет» и т.д. Сами наследники коммунистов стараются обходить слишком монархически значимых деятелей, пусть и не отрицая их полностью (Столыпин). Вигте нравится лишь либералам (вне зависимости от имперскости их взглядов). Т.е. «подозрительных» фигур в нашей истории остается очень и очень много. В определенной степени эта имперская страсть сходна с правопатриотической формой современного православия: библейская сторона христианства обходится, а то и отрицается (в ценностном смысле), западное христианство в лучшем случае «не приветствуется» и не может ценностно соперничать ни с исламом, ни даже с язычеством.

Имперство правопатриотов, ненавидящих имперство коммунистов-интернационалистов, это чистый (и политически главенствующий) национализм, расширенный на территорию прочих (подчиненных) народностей. Т.е. это не имперство в его беспримесном виде, всегда немного глобалистское и наднациональное, а гораздо более архаическое чувство. (В современном мире наиболее востребованы два типа концептуального понимания Империи – классическая парадигма московско-ордынской вертикали, а ля Дугин-Проханов, и сетевая Империя по Хардту-Негри).

Существует некая общая концептуальная «переходность» – этноцентризм-национализм в формах малого, локально изолированного, и большого, металокального, образования (от гетто до всемирной империи). В последнем случае имеется своя шкала градуальности – 1) империализм как таковой, с переходностью от предыдущего «большого национализма» до многоэтнической

мозаики под руководством верховной власти, каковая тоже может быть политически и социально различной по шкале репрессивности и унитарности и 2) «сетевая» структура глобализма (тут тоже своя внутренняя переходность по линии унитарности-вертикали – свободы-сети).

В иных масштабах и в иной плоскости можно с этим сравнить психологическую ситуацию культурной ассимиляции или изоляции. В идейно-политическом (и одновременно эмоциональном) плане здесь борются две тенденции: к растворению в «высшем» уровне (например, в «европействе»), либо к этнокультурному (социальному, религиозному) противостоянию (где тоже возможны различные масштабы – от экспансии исламизма, объединяющего во всемирный халифат целые нации и государства, до какого-нибудь локального ваххабизма, негритуада и т.п.). Заметим также, что чисто сетевая структура политкорректно возрождает локальности, между которыми естественным образом возникает конкуренция по силе, величине и влиянию, а «чистый» национализм неизбежно подразделяется внутри себя самого на «чистых и сильных» и тех, кто «послабей, погрязней» с соответствующими последствиями для каждого слоя.

И что есть *истинный* патриотизм? С какой такой квасной стати евразиец патриотичнее человека, склонного к европейской культуре? Вы любите Ивана IV-го больше Петра I-го? Или наоборот? Ваше право. А я люблю больше картошку, чем репу. Ну и что? В исторических *культурах* вполне позволительно и «репу чесать» и картошку окучивать. И если серьезно, то мы столь же вправе запутаться в историко-культурных нюансах безбрежного патриотизма. Чем лучше монархист православного толка евразийца-республиканца или сторонника вечевоего правления? И между ними еще масса всяких оттенков. У каждого свое зернышко истины и свой пышный «колос» абсурда. Неоязычник обиделся на христианство (не будем перечислять длинный перечень претензий) и тяготеет к арийству, к расовому чувству, и по этой причине, а также из эстетического пристрастия к романтическим «фенечкам» и диванному «гиперборейству», тянется к формам германского фашизма, перелагая оный на «язык родных осин».

В определенной степени, с исторической точки зрения, госнационализм, эволюция национального самосознания, это результат исторического, технологического и даже языкового развития¹⁹. Хотя и здесь не все просто: есть давние родовые и мифорелигиозные понятия, этноконфессиональные привычки, формы хозяйствования, древнейшее различие «свои-чужие», а на другой стороне – труды ленинроты, ломоносовых, гриммов, библии на родных языках, наконец, разномастные бисмарки, победоносцевы, леонтьевы, вирты и барашковы-асовы.

Обоюдоострая проблема империализма как такового: создание служилого класса из элиты покоренных народов и одновременно – класса открытых (либо потенциальных) врагов из низших сословий (с

¹⁹ См. работу «Воображаемые сообщества» Бенедикта Андерсона, рус. пер. 2001.

определенными исключениями в каждом случае). У Российской империи – кавказские князья со своими отрядами – в армии, остзейские бароны – в царской администрации, плюс украинские помещики, еврейские финансисты и т.д. Вместе с этим империя получила массу сознательных врагов – революционеры, представители еврейского и кавказских народов, латышские стрелки, украинские националисты и анархисты. Евреи, будучи самым бесправным нацменьшинством, но одновременно наиболее грамотным, дали и наибольший процент революционеров. Всё логично и во многом неизбежно. Отрицательный ответ на вопрос, «можно ли избежать такой ситуации?», по-моему, очевиден. Но если европейские страны колонизовали народы далекие географически и все конфликты развивались вне территории метрополии, то у нас, понятно, всё по-другому...²⁰

Менталитет народа увязывали с природными условиями уже в античной, и средневековой, греческой и арабской «теории климатов». Далее можно упомянуть мнения Илловайского и Н. Я. Данилевского. Уже Василий Ключевский указывал на то, что природно-географическая среда оказывает прямое воздействие на «духовный склад людей» и «народный темперамент». Современные ученые продолжили тему. Акад. С. Ф. Гребенниченко утверждает, что при всей своей многомерности ментальные признаки российского крестьянства (и тех, кто вышел из его среды) относительно устойчивы, что, кстати, позволяет власти использовать менталитет в нужном этой власти направлении. В работах историка Л. В. Милова также показано, что природно-климатический фактор оказал существенное воздействие на формирование в России особенностей развития экономики и политической жизни, культуры. Здесь можно уже говорить о модном историософском тренде. Д.ф.н. В. А. Щученко пишет: «особенности природно-климатического характера прямо сопряжены с особенностями социально-экономической, политической и культурной жизни России..., они сказались и на формировании ментальных характеристик не только крестьян, но и русских в целом. Во-первых, это способность собрать на определенный, достаточно продолжительный период все свои физические и духовные силы, сконцентрироваться на решении жизненно важного вопроса, способность к сверхнапряжению».

Возможна ли имперская структура, устраивающая всех? В. Л. Махнач (православный публицист и сторонник *гуманного* восстановления империи) писал: «Правильная» империя не просто покоряет и эксплуатирует народы, а присоединяет и цивилизует их. Импульс к созданию Российской империи... был *привнесён извне* – не из Орды, не из Византии, а из кругов вселенской православной Церкви. Наше имперское сознание должно питаться идеями восточного христианства. Но русский народ (согласно теории Льва Гумилева) находясь на этапе этнического «надлома», уклонился в итоге от имперских обязанностей...

²⁰ Подобная тема рассмотрена в новой книге Александра Эткинды «Внутренняя колонизация. Имперский опыт России».

Ну, а на мой взгляд, идеальных империй просто не бывает: идеальная империя это абстрактная идея. Языческий Рим не полон, а христианский не долгов, Византия слишком декадентна внутри и слаба снаружи, Британия – чистый колонизатор, в России – «стержневой» народ всегда крепостной,²¹ а «гражданин» – помещик, чиновник, интеллигент (другой народ), хотя тоже вечно не спокойный за свою возможную участь. Красивая символика освящает «небесным» вполне земное, возникающее согласно реальным земным условиям и интересам. (Кстати, оборончество и культурный изоляционизм присущи реальным империям, вопреки лозунгам бардов-идеологов, не менее, чем экспансионизм). А одна из основных реалий строительства государства «сверху» это, согласно теории Чарлза Тилли, рэкет и «крышевание» производительного и торгового населения некой дружинной (т.е. военной) корпорацией, а попросту – мафией. Это было ясно уже Нестору, ответившему на идеологический заказ классической теорией того времени – «призываем благородного правящего рода».

Имперство, как необходимость цементирования огромной многонациональной территории, и регулярно разрушающееся имперство (феодално-царское, коммунистическое, либеральное; еще быстрее разрушилось фашистское). Т.е. многонациональность и *полиментальность* и требуют имперства и разрушают его. Причины и условия краха не полностью одинаковы.

Диалектика идеальных схем: устав от государственной деспотии, люди бросаются в направлении максимальной личной свободы («феодалная раздробленность»), а затем постепенно приходят к мысли о необходимости политической консолидации (капитализм), что, в свою очередь приводит их к жесткой централизованной системе. Круг замыкается, вернее, история проходит очередной полный виток спирали.

В смутное «вакуумное время» в одной из бифуркаций возникает новая система – центростремительный аттрактор. При победе этого властного имперского Центра над разнородной Периферией процесс централизации продолжается и дальше, согласно административно-бюрократической логике. «Вертикализация» и централизация, не смягчаемая – у нас – демократическими традициями, идет, не останавливаясь на достигнутом, до предела (империализуется и идеологизируется до самодержавного принципа Уварова), когда уже, подчинив всё и вся, начинает пожирать самое себя и приводит к кризису и развалу социально-государственного механизма и новой смуте. Кроме того, как нет традиционных сдержек в процессе империализации и стандартизации, также нет традиций для самодостаточного – в условиях взаимовыгодного хозяйственного и культурного обмена – существования и развития локальных государственно-социальных систем. Они заново начинают (неразрешенные при прошлой смуте) внутренние конфликты и вынуждены притом опираться на внешнего сильного союзника, встав к нему в вассальное отношение.

²¹ Джеффри Хоскинг считает, что строительство империи повредило эволюции русской нации. Если не проставлять здесь оценки, что лучше, а что хуже, то в «техническом» смысле с ним можно согласиться.

То, что происходит сегодня и то, о чем говорят нынешние наши государственники, хорошо знакомо по 20-м гг. XX века. Современные политики невольно, но совершенно буквально, повторяют слова Сталина 1920 года (собр. соч. 4, с 351-363): «Так называемая независимость так называемых независимых Грузии, Армении, Польши... и т.д. есть лишь обманчивая видимость, прикрывающая полную зависимость этих, с позволения сказать, государств от той или иной группы империалистов». Сегодня, впрочем, после падения интернационалистской риторики коммунизма, собственный империализм уже не скрывается.

Нельзя не отметить, что набившее оскомину народолюбство теоретиков руководствуется расхожими мифами и плохо сочетается с действительностью. Евразиец Александр Панарин – донкихот, воюющий с ветряными враждебными мельницами индивидуализма за «дульсинею» национальной коллективистской идентичности. Впрочем, если религиозный миссионер и инфантильный имперский патриотизм американцев ни для кого уже не секрет (в отличие от этоса европейцев, которым, по мнению Джанни Ваттимо, свойственны атеизм и социалистические устремления), то россиянам коллективизм инкриминируется по-старинке. Примеров индивидуализма на любом социальном уровне (и не только в нынешние времена) более чем достаточно и игнорировать реальное положение дел могут лишь идеологи. Как ни странно, но осознанный эгоизм даже полезен, по-своему, для национальной идентичности и солидарности. Сколько народ ни клянет чиновников и депутатов, воров и ментов, торговцев и инородцев, интеллигентов и олигархов, но по существу это вполне объяснимое отношение человека к своему соседу, более ловко устроившемуся. Большинство знает, что на месте последнего будет действовать точно также.²²

«Рынок» ли нам истинный враг, или, быть может, «казарма»? Да ни то, ни другое. Суть в положении, в личном *статусе* индивида на этом рынке и в этой казарме.

Для любого общества наибольшую опасность представляют его лидеры. Хороших реформ не бывает. Восходящие и нисходящие волны общественного развития объективно неизбежны, но разумный человек знает, что нельзя подталкивать бегущего – он непременно упадет, и нельзя удерживать лежащего – он начнет шевелиться. Коммунизм рухнул, а СССР распался, не потому, что его хотели уничтожить (здесь бы он оказал – и оказывал! – самое мощное сопротивление), а потому, что его хотели *улучшить*. Сегодня

²² Менталитет – бесконечная тема и схем разного рода можно привести сколько угодно. Например, в социально-психологическом разрезе мы можем заметить сходные реакции взаимопомощи и сопереживания у разных народов при экстремальном внешнем воздействии. Со своей стороны, у людей, занимающихся организаторской деятельностью, вырабатывается («формируется») определенная душевная механистичность, прикрываемая имитационностью чувств; такие типы («профи») легче понимают друг друга (сквозь границы и континенты), нежели население собственных стран.

изменение картины мира происходит на таких скоростях, что любые планы устаревают еще до их возникновения. В таких условиях стремление к искусственному порядку, как и любое иное системное движение, легко может стать дополнительным фактором беспорядка. Это не означает, что вообще ничего делать не нужно, проповедовать вегетарианство и даосское недеяние, но стоит помнить идеальную тактику толстовского Михаила Кутузова.

Кажется, незаметно для самих себя, мы повернулись лицом к востоку. Интересно, что предлагал в качестве плана спасения Александр Панарин. Фактически он мечется между идеей противопоставления сверхдержав и идеей противопоставления Империи Запада *Интернационала обездоленных* «третьего мира». Соответственно и в самой форме «ответа на вызов» он пытается увязать «трепетную лань» с бестрепетным «динозавром» – «невидимую» империю «нищих духом» с теократической империей, Священным Царством.

Утопия Интернационала наиболее уязвимый момент панаринских рассуждений. Он не учитывает ни этнокультурных, цивилизационных, несводимостей, ни неравномерности развития, ни межгосударственных тайных интриг, и, наконец, самого главного – того, что чаемый «договор» – как всегда – будет заключен между официальными элитами и/или скрытыми мафиозными кланами, а «нищим духом» останется вновь уповать на воздаяние в "Царстве не от мира сего". Более того: кто еще может воспользоваться панаринскими инициативами, как не сама критикуемая власть? Естественно, воспользоваться для дальнейшего изощрения методов управления массами, для перенятия подходящей евразийской риторики и разного рода идеологических прикрытий и имитаций.

Пресловутый наш «Хартленд» действительно находится не в самом лучшем гео- и биополитическом положении. И вряд ли это положение может в обозримое время намного улучшиться. Россия уже жертва интернационала париев в той же степени, как и жертва мондиализма избранных. Что еще хуже, ситуация столкновения цивилизаций имеет свое внутреннее социальное продолжение, дополнительный конфликт, а мирное население оказывается заложником этого конфликта. В подобной ситуации даже высокий рейтинг политиков – это результат своего рода «стокгольмского синдрома». Хартленд – территория перманентного стеноза.

Ведь что из себя представляют поиски т. н. «национальной идеи»? Попытки обеспечить условия для победы *одной тенденции* над всеми прочими, стремление уничтожить системную диалектику и, следовательно, искомую идентичность. Победа прекратит, конечно, страдания, но вместе с существованием организма. Да – Химера. Не медведь, не койот, не Хомяков и не Герцен. Вопрос лишь в эстетике, *в мере* «звериности» лика, в том, будут ли еще продолжаться споры западников и почвенников, или проблему решат хирургически...

ПРИЗРАК ГЕНИЯ

или *Окончательное решение шекспировского вопроса.*

(взгляд дотошного читателя)

2002 г.

Как бы ни относиться к книге И. М. Гилилова «Игра об Уильяме Шекспире» в целом, но все должны согласиться со справедливостью следующего его высказывания: «перед нами Великая игра..., сценой ... стало само Время, а роль не только зрителей, но и участников отведена сменяющим друг друга поколениям смертных». И что сделано, то сделано: можно когда-нибудь закончить Игру (великий Спор разрешить), но, как бы ни хотелось, нельзя уже ее отменить.

Конечно, игра игре рознь. Кто-то точно заметил, что здесь речь идет уже не о вкусах (кому графа подай, а кому – пролетария) – речь о *вере* идет. А «поле битвы» известно где... Наука в который раз «служанка» и наложница «богословия». Это понятно: ведь если Шекспира не было, то, стало быть, все дозволено?.. Тут не образ только, привычно любимый, «запачкан», но нанесен удар по множеству поколений, по всей мировой культуре... *Человечество* обидели и четыре века его обесмыслили. Шекспировский трагизм ситуации в том, что – независимо от меры истинности, либо ошибочности, теории Гилилова – подорвана (возможно, навсегда!) чистота и непорочность самой веры.

Кто виноват, понятно. Теперь – что делать (точнее, чего лучше *не* делать)? *Поздно* – бить в барабаны или надеяться, что все само собой «рассосется»; *тицетно* – апеллировать к «чуду», к «протеизму» и интуитивному вживанию «самородка» в профессиональные тонкости науки и культуры своего времени (умом Шекспира не понять...); *недостаточно* – выстраивать чисто психологические «объяснзмы» истории (мы и сегодняшний-то день объяснить не способны); *глухо* – обвинять автора в святотатстве, хамить, копаться в гилиловской анкете и медкарте. Ясно ведь, что не будь в книге Гилилова убедительных аргументов, не было бы и паники среди сторонников статус-кво и радости у противников оного. (А постмодернистам все равно будет мало: в роли Шекспира их устроила бы разве что политкорректная одноногая негритянка-лесбиянка с ВИЧ из непolitкорректного анекдота).

Безусловно, открытия (кардинальные даже) возможны, но *окончательное* решение нам только снится, это – утопия, сон золотой. Нельзя узнать *всё*. Тем не менее, весьма вероятно, что решение уже есть (и всегда, в принципе, было!), но оно находится в «разобранном» состоянии, представляет собой специфическую конфигурацию фактов и частично перекрывающую их сетку гипотез и оценок, принадлежащих, в отдельности, различным теориям. (Другими словами, дело не только в том, что истина потенциально *всегда* существует, но она уже в той или иной мере, в тех либо иных публикациях, уже не раз была высказана, только не обобщена и не стала всеобщим достоянием). Проблема в том, как нам правильно прочесть релевантный текст, не отвлекаясь на альтернативные предложения и не давая воли излишней фантазии.

Сразу должен признаться, что еще недавно я сам был рьяным «гилиловцем» и «рэтлендианцем», да и сегодня продолжаю считать Гилилова не последней фигурой в шекспироведении (пусть больше поэтом, чем точным филологом). Что же заставило меня изменить отношение к его теории? Во все не ее критики (тем более, такие как академик Н. Балашов), но – сам Гилилов, и, отчасти – Вильям Шекспир. Нет, вне всяких сомнений, после исследований Гилилова уже невозможно отрицать связь Шекспира с Роджером Мэннерсом Рэтлендом,²³ а главное – самую тесную связь с *кругом* Рэтленда (Саутгемптоном, Бэконом, Пембруками и поэтами Бельвуарской долины). Больше пока не доказано.

Но интересней другое: а является ли И. М. Гилилов действительно таким уж опасным ересиархом для стратфордианской «церкви»? Может быть, именно его-то ей и не доставало? Система стратфордианской конфессии, с «аттрактором»-Шекспиром в качестве генома, давно зациклилась и крутится вхолостую; ей объективно требовалось обновление. И Гилилов бессознательно (т.е. объективно!) совершил этот подвиг: не «старые мехи» поменял, а влил в них «новое вино».²⁴ И стратфордианцев и их формальных противников объединяет одно – вера в Гуманиста-Сверхгения, борьба на общем «мифополе». Мне кажется, что истинные стратфордианцы молиться на Гилилова должны, а то и стройными рядами переходить на его сторону. Гилилов восстановил несколько затертый мифообраз Великого Барда, *он пожертвовал фигуру, дабы выиграть качество!*

Однако вернемся к проблеме «окончательного ответа» и его релевантности. Как уже говорилось, ответ нам в принципе, да и в ряде деталей, наверное известен, причем на последних и лежит основная нагрузка, но мы привыкли отводить им маргинальное место (уж больно они неказисты, случайны и специфичны, не вяжутся с иконой, которую человечество веками рисовало себе), потому и сам принцип мы видим иначе. Определенно, Рэтленд, Бэкон, Оксфорд, Дерби, или еще лучше – Мэри Сидни-Пембрук,²⁵ последнее убежище для тех, кто не хочет поступаться прекрасными принципами.

²³ Помимо прочего (в том числе документированных мелких заказов на художественные поделки), вряд ли случайны апелляция к гербу Рэтленда в поздней пьесе «Буря» или введение персонажа с его титулом в раннюю пьесу «Ричард II».

²⁴ Как пишет Борис Гройс («Утопия и обмен», М.: 1993 г., с 116): «Разрыв с традицией на одном уровне всегда означает следование ей на другом уровне, и поэтому любое новое, в конечном счете, наследует уже установленным культурным ценностям, а не заимствует их из жизни, реальности или истины».

²⁵ В книге Гилилова о ней рассказано немало интересного. Вот уж кто и мастер стиха, и редактор-интеллектуал, и вдохновитель, и Прекрасная Дама, и даже – что действительно потрясает – во всех смыслах имеет право быть названной «сладостным лебедем Эйвона». Она вполне могла бы написать как минимум половину пьес и стихов Шекспира. Единственное, во что нелегко будет поверить, так это в свойственный ей «прогеизм», в душевную (и

Итак, что же это за маргинальные «фактики», достойные лишь петита примечаний к творениям Великого Барда? Открываем первое попавшееся издание Шекспира и находим там целый ряд упоминаний о *заимствованиях* разного рода, а также о сюжетных и логических неувязках в тексте. Ну, не просто заимствования: только для трех его пьес из тридцати семи исследователи не нашли литературных источников (это не означает, что таковых не было, как и того, что для остальных найдены *все* «прототексты»). Во всяком случае, поиск источников уже дал результат в виде семи(!) томов труда Дж. Буллоу (изд. 1957-1973 гг.). В комментариях к драме «Юлий Цезарь» читаем, что помимо первоисточника (Плутарха) существовала недошедшая до нашего времени трагедия доктора Ричарда Идса, исполнявшаяся в Оксфорде в 1589-м году. Там же, далее (В. Шекспир «Исторические драмы», 1990г., предисловие и примечания В. П. Комаровой, с 762): «Не вызывает сомнений знакомство Шекспира с трагедией французского драматурга Робера Гарнье... переведенной на английский язык Томасом Кидом... некоторые сцены... содержат явные параллели с текстом трагедии Гарнье». Подобным же образом дело обстоит и в большинстве других случаев (не поленитесь перелистать).

Речь, конечно, должна идти не столько о количестве источников, сколько об итоговом качестве синтеза. Но и здесь возникает проблема – проблема «канонического» текста. Прочитую комментарий В. П. Комаровой к «Ричарду III» (там же, с 750): «Текст в первом кварто настолько отличается от текста фолио, что большинство исследователей... пришли к выводу, что в издании кварто дается текст, переработанный какой-то другой труппой или воспроизведенный по памяти». (Однако!..).

«Канонический» Шекспир – объективный результат историко-литературной эволюции не в меньшей, а может быть, даже в большей степени, чем Гомер, так как последнего, и до и за порогом античности, не столь активно «улучшали» филологи. Что в итоге? Использование общих тем²⁶ и чужих текстов, весьма вероятное соучастие оксфордских друзей-покровителей, редакторов и информаторов, наконец, завершающие «мазки»

духовную) «многопрофильность», а потому и создание образов вроде Фальстафа, Тринкуло и им подобных, как и прорисовку сцен вождения, насилия и безумия сложно ей приписать.

²⁶ Отметим, что даже такое личное произведение, как «Сонеты», в концептуальном плане задано рассуждениями Джона Лили из пьесы «Эндимион» (1591); см. А. Аникст «Шекспир», М.: 1964 г., с 139. Еще пара примеров, характеризующих «тесную» (не без взаимных обид) литературную атмосферу эпохи. Джон Вебстер выделяет в списке лучших поэтов, своих современников, особую группу – Шекспир, Деккер и Хейвуд – отметившуюся «обильным производством» («*scoripious industry*»), последний из них, в свою очередь, упоминает о 220 пьесах, «в которых я приложил мою руку полностью или хотя бы большой палец». А только одна единственная сценка из пьесы Джорджа Пиля «Битва при Алкасаре» была спародирована в произведениях и Хейвуда, и Деккера, и Марстона, и Шекспира!

поколений шекспироведов. Вопрос, «а признал ли бы сам Шекспир свои произведения в нынешних собраниях сочинений?», не имеет ответа. «Аутентичный Шекспир» – это оксюморон.

«Тайна» Шекспира, как и большинство тайн, лежит на поверхности, поэтому она никому не интересна. То ли дело – романтическая история Рэглендов, двуличный Бэкон, глубоко законспирированный Марло...²⁷

Что касается книги Гилилова, то она – в отношении версий и фактов – достаточно информативна, в ней уже лежат все «ключи»... Дело за малым – убедить в этом самого Гилилова!

Вот прекрасная иллюстрация к теме – покаянное сочинение Роберта Грина, опубликованное Томасом Четлом в 1592-м году. Он писал о современных ему драматургах: «есть среди них ворона-выскачка, украшенная нашим опереньем... с сердцем тигра в шкуре актера... будучи абсолютным Джоном фактотумом [Johannes fac totum], в своем самомнении он считает себя единственным Потрясателем сцены в стране [Shake-scene]». Другой поэт (вероятно, Р. Барнфилд) в панегирике Грину полностью согласен с подобной трактовкой: «И те, кто перья у него украли, / Посмеют это отрицать едва ли».

Если для стратфордианцев подобные факты что слону дробина, то Гилилов (2001 г., издание второе, исправленное и дополненное, с 137) переводит простейший в общем-то смысл²⁸ в уточненную теорию: «...возможно, что Грин хочет сказать: одиозная «ворона» лишь украшена чужими перьями... на самом деле... это – подставная фигура»... То есть за

²⁷ Кое-кто договорился даже до «парика и бороды» Мэри Пембрук на портретах Шекспира!.. Что же до «марловианской» гипотезы Келвина Гофмана, развиваемой в Интернете Альфредом Барковым и другими фанатами, то любопытно представить себе такую, немыслимую даже сегодня, высоко профессиональную конспирацию. А именно: подмена трупов и регистраций, тотальное зомбирование всех участников «Великой Игры», после чего остается написать «из засады» все тексты Шекспира и настолько вжиться в его образ, чтоб даже отказаться от завершения своей собственной поэмы «Геро и Леандр», доверив это (менее важное дело) Джорджу Чапмену. Ну, Голливуд, да и только!

²⁸ Гилилов отвергает традиционный перевод «*фактотума*» (лат. fac totum), как «мастер на все руки», т.е. «на все способный» (от facio «производить, сочинять»), «литературный поденщик», «драмодел», и предлагает – «доверенный прислужник, делец на поручении», в попытке выследить здесь некий подтекст двойника, подставного лица. Для сравнения приведем еще слова Адама Олеария (XVII в.) о боярине Морозове, «который тогда был при дворе, как говорится, factotum'ом». В комментариях Ю. Лимонова термин переводится как «доверенное лицо», но смысл его состоит как раз в том, что Морозов не марионетка, и даже не «фигаро», но человек, *прибравший к рукам* всю исполнительную власть, человек отвечавший за всё. В нашем же случае мы имеем образ человека, который тянет «одеяло славы» на себя без какой-либо признательности к коллегам по цеху, т.е. термин полностью отвечает иронико-обличительному контексту высказывания Грина / Четла.

ним стоит Рэтленд, которому в 1592-м году (стало быть, *после* описанной ситуации) должно было вот-вот стукнуть шестнадцать...

Что ж, в настоящем, неподставном, ученом всегда кроется художник, который видит мир по-особому, не довольствуясь его тривиальным правдоподобием.

Но кто сказал, что гениальность и компиляторство вещи несовместные? А Библия?.. Что с того, что поэты и «драмоделы» немилосердно грабили друг друга? То была эпоха с еще не установленными понятиями авторского права, но уже с явленным ощущением права сильного в конкурентной борьбе. Это *мы* не можем помыслить культуру эпохи иначе как в форме «Гулливер в стране лилипутов», мы всё решили задним числом. А шедевры создавались сразу всеми, в переключке сходных тем и приемов, на фоне общего культурного багажа и инструментов версификации. С 1591-го по 1595-й год вышли циклы сонетов Филиппа Сидни, Сэмюэла Дэниела, Томаса Лоджа, Майкла Дрейтона, Эдмунда Спенсера и некоторых менее известных поэтов. Шекспир не только опирался на них, но – притом, что сам считал свой стих «бессмертным» – признавал (прямо или косвенно) мастерство и даже превосходство соперников (см. сонеты 21, 29, 32, 76, 78, 79, 80, 82, 84, 85, 86). Ср. у Аникста (ук. соч., с 137): «...многие из сонетов следует рассматривать как литературные эксперименты на темы, весьма распространенные в поэзии Возрождения, что подтверждается сравнением сонетов Шекспира с сонетами его современников». Но совершенно та же ситуация с театральными пьесами: Шекспир не больший (но и не меньший!) литературный «клептоман», чем все прочие.²⁹ Иначе говоря, вопрос «кто именно?», в смысле «или – или?», давно

²⁹ Сюжет «Гамлета», фольклорного происхождения, был впервые зафиксирован Саксоном Грамматиком в «Деяниях датчан», в XVI-м веке литературно обработан французом де Бельфоре, а затем использован Томасом Кидом в недошедшей до нас пьесе «Гамлет» (около 1589). Фактически в одно время с шекспировским «Гамлетом» появились пьесы на ту же тему: «Месть Антонио» (1599) Джона Марстона, «Гофман, или Месть за отца» (1602) Томаса Четла, «Трагедия атеиста, или Месть честного человека» (1602) Сирила Тернера, чуть позднее – «Трагедия мстителя» Тернера или Мидлттона. Призрак отца впервые появляется у Кида, а в драме Марстона герой, кроме того, притворяется сумасшедшим, колеблется между философией непротивления и долгом мести и т. п. Естественно, авторы взаимно цитировали друг друга и состязались в лучшей разработке того или иного мотива, в импровизациях на заданную тему: сравни, в частности, способ отравления, или функцию черепа (как атрибута меланхолика) у Шекспира и Тернера. А парадигмой отношений с театром и с текстами предшественников как раз может служить классическая сцена в шекспировском варианте «Гамлета», где герой с приезжими актерами инсценирует свою «мышеловку». Как пишет в предисловии к сборнику пьес «младших современников Шекспира» А. Н. Горбунов (1986, сс 6-7): «Английский театр конца XVI – первой половины XVII века можно, пожалуй, считать *единой поэтической системой*» (курсив мой. – В.Л.). Это мнение вполне согласуется и с мнениями

пора заменить пониманием: «и – и». В целом *всё это* есть «интертекстуальное» творение самой елизаветинско-яковитской эпохи.³⁰ И оно всегда открыто для дальнейшего исследования.

Разумеется, тем вопрос еще не исчерпан, вопросы всегда остаются. Так, совершенно естественно недоумение исследователей по поводу чудовищного контраста между Шекспиром-поэтом и Шекспиром-человеком, ростовщиком и жестоким преследователем должников, мастером, живущим по принципу «купи – продай». Отечественные стратфордianцы здесь сразу начинают цитировать пушкинское «не продается вдохновенье...», хотя Шекспир-то строил свой бизнес вовсе не на продаже рукописей. И я прекрасно понимаю, более того, полностью разделяю морально-эстетическое негодование Гилилова. Но, правда, уже не следуя за ним в поисках надежной и спасительной для наших тонких чувств «субституции».

Увы. До чего ж неистребима эта прекрасная сказка о «разумных, добрых и вечных» писателях, художниках и государственных деятелях! А ведь за реальной исторической правдой не надо далеко ходить. И почему английское общество времен Елизаветы должно было сильно отличаться в нравственном смысле от общества ренессансной Италии? Гуманист К. Салютати считал, что только те, кто печется о вещах мира, разбираются в духовной культуре и созерцании, и резюмировал: «Ты пребываешь в созерцании, чтобы я, напротив, мог обогащаться». А один из трактатов П. Браччолини современный ученый Э. Гарэн назвал «эмбрионом теории денег и капитала». Основательней прочих исследовал эту проблему Алексей Федорович Лосев. В работе «Эстетика Возрождения» (М.: 1982 г.) он писал, что следует правильно понимать «всю историческую необходимость обратной стороны блестящего титанизма Ренессанса». Материализм и идеализм в ту эпоху «не просто совмещение противоположностей..., но их единый, необходимый, не делимый... эстетический лик» (с 73). Материализм не ограничивался слепым агрессивным эгоизмом, но и становился экзистенциальной теорией возрожденческого «домостроя». Платоник Альберти «изображает жизнь с постоянной жаждой ведения хозяйства, с постоянным воплем о необходимости сокращать расходы и повышать доходы хозяйства, с проповедью деловитости..., расчетливости, дальновидности, бережливости» (с 120). Вот вам и «вторая по качеству кровать» шекспировского завещания и все остальное.³¹ О личных взаимоотношениях завсегдаев таверны «Сирена» можно наверное и не

современников Шекспира, например, Ф. Мереза, чей реестр поэтов-елизаветинцев до сих пор остается главным свидетельством в прениях о Великом Барде.

³⁰ Именно в этом аспекте следует, на мой взгляд, рассматривать ситуацию с непривычно «большим» словарным запасом Шекспира.

³¹ И, кстати говоря, «личное» тут несколько не противоречит «общественному»: именно с эпохи Елизаветы I вопросы завещаний подпали под юрисдикцию англиканских церковных судов и приходов, которые настаивали на самых детальных описях наследуемого имущества (см. Д. Тош «Стремление к истине», М.: 2000 г., с 69).

говорить; ср. там же у Лосева (с 133): «Гуманисты непрерывно соперничали и боролись друг с другом... Причины их столкновений обычно ничтожны – это взаимные ущемления тщеславия».³²

Кстати, отец Шекспира, Джон, не будучи «титаном Возрождения», был вполне успешным дельцом, землевладельцем, ростовщиком, а некоторое время еще и городским казначеем и мировым судьей. В конце жизни он беспрестанно судился. Но дело даже не в отце и не в сыне: вся елизаветинская культура была сплошь пронизана судебной риторикой.

Любопытно также, «с кого делал жизнь» сам Шекспир. Ученые нашли в его произведениях 750 (!) заимствований из Монтеня. Последний же в трактате «О восприятии блага и зла» признавался: «зуберечь свои деньги стоит больших трудов, чем добыть их», «нелегко... остановиться на должной черте в своем скопидомстве», «всякий денежный человек, на мой взгляд, – скопидом», «мои расходы я соразмеряю с доходами» и в качестве бесспорного положения цитировал латинскую поговорку – «нет никакой нужды жить в нужде».

Я, конечно, и не мечтаю здесь переубедить тех, кто всегда готов выйти на демонстрацию с ликом кумира на знамени, но воздействовать на разум самого Ильи Менделевича не теряю надежды, тем более, что у меня еще осталась для него пара-тройка сюпризов. Однако продолжим.

Итак, кто же Вы, мистер Шакспер – «Потрясающий копьём»? Безусловно – гений (кто бы спорил!), но гений *реальный, натуральный*, а не виртуальный, надуманный, выращенный в школьной реторте по рецептам кабинетных романтиков. В начале своей литературной карьеры, в стремлении покорить столицу, честолюбивый провинциал сделал беспроигрышный ход, посвятив «первенца своей фантазии», поэму «Венера и Адонис», графу Саутгемпτονу. Сейчас бы сказали – «вовремя подсуетился». Хваткая рука, бойкое перо, изворотливый ум, практическая сметка, искусство имитации и притворства, не

³² Как известно, Бен Джонсон, назвавший Шекспира в торжественном предисловии к посмертному изданию его произведений («Великое Фолио») «сладостным лебедем Эйвона» и «подлинным поэтом», в иных случаях указывал на недостаток его образования, на то, что «Шекспиру недоставало искусства» и даже опубликовал в 1616 году эпиграмму «О поэтической обезьяне», полностью повторив в ней обвинения Роберта Грина. Гилилов, кстати, так убедительно и не разъяснил обвинения Джонсона: «недостаток» учености, в качестве характеристики столь же нелеп в отношении неграмотного, якобы, Шакспера-Шекспира, как и в отношении будто бы скрывающегося за ним ученого аристократа, Рэтленда, Бэкона либо кого-то иного. А Бен Джонсон пытался конкурировать с Шекспиром не только на сцене, о чем свидетельствует его посещение дома Рэтлендов и произошедший там с ним конфуз (см. Гилилов, с 319): возможно, его друг Шекспир уже успел нашептать что-то Рэтленду. Не исключено, конечно, что последний был великосветским снобом и сделал выговор супруге в виду нежелания пускать поэтов дальше прихожей, а может быть, он слишком хорошо понимал «обратную сторону титанизма»? Впрочем, ни один из вариантов ответа ничего не добавляет в копилку гипотезы «Рэтленд – Шекспир».

до конца, все же, судя по откликам, скрывшее «тигриную» натуру. Может быть, всего-то на пол-шага он опережал своих конкурентов (того же Джонсона), а кому-то и уступал по целому ряду параметров, но тех скосила на пути к главному (в наших глазах) «пьедесталу эпохи» преждевременная смерть.

Не слишком котурирующаяся сегодня первая поэма Шекспира в его время не то, чтобы произвела фурор, но во всяком случае обеспечила ему стойкую популярность в аристократических и университетских кругах. И в этом была своя закономерность. Изящная эротическая (в известной степени – порнографическая) поэма стала для него своего рода «Лолитой», пропуском в мир куртуазной литературной игры, а в итоге – причиной появления и широкого бытования в среде «блестящей молодежи» эпитета «сладостный, медоточивый Шекспир».³³ Но интересна она не только этим. Здесь мы находим в зародыше все основные признаки его поэтики, причем, не только метафорику, но и важнейший у Шекспира принцип смысловых антитез. Там же мы находим тематику первых 15-17 сонетов,³⁴ но особенно показательно то, что здесь уже присутствует шекспировская специфика образного выражения экзистенциальных моментов терминами юридического и экономического происхождения!³⁵

³³ Ср. у Лосева (ук. соч., с 123): «Широкое распространение получает порнографическая литература и живопись. Такая непристойная книга, как «Гермафродит» Панормиты, была с восторгом принята всеми гуманистами». Читаем в «Венере и Адонисе» (подстрочный перевод П. А. Каншина): «Томия любовью, царица уже в испарине», «Она видит в его руке свидетельство его мужественных занятий», «Она так возбуждена, что желание придает ей силу снять его с коня», «она лежит уже возле него, оба опираются на бедра и на локти», «будь смелее в игре, никто нас не видит», «он лежал, изнемогая и дыша ей в лицо; она вдыхала этот пар, как добычу», «я буду твоим парком, а ты моей дичью. Питайся, где вздумает, на горах и в долинах... и если возвышенности покажутся тебе безводными, спустишь ниже, туда, где... приветливые ручьи... В этих пределах достаточно прибежищ: нежные травяные низменности... темные и дикие кущи», «эти прелестные пещеры, эти очаровательные провалы» и т.п. (Шекспир был, конечно, не единственным на этом поприще, примерно тогда же получила громадную популярность распространявшаяся в рукописных списках эротическая поэма Томаса Нэша «Выбор Валентин»).

³⁴ «...предметы, растущие лишь для себя одного, только злоупотребление растительной силы; семена происходят от семян и красота порождает красоту; ты был зачат, твой долг зачать», «вопреки смерти, ты будешь существовать, и так сохранится навсегда твоя личность» (перевод Каншина).

³⁵ «Подари мне один поцелуй, и я отдам его тебе тотчас же, и еще один за процент, если хочешь получить пару», «она, судья любви, не может выиграть своего дела», «когда адвокат сердца нем, тогда клиент падает духом, отчаиваясь в успехе тяжбы», «Я рада бы продать себя и ты можешь меня купить и заплатить и пользоваться хорошим добром, а чтобы избежать всякой подделки, приложи свою ручную печать к алому сургучу моих губ», «Купи тысячу поцелуев от меня... и выплачивай мне их по одному... Если за неуплату долг удваивается...» (там же). Ср. у зрелого Шекспира знаменитое сравнение смерти с «судебным приставом» и

Вывод из всего этого тот, что в конце концов просто смешно «замазывать» факты крючкотворства и ростовщичества в биографии человека, доведшего подобное мировоззрение до высокой поэзии. Нет, Илья Менделевич, ни о каком «чудовищном разрыве» между биографией и творчеством не может быть и речи. «Широк человек» и не нам его «суживать» (см. выше слова Лосева о «едином эстетическом лике»). Таким образом, если рассматривать все известные факты, приведенные Гилиловым,³⁶ в прямом их значении, без вторых-третьих смыслов в подтексте, то существованию выдающегося поэта и драматурга, Вильяма Шекспира, они нисколько не противоречат. Попытка замены его на кого-то другого, якобы, «более эстетически соответствующего», исходит исключительно из надуманного (романтического) противоречия между бытием и сознанием.

В общем и целом картина мне кажется до определенной степени ясной, но остаются еще некоторые темные места и непрозрачные смысловые нюансы, детали, на которых во многом строит свою теорию И. М. Гилилов. К ним мы теперь и обратимся.

Игра и Тайна у Гилилова предполагают друг друга. Эту связь нельзя полностью отрицать. Например, мы знаем, что открытое выражение гомосексуальных пристрастий могло тогда привести на виселицу и проще было скрыть их за эвфемизмами. Невозможно представить себе и открытое воспевание самоубийцы (случай с Елизаветой Сидни-Рэтленд, а возможно, и с ее мужем). Но все же привязка этих двух понятий друг к другу не обязательно должна быть слишком строгой.

Здесь нет возможности коснуться всех спорных вопросов,³⁷ но некоторые

«арестом без выкупа долга». О какой случайности может идти речь, когда мы видим, что все его творчество, изначально и совершенно сознательно, было пронизано подобной терминологией?!. (См. еще главу «Собственник» в монографии Аникста, особенно то место, где говорится о книге «Призрак Рэтси»: из нее следует, что прагматизм «лицедеев» из труппы лорда-камергера был в свое время притчей во языцех).

³⁶ Честное и подробное изложение фактов Гилиловым в определенной мере сослужило ему дурную службу, постоянно создавая ненужные смысловые и текстуальные противоречия. Когда он пишет (с 150), что о Шекспире, как об авторе, «никто из современников нигде при его жизни не упоминает», то имеет здесь в виду, разумеется, «безграмотного» актера (т.е. то, что еще следует доказать), но формально данная фраза вступает в противоречие с другими его же высказываниями – «имя Шекспира (которое в то время безусловно привлекало покупателей)» (с 145), или – «у некоторых кембриджских студентов и преподавателей Шекспир буквально не сходит с языка» (с 143).

³⁷ История с шекспировскими изображениями (гравюра Дройсхута и памятник бр. Янсенов) сама по себе весьма интересна. В ней много «подозрительного», но нет ничего такого, чтобы можно было сделать какие-то необычные (и утвердительные) выводы. Чисто гипотетически, в плане «игровых подтекстов», можно даже кое-что прибавить к рассуждениям Гилилова по данному поводу. Как известно (см. рис. Дагдейла на стр. 165), поначалу Шекспир был изображен на стратфордском памятнике, обнимающим пухлый мешок, позже превращенный в «подушечку для

все же необходимо отметить. Так, Гилилов (сс 434–437) придает, в свете своей теории, важное значение строкам поэмы Бена Джонсона в Великом Фолио:

And such wert thou. Look how the father's face
Lives in his issue, even so, the race
Of Shakespeare's mind, and manners brightly shines
In his well-turned and true-filed lines:
In each of which, he seems to shake a lance,
As brandished at the eyes of ignorance.

Подстрочный перевод Аникста (*если не искать в этих, и без того формально изощренных, стихах «прибавочных» смыслов*) вполне удовлетворителен: «Таким именно и был ты. Подобно тому, как облик отца можно узнать в его потомках, так рожденное гением Шекспира ярко блистает в его отделанных и полных истины стихах: в каждом из них он как бы потрясает копьем перед лицом невежества». Однако Гилилов настаивает на тайном, понятном лишь избранным, подтексте – «и Мэннерс ярко сияет в своих великолепно отделанных строках». Смысл в том, что слово «manners», буквально означающее «стиль, манеру» (откуда, кстати, происходит и термин «маньеризм»), может обозначать здесь имя *настоящего* автора.³⁸

Забудем на время о «бритве Оккама» (предназначенной для отсеечения лишних сущностей) и попытаемся вслед за Гилиловым отыскать в этих стихах присутствие скрытого смысла. Но как ни меняй возможное значение первых строк, в любом случае речь идет о «произведениях» («the gases»; иначе – «потомство», «манера, стиль») *шекспировского* духа (ума). Единственной возможностью спасти присутствие «Мэннерса» в тексте я вижу в том, что запятая перед «and», разделяя две равноценных части сложносочиненного

письма». Этот символ прижизненного достатка можно понять как в духе простых обывателей, земляков и родственников Шекспира (мол, актер, а выбился в люди!), а можно как визуальное отображение тонкой вербальной игры, и даже насмешки. Ср. у Гилилова (с 379) цитату из Джона Тэйлора – «я... не пац... не мешок с шерстью, одобренный греческим...». Не исключена также аллюзия к англ. слову spare «экономить; запас», наконец, можно предположить и еще более ученую игру эрудитов: греч. σάκος «мешочек», откуда лат. производное sacciperium (saccus + pera) «сумка, кошель для денег». Игра вполне в духе самого Великого Барда. Вспомним еще, когда в «Гамлете» говорится о том, что получившие власть в войне театров дети забрали «Геркулеса с его ношей», то здесь могло иметься в виду и участие Шекспира в творческой перепалке на стороне «детей» (точнее, их драматургов, Марстона и Деккера) против Бена Джонсона. А ведь Шекспир не мог не заметить формальной и смысловой корреспонденции между своим именем, «Потрясающего копьем», и образом Геркулеса, чья фигура с земным шаром (globe) на плечах красовалась у входа в «Глобус», тем более, что его синоним, слово sphere («земная сфера»), на среднеанглийском писалось как spere!

³⁸ Неблагодарное занятие гадать на поэтической «гуще». Для «истинно посвященных» шифр должен казаться излишним, для «непосвященных» тем более. Может быть, Джонсон обращался через головы современников к будущему? Тогда ему здорово повезло.

предложения, разделяет и два имени – Шекспира, как *автора*, и Мэннерса, как *со-автора*. Тогда стих можно будет понять следующим образом: «как облик отца запечатлевается в его потомках, так же интеллект Шекспира и блеск Мэннерса в искусно отделанных строчках»...³⁹ В общем, довольно витиевато получилось. Не хочу принижать криптографических талантов Бена Джонсона, но, боюсь, что *ничего такого* он все-таки в виду не имел.

Еще один спорный момент связан с дневниковой записью историка У. Кори о письме 1603-го года (к сожалению, не сохранившемся) Мэри Сидни-Пембрук к сыну. Речь в нем шла о приглашении короля Иакова в Уилтон на представление пьесы «Как вам это понравится» и сообщалось, что при этом будет присутствовать Шекспир – «We have the man Shakespeare with us» (Гилилов, ук. соч. сс 220-221). Понятно, Гилилов считает, будто она подразумевала здесь Рэтленда: мол, «трудно представить, что графиня Пембрук надеялась заинтересовать самого монарха перспективой встречи с членом актерской труппы»... Но если считать Шекспира еще и *автором* пьесы, то это уже не столь удивительно, тем более, что выражение «*the man Shakespeare*» в данном контексте можно понять, как «*наш человек Шекспир*», или близко к тому (одно из исторических значений этого слова – «слуга, вассал»). Гораздо удивительнее думать, что даже в личной переписке матери с сыном имя близкого друга семьи, Рэтленда, заменялось двусмысленным кодом.

Серьезные трудности отождествления Рэтленда с Шекспиром ожидали Гилилова в представлении раннего творчества Великого Барда. Насколько вообще можно с ними справиться, видно из нижеследующего сопоставления. Сразу по окончании учебы в Кембридже, с октября 1595-го года по 98-й Рэтленд находится в Европе, в 98-м снова учеба (в лондонском Грейс Инн и сдача экзаменов в Оксфорде на магистра искусств), 98-й и 99-й годы – участие в походах графа Эссекса; недаром в эпиграмме своего однокашника Джона Уивера (1598-й год) Рэтленд назван столпом и защитником нации (но отнюдь не поэтом!)⁴⁰. Шекспир же к 1592-му году успел приобрести скандальную славу обработчика чужих пьес, позже стать популярнейшим поэтом среди молодых аристократов, а в 97-м и 98-м годах он уже вполне зрелый и широко известный драматург. В книге Ф. Мереза (1598 г.) он назван поэтом «несчастной любви», автором поэм и сонетов, мастером «наипревосходнейшим в обоих видах пьес» (трагедии и комедии), Д. Уивер в своей книге также не может скрыть восторга: «Медоточивый Шекспир, когда я увидел твои стихи, / Я поклялся, что их мог написать только сам Аполлон...».

³⁹ А если воспользоваться еще одним значением слова *the race*, «состязание» (метафорически – «жизненный путь»), то можно даже увидеть здесь намек на их творческое соревнование, образно выраженное как «потрясение копьем [таланта и мастерства] перед взорами невежд». Но подобные изыски лучше оставить для способной молодежи из круга постмодернистов.

⁴⁰ Впрочем, есть сведения, что в 1596 году Рэтленд, кажется, написал оду с восхвалением английского флота (Гилилов, ук. соч., с 268). Это нормально.

Нужно очень сильно верить в свою теорию, чтобы пытаться преодолеть такие несоответствия. Сказанное, впрочем, никак не связано с недооценкой возможного значения роли Рэтленда и его друзей в окружении Шекспира. И мне кажется, эта роль весьма остроумно раскрыта в анонимной кембриджской пьесе «Возвращение с Парнаса».

Один из героев пьесы (своего рода сатирического обозрения литературной жизни того времени), Инженериозо, представляет своим спутникам аристократа и щеголя, Гуллио, причем, представляет его как хвостуна и шута. Гилилов (ук. соч., с 289 и сл.), сообщив, что имя последнего происходит от английского gull («шут, паяц»), дает нам понять, что это не просто паяц, но «шут» в высшем смысле, т.е. маска на самом деле скрывает трагико-философскую человеческую сущность. С одной стороны, Гуллио действительно выказывает недюжинную ученость и осведомленность, а его разносторонние занятия позволяют Гилилову увидеть в нем Роджера Рэтленда. Но сами по себе знания (начетничество) и причастность к аристократической культуре вовсе не спасают его от насмешек, напротив, все эти достоинства поданы исключительно в утрированном виде.⁴¹

Нужно отдать должное тонкому чувству нюанса у Гилилова: он перевел имя героя так, чтобы оно не потеряло связь с его теорией; более точным значением слова было бы не «шут» (в подтексте которого кроется благородный и непонятый «Мистер Икс»), а «глупец, простака, простофиля». Противостоит же Гуллио как раз герой, чье имя, Инженериозо, дословно означает «остроумный», «изобретательный», «одаренный». Хотя использование английской этимологии в данном случае вряд ли оправдано. Цитируем Гилилова (с 295): «Галлио говорит, что Уивер в своей эпиграмме восславил его. И действительно, в той же книге эпиграмм... мы находим «Эпитафию для покойного Галлио» [латинское Gullionis. – В.Л.]:

⁴¹ Гуллио без конца цитирует различных авторов, демонстрирует знание языков, произносит длинные тирады с массой ссылок (хотя и пугает смысл простой латинской поговорки), неумно восторгается «сладостным мистером Шекспиром», но не забывает похвалить и себя: «бриллианты моего ума... ценность которых воистину неизмерима», «наши английские профаны кое в чем извратили благородный дух моей поэзии» и т.п. Этот стиль, вкусы, манеры, отношение к людям заставляют вспомнить анонимное «рекламное» предисловие к изданию 1609-го года шекспировской пьесы «Троил и Крессида», предисловие, изошренное по литературному исполнению, но отличающееся также заметным переигрыванием (см. о нем в книге Аникста (сс 231-233). Здесь можно сделать доброжелательный жест в сторону Гилилова, сравнив приведенную им фразу Джона Флорио об одном из своих друзей, «который предпочитает быть истинным поэтом, чем носить это имя», с авторским представлением из указанного предисловия – «Тот, кто никогда не был писателем, – тем, кто всегда будут только читателями». Но при любом раскладе английская литература не была тогда пустыней с *единственным* путником.

Здесь покоится упитанный Галлио, который до небес
Дрыгался на веревке всем своим огромным весом...
Ту его часть, что не успела сожрать французская болезнь⁴²
Теперь улетают земляные черви.

Гилилов не может не признать, что «эта бесцеремонная раблезианская шутовская эпитафия, которая вполне подходила бы для Фальстафа, никак не могла восприниматься Галлио как его прославление, разве что в издевательском смысле». Тем не менее, автор утверждает, что все это милые взаимные розыгрыши друзей, смеющихся «над теми непосвященными зрителями и читателями, кто принимает эту игру за чистую монету». Однако внешне (да надо думать, и внутренне тоже) Рэтленд вовсе не похож на Фальстафа, хотя шутка довольно бескомпромиссна и далеко не случайна в определениях: латинское *Gulo* – «лакомка», «обжора» (метафорическое развитие – *gulosus lector* «жадный до чтения»); *Gula* – «глотка» (в лексическом продолжении – *gulae parens* «чревоугодник», *gula insulsa* «лишенный вкуса, грубый» и *gulam frangere laqueo* «удавленный»).⁴³ Кстати, эту акцентированную смысловую связь с Фальстафом, через слово поминавшим виселицу (а публикация Уивера совпала по времени с началом популярности этого сценического героя!), можно подкрепить переключкой имени Гуллио с именем самого Шекспира, данного в эпитагме Уивера в латинской транскрипции *Gulielmum* (т.е. в им. пад. – *Gulielmus*, так же, как и в свидетельстве о крещении, 26 апреля 1564 года).

Боюсь, кого в точности имел здесь в виду Джон Уивер, мы уже не узнаем, если, конечно, это не собирательный персонаж. Но для нас этот герой интересен прежде всего тем, что демонстрирует возможный характер отношений между поэтами, как «рабочими лошадками» (в первую очередь, Шекспиром), и их учеными покровителями. Гуллио, беседуя с Инжениозо, сравнивает себя с Филипом Сидни⁴⁴: «Он любил общество ученых людей; я

⁴² Дословно – «французы» (*French men*), причем, речь идет о некоей «свободной части его тела».

⁴³ Но даже если мы возьмем алломорфы с противоположным корневым вокализмом, то и тут дружелюбия не прибавится: *Gall(us)* – «галл», т.е. «француз» (или «петух»); *Galli* – именование оскопленных жрецов Кибелы; ну, разве что отсылка к родовому имени *Gallio*, риторам эпохи Овидия и Сенеки, будет выглядеть поприличнее.

⁴⁴ С той разницей, – вновь процитируем книгу Гилилова, – что «у меня приятнее лицо и крепче ноги». Сравнение довольно саркастическое, если учесть «восславившую» его эпитагму Уивера. А в книге Гилилова мы находим и портрет Филипа Сидни, несомненного красавца, и упоминание о больных ногах Рэтленда. Кстати, о «падуанском» портрете, вынесенном на обложку второго издания: нельзя не отметить, что изгиб носа изображенного на нем молодого человека сходен, скорее, с формой носа Филипа Сидни нежели Рэтленда. Собственно, всегда и считалось, что эта миниатюра есть изображение молодого Сидни, а то, что сейчас пришли к выводу о более поздней ее датировке, само по себе еще не является решающим аргументом при атрибуции: миниатюра могла быть и копией с более ранней, несохранившейся, работы.

тоже помогаю им, и примером тому являешься ты сам, ибо без моей поддержки и помощи ты давно бы пропал... Я помогаю и другим ученым и писателям; когда я появляюсь в своих комнатах в Оксфорде, меня уже ждет дюжина приветственных речей всех этих гениев и их оборванных компаньонов». Затем, дав задание Инженерию набросать для него стихи в духе Шекспира, он произносит знаменательные слова: «Потом я вернусь и просмотрю эти стихи, подправлю и доведу до совершенства».

Просто удивительно, что сообщив и откомментировав все эти подробности, Гилилов все так же непоколебимо уверен, будто Гуллио, Шекспир и Рэтленд (не только для него, но и для авторов кембриджской пьесы) изначально одно и то же лицо.⁴⁵ Разумеется, перед нами не арифметическая задача, имеющая однозначное решение, каждый волен трактовать данный текст по-своему, но во всяком случае и выводы Гилилова далеки от очевидных.

Впрочем, даже при самом широком участии иных авторов (как в плане «доработки», так и в плане использования их собственных текстов) в корпусе шекспировских творений присутствует след одной руки, одного стиля, причем, стиля, имеющего свою эволюционную историю (начало, пик и спад). Этот факт не позволяет нам типологически уравнивать корпус произведений Шекспира и «одноактный» корпус произведений Томаса Кориэта, как результат чистой игры равноправных друзей по литературному цеху. При всем видимом разнообразии шекспировских текстов речь здесь должна идти не о коллективной, заранее просчитанной (и значит, строго концептуальной) игре, длившейся 20 лет под одной случайной «маской», а об игре естественной и стихийной, «игре снизу», в центре которой стоял реальный «фактотум», «мастер-на все руки-Шекспир».

В заключение нельзя не коснуться проблемы честеровского сборника. Странные водяные знаки, путаница в датах, противоречия в названии, несоответствия в стихах, говорящих о Фениксе и о Голубе то в мужском, то в женском роде, то как о живых, то как о мертвых персонажах... Все эти сложности пока не позволяют отбрасывать ни одну гипотезу, в том числе и связанную с именем Джона Солсбэри (умершего в один год с Рэтлендами).

Допуская значимость открытий Гилилова в этой области, не могу сказать, что вопрос решен окончательно, или хотя бы вчерне. Это также не тот случай, когда читатель может удовлетвориться одним исследовательским резюме, без полного опубликования памятника и академических к нему комментариев. И вряд ли вообще допустимы какие-либо серьезные утверждения вне открытого и тщательного сопоставления с другими литературными явлениями того времени (Гилилов затронул их вскользь): сборниками «Английский Геликон», «Английский Парнас», «Поэтическая рапсодия», «Государство Умов», «Театр Умов», «Бельведер, или Сад муз»,

⁴⁵ Высказанное Гуллио желание повесить у себя в кабинете, либо положить под подушку, портрет любимого им Шекспира, Гилилов резюмирует следующим образом: «Чтобы увидеть главного автора шекспировских поэм и пьес, Рэтленду достаточно было повесить в своем кабинете зеркало». Нарцисс, с маниакальным упорством имитирующий раздвоение личности и, одновременно, амнезию?.. Да, это будет посылнее «Гамлета»...

не говоря уже о посвященном, как и книга Честера, Джону Солсбэри в сборнике Роберта Парри «Синеты», в котором Гилилов обнаружил «тридцать прекрасных сонетов», сходных с «Песнями Голубя», – а стало быть, и с шекспировскими сонетами». Но при любых вариантах ответов хотелось бы, чтобы они гармонично сочетались со всем содержанием честеровского сборника. Если дело только в реквиеме по чете Рэтлендов, то как объяснить, что значительная часть текста представляет собой компиляции, вставки и рассуждения популярно-познавательного либо аллегорического свойства?⁴⁶ И Гилилов признает, что «носят они явно преднамеренный характер – ни к Голубю, ни к Феникс... отношения не имеют», однако его мнение, будто они служат специально для отпугивания «постороннего» читателя (с 34), мягко говоря, не убедительно.

Аллегоризм большинства стихов сборника и изощренная метафизика поэмы Шекспира (т.е. пресловутый «туманный неоплатонизм и идеализм») может быть, и отвлекают, как считает Гилилов, от проблем идентификации, но не столь все же чужды литературе того времени. И само присутствие в книге поэмы-плача, подписанной именем Шекспира, тем более не облегчает приятия рэтлендианской гипотезы.⁴⁷

И напоследок замечание по поводу возможного значения некоторых экзотических «опечаток», упомянутых Гилиловым. В заголовке лондонского экземпляра «Ануалы Великой Британии...»⁴⁸ (современными комментаторами, как пишет Гилилов, часто исправляемое на не вызывающее вопросов «Анналы») в первом слове, по-видимому, перевернута буква, в результате

⁴⁶ Я не вижу особых причин отвергать возможность атрибуции Голубя и Феникс, как четы Рэтлендов. Но не следует забывать и того, что они сами по себе никогда не являлись *единственными* людьми, к которым применялась данная аллегория, о чем свидетельствуют многие факты, приведенные в книге Гилилова (правда, на странице 433 он оборвал цитату(!) из Джонсона, поставившего Шекспира «выше того, что возникло из их [Рима и Греции] пепла»). Что же до сборника Честера, то литературный (и саморекламный) характер издания недвусмысленно заявлен в его заглавии и внешне, по крайней мере, не уступает значимости возможного реального подтекста: «Жертва Любви, или Жалоба Розалинды, аллегорически затеняющая правду о любви и жестокой судьбе Феникс и Голубя. Поэма редкостно и разнообразно украшена; теперь впервые переведена с итальянского подлинника... С подлинной легендой о славном короле Артуре, последнем из девяти знаменитостей. Первое произведение нового британского поэта: взято из различных достоверных документов...». Кстати, о переключках: за несколько лет до этого большую популярность приобрела поэма Сэмюэла Дэниела «Жалоба Розамонды».

⁴⁷ В четвертой строфе поэмы поясняется, что *для торжественности* Реквиема его должен исполнять Лебедь в белом стихаре священника, поскольку это уже и его предсмертная лебединая песня. И действительно, до смерти Шекспира оставалось не больше четырех лет, в течение которых он уже ничего не написал.

⁴⁸ В оригинале (в самых разных шрифтовых форматах) – «The Annuals of great Brittain. Or, a most excellent Monument, wherein may be seen all the antiquities of this King-dome, to the satisfaction both of the Uniuersities, or any other place stirred with Emulation of long continuance...».

чего оно выглядит как «Anuals». Гилилов (с 79) справедливо отвергает возможность неумышленной опечатки в ключевом слове, но объясняет это игрой раблезианского толка, как намек на «anus», «anal», и гомосексуальность... Ход его размышления понятен: аллюзии на эту тему (пусть и косвенным образом) дают лишнюю возможность представить Рэтленда в качестве автора шекспировских сонетов.⁴⁹

Да, конечно, это «игра», но *не настолько* глубокая; всего лишь лингвистическое «баловство», потому и не замеченное, что искали «где глубже». Слова «anual» действительно не существует, но есть слово «annual» (ежегодник), соответствующее и «анналам» (annals) и общему смыслу названия, отсылающего к древним британским достопримечательностям (а также к пространным отступлениям в поэме Честера). Неологизм «anual» это формальное обобщение, усредненная форма на переходе между двумя терминами; такой прием в риторике называется *металлазм*.⁵⁰

Что еще можно сказать об авторах Великой игры и истинных «ануалов Великой Британии»? Наверное то, что всякая большая игра неповторима и специфична, она возникает спонтанно и протекает в согласии с объективными условиями времени, но отнюдь не под сурдинку («синеты») спрятавшегося режиссера. В дальнейшем будут и другие игры, но всякий раз по своим собственным правилам.

Закончу же совсем на другой ноте. Слабой душе человеческой свойственно надеяться на торжество красоты, добра, справедливости, чтобы всяк получил по заслуженной им сережке. Хочется верить, что еще возможны открытия, что кто-то где-то когда-то найдет недостающие бумаги и неопровержимые улики, и мы получим, наконец, такого Шекспира, о котором в тайне мечтали (хотя реальный «Шакспер» больше соответствует тому, что мы заслуживаем). Но это всего лишь призрак надежды.

⁴⁹ Сходная ситуация и с упомянутой выше книгой Р. Парри «Синеты»: Гилилов (с 66) недаром приводит мнение исследователя Карлтона Брауна, что название книги могло быть образовано от английского sins – «грешки». Такой подтекст, конечно, не исключен, но – не могу удержаться от подсказки – есть и более близкий, восходящий к франко-латинскому sinet (см. словарь Уолтера Скита). Термин означает «сигнал, звучание фанфар» и встречается в театральных ремарках к тексту «Короля Лира», где в ряде сцен несет важную сюжетную нагрузку.

⁵⁰ Другую смысловую «опечатку» Гилилов (сс 173-174) отметил в некоторых экземплярах Великого Фолио: в выражении Леонарда Дигтза «стратфордский монумент» иногда напечатано «Moniment», что на шотландском диалекте означает «посмешище». «Это очень важные строки», – утверждает Гилилов. Возможно. Однако, если это не опечатка, а очередная литературная игра Ильи Менделевича, то прежде, чем обращаться к диалектной лексике, стоит вспомнить этимологию латинского слова Monumentum – «надгробие» и «память, воспоминание». В латинском языке форманты monum- и monim- равнозначны, а английские производные monument и monition (предупреждение, увещание) связаны генетическим родством. Т.е. и в этом случае «умножение сущностей» не обязательно.

БИБЛИОГРАФИЯ Владимира Лапенкова

- 1. Сб-к сказок и миниэпес** «Фурункулезные истории» (1969-82 гг.); рассказы, эссе и мелкие тексты: «Опыт ненужного исследования» (1977); «Рассказ без туфты» (1977) [«Индекс-2», 1993]; «Рассказ для чтения вслух» (1982) [«Смена», 15.04.92; Индекс-2]; «Некуюя» (1982); «Трехстволка современной прозы» (80-е гг.); «Хронограф, или Игра в гены» (80-е гг.); 2-3. «Аркадий Бартов глазами Хорхе Борхеса» (80-е гг.) [«Родник», Рига, № 12, 1988]; «Портрет Непрухи» (1984) [«Индекс-2», 1993]; 4. «Медиташки» (1984) [Магазинник (США) №№ 3-4, 2003]; 5. «Краткий исторический очерк райсийской литературы для карманной энциклопедии» (1984); [«Гуманитарный фонд», № 51, 1991]; 6. «Из моих диалогов с Фрэнком Заппой» (1984); 7. «Аллегро для филологини» (1985); 8. «Лекции об истории, философии, философии истории и наоборот, а также о цикличности и ея прогрессе, а кроме того – о коневодстве и футурологии, а – заодно уж – о некоторых проверенных(!) теориях смысла жизни; да и об остальном-прочем» (1. «Значение диалектики»; 2. «О некотором смысле существования») – 1985; 9. «Буквоборцы» (1986); «Прощание с героем» (1986); «Элогия» (1986);

ПОВЕСТИ:

1. «Записки преждевременно созревшего» (сага для юношества) – 1974 [«Эхо», Париж, № ? 1980г.]; 2. «Раман» (1975) [«Эхо», 2-3, 1979г.; «Коллекция: петерб. прозы 70 гг.», 2003, изд. И. Лимбаха]; 3. «Фук-книга» (1977); «Негативы» (записки из-за угла) – 1980-1981;

СТАТЬИ:

1. «Заметки о современной прозе» (1983); «Читаем Платонова» (1985-86); 2. «Мифы, которые мы выбираем, или Как нам обустроить ментальность» (1992); 3. «Давид Дар» (2000) [«Нева», №8, 2001]; 4. «Форматирование андеграунда» (2000) [«Звезда» №1, 2002]; 5. «Призрак гения, или Окончательное решение шекспировского вопроса» (2002) [на сайте «Сетевая словесность» <http://www.litera.ru/slova/index.html>]; 6. «До и после» (2002) [«Звезда» №9, 2002]; 7. «ARS ROSSICA: Литературная Россия и фабула глобализации» (2002) [«Звезда» № 1, 2003]; 8-9. «Виртуальная Русь (демон реконструкций)» (2003) [сайт «Сетевая словесность»]; 9. «Эволюция мифореальности» (2003) [«Звезда» № 2, 2004]; 10-11 «Петля самиздата» (в соавторстве с К.К.Кузьминским) (2004) [«Сет. Словесность»]; «Американо-хазарский словарь» (2004) [«Звезда» № 2, 2005; «Сет. словесность»].

мемуарная проза: «Рапсодия в мышинных тонах (меморий в до-миноре)» (1992-2001), «Постмеморизм» (2004).

// в работе – на 90% готовый научный труд «Введение в мифосемантику» //

Творения: Повесть "Негативы" Рассказ "Элогия" Рассказ "Некуюя" "Медиташки" "Рассказ для чтения вслух"

III. НАЕДИНЕ С СОБОЙ

МИХАИЛ ЕФИМОВ

КАЛЕЙДОСКОП ДУШ

«...Когда добавим к этому недвусмысленное сообщение Павла в "Послании к Галатам", IV. 22-25, что повествование об Аврааме и его двух сыновьях все есть "аллегория" и что "Агарь есть гора Синай"; то действительно, не в чем упрекнуть христианина или язычника, который отказывается принять "Библию" за что-либо другое, как только за очень искусную аллегория... В каждой древней стране, претендующей на цивилизацию, существовала Эзотерическая Доктрина, некая система, которую обозначали словом МУДРОСТЬ, а тех, кто посвятили свои жизни ее сохранению и продолжению, называли мудрецами или мудрыми людьми..."

«...Оккультизм или Теургия обучает способам создания такого соединения. Но именно деяния человека – его личные заслуги – вот, что может создать его на земле или определить его длительность. Оно длится от нескольких секунд, вспышки, до нескольких часов, в течение которых теург или теофан становится самим этим осеняющим "Богом"; следовательно, он становится на это время одаренным относительным всезнанием и всемогуществом».

Е. П. Блаватская

«И где же произошли эти события?» – с сарказмом спросили меня недавно.

«Так начались они в некоем граде, полном солнца, морских брызг и беззаботных юных мечтателей, – невозмутимо ответил я. – Ну а окончание, думаю, каждый себе допишет сам, взглянув на свою жизнь. Да вы сами сейчас все поймете».

Итак, в самой середине лихих девяностых, два черных Мерседеса остановились возле здания МВД одного крымского города. Никто из присутствующих кроме человека, сидевшего на заднем сидении одного из них, не знал, что за вывеской районного отделения аппарата МВД здесь скрывается отдел Комитета государственной безопасности. И не просто отдел, а спецотдел, занимающийся не совсем обычными вещами, естественно засекреченный именно поэтому. Несколько секунд прошло в полном молчании, затем находившийся на заднем сидении мужчина с тренированным телом и стальным взглядом негромко сказал: «вперед». Трое сидящих в машине, одетые одинаково в черные кожаные куртки и спортивные штаны, мгновенно оказались снаружи. Один из них открыл заднюю дверь. Появившийся из

темного чрева машины, прищурился и не спеша вылез наружу. Он потянулся, посмотрев на здание, куда ему предстояло войти, при этом уголки губ презрительно опустились вниз. Сразу можно было увидеть небольшие излишки жира, накопившиеся поверх мощной мускулатуры. Поэтому, когда он медленно вразвалочку пошел к двери, было непонятно, то ли грузное тело мешаает энергичной походке, то ли это так, опять же, проявляется презрение. Остальные же члены сей не редкой в те годы компании шли пружинисто, взяв своего шефа в кольцо. Первый из идущих услужливо открыл тяжелую дверь.

Все это Юра видел из окна второй машины. Сам он, естественно, остался сидеть. Ведь он, как единственный из этой компании человек с головой и ее производной – смекалкой, должен был лишь оценить возможные культурные ценности, кои, как ожидалось, вот-вот появятся на выходе из сего некогда грузового заведения. На этом его миссия заканчивалась.

А в это время бригада из четырех лихих парней шла по извилистому коридору. В самом конце их лидер остановился и с ним все замерли, как вкопанные.

– Здесь, – произнес он коротко. Пред очами спутников предстали всего лишь пара - тройка кабинетов, но хоча заметить, что этого хватало для небольшого города.

– Заходим, – прозвучал вновь приказ.

Когда они открыли дверь, в глаза им в первую очередь бросилась довольно убогая обстановка кабинета. Всего-то старый советский стол – этаким мощным мастодонт, обтянутый зеленым сукном, пара стульев и чуть покосившийся шкаф для бумаг. На вид – как-то маловато для столь серьезного заведения. За столом сидел мужчина в белой рубашке с короткими рукавами и черных классических штанах, взгляд его был грустным. Бригадир также вразвалочку подошел к столу.

– Я звонил на днях. Помнишь, надеюсь? Мы тебе две недели давали, время уже подошло. Что ты мне приготовил?

– Что же я могу вам дать? Посмотрите вокруг.

– А ты меня не жалоби. Не верю, что в вашей организации нет ничего ценного, например, изъятого у контрабандистов. Может, вместе посмотрим?

– Молодой человек, – процедил спокойным тоном мужчина, – вы забываете, с кем говорите. Я майор службы Государственной Безопасности и ваши угрозы не вызывают у меня того страха, на который вы очень надеетесь. Однако я адекватно понимаю всю ситуацию и ужас нынешнего времени, поэтому, дабы не лишиться жизни, уступаю вашей агрессии. Можете обыскивать здесь что угодно. Кстати, контрабандистами занимается милиция, а не мы.

Бандит не замедлил воспользоваться предложением. Он презрительно отодвинул КГБ-шника ладонью руки, открыл дверцу шкафа и начал шарить взглядом по полкам. Однако кроме нескольких папок с бумагами и электрического чайника он больше ничего не увидел.

– Но здесь ничего нет! Короче, если ты мне сейчас не дашь денег или что-

нибудь, что можно продать, я сильно разозлюсь и возможно даже завалю тебя прямо здесь.

Мужчина обреченно встал.

– Ну, есть у меня одна вещь. Хотя вы вряд ли оцените ее по достоинству и тем более найдете, кому продать.

Майор КГБ достал из нагрудного кармана ключ и открыл ящик стола. Бандиты с интересом припали к нему взглядами, но... кроме одной толстой папки с печатными листами там ничего не было. Майор достал папку и, вздохнув, протянул ее бригадиру.

– Это что за хрень? Чего ты мне книжонкой тычешь?! Ценности где?

КГБист вздохнул еще раз и внимательно посмотрел на бандита. Дыханье его изменилось. У кого-то из лихих парней зазвенело в ушах, он встряхнул головой.

– А это и есть самая большая ценность, что здесь есть. Эта вещь предназначена именно для нашего отдела. Владеющий знаниями, описанными в ней, владеет умами и временем. Многие понимающие люди купили бы ее у вас за большие деньги.

Повисла длинная пауза. Майор смотрел в глаза бригадиру, тот, тяжело дыша, молчал.

– Я уверен, что вам вполне хватит этой ценности, – неожиданно сказал он, – и вы больше не имеете ко мне претензий.

– Поехали! – адресовал бригадир остальным, даже не повернув головы, и первым пошел к выходу. Сзади с удивленными физиономиями спешила его челядь.

Выйдя на улицу, бригадир, не останавливаясь, подошел ко второй машине. Юра вышел навстречу:

– Ну что, есть для меня работенка?

– Нет. Нету у них ничего. Поехали дальше, там возьмем.

Юра присмотрелся:

– А это что, шеф? – он показал пальцем на папку в руке бандита.

Тот, как будто с недоумением, посмотрел на нее:

– Чушь какая-то, можешь себе взять, – и бросил папку на заднее сиденье.

– Вперед, сейчас едем на больничный комплекс! – Мерседес рванулся с места.

Юрка развалился на заднем сиденье, ехать предполагалось минут двадцать. От нечего делать он открыл папку. Чуть пожелтевшие листы с кривыми строчками, напечатанными на старой печатной машинке, грустно предстали взору. На титульном листе в глаза бросилась надпись: «СОВЕРШЕННО СЕКРЕТНО. ДЛЯ СПЕЦОТДЕЛА КГБ». Юрка похолодел. «ТЕЛЕПАТИЯ. Евгений Закладный» – прочел он на листе втором. В процессе дальнейшего чтения лицо его приобретало бледный цвет, а глаза, наоборот, загорались ярким пламенем. Он весь ушел в чтение, листая страницы то вперед, то назад, заглядывая и в середину и в конец. Ощущение времени остановилось.

– Подъезжаем! – крикнул водитель.

Юрка очнулся.

– Как, уже приехали? – глупо спросил он.

Водитель заржал.

«Надо куда-то спрятать рукопись», – пришла лихорадочная мысль. Он засунул папку за пазуху под рубашку. – «Только бы не вспомнили о ней».

Бригада вышла из первой машины и скрылась за одним из зданий комплекса. Юрка вынул папку из за пазухи и продолжил читать, время снова остановилось. Через полчаса компания показалась у ворот, они несли с собой какой-то небольшой прибор и сверток. Водитель мерса, в котором сидел Юра, ожил, заерзал, и этим дал знак – быстро спрятать рукопись под рубашку. Оказавшись напротив окна, бригадир легко бросил:

– На, смотри. Стоит это что-нибудь? – и тут же кивнул в сторону своей свиты.

Один из бойцов, что нес прибор, протянул его в салон авто. Юрка покрутил вещь, внимательно присматриваясь:

– Похоже, стоящая вещица. На шильдике «Made in Japan» написано и класс точности высший. Датчиков куча на проводах, и маленькие, не то, что у наших. Табло электронное и большое, значит много показателей. Уверен, хороших денег стоит.

– Хорошо, Юрец, сейчас отвезем тебя домой, твоя работа пока что закончена. Если понадобится, найду сам. Отвезешь его, куда скажет, – командным тоном бросил он уже водителю.

Очувтившись дома, Юрка в первую очередь бросился на чердак. Прихватив из кладовки какие-то тряпки, он замотал папку и перевязал веревкой. На чердаке в самом дальнем углу он зарыл ее под слоем песка, пыли и какого-то барахла.

С тех пор прошло несколько лет.

Бандитов уже постреляли другие бандиты, а тех в свою очередь спецслужбы. И Юра, наконец, решился раскопать свой клад и вдумчиво все изучить. Старение сего удивительного произведения к тому времени стало видно еще больше, но это лишь вызывало благоговение. И вот, каждый день после работы Юра стал внимательно изучать по несколько листов. Начало было художественно-познавательным, зато к середине читатель был вознагражден настоящим практикумом и тайными знаниями. На самом деле настоящий специалист сказал бы, что сии знания были похожи на ступень йоги Пранаяму, только в современной обработке и сильно сокращенную – без духовной философии, да и сами упражнения – сплошная квинтэссенция. Однако начало было положено – каждый вечер теперь заканчивался упражнениями. Он уединялся в комнате и по часу шуршал страницами или сидел, закрыв глаза. Жене сие времяпровождение мужа никак не нравилось, но... если Юрка что-то решил, он уже не отступит.

Я зашел к нему в гости спустя полгода от этих событий. Вид у Юры был не очень.

– Привет! Ты чего такой бледный? – спросил я, усмехнувшись. – Семейная жизнь так тяготит?

Юра проигнорировал колкость.

– Пойдем, я покажу кое-что.

Минут двадцать я разглядывал рукопись, затем мои глаза стали похожи на лихорадочные Юркины:

– И как, ты уже что-то пробовал? У меня все это вызывает скорее недоверие, ведь без специальной физической, а главное философской подготовки мозг может не выдержать такие акробатические этюды с сознанием. Не пройдя по нижним ступеням, не окажешься на верхней.

– Спасибо, что подсказал, – Юра криво усмехнулся, – я уже и без тебя это знаю. Теорию практически осилил, а вот с практикой беда. На начальном этапе непреодолимый барьер. Самая основа – психическое дыхание, накопление Праны в солнечном сплетении вызывает резкое сопротивление всего организма. Я уже три раза за последние полгода с температурой лежал. Представляешь, мы не так дышим и поэтому лишаем себя многих интересных навыков, умений. Обычный человек использует воздух лишь для потребления кислорода.

– А там есть что-то еще? – улыбнулся я.

– А ты зря иронизируешь. Йоги считают, что именно там находится энергия, и ее можно потреблять с дыханием.

Юра понемножку оживал, щеки уже зарумянились, а из глубины глаз засверкал знакомый огонек.

– Я это на себе прочувствовал! Все, как там сказано: сначала настроился на ритм дыхания, затем психическое, когда ты замираешь в конце вдоха и в конце выдоха на половину времени от этого, и буквально минут через пять я действительно почувствовал в груди горячий комок. Однако через полчаса таких опытов у меня начала подниматься температура, и вот тебе результат – весь день пролежал, как в горячке. Тут для изучения надо отпуск брать, причем сразу на несколько месяцев. Я вот думаю, преодолею этот барьер, привыкнет тело к такому дыханию и все, смогу многое.

Я уже сам возбужденно ходил по комнате, заложив руки за спину.

– Хорошо, а зачем дыхание останавливать вверх и вниз? И что потом с этой энергией делать?

– Мы потому и не можем ничего воспринять, что после вдоха сразу выдыхаем – Прана не успевает усвоиться. К тому же, дыша, надо представлять... нет, даже чувствовать, что ты дышишь еще и кожей всего тела. Вообрази себе, как при вдохе, при впитывании воздуха в кожу, аж волосинки к ней пригибаются. А с использованием энергии, там еще занимательнее. Для этого в рукописи описаны упражнения на порядок сложнее, причем оставлять ее в себе никак нельзя, иначе плохо будет.

Я засмеялся:

– Вот я и гляжу, ты весь белый.

– Это не от распределения энергии, сей процесс я как раз таки освоил, – Юра обиженно поджал губы. – Я уже говорил, организм психическое дыхание не приемлет. Думаешь, ты бы лучше меня смог?

– А может и смог бы. Дай мне рукопись, я попробую.

– Нет, извини, эти знания слишком серьезные и могут принести много вреда в мир. Да и к баловству они не предназначены. Тебя я, конечно, знаю, но все же остерегусь. Сначала сам... да, только сам, – Юрка задумался и погрузился в себя. Огонек в глазах исчез, и я опять увидел того бледного худого парня, что был до разговора. Мне ничего не оставалось, как незаметно уйти.

Поначалу я даже забыл про рукопись – ну не моя и ладно, значит, не судьба, да и рутинные дела поглощали все время и сознание. Однако года через три один интересный случай вернул и память и желание еще раз с ней познакомиться. Как-то после работы я решил пройтись пешком до дома дальней дорогой, это минут так сорок. Хочется иногда подумать на философские темы, а мерно чеканя шаг, мысли сами по себе приплывают и выстраиваются в голове четкими рядами. В памяти, которую теперь не контролировала ни логика, ни сознание, вдруг всплыл тот рассказ Юры, что про Прану, и про упражнения с ней. Сразу появилось желание попробовать хотя бы то, что узнал из Юриногo короткого рассказа. Дыхание удалось обуздать сразу, это оказалось не сложно. Обладая хорошей фантазией, я действительно как будто почувствовал на коже холодок от впитываемого в нее воздуха. Так продолжалось минут пять. И вдруг на самом деле я стал ощущать где-то в районе солнечного сплетения, а может, чуть выше, горячий комок. Он жег все больше и больше, словно увеличивался. Я остановил опыт – не совсем приятные ощущения породили страх. Шар исчез окончательно, когда я уже был дома. Я сел за компьютер. «Телепатия. Евгений Закладный» – набрал я в браузере. Надежды было мало, но все же... Увиденное поразило не меньше горячего шарика в груди: «Наибольшую известность Закладному принесла книга «Телепатия», представляющая теоретический и практический курс для развития телепатии. Написанный в конце 1960-х годов, курс предлагает одну из «электро-магнитных» версий для описываемых явлений (не только телепатии, но и телекинеза и т.п.). Курс практик является современной компиляцией Раджа - Йоги, предназначенной для тренировки собственной PSI-энергии. ... до сих пор актуальна в качестве практического пособия по биоэнергетике. ... считается базовой для всех без исключения эзотерических учений, независимо от их направленности. По легенде, книга была официальным «настольным» учебником сотрудника КГБ...»

«По легенде... надо же», – усмехнулся я про себя. Стало быть, сомневаются и никогда не видели издание именно для спецотдела КГБ. А эта «легенда» сейчас лежит себе у Юры на столе и даже не подозревает, что она, оказывается, миф. Хотя, ценность-то не в этом. Упражнения, обработанные и собранные в единую систему, адаптированную для пользователя с европейской ментальностью – вот ее уникальность. «Да-а, недооценил я тогда рукопись. Надо бы съездить к Юре и поподробнее на нее взглянуть», – тут же возникла мысль.

Сказано – сделано. Очень скоро я оказался у друга снова и тут же попросил еще раз посмотреть на сакральные знания:

– Кстати, чтобы ты не переживал: эта вещь, причем, в виде книги и информация о ней, лежит в Интернете в свободном доступе. Ты, как я понимаю, не знал, а это уже давно не тайна.

Юрины глаза изобразили сильное удивление.

– Да, неожиданно. Даже не верится. Но раз ты говоришь...

– Ты не удивляйся, когда рукопись появилась у тебя, в инете ее еще не было, да и сам инет у нас тогда только появился. Даже в живую та книга, что выложена в сети, была напечатана уже позже. К тому же, ты все равно владеешь тайной – информация о том, что рукопись была настольной книгой спецотдела КГБ, считается легендой, а ты ее владелец.

Юра, который все это время взволнованно ходил по комнате, вдруг остановился и посмотрел на меня как-то оценивающе.

– Скажи, а ты бы хотел иметь эту вещь у себя?

Мои глаза округлились, я совсем не ожидал такого вопроса. В голове появилась шальная мысль:

– Ну, вообще-то да. Ты же знаешь, что мне очень интересно. А что?

– С тех пор, как она у меня появилась, я знал, что должен буду отдать ее другому хранителю. Откуда знал? Видимо, занятия с Праной научили чувствовать тонкий мир. Там мне и сказали, что появится человек, чистый морально, без чрезмерных амбиций к власти и деньгам, ему я и отдам рукопись.

Юра опустил глаза, его голос стал тише:

– Знаешь, она меня стала тяготить. Да и занятия с энергиями приносят мне ухудшение самочувствия, отвлекают от других дел. А то, что я хотел, я уже оттуда почерпнул. Так что, теперь хранитель ты. Держи, – рукопись всей тяжестью легла в мои руки.

«...Но истинное назначение настоящего Сомы было (и есть), сделать "нового человека" из Посвященного, после того, как он "вновь рождается", именно, когда он начинает жить в своем Астральном теле; ибо когда его духовная природа одолеет физическую, он не замедлит сбросить ее и расстаться даже с этой эфиробразной формой».

Е. П. Блаватская

Уже пятый раз чакры «раскручивались» хорошо, даже жар чувствовался, а вот выход через верхнюю никак не удавался.

«Вот в этом я весь, – разозлился я сам на себя, – все хочется взять нахрапом, без труда. Только здесь не тот случай. Йоги-то по умнее тебя были, а ты хочешь, закрыв глаза на восемь тысяч лет работы с сознанием, решить сам, как работать с сим предметом? Высочка! В общем, придется освоить и проскопию, а до этого пройти все упражнения по энергетической чувствительности».

Поначалу все это давалось тяжело – ленивая сущность противилась необходимости напрягать мозг. Ну не привыкли мы пока к мозговому

армрестлингу, «лапки» долго не держат. Но потом оказалось, что напрягаться как раз таки и не надо было, все должно «течь» плавно, без усилий, само собой и одно вытекает из другого. А лишнее напряжение может только помешать процессу и даже сильно навредить. Всему этому, естественно, учит Раджа - Йога, но ведь мы привыкли учиться на своих ошибках и нас не переделать.

За дыханием и использованием энергии дело тоже не стало. Я свободно представлял человека, как пустой сосуд и начинал «заливать» целебную прану до наполнения по самую макушку. Абсолютно необходимо было исключить насильное воздействие – процесс должен «литься» спокойно, как будто сам по себе, тогда энергия пойдет только на пользу.

И вот как-то поздно вечером, приготовившись ко сну, я как обычно расслабился и открылся для принятия эфира. Состояние сие, когда ты еще не заснул, но и с материальным миром крепкую связь уже теряя начал, называется пограничным. Именно это состояние позволяет сместить спектр восприятия, который у нас довольно таки узкий, чуть в сторону. Стенка подсознания при этом уже начинает приоткрываться, давая возможность мозгу соприкоснуться с энергетическим миром, но в состояние сна ты еще не вошел, и получается, что твое, еще не ушедшее сознание, видит некие частицы тонкого мира. Я был открыт и надеялся на приятные волшебные ощущения эфира. Именно поэтому произошедшее далее шокировало настолько, что я мгновенно покрылся холодным потом и выскочил из пограничного состояния, как пробка от шампанского. Прямо передо мной, на расстоянии вытянутой руки в воздухе висела... голова. Просто одна голова без каких-либо признаков всего остального. Сверху и снизу от нее отходили тонкие нити, уходившие соответственно в пол и потолок. На них она, видимо, и держалась. Когда я ее увидел, голова смотрела в стену и вызвала у меня лишь любопытство. Но, как будто почувствовав, что на нее смотрят, она начала медленно поворачиваться на своих ниточках и буквально через пару секунд ее взгляд впился мне в глаза. Он был ужасен – там была беспредметная злость, ярость существа, патологически ненавидевшего мой мир и конкретно меня, видимо, за то, что я посмел к нему вторгнуться. Взгляд прожег меня насквозь и мгновенно вызвал такой дикий страх, что мое сердце чуть не выскочило из груди, а спина взмокла от ледяных бисеринок. Сон как рукой сняло, я еще долго не мог успокоиться, зато понял, что обучение принесло свои плоды, и я уже могу совершать и более длительные контакты с тонким миром. Ну а страх... так память тут же напомнила мне о дорисовке мозгом того, чего нет в его «базе данных». Конечно, никакой головы там не было, но мозг не смог подобрать для меня адекватную картинку, и «нарисовал» нечто такое, ассоциирующееся у него с диким ужасом.

И вот, через пару дней, вытравив из души и из памяти тот страх, я наконец рискнул первый раз покинуть брэнное тело и плотно соприкоснуться с тонким миром. Заранее перейдя на психическое дыхание, я концентрировал Прану в темечке – там, где по учению йогов находится верхняя чакра и через которую мне и надо будет выйти из материального тела. Максимально

расслабившись, я стал прислушиваться к шумам в эфире и стараться, чтобы шумы сии мой мозг смог превратить в понятную информацию. Течение времени стало неразличимым, информация превратилась в голоса и образы и моя сущность, уже воспринимаемая мною только как сознание, потянулась туда, к ним, манящим своим светом и неизвестностью...

Я оказался как будто повешенным в белом тягучем тумане. Вокруг мелькали разноцветные всплески, что-то двигалось, переливалось, а в голове был балаган из чьих-то слов... или размышлений... Одно только это было уже интересным. Однако долго в одиночестве мне висеть не пришлось.

Вдруг непонятно откуда на близком расстоянии от меня появился седой старец в черном балахоне. В руке его была трость с набалдашником, похоже, из драгоценного камня. Я было уже обрадовался – первый мой контакт с сущностью другого мира как-никак, но старец, похоже, был совсем иного мнения на счет контакта со мной. Ничего так и не сказав, он поднял руку с тростью перед собой. Из каменного набалдашника вырвался белый, как солнце, луч и попал прямо в меня. Боли я не почувствовал, однако проклятый луч вдруг стал тянуть меня куда-то вниз. Спротивляться не было сил, и я стал падать, если это можно назвать падением – ведь оно происходило в никуда. Молчаливый старец с ледяным спокойствием тянул и тянул, похоже, он ненавидел меня так же, как та голова на ниточках. Откуда-то пришла мысль, что если я не сделаю хоть чего-нибудь, то погибну или останусь вечным заложником этого мира вдали от родного тела. Страх окутал холодным липким туманом и, повинаясь ему, я стал сопротивляться.

Когда-то, на заре моих энергетических практик, я учился создавать вокруг себя две воображаемые сферы, похожие на половинки яичной скорлупы. Одна половинка вращалась по часовой стрелке, другая против. Этим способом любой человек может экранировать себя от энергетических ударов или сканирования. Вот эти сферы я и попытался воссоздать. Затем в голове истерично зазвучала молитва. Кроме «Отче наш» я ничего не знал, но и этого было достаточно, ведь в молитве главное – настройка астрального тела на контакт. А что тебе для сего действия необходимо, дело твое.

Вскоре усилия мои принесли плоды, и меня выкинуло обратно в мой мир, на мягкий диван, к знакомым и приятным для души звукам и картинкам. Я сидел и минут десять просто тяжело дышал, пальцы рук подрагивали, а в голове бушевала круговерть и били колокола.

Такой тяжелый опыт отбил мне охоту к экспериментам на пару недель. Но человек – существо негибкое, тем паче любопытное, поэтому вскоре я стал готовиться к новой экспансии в тонкий мир.

Для начала мне необходимо было научиться сосредотачиваться на одной цели, и для этого начинать надо было с какого-нибудь предмета, например, хоть с коробка спичек. Соответствующие упражнения в книге были – мне следовало мгновенно сосредотачиваться на предмете и через несколько секунд о нем забывать. Все это, естественно, в полностью расслабленном состоянии при психическом дыхании. Посторонние мысли-шумы лезли в голову, да и забыть мгновенно то, о чем думал секунды назад, оказалось титанически трудно. Но желание и вера в себя делали свое дело.

«Творческая мыслительная работа человека возмущает вокруг себя пространство и извлекает из него в своё духовное сознание (которое тоже есть пространство) отдельную монаду. Духовное сознание личности и монада становятся единым целым, и эту цельность составляет космическая эволюционная информация».

Е. П. Блаватская

Через месяц, вооружившись вновь обретенным умением и, конечно, не забывая о защитных сферах, я повторил все заново. Правда теперь у меня была цель – контакт с положительной сущностью.

Сферы я создал вокруг себя сразу, как оказался в белом тумане. Но на этот раз я увидел не только цветные всплески. Вокруг двигались ярко окрашенные силуэты, в которых угадывались человеческие очертания. У них были разные оттенки, у некоторых даже отличные от большинства цвета. Однако мое твердое сосредоточение на цели не давало внимательно разглядеть этот бал форм и звуков, но буквально через десяток секунд я был за сие вознагражден.

Он появился ниоткуда, просто материализовался предо мной и сразу начал сверлить взглядом мое воплощение – то, что я со стороны собою представлял. Взгляд был мягкий, от него веяло добром и мудростью, но был он настолько пронзителен, что сразу захотелось спрятаться, уйти, удрать... Описать его, возможно, смог бы и не каждый, но мой практичный мозг, цепляясь за привычную реальность, сразу подрисовал сей сущности черты старца в белом балахоне и дальше так его я и воспринимал.

Я уже было свякся с ролью изучаемой под микроскопом амебы, как вдруг, отсканировав мою душу, старец исчез. Расстроившись, но, совсем не удивившись – я продолжил удовлетворять свое любопытство. Сосредоточившись на одном из силуэтов, я тут же получил удар из образов, мыслей и главное чувств. В этот момент я осязал всю его жизнь, как свою. Все это нахлынуло одновременно и об усваивании информации не могло быть и речи, сохранились только общие ощущения. Зато я понял, что сие был слепок души этого человека, соприкоснувшегося одновременно всеми гранями со мной. Войдя во вкус, я потянулся к соседнему силуэту, но тут же предо мной снова возник белый старец.

– Осваиваешься? Смотри не заиграйся. – голос, неожиданно возникший в моей голове, поверг меня в шок. – Ты рискуешь либо запутаться, где твоя жизнь, а где его, либо в худшем случае сойти с ума, если у одного господина когда-то были очень сильные эмоциональные переживания. Касаться надо аккуратно, а ты сего не умеешь.

– Позвольте спросить, а вы кто? – мой, если так можно назвать, голос сильно дрожал.

– Я здесь... живу... и не только здесь. А название ты сам уже придумал – сущность. Тебя, кстати, тоже можно аналогично назвать. Я знаю, ты хотел общаться. Общайся, спрашивай, не смущайся!

И я не растерялся:

– Там, где мы сейчас находимся это многомерный или, как еще мы называем, тонкий мир?

– Вот именно – как вы называете. Это для вас он «тонкий», а на самом деле это тот же мир, в котором живете вы, просто вы его не ощущаете. Спектр восприятия людей слишком узок, да вам больше и не надо, не заслужили пока. Вот сейчас ты расширил свое восприятие на несколько порядков, однако, это тоже «капля в море». Мир безграничен и его измерения переходят одно в другое. Чем шире спектр твоего видения и возможности воздействия на окружающее, тем больше ты понимаешь в строении и законах мироздания. Ну, а вы пока даже бесконечность вселенной и Черные дыры понять не можете, да в физику своего малюсенького мирка свято верите.

Меня уже трясло от возбуждения, вопросы кружили роем над головой:

– А вы видите весь мир целиком? И как же можно понять бесконечность вселенной?

– Нет, не весь. Нет предела совершенству. Я так же, как и ты, иду по ступеням наверх, просто я на данный момент стою выше. А бесконечность вселенной можно понять только когда измерения пространства и времени станут для тебя такими же простыми, как длина и ширина стола. Тогда ты поймешь, как видимая вами вселенная перетекает и является частью другого... – старец замолчал. Было похоже на то, что ему сложно подбирать для меня понятия и объяснения.

– Ладно, примерно понял, – не стал я его мучить. Но паузу смог выдержать лишь две секунды:

– А скажите, я ведь после смерти окажусь здесь, рядом с вами? Раз у меня получился переход в ваш мир, значит, я уже заслужил, и значит, это последняя жизнь в моем трехмерном? – я с затаенной надеждой глядел старцу в глаза. – Вы поймите, в моей жизни было столько боли и лишений... я уверен, что должен быть поощрен Богом на том свете... в смысле, в вашем мире...

Громогласный хохот перебил мой лепет. Старец жалил меня взглядом, в котором было то ли презрение, то ли негодование.

– Боли?! Лишений?! Ты считаешь, что в твоей вполне сытой и размеренной жизни было много боли?! Да ты даже не знаешь, что это такое!

Старец на минуту замолчал, похоже было, что он просто должен успокоиться. Продолжал он уже размеренным менторским тоном учителя:

– Ты, конечно, не в начале, но и последнюю трехмерную жизнь еще не прожил. Неужели сам сего не понимаешь? В последней лишений и боли будет во много раз больше, чем сейчас. Людей этой ступени очень мало, посему ты с ними и не сталкивался. А вот между первой и последней ступенью расстояние большое, как и людей, находящихся в середине пути.

Мне стало страшно, как от вида громадного количества неожиданно навалившейся работы. Но любопытство быстро победило страх:

– У меня в голове уйма вопросов. Но для начала разрешите называть вас Учителем?

Старец кивнул.

– Я вижу и даже знаю какие. Но раз ты назвал меня *Учителем*, давай-ка побеседуем попродуктивнее. У меня появилась на счет тебя кое-какая идея.

«Идею» Учителя я пропустил мимо ушей и жадно бросился с головой в дебри философии и софистики.

– Я давно пытался понять: ведь, насколько я помню, в разных религиях количество этих, как вы сказали, ступеней, разное, только там они называются жизнями и их реинкарнациями. Так сколько же их на самом деле?

Учитель:

– Это зависит от того, как быстро ты по ним двигаешься, иль, может, вообще стоишь на месте. Это, как в школе – ты можешь в каждом классе оставаться на второй год по неуспеваемости, а можешь сдать экстерном сразу два-три класса. Ну а ваша информация о том, что в одной религии десять реинкарнаций, в другой три... и так далее, она от разных сущностей, от «учителей», с которыми контактировали создатели сих религий. Они уже прошли все ступени, прошли их по-разному, кто за десять реинкарнаций, кто за три, а кто, может, за пять. Возможно, они об этом тоже сообщали этим медиумам, но те не правильно их поняли, ведь мы общаемся с вами не словами, но образами, а ваш мозг, насколько он способен, переводит образы уже в слова.

Я:

– Учитель, а я-то хоть вас правильно понимаю? – меня неожиданно накрыло волной печали. – Ведь люди становятся все более материалистичными, циничными, религии уходят... и что бы им объяснить, доказать такие необычные вещи, надо самому их понимать верно.

Учитель:

– Не переживай, понимаешь относительно правильно. А на счет материалистичности людей я вот что скажу: религии никуда не уйдут. Надеюсь, как человек, интересующийся мирозданием, ты заметил, что религии постепенно трансформируются в более правдоподобные, в параллели со знаниями данного этапа развития цивилизации. Вот, у вас была такая медиум Блаватская, ее учение соответствовало уровню девятнадцатого века и объясняло много больше, чем Святые писания. Однако и она слишком «буквально» поняла некоторые образы, переданные ей. Еще через несколько сотен лет возникнет другое учение, которое люди двадцатого века просто бы не поняли, настолько бы оно оказалось сложным для восприятия их мозгом. Появится «новая Библия, Тора, Коран», а может одно общее учение... но люди всегда будут стремиться понять тот мир, который им полностью не постичь, постепенно вытаскивая по толике из него знания и выкладывая их в книгах. Ну а остальное человечество, не отличающееся даром ясновидения, будет называть сии рукописи «святыми».

Я обреченно помолчал, но не долго. По милости психологического парадокса самооправдания, мое «я» понемногу начинало бунтовать. В голову полезли мысли – практически «столпы» нынешних познаний в этой области:

– Знаете, Учитель, ведь я славянин, стало быть, живу среди православных. Я с детства знаком с основными догмами. Как же тогда церкви, их служители и самое главное доказательство – проявления силы господней?

Мне ответили сразу и так мягко, как будто мать успокаивала свое нерадивое дитя:

– Ни церкви, ни их служители прямого отношения к Богу не имеют. А, вот сам Господь – дело другое. Ты, конечно, понимаешь, что Он не отдельная личность, а скорее сложный и непонятный для разума вселенский разум, природа, механизм, энергия и информация, контролирующий, уравновешивающий....

Даже не так. Если сказать простым языком, это, как закон физики, и веришь ты в него или нет, значения не имеет. Он есть, работает и все, поклоняться ему совсем не надо, да и приписывать разные небывлицы, как это делают многочисленные конфессии, тоже. Сие опять же ничего не изменит.

Да ты не переживай, я тебе кое-что покажу, попытаюсь научить, а взамен ты должен будешь это описать. И хотя истину никто никогда не узнает, а только рядом блуждать будет, да фрагменты из бесконечности выхватывать, тем не менее, постарайся написать хоть что-то, что сможешь.

Я:

– Но я не смогу так сразу перевести свои эмоции и ваши образы в мысли и слова. Я знаю – мой мозг, мое сознание трехмерно и поэтому большая часть знаний будет понята не правильно, опираясь на мое видение мира, либо вообще пройдет мимо.

Учитель:

– Так ты не сразу, а понемногу. Ты думай и чувствуй. А что не поймешь, за тебе поймут другие, кто поумнее. Ты просто им место в рукописи оставь.

Итак, перво-наперво *Толян...*

Вдруг, как-то сразу, сверху, на расстоянии нескольких метров, я увидел мужика, стоящего рядом с, видимо, своей машиной. Он был среднего роста, короткостриженный, с мощной мускулатурой, годами шлифовавшейся на тренажерах и боксерских грушах, в адидасовском спортивном костюме. Мужик стоял на тротуаре и, никому не мешая, эмоционально орал хрипловатым голосом в мобильный телефон, размахивая свободной рукой. А вот его BMW, стоявший там же на тротуаре, прохожим мешал сильно, они сверкали в его сторону глазами и что-то со злостью бормотали, однако никакого внимания на сей факт, спортсмен не обращал.

– ... Короче, приезжаю на стрелу – нашел б... недавно нового лоха, который производит загородом в подвале дома мыло и стиральный порошок. Ну, я его малёха поплющил ...твою мать... Наварился вчера реально, башка-то у меня хорошо работает. Теперь он мне, сука, с каждого навара треть будет отдавать, – *Толян* злобно засмеялся.

Но гомерическим смехом это вряд ли можно было назвать, скорее смех напоминал бляные бараны. При этом его узкий лоб смешно морщился, а маленькие порсячие глазки казались еще меньше. Однако, как бы этого не хотелось, потешным его лицо назвать было нельзя. Лишенные изящества грубые линии были так далеки от благообразия, а взгляд напоминал два

пистолетных дула – черные и пустые. Все это у любого интеллигентного человека вызывало отталкивающее чувство, граничащее со страхом, а хороший физиогномист увидел бы либо простенького агрессивного мужичка, годного разве что топором или кувалдой махать, либо бандита, кем он, в общем-то, и являлся.

– Короче, бабло сейчас есть и на пару месяцев мне его хватит. Отдыхать буду, расслабляться б... Ну а ты как, Пархом?

«На другой стороне трубки» Толяну отвечал мужчина с заднего сидения, мчавшегося на огромной скорости черного Гелендвагена. У него было скуластое лицо правильной формы и жесткий взгляд, одет он был в солидный дорогой костюм. Внешний вид мужчины и то, как он отвечал, вызывало некоторый диссонанс:

– Отлично. Слышь, Толян, бросай фигней заниматься, есть тема поважнее, твоя помощь нужна. Моей фирме мешает один чел, мать его. Он производственник, белый бизнес. Завод у него большой, клепают детали для станков, радиодетали... В общем, мне нужен контрольный пакет акций его конторы. Ты должен заставить тебе его продать. А я потом его завод разделю по цехам, каждый из них продам черным налом, бабло переведу через Серегин банк в оффшоры, а контору объявлю банкротом, ну а потом... в общем, это тебе уже знать не обязательно.

– А что такое оффшоры?

Пархом презрительно ухмыльнулся в трубку. Лицо его на секунду приобрело звериный оскал, только с какой-то детской простотой и непосредственностью, как будто Сатане, сидящем в нем, стало смешно и он высунулся посмотреть, кто же его так смешит. Но уже через секунду маска благопристойного, можно даже сказать интеллигентного человека, вновь крепко держалась на своем хозяине.

– А тебе не один хрен? Все равно ни черта не поймешь своей башкой. Я деньги на этом подниму реальные.

Посмотрев на Толяна, было видно, что тот совсем не обиделся. То ли он привык к хамству, то ли слова сии для него и хамством-то не были, а так, мягкой журбой.

– Слушай, Пархом, а ты ведь неделю назад какую-то сделку крупную провел. Тебе че, бабла мало? Давай лучше сейчас в баню с девками!

– Послушай, дружок, для меня зарабатывание денег – это спорт, риск, адреналин. Только в этом удовольствие. А сами деньги мне особо и не нужны. Ну а после окончания дела приедешь ко мне на дачу: водка, шашлык, девочки, все как обычно. Мне нравится с тобой общаться, а то надоели эти советы директоров, заграничные партнеры, феня эта профессиональная ... ни вздохнуть, ни плюнуть! А с тобой за стаканом водки я отдыхаю и душой и телом... А помнишь, как мы в прошлый раз девок заставили с нами пойти, ломануть соседа, он, вроде, писателишка или музыкантишка какой-то. А потом везли их голых на капоте моего Гелека, – глаза его стали по-детски озорными, после чего Пархом без стеснения именно заржал, как конь. Но уже через десяток секунд он уже спокойно бросил в трубку: – Ну ладно, сейчас не до этого, надо собраться. Все, бывай, до связи.

Толян удовлетворенно рыгнул и сказал не кому-то, а просто в пустоту:

– Ну все, короче, я на сегодня работу закончил, пойду отдохну с Люсиндой. Любит меня эта дура, – он с удовлетворением осклабился...

Сев, наконец, в машину, он вырулил с тротуара на дорогу и вдавил педаль газа. Машина взревела и рванула вперед к центру города.

А примерно через полчаса после этого черный Гелендваген заехал на тротуар и остановился перед парадной дверью банка. Пархом вышел, двумя пальцами выстрелил окурочку сигареты и быстрой целеустремленной походкой направился к двери. Сзади семенит охранник, но шеф не обращал на него никакого внимания. Сначала к двери стремилось его поджарое тело с чуть опущенной, как у быка на Родео головой, а за ним еле поспевали ноги.

– Вы к кому? – рванулась на встречу молоденькая девушка – ресепшен.

– К Сереге... точнее к Сергею Николаевичу. Передай ему, что Пархомов пришел, – не повернувшись и даже не замедляя шага, бросил он через плечо.

– Но подождите, он ведь еще не дал согласие. Или вам было назначено? – бежала за Пархомом девушка, пытаясь перегородить ему дорогу.

– Брысь, соплюха, пока я не рассердился, – Пархом грубо отстранил ее ладонью.

Лифт плавно взмыл вверх и почти сразу же остановился. На табло уже была цифра «3». Потом метров десять по коридору и вот он у двери с золотой надписью «Директор». Охранник-горилла услужливо открыл дверь.

– Здорово, Серега! – с порога крикнул Пархом.

Из-за шикарного стола красного дерева выскочил плюгавый мужичок с маленькими глазками, неприятно, но выразительно выражающими смесь хитрости и подлости, рыхлым лицом и носом - картошкой. Несмотря на толстое пузо, передвигался он довольно прытко и уже через пару секунд оказался рядом.

– А-а, здорово, Пархом! Сколько лет... Забываешь старых друзей. А раньше, когда общий бизнес был, помнишь? Не разлей вода. Ну, рассказывай, чего тебя сюда принесло?

– Дело к тебе есть на миллион, – усмехнулся Пархом.

– А не обманешь, как было тогда? – лицо Сереги приобрело заискивающее выражение, и одновременно с этим глаза загорелись жадностью.

– Не бойсь, не кину! Мне даже не столько ты нужен, сколько твой банк. Надо будет бабло перевести в оффшоры. Нужны твои связи.

Серега прищурился, а затем достал из тумбочки в столе бутылку дорогущего коньяка:

– Ну, хорошо, давай обсудим детали...

Человечество в лучшем случае представляет собою жалкое Панургово стадо овец, слепо идущее за водителем, попавшимся ему в данный момент. Человечество – во всяком случае большинство его – не хочет само думать. Оно рассматривает, как оскорбление самое смиренное приглашение шагнуть на мгновение за пределы старых избитых дорог и, судя самостоятельно, вступить на новую дорогу в новом направлении.

Е. П. Блаватская

Я:

– Ну, это уж совсем животное. Толян – похоже, корова или скорее бык, Пархом поумнее, хотя мне кажется, что он агрессивнее и злее – натуральный злобный волк. А Серега труслив и жаден, как шакал. Думаю, Серега слабоват и больших высот не может добиться, разве что на везение.

Учитель:

– Да, ты прав, Толян только начал свой путь, только вышел из круга животных... он был котом, вполне приличным, хоть и хулиганил, как и все нормальные коты, но хозяин его любил. Пархом и Серега же от него недалеко ушли, практически следующая ступень – связь между душой и телом уже чуть сильнее, есть основа интеллекта, однако тело еще полностью довлеет. Серега хитер, хоть и слабее Пархома, но материально хорошая жизнь полагается, поэтому ему, можно сказать по-твоему: «всегда везет».

Я:

– Однако Пархом довольно много добился именно интеллектом – вон какой бизнес раскрутил.

Учитель:

– Глупый. Во-первых, количество денег совсем не пропорционально высшей душевной организации, отсюда....

... А во-вторых... вот какая у тебя планка, к чему ты стремишься? Наверное, хочешь многое познать, после этого многое обдумать и вывести что-то свое. Все науки – это для тебя предмет уважения, ученые и люди творчества – предмет подражания. Ты хочешь добиться вершин и в карьере, и в творчестве, и в познаниях, а главное, совершенствуешь свою душу и мировоззрение. А у Пархома все мною сейчас сказанное сводится к одному, он хочет добиться вершины только в накоплении материальных средств. Да у него даже фантазии их потратить нет. Естественно, раз вся его сущность, весь интеллект направлен только на это. А раз он больше никуда не разбрасывается, то материальная сторона у него получается лучше, чем у тебя. Количество денег – это единственный интерес, пик его стремлений и смысл всей жизни. А для ступеней более высоких такая жизненная цель настолько примитивна, что они ей уделяют лишь маленькую толику своего времени, расплываясь на все остальное. А значит и не так часто добиваются высоких результатов. К тому же....

Я:

– Получается, если человек богатый, то он априори стоит на начальных ступенях развития?

Учитель:

– Ну, в общем и целом и чаще всего, да. Но только если ему все это далось с легкостью или везением. Естественно, бывает уйма исключений – вот, опять же, если он к повышению своего достатка прикладывает очень большие усилия. Заработавших очень много денег только своим умом, талантом и колоссальным трудолюбием не так много в общей массе, однако, они, естественно, есть. Правда, такие люди, как правило, теряют в чем-то другом, например, в личной жизни.

Я:

– Как-то это максималистично выглядит. Бедный – хорошо, богатый – плохо.

Учитель:

– Нет, все не так, это было бы слишком просто. Ты не с той стороны начал, – учитель усмехнулся. – Тенденция здесь такая: главная задача системы – это генерировать серьезные испытания, несчастья, препятствия, уравновешивать их. И дело не в богатстве, а именно в них. Просто бедному легче встретить на пути тяжелые испытания и пройти их с достоинством, хотя и на богатого бывает «проруха», например, пожертвовать все свои деньги для кого-то. Ну а сама регуляция сих испытаний ведется по основным критериям – таким «китам». Грубо говоря, из материальных критериев это: богатство, карьера, известность, здоровье, внешность... Из духовных: доброта, ум, везенье в любви, в дружбе, кому-то в творчестве... Но это уже другая история, сейчас поясню

Я:

– Я понял. Скажите, а кто же такая эта Люсинда? Неужели у идиота Толяна есть женщина, которая его любит?

Учитель:

– Что ж, нет ничего проще. Смотри.

Тут же у меня, будто бы в голове, запиликал телефон. Я завертелся, но быстро понял, что эти четыре визгливые ноты раздаются из мобильника Толяна.

– Зайчик, заедь за мной, я в салоне «У Глаши», у моего стилиста. Уже два часа торчу. Мне твоя помощь нужна, тут проблемы, – капризным тоном сообщил женский голос на другой стороне трубки.

BMW Толяна остановился возле большого дома девятнадцатого века постройки в стиле барокко. Правда, дома эти уже давно не воспринимались, как памятник, ведь от первого до последнего этажа они были забиты офисами, салонами, ресторанами. Вот и здесь над тяжелой дубовой парадной дверью висело неоновое табло, гласившее «У Глаши». Толян вышел из машины, бросил бычок у входа и вразалочку зашел внутрь. Перед его взором предстал шикарный интерьер, сверкающий зеркалами и металлом. В середине зала висела бронзовая антикварная люстра, на которой сияло множество ламп в подсвечниках. По периметру стояли кожаные кресла, поверх которых торчали, в основном, прелестные девичьи головы.

– Люська! – гаркнул Толян.

А вот и Люсинда. Девушка, сидевшая перед маникюршей, резко обернулась всем телом на крик Толяна, показав себя сразу во всей красе, и общая картина сразу стала намного понятнее. Косточки на лице как будто были искусственно обтянуты белой нежной кожей без признака морщин. И вся эта искусно сделанная конструкция сводилась к своей высшей точке – огромным, как два валика накачанным губам, оставляя маленьким чуть заметным ушкам с малюсенькими мочками совсем немного кожи. И без того

большущие глаза были покрашены так, что увеличивали визуальный эффект чуть ли не в двое. А еще сей эффект отлично подчеркивали пустота и кошачья наивность. В принципе ее черты были действительно совершенны, если забыть о полном отсутствии глубины, хотя и совершенство это было чрезмерное, гипертрофированное. Однако все это можно было бы назвать красотой, если б не схожесть с неживой маской, а точнее даже с куклой – обычная такая кукла Барби из магазина игрушек. Но как раз именно она по теории и практике и должна была с легкостью получить от этой жизни все материальное и возможно даже любовь... материальное уж точно. В общем и целом гламур по определению должен гламуриться и он с этим еще как справлялся по шикарным ресторанам, клубам, в шикарных тряпках, после чего ехал в шикарной машине отдыхать от этой тяжелой жизни в шикарных квартирах.

– Да, мой слоник, я здесь! – у голоса Люсинды отсутствовала глубина, и он почему-то напомнил мне озвучку персонажа какого-нибудь мультфильма или комикса.

Толян вразвалочку подошел к креслу.

– Ну давай, трепись, че там у тебя случилось?

И Люська прямо при всем честном народе, не стесняясь и маникюрши, начала свою тираду:

– Ты же знаешь, у меня братан есть младший, классный чувак, только погулять очень любит. Короче, напился вчера в крутом клубе, сел на свою тойоту и поехал по центру гонять. Ну, он у меня храбрый, скорость любит, разогнался по сто пятьдесят и сбил там какую-то дуру с ребенком – она по пешеходному переходу шла... как будто в другом месте не могла перейти... да еще и сам в другую машину врезался. Ну, брату, слава богу, ничего, ушибы только, а этих двоих и тех, кто был в машине, насмерть. Короче, ему теперь дело шьют. Ты не можешь как-нибудь отмазать?

– Да, я его помню, мы как-то ночью наперегонки по проспекту гоняли, он на своей тойоте, я на бэхе. Ладно, сейчас Пархома наберу, он поможет – мы вроде как дело с ним замутили, я сейчас для него компаньон. Со свидетелями, если чо, сам разберусь, – Толян громко заржал. – Ну, ты давай, выходи на улицу, я пойду в тачке посижу...

Я:

– Вот уж, в самом деле, нашли друг друга, и друг друга стоят.

Учитель:

– Такие, как Толян, не остаются без внимания представительниц женского пола, но, естественно, только таких, как Люсинда. Она в его глупости и агрессии видит искомую мужественность и лихость. Аналогично могу сказать и про нее. Эти люди редко страдают – им не положено, не выдержат, поэтому все жизненные необходимости и блага даются к их распоряжению сразу.

Я:

– Учитель, последний вопрос. Здесь все понятно, все расставлено по полочкам. Но вот услышав последний разговор... Почему такая несправедливость, почему всегда получается, что эти пустые разгульные

отбросы остаются живы – максимум синяки и царапины, а люди достойные, чистые душой и сердцем, да и для общества в сто крат важнее, погибают? Прямо наваждение какое-то.

Учитель:

– Ты разве не видишь? Это инструмент «Дьявола», если проще выразиться, хоть дьявол – это и собирательное понятие. Есть законы, по-вашему, похожие на законы физики, только в сто крат сложнее, и вы им подчиняетесь. Ваши мысли и действия и есть результат исполнения сих законов. Дата рождения, воспитание, круг общения, интересов, якобы случайные происшествия, подводящие вас в течение жизни к тому, что сейчас имеете... это все результат их работы. Эти, как ты выразился, «отбросы» – печальная необходимость, ведь кто-то должен творить зло и держать систему в равновесии. Зло должно быть доступнее, оно должно поощряться, вот их и держит система «наплаву», помогает им. Только одни творят зло помалу, раздумывая, вытягивая жилы и отрывая по кусочку, другие сразу и фатально, как Толян, Пархом и Серега.

Однако первые персонажи, по-моему, еще отвратительнее – они стоят выше интеллектом, поэтому уже подвергаются испытаниям. Но испытания эти не выдерживают и становятся хуже и опаснее Толяна, иначе говоря, тем же «орудием Дьявола». Ты готов их увидеть?

Я:

– Пошли дальше, я готов.

– Да, да, войдите! – заместитель директора крупного предприятия с ожиданием посмотрел на дверь. У него было минут двадцать свободного времени, поэтому он был готов к абсолютно любому посетителю, коих было немало и каждый со своим делом. Кстати сказать, Валентин Михайлович уважал людей даже стоящих на самых низких ступенях служебной иерархии, умел работать и вообще слыл идеальным руководителем. И все потому, что он сам начинал с низов. Ну а на днях он должен был принять довольно серьезное решение – надо было выбрать нового начальника одного из подшефных ему отделов, ведь старый начальник ушел на пенсию.

А буквально за пять минут до этого Полина легела по коридору дирекции в предвкушении побед и даже чего-то сказочного – она много чего ждала от разговора. Только что Полина обнадеежила свою лучшую подругу Тамару Рябицу:

– Томочка, если у меня не получится, я незамедлительно предложу ему тебя. Ласточка моя, у тебя есть все задатки начальника: кошачья цепкость, обаяние, а главное, человек ты прекрасный! У меня-то шансов не много, но другое дело ты. Я еще поборюсь, ты этого достойна.

И вот Полина открыла дверь и проскользнула внутрь. Разговор продолжался все эти двадцать минут. По их истечению несколько понурая Полина вышла и направилась прямо в отдел.

– Как я и предполагала, меня не взяли, – с порога объявила она подруге. –

Все, теперь очередь твоя. Завтра в это же время он хочет тебя видеть. Я сделала все, что могла, как и обещала.

На следующий день Тамара шла по тому же коридору, правда менее уверенным шагом, чем вчера подруга. Долго она стояла перед массивной дверью к человеку, могущему устроить любую судьбу. Наконец постучала и сразу вошла.

Валентин Михайлович не без удовольствия наблюдал за тем, как Тамара Рябица упражняется в изящном словообразовании, не забывая при этом демонстрировать в разных ракурсах и красоту внешнюю. Ну, любил он симпатичных молодых девушек, что ж с этим поделать. Любил безответно, горячо. Они вызывали в нем чувства скорее покровительственные – красавице всегда хочется сделать что-то приятное, такова природа любого сильного и могущественного мужчины. К тому же ее благодарность, как правило, выливалась в преданность, а что может быть важнее для начальника.

– Возьмите меня на должность, не пожалеете. Я справлюсь.

Валентин Михайлович колебался:

– Ну не подходите вы, мягкая симпатичная леди, какой из вас начальник.

– Во мне живет зверь, – убеждала она.

Наконец кокетливые улыбки и красивые ножки сделали свое дело:

– Ладно, да и подруга ваша вчера так хлопотала, может так действительно лучше будет.

Из кабинета Тамара не выбежала, а выпорхнула. Ноги принесли в отдел, хота голова при этом была где-то далеко.

– Господи, девочки, меня назначили начальником отдела! Я так вас всех люблю! – Она бросалась обнимать каждого, ее радостью уже горели лица сослуживцев. – А давайте завтра устроим небольшой банкет, чисто для нас с вами, я угощаю.

На следующий день прямо с утра Тамара Рябица вбежала в отдел с большущими пакетами. Из одних приятно пахло, из других призывно торчали горлышки продукции алкомаркета. Лицо ее светилось. Хотя рабочий день только начался, сегодня он проходил особенно весело, а в руках и на экранах компьютеров все горело и спорилось.

– А давайте понемногу начнем, ну так, для настроения, – предложила Тамара.

Зачин был всецело поддержан и к концу рабочего дня души у всех пели и блестели глаза. Все ее поздравляли, все любили за живость, свет и чувство юмора.

Не удивительно, что уже через час Рябица села, уставшая, за свой старый рабочий стол, расслабилась и погрузилась в воспоминания. Вокруг танцевали и выкрикивали тосты такие привычные глазу люди, а она уже была не здесь, не с ними. Сознание то рисовало картинки одна другой краше, как она будет себя держать, когда станет начальницей, то вдруг включало память. А вспомнить было о чем: вот она лет десять назад, еще без опыта совсем,

пытается устроиться на работу по специальности. И то ли годы были такие поганые, девяностые, то ли ей просто напросто не везло, только обманывали ее, куда б она не сунулась.

– Вот вам аванс. Видите, какой большой, как мы и обещали, – увещевали топ менеджеры с пустыми слащавыми лицами через пару недель после начала ее трудовой деятельности.

– А где же зарплата? – через месяц, полная надежд в светлое будущее, спрашивала у них Рябица.

– Вы поймите, наше предприятие строящееся. Сейчас мы расширяемся, набираем новых людей. У вас есть уникальный шанс быстро взлететь по карьерной лестнице вверх. Как вы думаете, кого мы поставим над этими людьми? Ну, конечно, старых проверенных сотрудников, вроде вас. Вы ведь хотите этого? – менеджеры проникновенно смотрели в глаза Тамаре. – Но и нас тогда поймите, при таком расширении денег на все не хватает. Ну, подождите еще месяц другой, получите сразу за все!

Рябица верила и работала еще месяц, два, три, пока не понимала, что зарплата ей не будет никогда, и аванс был единственной выплатой, он же и выходным пособием.

Потом была вторая работа, третья. Обман варьировался, но сути не менял. Ей повезло только через два года, когда в очереди в магазин она встретила бывшую институтскую подругу.

– Боже мой, Полиночка, ты ли это? Это же сколько лет прошло!

– Тamarочка, а я про тебя постоянно вспоминала! – визжала от восторга Полина. – Так мы и с нашими в том году встречались, а как тебя найти, никто не знает... Ой, что ж это я? – глаза Полины округлились от восторга. – У моего мужа сегодня день Рождения! Безоговорочно ко мне! Там гости будут, и кое-кто с нашей группы тоже. Вот радость-то...

Рябица помнила тот вечер, как вчерашний день. Он был знаковый. Феерическая радость от встречи, обильные возлияния, танцы, внимание мужчин – все это так вскружило голову, что Тамара не заметила, как плавно наступила ночь. Гости, в том числе и заново найденная подруга Полина, были вдрызг пьяны и спали кто где, благо, габариты квартиры позволяли. А за Тамарой уже битый час настойчиво ухаживал тот самый Полинин муж. Наговорив ей уйму комплиментов, он втянул за руку в маленькую гостевую комнату. Она жеманно хихикала и чуть сопротивлялась.

Наутро Тамара проснулась первая.

– Что же я наделала?! Вставай! – трясла она лежащего рядом мужчину.

Тот спокойно сквозь сон ответил:

– Тебе что, не понравилось? Ты главное Полине ничего не скажи. Одевайся, выходи из комнаты, как будто спала в другом месте. Никто ничего не заподозрит, все вовалку спят кто где.

За завтраком Полина влюбленными глазами смотрела на подругу. И та почувствовала, что утренний стыд куда-то постепенно уходит, будто его проглатывает тьма.

– Томочка, а муж мне сказал, что может тебя устроить к себе на работу. Не в его отдел, конечно, но в другом как раз появилось свободное место. Ты как, согласна? Ты чего молчишь?

Внутри Рябицы в это время происходила борьба. Откуда-то появившиеся остатки стыда кричали слабыми голосами, что нельзя такой ценой, что она вообще не имеет право теперь даже общаться с подругой. Но сладостное чувство иль от проведенной ночи иль от, наконец, свалившейся с неба работы, нашептывали совсем другое. «Судьба благоволит мне, – незамедлительно решила Тамара. – Это знак. Значит, я все правильно сделала сегодня ночью, значит надо всегда брать то, что принадлежит тебе. Видимо, я достойна большего...» Да, борьба таки была короткой.

Рябица стряхнула воспоминание, как какое-то наваждение. Взгляд ее вновь вернулся к веселящимся сослуживцам. Смотря на танцующую Полину, с восторгом смотрящую на нее, Тамара вновь почувствовала укол, но не от воспоминаний той далекой ночи. Она с неохотой вспомнила, как неделю назад встретила Валентина Михайловича в коридоре дирекции. Тот приветливо улыбнулся и спросил про то, как дела в отделе, да как ее лучшая подруга. И вдруг, вместо ожидаемого «все хорошо», из ее уст, словно повинуясь какой-то силе, вырвалось следующее:

– Все в ажуре, Валентин Михайлович. Вот только Поинка что-то чудит или в облаках витает. Так, ерунда, с документацией напортила, теперь все надо переделывать... но мы успеем до инспекции, не беспокойтесь. Говорит, что вы к ней очень хорошо относитесь и простите любое ее прегрешение. Ой, – как будто опомнилась она, – что же это я болтаю? Вы теперь ей, наверное... Но вы, ведь, и правда простите Полине такую мелочь? Пожалуйста. И не говорите ей, это сильно расстроит – чувствительная она очень.

– Не волнуйся, прощу, – Валентин Михайлович как-то натянуто криво улыбнулся и поспешил дальше.

И теперь, на этом веселом сабантуе и будучи практически одной ногой в больших начальниках, уже изрядно ослабевшая совесть снова попыталась клонуть в душу. «Да нет, все правильно, – тут же пришла спасительная мысль. – Я ведь лучше подхожу в начальники отдела... да, даже сама Полина так считает. А ее шанс был слишком велик... слишком».

Учитель:

– Вот она и пропала. Смотри, рядом дьявол удовлетворенно потирает руки, разве ты не видишь?

Я быстро обернулся по сторонам:

– Нет.

Учитель рассмеялся:

– Да это же метафора, символ. Хотя, не лишена... Просто она ближе к тем сущностям, что у нас поддерживают баланс черного.

Я:

– А можно посмотреть, что было дальше?

Учитель:

– Конечно. И посмотреть и даже подвести под оное философскую базу.

Психотипы начальников бывают разные, с ними можно ознакомиться в соответствующих психологических изданиях. Там вы прочтете и про начальника «американца» и «рубаху парня»... Не самые плохие типажи. Но не дай бог работать с «самодуром». Их, слава богу, не так много, но даже в самом солидном учреждении мимо вас каждый день проходят не только рафинированные интеллигенты, но и такие комичные персонажи. Хотя, что я говорю. Комичными, судя по рассказам, они виделись работниками сего учреждения со стороны – хорошо, когда вы не имеете к ним касательства. Но не дай вам Бог столкнуться с ними в работе, или, самое ужасное – быть их подчиненным. Как вы уже поняли, наша Рябица как раз-таки и стала этим «самодуром», причем, буквально через пару лет. Так как же о ней теперь не рассказать? Быть может, в этом ярком образе вы узнаете и своего начальника.

«Людям нельзя доверять, вы просто не знаете жизни! Единственный метод уговоров и просьб – это давление, шантаж рублем, а лучше страх», – часто поучала Рябица приближенных.

«С такими убогими мыслями и в начальники», – молча сокрушались подчиненные.

Давайте для начала внимательнее рассмотрим Тамару, как довольно весомого, хитрого и умного персонажа. Подойдите как-нибудь, застаньте ее во время отдыха, а не работы, и вы услышите, как надо авторитетно влезать в чужие разговоры:

«Нет, вы не правильно говорите... Нет, это надо по-другому делать... Вот вы меня послушайте, я в этом лучше разбираюсь...» – Ну, на столько много становится человека, что за ним и других не видно и не слышно.

Затем обычно идут сплетни о том, какие плохие и глупые неумехи – подчиненные. И хотя в большей степени методично клевался кто-то один из подчиненных, но объект поклевки часто менялся. «Заклеванные», как правило, после недолгой героической обороны, увольнялись. Увольнялись кто как. Одни, поняв все в первые недели, уходили сразу, другие, более терпеливые, умудрялись продержаться год – два. Ну и, конечно же, по авторитетному мнению самодура, работают подчиненные всегда плохо. Самые умные из них перестали переживать из-за каждого обвинения в своем «ужасном» исполнении обязанностей, когда поняли, что бразды тоталитарного контроля никогда не будут выпущены из рук Рябицы, а любой хороший специалист в итоге будет воспринят, как соперник, могущий отобрать у нее теплое место.

Собственному же начальству Тамаре всегда удавалось все представлять в том виде, каком она хочет. А жалующихся на судьбу подчиненных она всегда опережала своим «убедительным» мнением, чтобы у начальства и сомнений даже не оставалось в ее кристалльности.

С людьми, подчиненными или просто с теми, кто, например, ей когда-то помог, она обращалась довольно бесцеремонно, впрочем, так поступают многие люди с низкой душевной организацией. Пока они ей были нужны, она к ним с улыбочкой и добрым словом, даже прощая им ссоры и разногласия с

собой. Но как только необходимость в этом человеке отпадала, Рябица запросто могла его отбросить, как отработанный материал. Конечно не сразу, но как будто только этого и ждала. Любая ссора с этим человеком являлась в ее глазах логичной причиной от него избавиться, даже если совсем недавно она на этого человека буквально «молилась».

Ей никто не перечил – себе дороже, а слушал молча или поддакивал. Но ведь мир и должен состоять не только из всего положительного, а для этого нужны рычаги и орудия, творящие зло. Она, сама того не ведая, и была таким инструментом.

Имея хорошие навыки по своей должности, она во всех остальных вопросах была на уровне юнца. Если взять за основу мудрость: «сначала человек говорит – я, потом – я и Моцарт, и высшая степень мудрости – сказать Моцарт», то она стояла на первой ступени и даже не понимала, что существуют еще две.

Многих здравомыслящих очень удивляла способность Рябицы не замечать того, что происходит вокруг и как к ней относятся. Что подчиненные ее боятся и ненавидят, а остальные рядом находящиеся просто не любят, но терпят, ей и в голову не приходило. Казалось, что она живет в придуманном мире, созданном ей же самой, и считает, что люди вокруг тоже живут по этим законам. То есть, сделав человеку очень больно, она степени своего негативного воздействия совершенно не понимала, думая, что наказала его не сильно, проявив милосердие и к тому же за дело. У человека верующего создалось бы впечатление, что в ней сидит демон. Когда он спит, она добрый хороший человек, каким, возможно, глубоко внутри и является, но как только демон просыпается, она становится совершенно другой, притягивающей к себе те ситуации, при которых подчиненные волей неволей оказываются виноватыми. И спал этот демон, к сожалению, мало.

Иногда со стороны могло показаться, что она делает что-то и хорошее для людей, для своих подчиненных. Но если присмотреться повнимательнее, то сразу становилось видно, что эти дела направлены только в сторону собственной выгоды. Никто не верил в ее добрую волю и желание сделать человеку бескорыстное благое дело.

Теперь внешность. Может странно, а может и закономерно, Тамара с момента своего вступления в должность, очень быстро стала изменяться. Тело и лицо ее стали жирными, лоснящимися, глаза заплыли и сделались «на выкате», оттого они стали похожи на два ствола, излучающих злобу. Выражение лица смахивало на хищный оскал, взгляд перестал светиться, все сияние, похоже, ушло в жирное брюхо и в спасательный круг по бокам. В общем, тело пришло в гармонию с душой, как оно и должно быть.

А в последние полгода Рябица начала и вовсе, мягко говоря, чудить. Она всеми правдами и неправдами увольняла всех старых заслуженных работников – порядочных, добрых и работающих. А взамен им приводила каких-то своих старых знакомых – беспрекословных рабов, которым хоть на руках ходить приказы, они так и будут делать. В инженерных и прочих делах отдела они разбирались из рук вон плохо – поэтому не высказывали своих мыслей, если они разнятся с мнением начальства.

В итоге, весь отдел разделился на два лагеря – один из старых работников, другой из новых негодяев, каковые демонстративно, чувствуя за собой силу, даже не общались с первыми. Вся эта картина и была производная от начальника «самодура», жаль только, страдала работа.

Несмотря на все это, Тамара была несчастным человеком. Практически без друзей, без любви окружающих, и именно от этого скрытая замкнутость и озлобленность к людям – как же тут излечишь свою душу. Единственное, что ей помогало, так это внешняя напускная открытость, благообразие и доброта к коллегам, не относящимся к ее подчиненным – никто и никогда не смог бы понять, что таится под маской, пока судьба не столкнет вас с ней лбами.

К своей уже единственной оставшейся подруге Полине она стала относиться, как к своему нерадивому дитя, с полной уверенностью превосходства в интеллекте. И вот, как-то Полину прорвало. Началось все с невыполнения одного глупейшего приказа, а разговор получился примерно такой:

– Поля, ты не достаточно серьезно относишься к работе, правила не соблюдаешь, споришь, а ведь сейчас я командую тобой, а не ты мной. И если ты еще не заметила, то я достаточно авторитетный человек, – со спесью в голосе вещала Рябица.

– Томочка, а с чего ты решила, что тебя все уважают? Поверь, это уже давно не так, просто ты ничего не видишь. Тебя знают только как человека, с которым лучше не связываться. Ты извини, конечно, но я в первую очередь личность, а потом уже работник. И если правила или отношения идут в разрез с понятиями доброты и человечности, я буду не соглашаться и спорить всегда, когда несправедливость, в моем понятии, по силе будет перекрывать собственную врожденную застенчивость и терпимость, – отвечала храбрая Поля.

– А не много ли ты на себя берешь? И вообще, как ты смеешь мне такое говорить, соблюдай субординацию! – повысила Рябица голос почти до крика. – Я на тебя начальству пожалуюсь, многого можешь лишиться!

– Жалуйся, подруга. Хотя, очень больно от тебя такое услышать, – печально молвила Полина. – Только не забывай, это тебе есть чего терять – должность, зарплата. Чем выше стоишь, тем больше падать. А человеку, стоящему почти на самой низкой ступени в нашем учреждении, падать ниже некуда, урезать почти нечего, и так все по минимуму. Да и не очень-то я и боюсь, не те жизненные приоритеты. Сказать правду, особенно человека этого заслуживающему, часто приятнее, чем получить денежную премию. Хотя, конечно, не хотелось, что бы меня уволили, особенно, если не понимаешь за что. Я привыкаю к месту.

– Сейчас объясню. Ты почему не исполнила мое распоряжение?

– Если я буду делать так, как ты хочешь, моя работа усложнится в два раза. А учитывая то, что в последнее время у меня нет ни единой свободной минуты, я просто не буду успевать делать необходимые вещи. Но если ты поясишь мне причину твоего желания изменить привычный и оптимальный ход работы, то я, возможно, и соглашусь.

Ответ Рябицы был для Полины шоком, от него пахло казармой и армейской дурью:

– Я ничего объяснять не буду! Я просто так хочу, и все!! И ты будешь это выполнять!! – дико заорала Тамара.

– Тогда, извини, но я не буду выполнять твое указание. Ты же меня потом и отругаешь за невыполнение работы в срок. Да у меня и так ни минуты свободной нет, головы не поднять, – обстановка накалялась и Полина уже начинала раздражаться.

– А что ты целый день делаешь? Я этого не вижу. А если, действительно, не успеваешь, я так считаю, значит, не умеешь распределять рабочее время.

«Конечно, не видишь, ты, ведь, ко мне и не заходишь», – уже со злостью думала Поля, но вслух сказала другое:

– Что за ерунда, спроси тех, кто видит, как я работаю. Ведь работа не сама делается, значит, я все-таки прикладываю к этому руку, да и ты видишь результат – нормальную работу отдела, – она уже повысила голос до пока разумных пределов.

– Значит, я сказала, ты будешь делать так!!! – привстав со стула, проорала Рябица.

– Не кричи на меня, не на стройке!! – в унисон крикнула Полина. – Я не буду выполнять заведомо глупые указания!!

– Тогда ищи себе место, ты уволена!

А в последний день работы на очередном банкете Полина превозмогла себя и подошла к Тамаре. Морщась от отвращения, но в память о былых чувствах, она заставила себя заговорить:

– Я все понимаю: откаты, большие деньги, рестораны, отели, хорошее питание и развлечения... Но ведь у тебя стала душа дьявола, как ты сама этого не замечаешь? – сказала она в пол.

– Что, что?! – Рябица вскинула голову.

– Да ничего, сама потом поймешь, – похоже, Поля уже пожалела, что подошла.

– Думай с кем говоришь! – жестко рявкнула Рябица. – Кто ты и кто я, – Тамара горделиво задрала нос. – Да, не зря я тебя уволила.

Полина понуро, не оглядываясь покидала родные пенаты, которым отдала больше половины жизни. «Вышвырнула, как ненужный элемент, – вязкое облако мыслей окутывало ее голову. – Я не понимаю, она ведь была совсем другой. Так не бывает. Как может за три - четыре года ласточка превратиться в сытую кобру?»

Я:

– Мне этот персонаж напоминает некоторых начальников из моей жизни. Вообще, странно, почему такой умный и опытный человек, как Валентин Михайлович, выбрал ее? Неужели он не увидел, не почувствовал?

Учитель:

– Он и не мог сделать по-другому. Он есть идеальное орудие системы, так

как имеет власть. Обычному человеку сложно изменить много судеб. Одну – да, но много вряд ли. А начальник, чем выше, тем больше влияния. Наконец, убеждение, что он делает все правильно, у него появилось, как он думает, благодаря собственным умозаключениям. А на самом деле им руководила система. Она не внушала, нет. Просто его уверенность и мысли появились именно из нее, это есть ее часть, ее продукт.

Я:

– Я понял. Ну а Рябица? Вот же, ей дали счастье, материальное благополучие, причем она с ними не родилась и даже немного боролась за них. Получается, она заслужила?

Учитель:

– Нет, быстрое незаслуженное ни душой, ни делами счастье дает только дьявол.

После этих слов в моем воображении запестрело, замелькало видение, чья-то жизнь. Оно прошло за пару мгновений, оставив свой вкус, за который я тут же ухватился. И справедливый, по моему мнению, вопрос явился на свет вкупе с воспоминанием о собственных начальниках и трудовых буднях:

– А это тогда что? Где здесь дьявольщина?..

Утро Григория не было похоже ни на утро рядового труженика, ни на просто утро в привычном нашем понимании. Оно всегда начиналось с одного и того же, а именно... вообще не начиналось. День Григория был невообразимо смещен, да так, что утро начиналось в разгар дня, а раскачивался он уже под вечер. И когда весь остальной мир устало брел с работы, отстраняясь от дел общественных и настраиваясь на дела личные, наш герой, не спеша, только туда шел. И если бы Григорий стоял на социальной лестнице на нижних ступеньках, он давно бы уже искал себе новую работу, и с таким подходом к жизни делал бы это не раз и не два. Однако по странному пожеланию судьбы Григорию первую половину жизни все сходило с рук, а во вторую половину он был награжден сей судьбой еще и приличной должностью. Кстати, об этих странностях как раз и надо хорошенько подумать.

Но сегодня он таки должен был прийти на работу – как ни как в конце дня совещание у директора. Эта мысль удручала Григория, очень сильно напрягала... но даже она не придавала ему сил быстро собраться. «А зачем? – эта мысль давно уже много свила в его голове удобное гнездо. – До совещания еще пол дня, а что-то делать на работе я все равно не буду... Почему? Да просто не охота. Само все образуется, утрамбуется, время все сгладит». Григорий перевернулся на другой бок. «К тому же... А тогда зачем мне подчиненные? Вот пусть они и разруливают». Мысль сладко и нежно окутала голову и вновь погрузила в сон.

Маленький тихий островок с комфортным домиком в середине снился Григорию. Дом тот был оснащен по последнему слову техники.

Фантастические машины обслуживали, кормили, поили и воплощали любые, даже бредовые идеи хозяина. Люди в этом технологическом раю были не нужны, да и вообще ни нужды, ни желания общения Григорий никогда не испытывал. А на втором этаже в маленьком уютном кабинетике, на мягком кожаном кресле сидел он сам за шикарным компьютером и наслаждался всемирной паутиной и одиночеством. Он только что зашел на интересный дизайнерский сайт и...

Какая-то сила выкинула его вверх. В комнате было темно. На стене висели кварцевые часы и показывали цифру три часовой стрелкой. Зимняя пора не дает четких различий во времени суток, тем более в нашем городе дождей и отсутствия солнца. Поэтому первые пару минут мысли Григория медленно и тягуче пытались сфокусироваться на том, что сейчас ночь или день. Он недовольно поморщился, опустил ноги на пол и начал медленно нащупывать тапки.

Между этим действием и выходом из дома Григорию предстояло еще немало сложнейших дел, требующих невероятных затрат сил и напряжения воли. А именно: умыться, одеться, съесть йогурт с чаем, затем отдохнуть от сего труда – подремать. И когда до совещания останется времени уже впритык, натянуть ботинки, куртку, и, наконец, морально приготовившись, заставить себя вылезти из своей берлоги.

Некоторые коллеги, как-то раз отпросившиеся с работы пораньше и оказией попавшие в район обитания Григория, рассказывали, что видели его, но не смогли сразу узнать. Сгорбившийся, с безвольно опущенными, как будто обвисшими плечами, еле-еле передвигающийся заплетаящиеся ноги, чуть пошатывающийся старик никак не был похож на привычного, иногда даже грозного начальника.

И вот, наконец, к концу рабочего дня наш герой подошел к месту работы. За время этой длинной дороги он полностью проснулся и оказался на пороге уже полон сил и энергии вершить дела... правда, возникал вопрос «с кем» – люди-то уже наработались с девяти утра... но сей факт мало трогал ум и совесть начальника. Еще десять минут и он в кабинете директора.

Он зашел как раз, когда директор начал свою речь. Тот холодно глянул на Григория, видно, что хотел было сделать замечание, но какая-то теплая волна, светлая сила остановила и успокоила директора. Он чуть удивился, запнулся, но уже через секунду собрался с мыслями и продолжил:

– ... Итак, у нас на повестке дня получилось четыре командировки. Три из них – это прикидка для составления чертежей и расчетов на три наших проекта в этом году. Ну а четвертая – ознакомительная, так сказать, обмен любезностями. Там проект еще не утвержден, но нужно посмотреть их предложение и, конечно, хотя бы ориентировочно понять масштаб и направление расчетов. Кстати, эти командировки как раз для вашего отдела, Григорий, – директор развернулся лицом и выразительно посмотрел тому в глаза. – Мне командировку на вас оформлять? Самые серьезные и ответственные проекты вы, наверное, на себя возьмете?

Григорий замялся и потупил взор:

– Наверное, я три технических поручу своему заместителю, Борису, я уверен, там ничего сложного. К тому же он у меня ведет эти дела. А я, – Григорий пожевал губами, – в данный момент не совсем в этой теме. Хотя, конечно, во всем отлично разбираюсь, – закончил он поспешно. – А сам возьму на себя, несомненно, очень сложную ознакомительную часть, там нужно иметь дальновидность, присущую мне, и творческий подход. К тому же мне тема именно того проекта нужнее и интереснее. – Григорий облегченно выдохнул и, сторбившись, сел, сжав, как девочка коленки и косолапя внутрь носочками ботинок. Его вид красноречиво говорил: «Соглашусь на все, лишь бы меня больше не трогали».

Директор удивленно исподлобья посмотрел на него, как будто сам не понял, как это Григорий выкрутился, однако возражать не стал – опять по непонятной причине подчиненный раздражения не вызвал, хотя все было понятно невооруженным глазом.

– Хорошо. Делайте, как знаете, главное, чтобы работа была выполнена качественно и в срок. Так, с этим все ясно, пошли дальше, – сказал он, уже повернувшись к остальным. Больше на Григория он даже не смотрел.

Ну а сам Григорий, успокоившись, просидел до конца совещания и весело, как зайчик, поскакал в отдел. По дороге он радостно обдумывал, как будет сейчас командовать подчиненными, и усиленно вспоминал, что вообще надо бы сегодня сделать. Однако его веселье, как и все планы, были разбиты всего лишь одним мелким обстоятельством – временем.

– Здравствуйте, – зайдя в отдел, пробубнил Григорий в бороду, криво улыбаясь. – Сейчас я десять минут отдохну, и начнем работать. У нас много дел.

В ответ над отделом повисло недоумение:

– Да, но до конца рабочего дня осталось двадцать минут, да и мы сегодня уже наработались, мы, ведь, с раннего утра здесь.

– Как двадцать минут? – Григорий удивленно посмотрел на часы. – А, да, действительно. Тогда мы с вами отложим до завтра. А я пока сам тут кое-что поделаю.

– Ну, конечно, завтра и приступим, – прятали ехидные улыбки подчиненные. Они-то знали, что следующий день мало будет отличаться от нынешнего.

Даже быстрый шаг, которым Григорий вышел из отдела, выглядел довольно уныло. Однако он все же добрал до места, где его ждали с самого утра.

– Здравствуйте, – тихим виноватым голосом и совсем не веря в себя, пролепетал он. – Я пришел. Может, решим наше дело?

Но тамошний начальник тоже сильного воодушевления не испытал:

– Да вы что, Григорий, вы на время смотрели? Без десяти шесть, уже все закрыто. Приходите завтра, только пораньше. Я вообще удивляюсь, зачем вы так много и допоздна работаете, – добавил он, посмотрев удивленно, даже с жалостью.

– Ну, вот такой я трудоспособный. Я, вообще, люблю работать в поздние часы – никто не мешает, можно сосредоточиться, – важно ответил Григорий и пошаркал дальше.

Несмотря на все это, запоздалое деловое настроение не отпускало Григория. Из этого отдела он тут же рванул в другой, но его честный рабочий пыл был предательски остановлен закрытой дверью. Настроение ухудшалось, в голову лезли разные мысли о несправедливом устройстве мира, конкретно его учреждения и о том, как ему приходится тяжело с этим всем бороться.

Так Григорий минут тридцать бродил по зданию, огорченно смотря на закрытые двери отделов и давая себе слово, что завтра уж он непременно придет раньше, надо только собраться силами. И тут в конце коридора он узрел уже одетого, видимо уходящего домой, начальника отдела кадров.

«На ловца и зверь бежит», – неожиданно ударило в голову радостное решение проблемы.

– Петр Витальевич, подождите минуту, пожалуйста. У меня к вам есть один небольшой вопрос. Скажите, а можно мне как-то заставить все отделы нашего учреждения работать часов до девяти вечера, ну, а приходиться можно, соответственно, к обеду?

Взгляд Григория был чист и наивен и от этого факта Петр Витальевич потерял дар речи. Когда же дар вернулся, в мыслях начальника отдела кадров мелькнула мысль: «А может я чего-то не знаю?» И он поспешил спросить:

– А зачем вам это, Григорий? Что за причина?

Григорий захлопал глазами и пролепетал тихим умирающим голосом:

– Просто мне так удобнее. Тяжело рано вставать и приходиться на работу, – вздохнул он.

Петр Витальевич открыл рот, но сумбур мыслей не дал сформировать четкий и негодующий ответ. Так он и завис на несколько секунд. Однако должность начальника наделяла способностью к саморегенерации, поэтому ответ прозвучал жестко:

– А о людях вы подумали или только о себе? Идите, Григорий, и больше таких глупых вопросов мне никогда не задавайте.

На следующий день Григорию вдруг вспомнил одно дело, которое было благополучно забыто еще пару месяцев назад. А сейчас воспоминание обожгло его ужасом, ведь срок сдачи проекта подходил уже через четыре дня, а в том месте, где должен быть проект, еще «конь не валялся». Григорий глянул на часы. Маленькая стрелка показывала на цифру девять, и как ему показалось, с укоризной. За окном было темно – зима продолжалась. Григорий взял в руки телефон и набрал зама:

– Э-э, здравствуйте, Борис, – пробубнил он в трубку. – А вы сейчас где?

– Дома, – был ему лаконичный ответ.

Григорий удивился. Тут же удивление переросло в недовольство: «Кто это кроме меня смеет в начале рабочего дня находиться не на служебном месте?»

– А почему вы дома, а не на работе?

– Потому что сейчас девять вечера, и я готовлюсь ко сну, – во вздохе Бориса тоже появились нотки раздражения, правда, вполне справедливые.

Григорий стушевался:

– Ох, извините ради бога, Борис. Я очень плохо себя чувствую, приболел, вот и перепутал. По этому поводу как раз и звоню. Для начала поздравляю, мы с вами скоро едем в командировку в Голландию. А во-вторых, я тут три месяца назад взял один графический проект с сопроматовскими расчетами, но, как видите, из-за болезни закончить не могу. Поэтому, вы уж закончите сами, через четыре дня его надо сдать.

– Хорошо. Тогда такой вопрос, на чем вы остановились? Вы мне дадите материалы, что бы я не с нуля делал?

– Э-э, – Григорий замялся, – ну, я пока только обдумывал концепцию и ничего еще не делал. Да там легко, – голос начальника на глазах приобретал уверенность. – Я бы и сам, но вы видите, здоровье подвело. Вы извините, мне сейчас надо процедуру кое-какую сделать, а задание я вам сейчас вышлю на электронную почту, – поспешно закончил Григорий и повесил трубку.

А на другой стороне города сидел только что приготовившийся спать Борис. Сна уже не было ни в одном глазу, да и сроки сдачи еще не начатого проекта заставляли забыть о сне на ближайшие четверо суток. Он включил компьютер и обреченно ждал письма. Однако вместо этого снова раздался звонок, и знакомый голос забубнил в трубке:

– Еще раз здравствуйте. Не удивляйтесь, это опять Григорий.

Борис вздохнул:

– Да, я почему-то даже не удивлен. Что еще?

– Я на счет проекта. Делайте демонстрационную часть в «Индилайне», а не в «Фотошопе».

– Так, ведь, в «Индилайне» нельзя править картинки. Это блочная программа, туда можно вставлять уже готовое, – Борис начинал злиться. – А если мне понадобится картинка на месте подправить? Они ж идут вперемешку с текстом, накладываясь на него.

Однако упрямство дилетантов вещь незыблемая:

– Ну, тогда вы не дизайнер, – услышал он процеженный сквозь зубы ответ. – Все опытные дизайнеры работают только в этой программе, я читал в Интернете.

Заму стало смешно про Интернет и, похоже, сие услышал начальник.

– Знаете, давайте-ка я эту часть сделаю сам, – пробормотал он обиженно. – А вы займитесь расчетами и чертежами.

Через четыре дня заместитель заходил в кабинет своего начальника с готовым проектом. Выглядел Борис не то, что бы очень плохо, но уж слишком устало, даже цвет лица изменился, однако глаза горели победным огнем.

– Ну, показывайте, что сделали.

Григорий вставил флешку и принялся с кривой ухмылкой рассматривать проект. Ухмылка была понятна любому, кто его знает – проект-то сделал не он. А мысль о том, что ему, начальнику, сделать такое за четыре дня не представляется возможным, обгладывала самолюбие до костей.

– Я бы сделал лучше, – резюмировал он в конце.

– Зам было раскрыл рот съехидничать: «да «бы» мешает», но, подумав о последствиях, закрыл его.

– Хорошо, теперь посмотрите, какую я демонстрационную часть сделал. Вот это работа, – самодовольно промурчал Григорий.

Надеясь увидеть витиевато оформленный текст на фоне живописного рисунка, Борис открыл файл... но чуда не произошло. В нем, как и подсказывал многолетний опыт работы с Григорием, были просто белые буквы на черном фоне, естественно, без картинок, еще и с переносами через строчку. Вот, в общем-то, и весь дизайн. Борис хмыкнул, проглотил все слова, что висели на кончике языка и... проект был отправлен в дирекцию.

Буквально на следующий день Григорий был вызван «на ковер». Когда он из дома и, как всегда, с опозданием вошел в кабинет, комиссия ожидала его в полном составе. Свет был выключен и на белой стене луч проектора высвечивал приятные сердцу Григория белые буквы на черном фоне. Директор был мрачен.

– Потрудитесь объяснить, почему самое «лицо» проекта – его демонстрационная часть сделана так примитивно, даже вычурно?! К расчетам и чертежам у меня претензий нет, но графика, это что-то. Вы не могли придумать поизящнее что-нибудь?

Григорий побелел, его синапсы, отвыкшие от быстрой работы, вдруг завертели, закрутились, спасая филиейную часть своего хозяина.

– Так это не я делал. Я, ведь, в данный момент болею, вот справка, а работу я поручил своему заместителю. Обязательно сделаю ему выговор, не беспокойтесь. Кстати, это не в первый раз, я вам уже докладывал... да и кое-кому из комиссии тоже.

Директор смягчился:

– Да-да, помню ваши жалобы. Ладно, принимая во внимание тот факт, что вы, как мне рассказывали, задерживаетесь допоздна на работе, еще и большой пришли, то проект, в принципе, сойдет. Ведь, расчеты и чертежи сделаны правильно, а это главное.

Вдоволь посмеявшись, как над анекдотом, мне захотелось поерничать:

– Ну, прямо человек-недоразумение, иначе не назовешь. Можно сравнить еще с пародией на начальника. Хотя, согласен – подставить другого под удар, это уже совсем не смешно.

Учитель:

– К сожалению, так проявляется вселенское равновесие. Кто честнее в работе и ищет правду, тот постоянно под ударом, а кто хитер и весь во лжи, тому всегда хорошо. Это синоним морали – не делай добра, не получишь зла... видимо ваши предки давно подметили данную закономерность. Однако в данном случае слабость Григория требует его защиты в «пути, или, если говорить языком теологии – очень сильного ангела-хранителя. Но так или иначе – ему все сходит с рук. При всем при этом, – огорчу еще раз – ваше понимание сих процессов слишком просто, посему поясню, что на самом деле процесс здесь куда более сложный.

Прошел месяц. История забылась, мирно улеглась на пыльные полки воспоминаний в ожидании новых таких же нелепых соседей. И долго ждать не пришлось – подошло время ехать в командировку.

В каждой стране свои устои, порядки, принципы. Их понимать не надо, их рекомендуется выполнять – со своим уставом в чужой монастырь... как говорится. Это я к чему – принято в Голландии при встрече предлагать чай или кофе. Отказаться нельзя, ты можешь попросить хотя бы воду. Это как в Америке спросить: «Как у тебя дела?» и не ответить: «Спасибо, хорошо». Так же обстоит дело и с опозданиями. Так вот, наш Григорий, будучи несколько раз предупрежден об этом, во-первых, на час опоздал к официальному приему, а во-вторых, на жест уважения и приличия умудрился ответить: «Я не пью ничего». Причем сказано это было капризным тоном, даже с каким-то нажимом. Голландцы были оскорблены. Больше на ведение деловых бесед Григория не приглашали, общались только с Борисом, а ознакомительные бумаги по предполагаемому проекту ему передали через посыльного. В итоге, надобность в посещении официальных мест и, соответственно, в выходе на улицу у Григория отпала. Каждый вечер Борис, как истинный турист, исполнял свой долг по ознакомлению с достопримечательностями. Честно заходя в номер начальника, он предлагал пойти с ним, и каждый раз получал один и тот же ответ: «Нет, я, пожалуй, в номере посижу». Желание «спрятаться от всего мира в берлоге» не покинуло его даже здесь.

Всего один раз Борису понадобилась помощь Григория, как представителя российского учреждения и начальника:

– Извините, Григорий, что беспокою, но мне нужна официальная бумага через консульство об аккредитации нашей организации. Только вы можете ее затребовать. Это проблема не большая, но ее желательно решить срочно, – разбудил как-то утром безмятежно спящего Григория звонок на гостиничный телефон.

– Хорошо, Борис, я сейчас все решу, – его голос был совершенно спокоен, и это вселило надежду.

Борис ждал весь день. А вечером перезвонил сам.

– Ну, как, Григорий, вы можете меня порадовать?

– Да, я решил проблему. Официальной бумаги от консульства не будет. Решите этот вопрос как-нибудь по-другому... ну я не знаю как...

«Вот тебе и решение вопроса, – Борису было даже смешно, ибо он другого решения, в общем-то, и не ждал. – Как всегда придется делать все самому»...

Наконец все расчеты по проектам были Борисом сформированы, время командировки подошло к концу, и у начальника с замом остался последний день – вечером они улетали домой. А в предшествующий вечер Григорий подошел к Борису и робко пролепетал:

– А вы за мной завтра в номер зайдете, что бы вместе в аэропорт ехать?

«Ну, уж нет, – подумал Борис, – здесь я вашей нянькой не буду».

– Нет. Я буду до последнего по городу ходить – музеи, магазины. А оттуда сразу в аэропорт. Впрочем, если хотите, можете со мной, я часов в восемь утра выйду из гостиницы, чтобы везде успеть, – злобно усмехнулся он.

– Ой, рано, – расстроено ответил Григорий. – Тогда я буду вас ждать на регистрации. И, раз вы все равно в магазины будете заходить, не могли бы вы мне купить хорошие джинсы? Признаю, вы в них лучше меня разбираетесь.

«Ну, никак не отвязаться». – Джинсы, Григорий, надо мерить, могу вам дать адрес хорошего магазина, съездите сами.

– Нет, извините, не надо адреса, тогда черт с ними, с джинсами, – сразу пошел на попятную начальник. – Ну, хотя бы на регистрации вы меня подождете?

– Идите лучше сразу в самолет. Я буду торопиться, и искать вас у меня времени не будет. А сейчас извините, я пойду спать, – бросил Борис и быстрым шагом направился к себе в номер.

Последний день прошел очень плодотворно, все магазинные заказы семьи были выполнены и вот Борис уже в аэропорту, идет к автобусу. Повернув голову к огромным стеклам здания аэропорта, он видит начальника. Тот, как маленький ребенок сидит на скамье и кротко ждет, когда его заберут. Зам покачал головой и пошел на посадку. Вот уже полчаса до взлета, начальника нет. «А, ведь, он так и будет сидеть, наш малыш». Борис берет телефон и звонит:

– Григорий, вы собираетесь лететь?

– А я вас жду, – был дан ответ с детской непосредственностью. – Вы где сейчас?

Борис вздохнул:

– Я давно в самолете. Я же вам говорил, вы помните? А до окончания посадки осталось десять минут, вы в курсе?

– Но я все же думал, что вы зайдете за мной в зал ожидания. Ладно, бегу.

На этот раз Григорий успел... ему опять повезло.

После поездки дирекция сообщила, что ознакомительный проект Григория так же утвержден, и после проведения расчетов его можно отдавать в производство. Все бы хорошо, да словосочетание «проведение расчетов» вызвало у нашего «начальника» отторжение и даже страх. Одно дело – пальцем в воздухе водить, другое – быстро что-то решать и считать. На зама сейчас тоже не перекинешь, у него официально свои три проекта. Конечно же, он как обычно выбрал «пальцевую методичку» проведения расчетов.

Договорным отделом была найдена производственная фирма, которая согласилась на сию работу, и у Григория на столе уже лежал телефон их начальника производства. Первую волну недоумения он вызвал уже при телефонном звонке, договариваясь о встрече. Это выглядело примерно так:

– Как вы на счет встречи завтра? – вежливо вопрошал производственник.

– Ну, я завтра, скорее всего, приду... хотя может и не приду, приболел... но все-таки возможно приду, вы ждите.

Весь следующий день начальник производства ждал в офисе, никуда не отлучался, он мучительно гадал, придет заказчик или нет, и под конец рабочего дня был вознагражден появлением Григория. Но неожиданно все стало еще запутаннее:

– Я хочу, что бы вы сделали как-то вот так, что бы оно выглядело как-нибудь вот так, – жестикулируя руками, бубнил Григорий.

Представитель фирмы – бородатый мужик с серьезным лицом, смотрел на все это удивленными глазами.

– Извините, мне нужны конкретные формы, размеры, радиусы, допуски, посадки, качества.

Он даже открыл рот от удивления, когда Григорий сказал:

– Ну, как-то, что бы со стороны оно вот так казалось, – пытался нарисовать в воздухе картинку всего этого, как рисовало его воспаленное воображение. Похоже, он видел такого заказчика первый раз в жизни. Наконец ему надоело словоблудие:

– Знаете что, когда определитесь, как именно «так» вам надо, и, не рисуя в воздухе замки, а конкретными чертежами и цифрами, тогда меня и зовите.

Он повернулся и ушел, качая головой.

Не сложно догадаться, что никакой конкретики Григорий изобразить не смог. Поэтому на следующий день наш горе-начальник уже звонил своему подчиненному, и с уже ставшей стандартной отговоркой «я себя плохо чувствую», вешал на него и этот проект. А зам вытягивал и проект, и заодно на удивление чистую репутацию начальника, работая по двенадцать часов без выходных...

Оная круговерть повторялась из года в год...

Я:

– Как это понимать? Он это делает из глупости или из вредности?

Учитель:

– Из глупости. Он как маленький обиженный ребенок, который хочет показать свое «Я», но сделать это не умеет, кроме как свершить что-то поперек взрослому. Глупый ребенок.

Раздраженно я пробормотал, похоже, сам себе:

– Вот, ходит такой человек-недоразумение, коптит воздух. И кто же ему помогает? Наверное, ангел-хранитель?

Учитель услышал:

– Если на вашем, материальном языке, то ему просто всегда везет. Любые стечения обстоятельств, как правило, в его пользу, они его и несут всегда на гребне волны. Его заслуги абсолютно никакой. Главная задача Григория – убедить всех, и в первую очередь себя, в том, что он приносит пользу и хоть кому-то нужен.

Это была одна из средних ступеней – почти безобидный, но пустой, бессмысленный человек. На самом деле, в такой тихой пустой жизни тоже есть место проверке, к тому же Григорий некоторыми своими поступками воздействует на жизнь тех, с кем судьба поставила рядом, внося этим свои коррективы в равновесие системы мироздания.

Однако есть и посильнее персонажи. Что-то они даже заслужили, хотя большинство благ им даны по определению, которое воспринимается окружающими тоже, как везение. А теперь гляди – вечер, красивая девушка... – Учитель загадочно улыбнулся.

Часов в шесть вечера к зданию, на котором большими буквами было написано «школа олимпийского резерва», подъехала машина. Из нее вышла молодая девушка. Кокетливо изогнувшись, она заглянула в опущенное стекло водительского места:

– Спасибо, что подвез, малыш. Кстати, встречать с тренировки меня не надо, это сделает другой, так что на большее пока и не рассчитывай. – девушка легко поцеловала водителя в щечку, рассмеялась и направилась к входу изящной пружинистой походкой.

То, что она профессиональная спортсменка, говорила не цель ее движения и даже не объемная спортивная сумка через плечо. Ее внешность была намного красноречивее сих факторов. Гибкое, в то же время мускулистое тело, ножки и прочие прелести с явными признаками изнурительных занятий на тренажерах, откровенно притягивали, как магнитом, взгляды мужской части встречаемых прохожих. А облегчающая одежда помогала им любоваться игрой мышц и женственной грацией при ходьбе. Ну а тем, кто хотел насладиться сим зрелищем в полной мере и поднял свой взор выше пояса юной леди, предстояло укрепиться в своем убеждении о ее спортивном совершенстве. Это подтверждали красивые, но крупные и твердые черты лица. Черты эти, непонятно почему, создавали ощущение обветренности, а каждая из них была будто комком воли. Однако если бы их лицезрел физиогномист, он почувствовал бы наряду с жесткой спортивной наружностью какую-то примитивную глубинную слабость. Занятия спортом хоть и наложили печать твердости и упорства, но жизненной душевной силы и глубины они, естественно, не давали.

Так вот, девушка уже подошла к зданию, с легкостью взмыла по ступенькам и скрылась за дверью.

– Физкультпривет! – озорно бросила она в раздевалке девочкам. – Помните, что сегодня сальто на бревне, да вертушки шлифуем?

– Да, тренер, отработаем в лучшем виде. Кстати, у нас новенькая, только из молодежки, познакомьтесь.

По всей длине коридора из шкафчиков стояли, сидели на скамье все до боли знакомые барышни, сверкая полуобнаженными спортивными формами. Они смеялись, гадали, подпрыгивали от переизбытка энергии, и этим заполняли все обзорное пространство раздевалки. И только в конце можно было разглядеть скромно сидящую девушку.

– Ты откуда подруга и как зовут? – приветливо, но с вызовом бросила наша героиня.

– Я Катя. В пятой спортивной школе занималась. А вас как?

– Варварой зови. Подходи, не тушуйся, ты же теперь наша.

Варвара обняла Катю.

– Да не бойся, не все, что о нас говорят, правда. Никого не калечим, нагрузки не запредельные. Вот, если выделишься и решишь пойти выше, тогда другое дело – там уже держись, – Варвара рассмеялась.

Катя скромно улыбнулась и, потупив взор, спросила:

– Скажите, тренер... как бы это сказать... я слышала, что у вас допинг принимают на подготовительных тренировках и перед серьезными соревнованиями? Я боюсь, это же вредно, здоровье можно потерять.

Девочки захихикали.

– Катюша, у тебя несколько неверные сведения о допинге. Во-первых, он сейчас, по сравнению с советскими временами, стал более-менее безвредный, если принимать не часто, курсами и в разумных количествах. А во-вторых, открою тебе одну большущую тайну, которую знает весь профессиональный спортивный мир. Допинг принимают все профессионалы на планете. То есть, абсолютно все! Человеческое тело уже давно подошло к пределу своих возможностей. И чтобы показывать все новые результаты, выше предыдущих, хочешь, не хочешь, а подстегивать себя чем-то приходится. Иначе мы давно встали бы на месте. А как же зрители? Им хочется видеть покорение все новых вершин. Я, конечно, не обо всех видах спорта говорю, допинг принимают только там, где нагрузки запредельные. Так вот, современный спорт – это соревнование фармацевтических компаний – кто придумает средство быстрее и эффективнее других. Они синтезируют новые подстегивающие препараты, затем, через какое-то время допинговые комиссии по негласной договоренности со спортивными комитетами эти препараты объявляют запрещенными, но к тому времени фармацевты снова изобретают что-то новое. И так по кругу. Вся эта фарма может действовать абсолютно по-разному, но смысл остается тот же.

Катерина слушала, открыв рот.

– Господи, а почему же об этом не рассказать всем людям?

Взрыв звонкого женского смеха долго переливался в маленькой раздевалке, многократно отражаясь от стен.

– А ты представляешь, как бы на это отреагировал весь мир, который не в теме? – от души посмеявшись, отвечала тренер. – Ведь у большинства людей пропал бы интерес к соревнованиям и вообще к спорту. А это колоссальные деньги, это целая многомиллиардная отрасль экономики. Да, вообще, был бы такой скандал. Поэтому лучше все держать в тайне от обывателей – наших дорогих зрителей. Пусть пребывают в счастливом неведении пока возможно.

– Ну да ладно, нас это пока не касается, мы здесь в соревнованиях такого уровня не участвуем. Так что, можешь не волноваться за здоровье. Переодевайся и проходи в зал, посмотрим, что ты можешь...

Тренировка прошла в обычном режиме. После этого ее подвез на крутой машине неизвестный нам мужчина, и вот Варвара уже спешит домой – на плече спортивная сумка, в руке пакет с продуктами из ближайшего

супермаркета. Я вижу ее квартиру – обычная такая однушка, не то, что бы маленькая, но и просторной назвать сложно. В комнате стандартная советская стенка, вроде как производство Румынии, на кухне посовременнее. Варвара входит, идет напрямик на кухню, не снимая верхней одежды, разгружает в холодильник увесистый пакет. За ней следом уже бегут старшая, за ней младшая дочери:

– Мама, мама, принесла что-нибудь вкусенького?

– А меня Ленка ударила, – хнычет следом младшая.

– Тихо! Вкусенькое только послезавтра, подождите. Сегодня денег мало, от моих ухажеров финансового толку никакого, а, вот, послезавтра должны зарплату дать, – вздыхает Варвара и, раздевшись, садится с газетой за телефон.

Первый же звонок – удачно:

– Здравствуйте, я по объявлению. Вам нужен топменеджер и делопроизводитель? Да, у меня есть опыт, правда, неофициально работала, без трудовой, – лжет она. – Умею. Знаю. Да, работаю и сейчас, но только вечером – я спортивный тренер. Просто денег не хватает, у меня двое детей. Спасибо, завтра с утра могу прийти.

Варвара кладет трубку и кричит детям:

– Ура! Веселимся! Мама на работу устроилась, теперь будут денежки.

На следующий день Варя все в том же спортивном обтягивающем наряде – другого в гардеробе просто не нашлось – заходит в небольшой, но чистый офис. Довольно не старый исполнительный директор жадным взглядом окидывает ее фигуру, сразу подписывает с ней договор найма и показывает рабочее место, рядом со своим кабинетом. Первый день проходит достаточно интересно – Варя обзванивает нескольких клиентов, болтает с ними минут по двадцать, чего-чего, а это она любит. Домой приходит радостная, щебеча и возбужденно горя глазами, рассказывает старшей, как у мамы все отлично получается на новой работе:

– Мама у вас не только красивая, но и умная. Пусть все знают!

И тут же, не останавливаясь на достигнутом, звонок подруге:

– Привет, Таня! Представляешь, теперь с ампула красавицы-глупышки покончено! У меня высокоинтеллектуальная работа, клиенты, серьезные задания, с которыми я высококлассно справляюсь. Ну ладно, потом подробнее расскажу, некогда сейчас.

На следующий день начальник просит проанализировать слабые места их рынка, свести данные в таблицу и послать заказ в производство, дабы они эти места заполнили готовой продукцией. Сие на час вводит Варвару в ступор. Она не понимает, как это делать и даже, что делать вообще. Начальник ругается, кричит, но обтягивающее трико на Вариных филейных частях тела гасит его справедливый гнев через минуту. Он сверкает похотливым взором, оближает сухие губы и уходит поручать невыполненную работу рядовому менеджеру.

Следующие несколько дней проходят в том же ритме, что и первый. Варвара чувствует, что ей нравится общаться с клиентами... на разные темы... в том числе и на рабочие. Директор смотрит на это молча. В конце недели он, все же воодушевившись Вариной любовью к общению, поручает ей подготовить и сдать отчет в Роспотребнадзор. Звонок оттуда раздается уже через два дня:

– ... Скажите, вы кому поручили отчет? Сами-то видели его оформление? Мало того, что он похож на детский лепет, так еще ваша сотрудница не смогла ответить ни на один вопрос по существу. Наш инспектор был в шоке, говорит: давно такого не видел.

Директор тут же вызывает Варвару и начинает кричать с порога, что из-за нее у фирмы будут неприятности, что у нее, по-видимому, совсем нет мозгов, что в детском саду у детей интеллект примерно такой же... ну и так далее. Внешность Вари и слезы на глазах уже не действуют и через несколько минут такой тирады, директор, иссякнув, резюмирует ей, что она уволена. В слезах выходит Варвара из его кабинета:

– Это директор из-за моей красоты так со мной, – дрожащим голосом бросает она удивленным сотрудникам. – Потому что я не отвечала на его знаки внимания. Все мужики меня хотят, а я не такая, – заканчивает Варя и навсегда уходит.

Больше попыток устроится на серьезную работу она не предпринимает, смиряется с небольшой зарплатой тренера и сосредотачивается на детях. Вместе с тем, именно они ставят ее выше и наполняют смыслом существование.

Однако не проходит и месяца, как она опять обращает свой взор на объявления, только не о работе, а о знакомствах. Рассуждает девушка очень просто – раз нужны деньги для содержания семьи, а честным трудом их взять не получается, значит, нужен мужчина, который будет оное оплачивать, ну и, конечно, получать за это вознаграждение в виде Вариной ласки. Только не такой, как все ловеласы ее окружения, а хороший, мечтающий о семейном счастье. Сказано – сделано. Регистрация на сайте дело не хитрое, и вот ей уже пишет симпатичный молодой мужчина. Уже через десяток сообщений Варя узнает, что несчастный находится на грани развода, жена его совсем не понимает и не ценит, а держит его от такого шага лишь малолетний сынишка. Но теперь, встретив такую совершенную, красивую и умную девушку, как Варвара, он, естественно, будет форсировать сей процесс.

– Я никогда не встречал таких чистых и прелестных девушек, как ты, – вещал парень. – Мне кажется, мы знакомы уже очень давно и так же давно я тебя люблю.

На этих фразах у Вари перехватывало дыхание. Она внимала и чувствовала, что он и есть ее судьба. На следующий день молодой человек выслал ей стихотворение о любви, выбивающее слезу и сразу предложил встретиться. Варвара тут же согласилась.

Он приехал на приличной машине и отвез ее в ресторан, осыпая по дороге комплиментами и рассказами о плохой жене.

– Давай поедем на природу, подышим свежим воздухом, будем шутить и смотреть друг другу в глаза, – предложил кавалер после застолья.

– Как это романтично, дорогой, – вторила ему Варя. – С тобой куда угодно.

Съехав по проселочной дороге в лес, машина остановилась. Прошептав слащавым голосом еще пару комплиментов, парень откинул спинку переднего сиденья и полез целоваться. Варвара, понимая, что все серьезные отношения так и начинаются, была совсем не против любых ласк...

Так прошел месяц. Влюбленные встречались в машине – теперь ненадолго, так как глубоко страдающему семьянину нужно было возвращаться к ребенку. Они любили друг друга, после чего он подвозил ее к дому. Иногда у него даже находилось время сводить свою девушку в ресторан. Варя периодически напоминала, что пора бы объясниться с женой и начать нормальные отношения с ней, но ее избранник был человеком тонким и боялся причинить жене боль.

– Подожди еще немного, скоро я с ней поговорю. Нам же и так хорошо, не правда ли? – заверял он. – Я люблю тебя и это самое главное. Ты девушка моей мечты, мы скоро будем вместе.

Понимание, что отношения идут как-то не так, пришло чуть позже. Ухажер пользовался одними и теми же оправданиями и дарил одни и те же комплименты, не утруждая себя придумать хоть что-то новое. В конце концов, Варя решила на небольшую ложь в качестве проверки. Как-то днем она позвонила своему молодому человеку:

– ... Тут такое дело, я работу потеряла, и какое-то время не смогу ни детей кормить, ни за квартиру платить. У меня предложение – может переедешь ко мне? Вдвоем легче будет, а потом и я снова на работу устроюсь. Ну, или хотя бы дай мне некоторую сумму. Ты ведь практически мой муж, а между мужем и женой не может быть финансовых вопросов и недопонимания.

Сначала в трубке была слышна только напряженная тишина, потом робко прорезался извиняющимся тоном Варварин «муж»:

– Да понимаешь, денег сейчас нет. Я как раз только что все потратил на сына. Может позже смогу, не знаю. А по поводу переезда, мы же говорили, пока не время, я развестись не могу, но уже очень скоро будем вместе. Ты главное не обижайся, я и как прежде тебя люблю! – закончил он уже уверенно стандартной фразой.

– А я, вот, тебя уже нет. И не звони мне больше никогда, ты ничем не отличаешься от остальных мужиков, – тихо ответила Варя и повесила трубку, а номер тут же был внесен в черный список.

Буквально через пару дней она увидела, что ее «бывший» оказывается и не думает расстраиваться. Его анкета снова появилась в активном поиске, а на страничке красовались новые женские комплименты.

Я:

– Но почему ей семьянинов не попадается, а сплошные «самцы-охотники»?

Учитель:

– А что ты сам про нее думаешь?

Я:

– Она сама выбрала такой имидж, получается замкнутый круг – она думает, что все мужчины охотники и выработала против них жизненную защиту, а порядочные мужчины, в свою очередь, видя недоступную женщину, как у нас называется «стерву», не имеют никакого желания связывать с ней судьбу. Она привлекает только таких же, как она, то есть охотников. Странно только, почему Варваре не дали хоть немного глубины? Она же вполне достойна, ее сущность чиста.

– Как правило, если женщина привлечь не может глубиной или интеллектом, ей дают либо пронзительную красоту, либо эффектную фигуру, либо сексуальность. Исключения в виде полного набора сих качеств редки. Чаще природа «бьет» на что-то одно. То, что ты сейчас увидел – вполне заурядный этап, так же средние ступени. Ввиду этого, о глубине и интеллекте и речи не идет. Судьбой Варе дается простой окружающий мир. Она должна попробовать уйти из «стерв» и стать семьянинкой, а еще не требовать от жизни «золотых гор», ибо сие сложится априори. Тогда на этом круге задача будет выполнена.

Тренировка сегодня была не сильно тяжелой и Варя сразу же позвонила лучшей подруге Татьяне – давно хотелось. Татьяна была девушкой умной, и Варю к ней тянуло, как магнитом. Да и жилетка у подруги была широкой, а Варя ярким экстравертом – в себе ничего не держалось. «Не так быстро сказка сказывается, как быстро дело делается» и вот, верная подруга уже через час звонила в дверь с бутылочкой Вана Таллин.

– Счастливая ты, Танька, – пускала слезу Варвара.

– Это с чего вдруг? – Татьяна удивленно смотрела на подругу.

– Умная ты и все-то у тебя в жизни получается, наверное, всем мужикам нравишься, как жить знаешь, да как деньги зарабатывать, – хныкала Варя.

Татьяна обнимала подругу и по-матерински гладила по голове.

– Глупенькая. Не получает всех радостей жизни тот, у кого ума палата. Умный – он сильный, а значит сам себе дорогу пробивать должен. Слушай, а чего тебе не хватает? Мужикам, каким-никаким, но нравишься, дети есть, платят в спорте тоже прилично.

– Платят в спорте не много, я не олимпийская чемпионка и не сборную России тренирую. Да я вообще не об этом. Была тут на днях у ясновидящей, про нее мой бывший рассказывал. Уверял, что она действительно видит, не ошибается, и денег очень мало берет. Так ясновидящая, представляешь, сказала, что я к тридцати пяти – сорока годам богатой буду, квартира будет большая, ну и типа того. Говорит, даже по гороскопу смотрела и там то же самое про достаток сказано через пять лет, – Варя истерично заржала. – А мне

почти тридцать! Ну и где это богатство? Откуда ему взяться, с неба упадет? Квартирка однокомнатная, зарплата, дай бог, сороковник, да две дочери на шее.

Тут же Татьяна как-то по злomu заявила:

– Да уж, нарожала ты. Хорошо, бывший алименты более -мнее платит, – и тут же потупила взор.

Но Варя не заметила ни сарказм, ни последующий стыд.

– Не надо. В детях и есть мое счастье. Мужики, работа, это все не мое. Я вообще работать не хочу. Я хочу нянчить детей и чем их больше, тем лучше.

Я:

– Получается, по-вашему, она заслужила то, о чем говорит Татьяна? Вот все это – любовь мужчин, дети, хорошие деньги?

Учитель:

– Ну, с мужчинами это она погорячилась. Они у Варвары действительно «какие-никакие», да и не любовь к ней испытывают, а лишь вожделение. Ну а в остальном... с той точки зрения, что ты видел, нет, не заслужила. Она слаба. Жить она до старости будет в достатке, никаких «черных полос» и лишений испытывать не будет. Ей еще рано принимать испытания именно в этом, плывет она по течению и будет плыть всю жизнь. Однако для нее будут испытания совсем в другом – в поиске хорошего доброго мужчины, например, иль в работе будут мелкие неурядицы. Однако эти мелкие проблемки будут восприниматься ею, как глобальные. Для Варвары вполне достаточно. Пусть покажет себя в том, что ей под силу, там и решится, выдержала ли она эту ступень. Пойми, то, что сильный и умный преодолет, сжав зубы, на том слабый споткнется. Она обласкана только в финансовом плане, так как самой ей тут не выкарабкаться, а ее ступень подразумевает под собой нормальное материальное положение. К полностью лишенным этой составляющей мы обратимся позже, ибо это люди духовно сильные... я, конечно, имею в виду только тех, у кого душа чиста. Ведь есть и другая сторона медали – это те, кто лишены сразу и «самого собой валящегося с неба» благополучия и красоты душевной, но они, если помнишь Толяна, только на путь встали.

Я:

– Что-то я не вижу у нее хорошего материального положения, да и она сама тоже его не видит. Как это понимать? Гороскоп на пару с ясновидящей на этот раз врет? Не с неба ж ей богатство свалится, а сама она заработать не сможет, не ее стезя.

Учитель устало:

– Именно «с неба». У тебя совсем терпения нет. В те годы, что ты видел, Варя пока еще не достигла своего предназначения, а только на пути к нему. Смотри, сейчас все свяжется в цепочку...

Два года промелькнули, как на экране с убыстренной перемоткой. И вот, «те же и...». Я прямо в квартире, но не Варваринной, а приличной двушке.

Знакомые лица главной героини, ее мудрой советчицы подруги... и еще кто-то мужского пола с добродушными чертами лица. «Ну, наконец-то, – пришла гуманная мысль. – У Вари появился хороший мужчина, может, даже муж». Не успела мысль подействовать целебным бальзамом, как я стал участником почти семейного совета.

– ...Нет, я все решила! Я продаю свою квартиру и вступаю в кооператив. Там мне обещают счет в английской инвестиционной компании и трешку через год, которую я буду оплачивать с процентов от этого счета, – по спортивному твердо и на удивление спокойно вещала Варя.

– Что ты можешь понимать в инвестиционных компаниях и вообще в бизнесе? – горячился мужчина, сверкая глазищами. – Да это все обман, кидалово, в нашей стране не может быть честных бизнес схем, дающих такие радужные перспективы. Ты со своим кооперативом останешься на улице, как и тысячи людей до тебя.

– Ты заметил мое спокойствие? – ухмыльнулась прямо в лицо мужчине Варя. – Оно не просто так. Я уверена на все сто, я это чувствую. И не надо мне тыкать стандартными обывательскими убеждениями. С чего-то наша страна ведь должна все-таки начинать, почему бы не с этого.

– Да откуда ты вообще про эту компанию узнала, наверняка из рекламы?

– А это целая история. Помнишь, ты меня водил в гости к своим друзьям?

– Вспоминаю. Вроде, когда твоя мама была в отпуске и в кои-веки смогла с детьми посидеть? Ну и что?

– А то, что там я познакомилась с женой одного из них – случайно за стол рядом сели. Она тоже в этом кооперативе состоит, вот и посоветовала. Сразу в подробностях описала всю их работу и меня как осенило – это то, что надо. И ни на какие «пирамиды» не похоже.

– Ай, делай, что хочешь. Твоя квартира, тебе решать. Только потом не причитай, что я тебя не остановил, – мужчина-муж с презрением и обидой отвернулся.

Но досмотреть судьбоносный семейный спор я не успел. Как будто за шиворот меня выдернули вверх... калейдоскоп лиц, пейзажей, как при убыстренной прокрутке пленки, и вот опять новый антураж – еще великолепнее, ну а уж с самым первым вообще не сравнить. Трехкомнатная квартира в современной высотке услаждала взор мягкими тонами настенных покрытий, простором комнат и изящной мебелью. За большим семейным столом сидела все та же компания. Но на этот раз вместо спора в воздухе витал дух праздника, а стол ломился от яств. Муж Варвары взял слово и поднял бокал с розовым игристым напитком:

– Хочу выпить за мою мудрую жену. Ведь, только благодаря ей все получилось как нельзя лучше. Мне стыдно, что мы сначала не верили, вместо того, что бы поддержать. Но Варюша у меня сильная – раз решила, то все!

Потом голос подала Варя:

– На самом деле, все получилось благодаря знакомству с тобой. Если бы не ты, я б никогда не услышала о кооперативе и финансовых схемах. А хоть бы и услышала, то продать свое единственное жилище не смогла...

– Нет, нет, однозначно пьем за Варю, ну и за новоселье до дна! – подала голос подруга.

Звон хрусталя получился тонким и радостным, как новоиспеченное счастье.

– А ведь я все знала еще тогда, три года назад, – закончила она в полголоса, наверное, сама себе и отпила полглотка. Затем аккуратно поставила бокал и, подняв сияющие глаза, громко сообщила:

– Извините, дорогие, но до дна глаза полтора – два пить не смогу, ибо жду третьего, думаю, мальчика...

Я:

– Да, убедительно. Цепочка выстроена, никакие звенья не лишние – не убрать и не добавить, и все ведут к одной цели, известной заранее.

Учитель:

– Есть цепочки еще изощреннее и запутаннее. И события в них меняют не только материальное положение, а полностью судьбы. Правда, альтернативы у них есть, перестраиваться могут в зависимости от.....

.....

После смерти физического тела духовной личности её монада попадает в "Планетарную Дживу" (ноосферу) – вновь формирующееся пространство нуклеолы, распавшееся перед началом эволюции Вселенной. Отдельные, освободившиеся от своих физических оболочек монады, постепенно складывают целевое пространство нуклеолы.

Бог (нуклеола) – сверхмерностный континуум (пространство-время), синтезированный из духовности всех человеческих личностей, когда-либо живших на Земле и постоянно творящий новые физические вселенные.

Я уже пять минут, как смотрел сверху на капризного орущего ребенка в вагоне метро, требующего чего-то экстраординарного, чего-то необычного. Учителя рядом пока не было.

– Немедленно мне купи, а то я тебя возненавижу. Ты противная мама, я другую хочу, как у Пети...

Когда мои неприязненные ощущения поутихли, вдруг родилась спасительная уверенность: «ведь ребенку достаточно малейшей коррекции, например, увидеть со стороны себя, либо другого ребенка, только повзрослее, который капризничает еще больше. Сей факт его обязательно шокирует и он тут же изменится. Да вон, я уже вижу одного. Их столько в метро, чуть ли не через вагон. Шанс его встретить пятьдесят на пятьдесят...»

– Нет, они никогда не встретятся. Он не войдет в этот вагон. Таков его путь, – неожиданно прогремел в голове голос Учителя.

От неожиданности я вздрогнул.

– А с чего такая уверенность?

Учитель:

– Загляни в его гороскоп. Капризы, себялюбие, попытки возвеличивания за счет других и есть его основные черты. Этот мальчик первую половину жизни, мягко говоря, не будет украшением вашего мира. Однако не все так однозначно. Вторая половина жизни станет диаметрально противоположной и даже поднимет его на ступень вверх.

Но, невзирая на заверение Учителя, моя неприязнь продолжала иронично исторгать:

– Неужто малец одумается?

Учитель:

– Сам? Конечно, нет. Так в вашем мире практически не бывает. Тем не менее, кое-что его обязательно изменит.

Я:

– Что же с ним случится, собственная совесть по некой причине загрызет или добрый дядя по головке настучит?

Учитель:

– И то и другое. Его изменит жизнь, и неважно, когда и каким образом. Но если тебе интересно, то, пожалуйста: коррекции будут только лет в тридцать пять, после первого брака. Такова его судьба и ты ей наперекор не думай, бессмысленно, нельзя нарушать баланс. Подобные люди тоже нужны для гармонии. Вот видишь ту милую девочку в сарафанчике нежных цветов, она вырастет и их пути пересекутся. Девчушка просто должна стать сильной, а без него это не представляется возможным... Смотри сам...

Спасительный звонок громом ворвался в напряженную атмосферу класса. Все дети лет десяти – одиннадцати кубарем вылетели из класса в рекреацию и сразу разбились по компаниям. Олег, мальчик в меру упитанный и модно одетый, гордо, петухом, подошел к другим четверем мальчикам и трем девочкам. Но те были очень заняты разговором и особого внимания на Олега не обратили.

– ... Так вот, в этой книге сравнительные характеристики всех танков от второй мировой войны до современных с программными модулями, представляешь...

– А какой сильнее и какой слабее, написано? – у мальчиков горели глаза.

– Конечно. И мощность лобовой брони и скорострельность. А еще на базе одних танков были спроектированы другие, с улучшенной динамикой, например...

Олег достал цифровой плеер и медленно покругил наушниками.

– А у меня, смотрите, какой плеер крутой, отец привез из Италии вместе с джинсами, – вклинился он в разговор. – Вон, лейба на них, видите, значит классные, – он повернулся попой и ткнул пальцем в кожаную нашивку. – Круче, чем твои, на них лейбы нет, – обратился он к другу.

– О, Олежка, а ты «энциклопедию военной техники» читал? – похоже, друг не обратил должного внимания на красочную лейбу... а может просто внимание с нее переключает...

Олег наигранно брезгливо поморщился:

– Не, не читал. Зато я название всех песен этого поп концерта знаю, а ты не знаешь, – хвастливо продолжил он. – А танками, техникой только глупые интересуются. А я умнее, потому что у меня оценки лучше. Хотите послушать мой плейер? – Олег стоял, уже повернувшись к девочкам, и вполголоса шептал им на ушко. – Зачем вам слушать про какие-то танки еще и не умного мальчика. А у меня очень модная группа записана...

Смотреть продолжение разговора я не стал. На меня нахлынули подростковые воспоминания, где я с отвращением воскресил в памяти, мягко сказать, не приятные персонажи, только уже своего детства. Вспомнилось, как одна «шестерка» в угоду своему однокласснику «доминанту-хозяину» – самому сильному, на уроке кидал в меня грязью, собранной с улицы в пакетик. А на перемене пытался сбить с ног, чувствуя молчаливую поддержку друга. Из его рта лился поток ругательств, напоминаящий то, что было в пакетике... Олег по сравнению с ними являлся просто безвинным ангелом.

И тут, как будто сбоку, появились черные строки на белом фоне с отрывками из гороскопа: «...натуры ленивые, не желающие трудиться над собой, сталкиваясь с трудностями, они нередко стараются утаить от других правду о себе... ценят внимание и боятся потерять свой статус... Очень честолюбивы, зависимы от мнения окружающих... болезненно переносят плохое мнение, вследствие этого могут подставить под удар соседа... Ложное чувство превосходства над окружающими, эгоистичность...»

Теперь все стало понятно.

Я:

– Учитель, а что, гороскопы действительно совпадают с характером и линией судьбы? Как-то очень стандартизированно получается и слишком просто для такой вещи, как жизнь. А как же собственный выбор пути, случайности, наработки?

Учитель:

– Попытаюсь объяснить попроще. Когда душа, или другим языком энергетическое астральное тело, после смерти выходит из тела физического трехмерного, она попадает в мир многомерный. Там она воссоединяется с другими в общем информационном поле, чувствуя в себе чувства и мысли всех других сущностей, но в то же время не обезличиваясь самой. Ну, или чтобы попроще, такая аллегория: представь, что ты попадаешь в толпу людей. У тебя есть два варианта – либо ты полностью обезличиваешься, сливаешься с общей очень сильной волной и теряешь свое «я», либо сохраняешь свою индивидуальность, свою волно и мысли, что требует некоторых наработок и довольно большого напряжения. Если ты «примитив», у тебя нет никаких прижизненных наработок и душевной силы, то ты обезличиваешься. Иначе остаешься и развиваешься дальше, как индивидуум, однако опять же, происходит оно на фоне толпы вокруг тебя. Ты их чувствуешь, они являются частью тебя – эти личности...

Смысл той жизни сложнее и выше, чем твоей здесь, но он тоже в

стремлении и совершенствовании, а впоследствии в аналогичном переходе в миры с еще более широким спектром восприятия.

Во-первых, находясь там, твоя личность заново пропускает через себя все этапы своей трехмерной жизни, но уже, будучи свободной от тела, пороков и пользуясь вселенскими знаниями, не привязанными к таким единицам измерения, как время и пространство. Становится понятным, где она поднялась морально выше, где спасовала, что внесла в земную жизнь. Правда, понятия «плохого» и «хорошего» там не совсем такие, как у тебя сейчас. «Плохое» тоже необходимый аспект существования, как элемент баланса. Поэтому рассматривается еще и это, а именно, что твоя сущность за время земной жизни внесла в баланс. Но это все начальный этап. Во-вторых, в многомерном мире

И вот, теперь твоя сущность вновь готова войти в трехмерный мир, дабы дальше совершенствоваться и вносить что-то новое – «строить» земную юдоль. Теперь выбраны аспекты, которые ей там надо будет преодолеть. Соответственно, выбраны точки соприкосновения с другими душами в трехмерных оболочках, на которые необходимо будет воздействовать в течение всей жизни и которые сами воздействуют на тебя. И хотя твой земной путь – его основные вехи уже известны, ты должен его прожить и узнать, сдюжишь ли, заслужишь ли переход на ступень выше, не перейдешь ли на другую, более слабую альтернативу. Иначе говоря, в этом сложном узоре под названием земная жизнь, ты должен занять некое конкретное место, имея за собой определенный набор своих собственных душевных качеств. Получается, что с оными качествами твоей души косвенно связана и такая единица измерения, как время.

Поэтому, твоя душа войдет именно в определенное тело и именно в определенный момент времени. Все эти моменты разбиты на дни вашими астрологами и называются гороскопом. Сие было сделано очень давно и теми, кто имел способность входить в контакт с многомерным миром, с информационным полем, где и плавают вся информация. Вот и получается, что гороскоп действительно отражает основные вехи вашей жизни, особенно черты характера, ведь это все необходимо для общей цели, опять же, подчиненной балансу.

Я:

– Учитель, получается, что Олегу никуда не деться от данных ему низменных комплексов?

Учитель:

– Отчего же. Как раз в нашем случае его судьба иная. Есть внутри него свет, обусловленный именем и лунным гороскопом. И поможет Олегу перейти на альтернативную линию женщина в середине жизни, однако за переход сей он заплатит болью, эта же боль его и исправит.

Я:

– Мудреный у него путь, да и знания вы мне поведали мудреные. Надо бы все это увидеть самому.

Только я это сказал, как привычно очутился чуть выше Олега... только уже изрядно повзрослевшего.

Просторная комната в современной двушке, у стены стоит широкий диван, на котором лежит упитанный молодой человек лет тридцати, его лоб щекочет из окна золотой лучик. В нем я узнаю сладко спящего Олега. День в самом разгаре, дома никого нет, все на работе, но мужчину, похоже, сие не слишком волнует – на его лоснящемся лице застыла счастливая улыбка.

Солнечный лучик коснулся нагретую комнату, за окном начало темнеть, а Олег так и не открыл «сомкнуты негой взоры». В дверях зазвенели ключи, кто-то в прихожей снял туфли на каблучках и вошел в комнату.

– Олечка, дорогой, ты все еще спишь? – фигуристая молодая девушка с глубоким взглядом на симпатичном личике всплеснула руками.

Олег открыл один глаз и потянулся.

– А, моя рыбка, ты пришла? Сейчас встану. Иди пока разогрей нам покушать.

Девушка пожала плечами и ушла на кухню.

Опытные руки, привыкшие к труду, быстро накрыли на стол, скопившаяся в раковине посуда была вымыта, и в этот момент вошел Олег, гордо выпятив грудь и неспешно шаркая домашними тапочками.

Привычная вечерняя затрапезная церемония прерывалась шутками мужа и похвалой кулинарным способностям жены. Однако жену вышесказанное уже не восхищало, как раньше.

– Скажи, Олег, ты так и будешь до конца жизни спать днем на любимом диване, наедать пузо и никак мне не помогать?

– Ну почему ты так говоришь, Леночка? – ответ Олега был спокоен, казалось даже до безразличия. – Я, ведь, работаю, просто посменно, ты знаешь.

– Да знаю – неделя через неделю, да еще зарабатываешь копейки и к большему не стремишься. Плюс к этому, все твои копейки уходят на оплату кредита за машину, на которой, кстати, ездить только сам, мне не даешь. А чем ты занят в нерабочее время? До полночи смотришь телевизор, потом целый день спишь и даже посуду помыть не можешь. А я пашу практически без выходных и по двенадцать часов. А кроме этого на мне уборка и готовка. Готовка, кстати, тебе.

Олег лениво развалился на стуле и сыто улыбнулся, голос его стал елейным:

– Ну что ты, малыш, не ругайся. Работы по дому – это не мужское дело, а вождение машины не женское. Я со своими делами справляюсь. А знаешь, анекдот есть такой...

Но надоевшие анекдоты Елена слушать не стала, она уже закипала:

– Не мужское, значит?! Тогда будь добр, займись мужским делом – найди себе работу на свободную неделю. Хоть какую.

– Зачем? Нам ведь вполне хватает твоей зарплаты. Ты у меня молодец – высокооплачиваемый специалист, я горжусь тобой! Ну, успокойся, рыбка моя. У нас все будет отлично! Давай устроим сегодня романтический вечер, в ресторан сходим. – Олег привстал и нежно обнял на глазах успокаивающуюся жену.

Не успел я как следует разозлиться, как перед глазами появилась другая картина. Весь антураж остался тем же, однако я понял, что прошло уже два – три года.

Вымотанная на работе, но полная жизненных сил Елена как всегда поздно вечером заходила в квартиру. То, что прошло не мало времени я понял по лицу: оно исхудало, широкие скулы стали резко обозначаться, а взгляд плюс к глубине приобрел еще и твердость. Увидев, как всегда валяющееся на диване тело мужа, она почему-то не загорелась желанием его будить. И сей казус Лена стала замечать в себе уже давно. Девушка прошла на кухню и начала готовить ужин.

Тело мужа появилось в дверном проеме как раз, когда она закончила.

– О, а вот и кормилица. Привет, малыш! – как всегда невозмутимо бросил Олег и сел за стол. – Ну, чем почивать мужа будешь?

Елена ничего не ответила. Минут пять она молчала, как будто готовясь к чему-то, а потом твердым голосом изрекла:

– Знаешь, я уже давно не могу сама себе назвать тебя мужем. И давно хочу эти мои ощущения совместить с реальностью. Поэтому давай разведемся. Ты можешь собрать свои вещи и уехать к маме, откуда сюда и приехал. Я даю тебе неделю.

Олег минуту переваривал услышанное.

– Ты чего, это серьезно? – он посмотрел в ее глаза и понял ответ. – Ну, раз ты не хочешь жить с таким умным, красивым, веселым и главное домашним мужчиной, то живи одна. Где ты еще такого, как я, найдешь? Но учти, я буду претендовать на часть нашей квартиры.

У Елены побелели скулы, а глаза стали источать огонь:

– Да как ты смеешь?! Я ее купила в кредит на свои собственные деньги, плюс мой папа немного добавил. Ты же ни копейки не дал! Да я только два месяца, как расплатилась.

– Это для суда не будет иметь значения, квартира куплена в браке и я в ней прописан, – спокойствию Олега можно было позавидовать. – Может, хоть это тебя остановит?

– Не остановит! Что ж, встретимся в суде. А сейчас собирай свои вещи, и пошел вон отсюда!

Через месяц состоялся первый суд по разводу, затем еще два суда по имуществу и, как следовало ожидать, судьи не отошли от буквы закона. Квартиру пришлось продать и переехать в небольшую студию. Бесконечная нервотрепка и суды так вымотали бедную девушку, что это сказалось на ее работе. Елена стала рассеянной и несколько раз допустила довольно крупные ошибки, за что была уволена строгим руководителем.

Но именно оные жизненные ямы дали ей силы и твердости, поэтому вместо апатии, как можно было предположить, у Елены первый раз в жизни появилась злость. Она быстро нашла организацию с тем же профилем и устроилась на работу.

– Ну, наконец-то, – хвалили ее подруги. – С твоей компетентностью, с твоими дипломами, возможностями, работоспособностью тебя сразу должны были назначить на более-менее высокую должность. Надеюсь, ты рассказала своему работодателю, кем была и чем занималась?

– Нет, меня взяли на самую низкую должность. Но это пока. Я не захотела тряссти бумажками и всем говорить, что могу и умею больше. Пусть сами это увидят и оценят, – скромно, но твердо отвечала она подругам.

И правда – Елена опять работала, или можно даже сказать «пахала» без выходных и по десять – двенадцать часов. Она демонстрировала такие знания и упорство, что директор, смотря на ее работу, молча цокал языком и разводил руками. Через полгода она уже была начальником отдела, а еще через год его заместителем. Не успела она привыкнуть к новой должности, как директор ушел на пенсию, и Елена официально встала на его место.

На этом этапе ее жизни я оставил наблюдение – тут и так все было понятно.

Я:

Да, вот это груз, я вижу. В моей жизни такого, конечно, не было.

Учитель:

– Это все компенсация системы. Раз эта сторона характера, сторона жизни, у Елены очень сильная, ей для испытаний дается муж в противоположность. Так бывает часто. Если женщина мягкая и беспомощная, у нее сильный мужчина. Если женщина мягкая, романтическая, способная на высокие чувства, то у нее жесткий, зачастую агрессивный мужик, не знающий и не верящий в любовь и романтику. Кстати, аналогично можно сказать и о мужчинах. Как ты думаешь, Олег долго мучился, терзался в поисках такой девушки, как Елена? Которая бы его полностью обслуживала, терпела, еще и любила? Нет. Подобные ему очень быстро находят свою терпеливую противоположность, у которой сила там, где его слабость. А вот иные, те, кто такую «золушку» действительно заслужил, еще поищут, да и не факт, что найдут. Что поделать, опять же компенсация в мироздании – пазл должен сложиться.

Я:

– Какой Олег все-таки подонок получается. А вы говорили, что после тридцати пяти он изменится, станет другим человеком. Это каким же образом?

Учитель:

– Ну, во-первых, он не законченный негодяй, как ты думаешь. Олег даже не понимал, насколько напрягал свою жену. То есть, хитрости и злости в нем не было, только лень и ветер в голове. А во-вторых, ты еще не видел, что будет дальше. Поэтому внимай...

Очередной, если его можно было так назвать, мальчишник закончился на самой веселой ноте. Поэтому Олег решил сразу не переходить в привычное бытовое лениво-сонное состояние, а еще хоть немного продлить веселое состояние. Благо, рядом был какой-то рестораник итальянской кухни, коих

сейчас на каждом углу. Но, зайдя, увидел, что он не единственный, кто хочет веселья и комфорта, и свободных столиков, однако, нет. Олег пробежался по второму этажу и к своему удовольствию нашел шестиместный стол, правда, за которым в одиночестве восседала симпатичная девушка.

– Очаровательная леди позволит приземлиться усталому, но симпатичному страннику? – сверкнув очами, громогласно изрек Олег.

– Разве что, если вы действительно симпатичный и остроумный молодой человек, – улыбнулась в ответ девушка. – Меня зовут Анжела.

– Еще очень эрудированный и веселый, со мной не заскучаешь. А имя мне Олег. Знаете, в той области науки, в которой я большой специалист, часто говорят... – с места в карьер бросился он охаживать даму.

Дальше, ближайший час он уже не замолкал, прерываясь только что бы отхлебнуть вина из бокала. Анжела хохотала и придвигалась все ближе к новому ухажеру. Похоже, он ей нравился, потому что девушка включила весь свой шарм и тонкости науки обольщения.

– Официант, еще одну бутылку вина и сырную тарелку на мой счет, – раскрасневшийся от обильных возлияний и пламенных речей, кричал Олег.

– Нет, нет, – Анжела взяла его за руку, – первую бутылку я еще позволю тебе купить, а дальше пополам. Я гордая!

Олег был в восторге от душевных качеств и женственности, как сейчас он для себя решил, его новой половинки. И для претворения в жизнь этого решения, был готов на все.

Вечер закончился очень поздно, и Олег вызвал такси к ресторану. Оба сели на заднее сиденье.

– Ой, я такая пьяная... все горит... – прошептала девушка на ушко ухажеру.

Через несколько секунд они уже целовались, сгорая в пламени, разожженным зеленым змием.

На следующий день Олег уже звонил в квартиру Анжелы с шикарным букетом алых роз и билетами в театр.

– Здравствуй, милый! – ласково проворковала Анжела. – Театр – это просто отлично. Только после спектакля мне надо в один магазин зайти, купить платье. Составишь мне компанию?

– Конечно! Мало того, я сам тебе его куплю! Ну а потом приглашаю на романтический вечер при свечах у меня дома. Ты не против, моя радость?

– Как пожелаешь, мой очарователь, – мурлыкнула Анжела в ответ.

Все прошло по плану и во время солнечного сладкого утра, как бы по секрету, Анжела сообщила на ушко Олегу, что в данный момент она «ну очень» нуждается в деньгах.

– Сей момент, любимая, – Олег вскочил с кровати и бросился в закрома. При этом он сам с удивлением заметил, как приятно ему сделать для этой девушки доброе дело, и даже совсем не жаль расставаться с деньгами. – Сколько тебе нужно, дорогая? Хочешь, я дам все, что есть.

– Нет, нет. Я не наглая. Главное, что бы осталось тебе. – Анжела с обожанием посмотрела на Олега, в глазах у нее сверкали игривые искорки, они так манили...

Он схватил деньги влажными пальцами, бросил на стол и нетерпеливо забрался обратно в кровать.

– Бери, бери, тебе нужнее, – бормотал Олег сквозь поцелуй.

– Ну, хорошо, так и быть, возьму все. Но обязательно потом отдам, даю слово...

Вихрь конфетно-букетного периода закрутил любовников чередой стандартных для него развлечений. Через день опять был ресторан, потом магазин бытовой техники и подарок на все оставшиеся после ресторана деньги. Так и пролетел на крыльях любви ближайший месяц, раскрашенный самыми яркими красками и ощущениями. Ночи красками были не туснее, но на утро Олег частенько слышал ненавязчивую просьбу Анжелы занять ей денег. Так, немного, сколько сможет – диалог не отличался разнообразием. Однако были и положительные моменты сей нередкой в нашей жизни истории отношений – Олег нашел еще одну работу: «ведь надо было хорошенько заботиться о своей девочке». Но и двух работ впритык хватало на оплату всех ее прихотей.

И, вот, в одно утро неожиданно для влюбленного Олега наступил апогей финансовых просьб. Анжела проснулась чуть раньше и сидела на кровати с наигранно грустным и озабоченным видом.

– Что такое, радость моя, что тебя так печалит в такое прекрасное утро? Сейчас я разведу все твои тревоги и приготовлю романтический завтрак, – поцеловав свою любовь, вскочил с кровати Олег.

Но Анжела, мило поджав нижнюю губку, удержала его за руку.

– Да, вот, хочу поменять свою машину. Вчера зашла в салон, а там просто моя мечта стоит и большая скидка на нее в течение этой недели. Но... – девушка томно вздохнула, – у меня денег не хватает. С продажей моей машины только половина суммы. Ты добавишь? А я тебе сегодня дома романтический ужин устрою. Ты его никогда не забудешь! Я знаю, что говорю.

Олег развел руками и даже побелел от бессилия:

– Любимая, но у меня столько нет, я же не миллионер, что бы дома свободно такие суммы лежали.

– Эх, жаль, машина уйдет, – в тонах девушки появились капризные нотки.

Олег напрягся, но всего лишь на пару секунд:

– Хорошо, дорогая, есть выход – я кредит возьму.

– Отлично! Я в тебе не сомневалась! – взвизгнула Анжела. – Тогда я пошла готовить для тебя кое-что очень вкусное, и провожу тебя после завтрака в банк.

Прошло еще пару месяцев. И, вот, как-то днем Олег, наконец, решившись на серьезный, давно возжаемый им шаг, звонит предмету своей любви:

– Здравствуй, любимая! – после сей фразы, он как-то замялся. Решительность, взращиваемая с утра, неожиданно его покинула. – М...м... Как твои дела?

А, вот, голос Анжелы был спокоен и абсолютно равнодушен:

– Все отлично. А ты чего звонишь, что-то случилось? Мы, вроде ж завтра собирались пересечься.

Олег, наконец, собрался с мыслями:

– Я тут подумал... Хочу предложить тебе жить вместе. Мы любим друг друга, будем каждый день просыпаться вместе, завтракать, ужинать...

– По-моему слишком рано, – нотки в голосе Анжелы выражали недовольство. – Да, и, вообще, я девушка свободная, свою свободу ценю и твою, кстати, тоже. Жить надо ради удовольствий. Тебе что так плохо? Другой мужчина был бы рад встречам без обязательств. – На этом Анжела решила, что доводов в пользу ее взгляда на отношения полов вполне достаточно. – Давай лучше сходим вечером в ресторан, – резюмировала она.

Олег был подавлен, да тут еще и про нынешнее финансовое положение вспомнил:

– Понимаешь, у меня сейчас денег нет, – грустно выдавил он из себя.

– А, ну ладно. Тогда звони, как будут. – голос Анжелы снова стал равнодушным до дрожи.

Мысли Олега ворочались, как в горячем, но тягучем вареве. Почему-то отказ своей любимой отошел на задний план, наверное, он требовал более длительного осмысления. И это в любом случае не сейчас. А вот отсутствие возможности сводить свою девушку в ресторан подстегнуло мозги к поиску денег... однако вареве было таким тягучим, и результат получился таким нелепым:

– Ты, вроде, обещала хоть один долг отдать... ну хотя бы не большую часть.

Ответ девушки был резок и тверд, как лед:

– Ну, знаешь, это не по-джентельменски у дамы просить. Нет денег, так заработай, ты же мужик. А пока извини, раз тебе нечем порадовать свою даму, то тебе должно быть стыдно с ней встречаться... Я думаю, ты меня понял.

Думаю, и вы поняли, что это и есть конец сей истории. Но там, где есть конец, есть и начало другой, может, на много лучше первой.

Урок Олегом был усвоен. После акулы Анжелы переосмысление ценностей, морали, смысла жизни в течение ближайшего года – двух прошло на отлично. И, вот, перед нами совсем другой человек, жаждущий отдавать, а не брать. Новые знакомства, усердные попытки создать семью, готовность сделать все для любимой женщины и... разочарования. Теперь женщины попадались равнодушные к пылкому желанию Олега, не подпускали его близко к себе и «отдавать часть себя и свое сердце» не собирались. Видимо, тоже прошли неплохую жизненную школу. Ну, хорошо, Олег понимал, что на везение с первого раза рассчитывать не стоит, со второго, третьего и

четвертого, возможно, тоже... но так продолжалось несколько лет, а это уже ни в какие ворота...

– Ну что ты каждый день ко мне таскаешься, звонишь по несколько раз за вечер. Достал уже, – ругалась очередная пассия. – Мы же провели с тобой эти выходные. Тебе что, мало? Я пока хочу побыть одна, потом позвоню тебе.

– Хорошо, хорошо, я буду ждать, – втаптывал в землю свое самолюбие Олег. – А может, я завтра к тебе приду? Приготовлю что-нибудь вкусное, или сходим в ресторан.

– Я же сказала – пока хочу побыть одна, у меня еще есть и своя личная жизнь!

Дальше опять расстройств, нервные срывы, переосмысления, занижение планки желаемых женских качеств, философские размышления, излияния горя друзьям...

– ... Ну почему так? Я же на самом деле хочу семью, хочу заботиться о ней. Не курящий, не пьющий, всю зарплату буду в дом приносить, помогать по хозяйству, да даже сам его вести. Можно подумать, такие на каждом шагу... А получается, что никому это не надо.

– Да, черт те что творится. Жаль тебя. Ну, ты держись, не отчаивайся, и главное жди! – говорили сочувственно друзья и уходили домой, в счастливые семьи. Сытый голодному не товарищ. Олег сие давно усвоил и так же давно проклял свое эгоистичное прошлое, в котором он считал, что все должны ему, а он в свою очередь никому ничего не должен.

Лет через пять несчастный уже не верил в свое счастье и вполне свыкся с ролью одиночки, решив, что это его судьба. Теперь лишь иногда в компании самых близких он жаловался на одиночество, причем всегда одинаково. Близкие терпеливо выслушивали.

Я:

– «Нет повести печальнее на свете...».

Учитель:

– Но именно этот пример я показал специально для тебя. Как правило, похожие люди остаются в своем амплуа и у них не бывает «последнего эпизода с Анжелой». Они и есть тот необходимый баланс отрицательного в жизни. У них в душе нет ни нотки совести и желания что-то сделать другим, а та кроха, что есть, так и не смогла победить и укрепиться в душе. Поэтому все свои грехи они унесут к нам, и здесь будут их обрабатывать.

А этот экземпляр, выбранный для тебя лично, после коррекции искупил грехи той же болью, что была у Лены, и заслужил более-менее нормальную вторую половину жизни. У него душа хоть и грубая, но прямая и чистая в отличие от большинства предыдущих героев – Толяна со своими друзьями, Рябицы и даже Григория. А еще она сильнее, чем у Варвары. Поэтому все грехи будет обрабатывать здесь и только после этого опять получит шанс на любовь и счастливую жизнь.

Я:

– Рад, что все-таки получит, – то ли язвительно, то ли облегченно вырвалось из уст моих. – А мы увидим эту «нормальную» вторую половину жизни и «счастливого положительного» героя Олега?

– Как пожелаешь. Кстати, его заслуженная болью половинка тебе обязательно понравится. Да и ступенью она намного выше Олега.

Я увидел уютную комнату, в которую из окна бил яркий, но мягкий свет, и симпатичную черноволосую девушку.

Мария проснулась с улыбкой. Солнечный лучик вторил ей и ласкал нежные черты лица. Мудрые еврейские корни уже пару тысячелетий, как научили скромно радоваться тому, что имеешь, да и просто даже солнышку и крыше над головой, мягкой рукой убирая из глаз еврейскую грусть. Вскочив с кровати и теряя по дороге сон, она прошлепала на кухню к холодильнику, где со вчерашнего дня заблаговременно был нарезан салат, а нафаршированная рыба была готова прыгнуть в духовку.

«А муж-то уже проснулся... а меня будить не стал», – с удовольствием подумала она, проходя мимо и заглянув в гостиную.

Короткий путь рыбы в духовку и заправка салата в руках опытной хозяйки заняли буквально минут десять. Маша погрела посудой, помыла вчерашние чашки, после чего, так и не дождавись мужа, опять заглянула в гостиную.

– Дорогой, ну сколько можно предаваться созерцанию? Выйди из самадхи и во-первых, поделись думами со своей женой, а во-вторых, погуляй с младшим, мне еще на стол накрывать – гости придут уже очень скоро.

– Да, любимая, уже бегу. И сядь, отдохни! Ты помнишь, горячие блюда я сделаю сам, а так же за мной магазин – это мы с младшим сходим, и уборка перед гостями.

«Все такой же задумчиво-милый трудяга, – с улыбкой подумала она. – За что и люблю».

Она вспомнила, как все начиналось, тогда Мария не понимала его чувствительную душу и списывала все на слабость. Но ведь и сила не везде нужна – в каких-то вопросах она способна только ломать. Она это поняла уже позже, когда Олег поведал о своей прошлой жизни, не умолчав о фатальных ошибках и часто прося прощения, как у представительницы женского пола. Просьбы Олега о прощении были подкреплены такими стараниями по поддержке семейного очага, что Маша сначала не верила ужасным рассказам, но потом решила просто, подыгрывая, прощать.

Олег же «боялся дышать» на свою суженую и, прося ее рассказать о своей прежней жизни, никак не верил, что Маша ходила искать жениха в такое необычное и малопривлекательное место.

– Как ты, такая красавица, умница там оказалась?

Мария краснела, опускала пышные ресницы и... сама теперь не понимала, как действительно сие могло произойти. Все воспоминания плыли в голове, как будто окутанные дымкой времени – и одиночество, и подруга, все время порывавшаяся прийти на помощь, и слишком активная интуиция...

Так вот, подруга за последний месяц уже все уши прожужжала про новое и ультрасовременное в технологии знакомств, только что пришедшее к нам с Запада:

– Это такой клуб. Туда приходят, например, десять мужчин и десять женщин, садятся по парам за стол и общаются пять минут. Затем партнеры меняются и так по кругу. Если возникла обоюдная симпатия, общение продолжается уже вне стола. Все очень быстро, как конвейер.

– Вот именно, что конвейер. Да это какой-то американизм, жалкая производная западного социума, – с отвращением спорила Маша. – Это даже не логично. Ну, как можно узнать человека, заглянуть к нему в душу, почувствовать его за какие-то пять минут? Да еще потом то же самое проделать с десятью другими безликими страдальцами-соискателями? Хотя, вполне допускаю, что там, на Западе, главные и, возможно, единственные вопросы – это работа, зарплата, жилищные условия и любимые блюда. И сей небогатый социологический опрос как раз таки уложится в куцые пять минут. Ну, хорошо, может, у кого-то в довесок появится интерес к тому, что человек думает о философской концепции йогов и какие произведения он любит читать долгими зимними вечерами, но фатальную роль он уже не сыграет.

Впрочем, решение, оно же женская интуиция, уже созрело, и вердикт был не в пользу логики. Интуиция укоряла за колебания, ругалась и стучала:

«Придется идти, подруга ведь посоветовала. Да и сколько уже можно-то... – пискнуло оно и вдобавок изо всех сил топнуло ногой. – Мужчинка нынче робкий пошел, его надо брать сразу пучком и выкидывать по одному подгнившие побеги».

«Какая гадость, – мысленно плюнула Маша и... тут же начала обдумывать свой гардероб».

В клубе все оказалось, как она и предполагала – ничего интересного. Времени было мало, но ей все же удалось приметить грустного молодого человека, который, на удивление, сразу пришелся по душе. Однако интуиция в эту минуту лениво спала и оказалась способна лишь на крестик в анкете – холодное определение о том, что мужчина вроде как произвел благоприятное впечатление. Она еще тогда и не подозревала, что маховик судьбы уже запущен, и она встала на ту стезю, коя приведет к солнечному лучику, утренней радости и гостям с фаршированной рыбой.

Буквально через пару дней клуб-контора с математической точностью выдал результаты совпадений. И надо же, тот самый симпатичный молодой парень поставил свою симпатию, даже не ведая, что именно так он встал в одну колею судьбы с красивой нежной леди с грустным еврейским взглядом.

Я улыбался, а мое воплощение переливалось светлыми тонами:

– Ну что ж, весьма приятный конец. Благодарю. Тем не менее, получается, нет в мире совершенства? Похоже, в нашей действительности никто на самый высокий уровень выйти не готов?

Учитель:

– Ну почему, есть и такие. Их очень мало, ведь последний круг – украшение вашего мира.

Вот уже пятый день тридцатипятилетняя женщина с ласковым лучистым взглядом не выходила из больницы, где лежала ее подруга в ужасном состоянии. У подруги был рак. Когда-то Снежана блистала на всех российских подиумах и даже выступала перед далекой до понимания Наденьки западной публикой. А теперь она лежит белая, как полотно.

– Как же так? – мысленно вопила Наденька. – Ведь Снежана чиста и добра. Господи, ну есть у нее чуть гордыни, чуть самолюбования, ну оступалась пару раз, но это же такая мелочь! Я готова взять себе все ее грехи, если таковые имеются.

Но не слышала Надя ответа, сколько ни взывала к справедливости. За то смог услышать я.

Я:

– Может, объясните? Насколько я понимаю, Снежана именно из тех, кому материальное благополучие обеспечено без особого труда и на всю жизнь. Так почему же она, прожив только половину, умирает?

Учитель:

– Видишь ли, одним богатство дается частями в течение всей жизни и удовольствие от пользования оно, соответственно, растягивается на долгие годы. Но есть и другие, которым на голову обрушивается сразу все. А голова-то у них не подготовленная, а душа жадна до всех благ мирских. Вот и прожигают они свой век за половину, выбирая из данного им Богом все, что могут. Правда, бывает и другая сторона – когда жизнь уже дана короткая, а материальное благополучие положено априори, вот оно и спрессовывается в те отпущенные короткие годы. В нашем случае вариант Снежаны первый.

Я пожал плечами:

– А как же те, кто, как и Снежана, получили все и практически сразу, однако раком не заболели?

Учитель:

– А ты помнишь, что говорила о своей подруге Наденька? Она в душе чиста и добра, значит не из низких ступеней. А раз такие душевные качества присутствуют, то что ей предназначено, ну-ка вспомни?

Я:

– Страдания в моем мире, должно быть, раз ступень высокая.

Учитель:

– Именно. Урок усвоен. У тех, других, ступени низкие. Им страдания положены, но пока еще очень легкие, и этого достаточно. Ну а Снежана... раз у нее все блага и вся жизнь уплотнилась в несколько лет, то и страдания ей будут уплотнены до предела – ведь нет совсем времени их растягивать. Вот и бросилась судьба в крайность – кинула в ее жизнь все одним комком и убила. Рак пока вами не излечим, страдания от него колоссальные, но не долгие.

Я угрюмо со злостью посмотрел на прозрачную сущность:

– А научимся мы лечить рак, тогда что?

Усмешка в ответ резанула по нервам:

– Появятся другие болезни, которые будут вас уничтожать. Мы всегда будем идти на шаг впереди вас, не этот недуг, так другой. И не злись ты, не расстраивайся! А иначе как регулировать? Болезнями, да войнами. К тому же, в каждом правиле есть исключения. Есть среди вас люди и богатые и добрые, но... как ты помнишь, их испытания просто отличаются от стандартных. Всегда найдется в душе болящая точка, куда будет давить система для получения равновесия.

Дни давно смешались, Наде казалось, что прошло никак не меньше полугода, хотя на самом деле, на исходе был только второй месяц. Каждый последующий день стал похож на предыдущий: работа, которая воспринималась, как отдушина и отвлекала от скорбных мыслей, затем сразу больница, где она и ела, и пила, и можно сказать, жила. Надежда даже замечала, что ее стали радовать не частые задержки в школе по добровольно-принудительному предложению директора. Сие было стыдно, сие мучило душу Наденьки, однако заставить себя радоваться каждодневному дежурству в тяжелой белой атмосфере палаты было никак не возможно. А может, где-то в глубине души у нее была необходимость все время чувствовать боль, да за неимением собственной пропускать через себя страдания другого человека и делать их своими... кто знает.

А сегодня подруге, вроде, даже стало лучше, и Наденька решила позволить себе сходить в театр. Давно она там не была, да и вообще увеселительные мероприятия остались где-то в детстве – одни воспоминания. Себя Надя уже много лет, как держала в кулаке и иного себе уже не представляла. Однако, тут ситуация другая: во-первых надо набраться сил, ведь борьба с недугом подруги предстояла изнурительная, а во-вторых, ей уже давно хотелось понять современное искусство и мотивацию его создателей – ответить на сакраментальный вопрос, зачем вообще они все это делают. Неужели, лишь ради денег и развлечения бомонда? Только времени на сей опыт все никак не находилось. Исходя из этого, спектакль она выбирала не классический, а современный, но про жизнь аристократов – Наденька даже здесь не могла отказать себе в поиске возможно приятного сюжета. Это было что-то из постмодернизма или абстракции – она плохо разбиралась в нынешнем многообразии жанров. Все современное разнообразие для нее было слито в какое-то одно, бессмысленное шоу. Правда, радовало, что все это с годами исчезнет, забудется, как и все искусственное, поверхностное, и только классика вечна.

С работы прямо в метро, благо десять минут ходьбы, а там еще пять минут и все – она в храме эмоций, тишины и духовных наслаждений. Предвкушение чего-то необычного и интеллектуального обострило чувства уже в вагоне. Ей захотелось понять каждого из данных на короткий срок судьбой спутников. Она вглядывалась в их лица, пыталась понять жизненный путь и думы...

Чьи-то образы читались, как книга, чьи-то были непроницаемы и не имели

вкуса. Здесь были и персонажи с лицами, похожими на хищные звериные, и напоминающие птички с ярко выраженными чертами, акцентированными на обтекаемую форму, венчавшуюся большим носом-клювом. А вот сидит человек и в руке смартфон с пузырьками на экране. Лицо его с правильными, но простыми чертами выражает одновременно и расслабленность и сосредоточенность, похоже, для него это очень близкие вещи. Надя вздохнула: «Все это, конечно, славный безобидный класс, но какой, однако, низкий». Понимание своего превосходства лелеяло ее душу, а благородство и доброта стыдливо не давало этим чувством насладиться.

У входа в театр уже толпились юные леди с джентльменами студенческого возраста и им в противоположность господ уже в солидном возрасте, так же солидно одетые, кои, очевидно, и являлись «голубой кровью» культурного мегаполиса. Наденька поморщилась: «Ну, студентов, соответственно, привлекает все модное и шокирующее, а расфуфыренный бомонд, видимо, просто обязан быть в курсе новых веяний... ну и сама тусовка, конечно, им интересна», – размышляла она. Места ей достались более-менее удачные, и она с мыслями, полными недоверия и сарказма, приготовилась вкушать сие искусство. Через полчаса просмотра у Надежды наступило легкое разочарование. Она не смогла увидеть ни что-нибудь шокирующее, ни наоборот глубокое мудрое. Однако были и приятные моменты – кроме игры живых актеров радовало отсутствие хруста попкорна со всех сторон. Спектакль-то молодежный, а значит, справедлив был и страх, что здесь будет так же, как и в любом кинотеатре последние лет пятнадцать: попкорн и кока-кола – уже привычные производные американской поп культуры, основанной на основных инстинктах, а в данной частности зрелищности и голоде. Да и юмор от попкорна мало чем отличался.

В этот самый момент обыгрывалась сцена оскорбления и вызова главному герою. Его оскорбитель мерзко верещал: «ию – ию – ию...», и крутил себе пальцами воображаемые груди. «Очевидно, это один из современных символов вызова и обиды, – решила Наденька. – Не знаю, как на счет оскорбления главного героя, а вот отвращения к сценарию они точно смогли добиться. Нет бы, бросить перчатку в лицо, ну или что-нибудь подобное, достойное быта аристократов».

Через десяток минут сюжетная линия приобрела другой антураж, герои тоже сменились. Один из них негодовал о поступке другого и, похоже, разразился гневной тирадой. Однако она все продолжалась и продолжалась, становилось уже скучно. «Ну вот, а здесь, наоборот, минимализм какой-то, отсутствие страсти и душевных порывов. Да плюс к этой реплике он должен был подойти к оппоненту, сделать какое-нибудь па ногами, всплеснуть руками... а он сухо тарабанит речь и все, – негодовала про себя Надежда. – То ли это в мире способы выражения эмоций сменились, то ли сие режиссерский ход такой странный».

В конце спектакля у нее создалось впечатление, что ей пытаются заменить основные понятия, с которыми она шла по жизни. Наденьке стало неприятно

и совершенно непонятно, зачем ей навязывают чужое восприятие, еще и искаженное в какую-то болезненную сторону. Куда ведь лучше самой создавать свой мир мыслей и впечатлений.

Наконец, насытившись впечатлениями от современной культуры, Надя вышла на свежий воздух. Но как ни странно, ей не захотелось сразу выныривать из этого «странного мутного озера», а продолжить – ну, хотя бы посидеть в небольшом ресторанчике, посмотреть на ту, другую, не домашнюю вечернюю жизнь. Она, конечно, помнила еще с социалистических времен, как они компанией молодых девчонок и парней ходили отмечать Дни рождения в тогда еще малочисленные кафе-мороженые, столовые, пельменные. Поэтому, руководствуясь старой памятью, она сразу подошла к стойке и взяла в руки меню.

– Присаживайтесь, пожалуйста, мы подойдем к вам и примем заказ, – было ей тут же сообщено со снисходительной улыбкой.

Наденька пожала плечами, и пошла к столикам. Рядом бежал молоденький официант и заученно-быстро тарабил:

– Какой столик леди желает? Вы кого-то ждете или будете одна? Если одна, то рекомендую выбрать маленький столик. Есть у окна, а вот там, в глубине, есть столик, обособленный от других, там никто не будет мешать...

– Спасибо, молодой человек, я сама все прекрасно вижу и выберу, что мне надо.

Гарсон сразу же отстал и с автоматической улыбкой полетел к другим многочисленным посетителям.

Надя села и открыла меню, пестрящее довольно приличными ценами. Но гулять, так гулять. Блюда были выбраны быстро, и в течение минут десяти Наденька порывалась встать и пойти к стойке, дабы заказать и принести сии лакомства самой. Но, похоже, что «развалиться во время этого действия» из всех посетителей не боялась только она, а остальные спокойно и вальяжно ждали. И вот, минут через десять подошел уже другой официант, у которого был заказан салат, горячее и чайничек зеленого чая. Еще минут пятнадцать и он с перекинутым через руку белым накрахмаленным полотенцем и подносом, ловко балансирующим на пальцах, накрывал на стол. Вилочки и ножик были достаны из свернутой салфетки и разложены с точностью до миллиметра по обе стороны тарелки. Делал он это так аккуратно, Наденьке даже показалось, что подобострастно, отчего ей тотчас стало неудобно. А после того, как официант схватил чайник и уже приготовился налить ей чай, она не выдержала:

– Спасибо, но я сама в состоянии налить себе.

– Хорошо, как желаете, – официант тут же отскочил в сторону и застыл в позе внимания и угодливости.

Пока Надя ела салат, он неподвижно стоял, глядя остановившимся взором чуть в сторону, но, не упуская из вида ситуацию на тарелках и все движения клиента. Наденьке уже стало неприятно, однако она стойко переносила ситуацию, разве что непроизвольно пытаясь быстрее закончить трапезу. Но

когда гарсон мгновенно рванул к только что опустевшей чашке, с тем, что б наполнить ее, она взорвалась:

– Послушайте, любезный, не надо передо мной заискивать! Мне неприятно, меня это сильно напрягает.

На этот раз официант удивился:

– Разве вам сие не доставляет удовольствие?

– Нет. Я росла и воспитывалась в Советском Союзе, поэтому к «барству» не привыкла.

Гарсон принял вызов, и в его голосе появились нотки превосходства:

– Очень жаль. Но, ведь, это плохо, надо быть посовременнее, раскомплексованнее, больше любить себя.

– Нет, молодой человек, это с вашей точки зрения плохо. На самом деле, сейчас все себя считают барами. А по-настоящему барин это тот, кто был достоин сего понятия. В восемнадцатом – девятнадцатом веке барином являлся человек интеллектуальный, снискавший почести умом или делами, либо отпрыск снискавшего. Сейчас же каждый пастух, торговец мылом или вообще бездельник считает себя барином, на самом деле оставаясь тем же. И ничего хорошего в этом я не вижу. Ну, а чрезмерная любовь к себе приводит к эгоизму. Во всем нужна адекватность – каждого человека есть и за что любить и за что презирать, только осознав это, он будет стремиться улучшить свои презируемые стороны. Вы согласны?

– Да, – Гарсон задумался, – н-наверное. Я отойду, вы, если что, поднимите руку, я сразу буду здесь.

Наденьке стало комфортнее, она выплеснула сразу и непонимание и негодование, а теперь спокойно могла наслаждаться едой и думами в одиночестве.

После того вечера прошло уже четыре месяца, однако памятный неординарный спектакль и последующий ужин дали таки необходимый психологический отдых и позволили нашей героине с новыми силами броситься в вечную борьбу со злом и несправедливостью жизни. Она снова вернулась к вечерним бдениям у больничной кровати подруги. Наденька с пристрастием допрашивала врачей, а те давали самые разные прогнозы и экспериментировали с лекарствами. Их покупка, естественно, ложилась на Надины плечи, поэтому в течение нескольких месяцев она продала уже все, что могла – все свое золото, что дарил ей муж за десять лет совместной жизни, отдала все свои небогатые сбережения преподавателя, что откладывала на новое пальто, старое ведь совсем истрепалось. Теперь пришлось просить деньги у мужа:

– Я уверена, что ты дашь, – говорила она, глядя прямо в глаза. Он отказать не мог.

На работу Надежда приходила, смотря вперед невидящим взглядом. Коллеги пытались ее успокоить. Ведь она являлась для многих отдушиной, ангелком. Ее любили все. И было за что.

Работала рядом с Надей одна преподавательница – уроки вела не то, что

бы плохо, но без души, из кожи вон не лезла. А «в миру» она была жадненькая, считавшая, что все ей должны... в общем, стандартный такой типаж обывателя – ну не все учителя святые мученики, что ж тут сделаешь. Купила она как-то двушку в ипотеку, точнее, поменяла на нее старую однушку с доплатой. Но делать в ней необходимо было косметический ремонт, причем срочно, иначе как же в ней жить. И тут как раз оказия – конец года принес премию в клюве директора. Именно на нее она и рассчитывала, квартиру как раз к этому моменту купила. Однако премию ей начальник выписал маленькую, ибо знал, что работать сослуживица Наденьки не очень любила и делала это «спустя рукава», больше требуя, чем отдавая, в отличие от самой Нади. Поэтому Надя получила сполна, а ее коллега, мягко говоря, не очень. На ремонт с рабочими не хватило, да что там говорить, даже на стройматериалы только половину. Так вот, Надя, всегда и всех любящая, добавила той горе-учительнице на материалы и отдала саму себя ей в ремонтное рабство на все новогодние праздники.

Десяти дней на ремонт вполне хватило, и после них того жалкого обывателя уже было не узнать. Она раскрылась, как цветок, подобрела душой, жадность как рукой сняло. Дети на ее уроки стали ходить с удовольствием – ведь учительница будто засветилась любовью. В общем, воодушевила Наденька коллегу своим бескорыстным подходом, просто открыла той глаза на совсем другую сторону жизни.

Учитель:

– Вот видишь, она за тридцать пять лет положила добра на чашу весов столько, сколько должна была положить неспешно за восемьдесят. Даже смогла своей добродетелью другого подтянуть на шаг выше. Пора ее вытягивать сюда.

Я:

– Как вытягивать? – сначала от удивления округлились мои глаза. – Какая несправедливость! – уже кричал я от возмущения. – Она же может еще уйму прекрасных дел сделать!

Но Учитель по обыкновению спокойно вещал:

– Именно поэтому. Наденька выполнила весь баланс «светлого». Выполнила с излишком. Возможно, она могла бы выполнять его в течение всей жизни, но тогда получилась бы дисгармония по причине

.....

Вот и получается, что добрые дела «спрессовались». Они не растянулись ленивой вереницей по всей жизни, а шли торопясь. Поэтому для баланса был бы перебор добрых дел. И, наконец, она априори должна в конце пострадать, ведь Надежда родилась в последнем круге.

Хотя, честно говоря, и здесь бывают ошибки – человек, который должен был жить долго, по причине некоторых перетрубаций в системе, оканчивал жизнь раньше. Однако количество его дел в этом мире оставалось тем же, просто они так же спрессовывались.

Я:

– Значит, вы таки не знали, что она успеет столько сделать? То есть, если бы она не делала столько добра, то прожила бы больше?

Учитель:

– Нет. Сколько человек проживет, известно уже с рождения. Хороший хиромант увидит сие по руке. И это не прорицание, не что-то сверхъестественное, просто будущее уже есть и оно отображено для тех, кто умеет «читать». Хватит вопросов, смотри финал этой душераздирающей жизни... кстати, он не самый плохой, бывает, что финал тяжелее и страдания растянуты на годы.

И снова из белого тумана меня выбросило в мой родной мир. Я видел, как Наденька спешно выходила с работы, как всегда торопясь к подруге в больницу. Видел сумасшедшие глаза водителя, не успевшего, да и не собиравшегося тормозить на пешеходном переходе. Наденька даже ничего не почувствовала, миг и она лежит в нелепой изломанной позе, а из головы течет кровь...

Теперь и она лежит в больнице, уже две недели, в коме. Немногочисленные родственники по очереди ходят ее проведать, кто-то каждый день, кто-то пару раз в неделю.

В свой последний день она очнулась. И по случайным стечениям обстоятельств все родные оказались в палате. Она в первый раз за две недели открыла глаза и обвела их взглядом. Две слезинки скатились по щеке – Наденька простилась с любимыми людьми, благодарящими Бога и случай, что оказались возле ее кровати именно в эту минуту. Она вздохнула и закрыла глаза, теперь уже навсегда.

Горечь и жалость окутали мою голову. В груди давил обжигающий комок. Какое-то время даже слова давались через силу.

– Скажите, случайно ли совпадение с прощальным визитом всех родственников? Ведь это такой мизерный шанс.

Учитель:

– Ну, конечно, не случайно. Она заслужила оное.

Я:

– И где сейчас Надежда? Насколько я помню, ее ступень была последней?

Учитель:

– Она уже живет другой жизнью, тебе не понятной, бестелесной. Однако там, как и в твоём мире, Надежда трудится

Я:

– Значит ли это, что, дабы закончить свои земные странствия, надо прожить благостную жизнь, до краев полную сострадания, милосердия и самоотречения?

Учитель:

– Можно и так, но не обязательно. Бывает, тебе дается судьба уже тяжелая, без выбора. И должен ты просто прожить ее, не опустившись на

самое дно и сохранив душу в благородстве, данном изначально... – учитель на секунду задумался, будто он обычный земной человек. – Да нет здесь канонов, просто, чем выше ступень, тем тяжелее выбор, выше требования и меньше дается даром. Хотя детство может быть очень даже счастливым.

Только посмотри, как беззаботно смеется Ирина, качаясь с подругами на морских волнах. Чуть поодаль сверкает белым камнем шикарный санаторий, а на берегу ее отец жарит шашлыки, поливая их игристым вином...

Я:

– Какая Ирина? Причем здесь ее смех?

Учитель:

– А смех при том, что уже через десять лет ее уста забудут даже, что такое улыбка...

Но сейчас, не слыша рокового предсказания, исходящего от того, о чьем существовании она даже не догадывалась, Ирина белозубо сверкала этой улыбкой. Ее глубокие глаза-омуты сияли, как море, а прекрасные утонченные черты лица выражали безмятежность. Ей было всего девятнадцать, а впереди, манящая яркими красками, целая жизнь.

Последние несколько лет Ирина и море были, как одно целое, ибо ее семья навсегда переехала в этот солнечный южный город. Отец получил высокую военную должность, мать наконец-то могла подлечить свои ноги... но больше всех была рада сему факту она сама. Бездонные морские пейзажи, мерный звук прибоя и, благодаря этому, душевный покой начали творить с сознанием интересные вещи. Ирина чувствовала всем естеством, что может помочь больным физическими недугами... и ведь, действительно могла.

Вот сегодня, например, после шашлыков, родители ушли с пляжа, и Ирина осталась с новыми друзьями – местными парнями и девушками.

– Ириш, иди к нам, – звали ее выйти из воды. – У нас Каберне есть.

– Спасибо, я не буду, мне и так хорошо, – Ирина улыбнулась, – но с вами с удовольствием посижу.

Она грациозно вышла из воды и села с компанией.

В течение последующих тридцати минут бутылка вина пустела, а души наполнялись романтикой за философскими разговорами юношей шестидесятых годов.

– ... Ир, ну а ты что скажешь, в чем смысл жизни? – какая-то девушка хихикнула.

Однако Ирина относилась серьезно к такому вопросу:

– Это для кого как. Кто-то хочет просто хорошо и счастливо ее прожить, а вот мне в последнее время хочется помогать людям, хотя бы избавлять их от боли душевной и физической. И я это умею.

Хихикающая девушка громко и оскорбительно рассмеялась.

– Это как? Вот у Сережи сейчас голова заболела после вина. Ты сможешь?

Ирина на обиду не ответила. Она медленно провела рукой по голове Сережи, тот закрыл глаза. А когда он их открыл, на его лице появилось выражение удивления:

– А действительно все прошло, – сказал Сергей, ни к кому конкретно не обращаясь. – Как это получилось? Такого же не бывает и мы тут все атеисты, – повернулся он к Ирине.

Ирина пожала плечами:

– Сама не знаю как. Я тоже атеист. Просто провожу рукой и все.

– Ой, маг и волшебница! – опять заржала девица.

Ирина пожала плечами, встала и, не удостоив ее даже взгляда, пошла к морю.

Курортный сезон был в самом разгаре. Пляж все больше наполнялся веселой крикливой молодежью, бабушками с детьми и жадными до загара парочками. И вот, как-то утром выходного дня к Ирине, одиноко загорающей на берегу, подошел молодой парень. Он долго переминался с ноги на ногу, не решаясь заговорить, пока Ирина не посмотрела ему в глаза. Парень побледнел, сраженный красотой юной леди и, собрав волю в кулак, сделал шаг вперед.

– Простите, девушка, вы не против компании поклонника вашей неземной красоты?

– Нет, не против. Но вы преувеличиваете, я обычная девушка, а не принцесса, – улыбнулась она. – Хотя, не скрою, приятно. Спасибо.

– А вы местная? Не сможете после купания показать ваш белокаменный город? Я тут в командировке и боюсь заблудиться, – с места в карьер рванул парень. – Кстати, меня Василий зовут.

Ирина совсем не смутилась:

– Да, конечно, сегодня у меня день свободный. Особенно если вы тоже расскажете о своем городе. Но сейчас я жажду моря, вы не против? А меня, кстати, зовут Ирина.

Прогулка по городу затянулась почти до полуночи. За это время Василий прочувствовал всю курортно-морскую романтику и прелесть густой черной южной ночи. А Ирина узнала, какие необычные люди живут в больших городах и как интересна и насыщена их жизнь.

Контраст, столкновение двух разных социумов вызвал в юных сердцах восторг, который незаметно для них превратился в чувства. Теперь они встречались каждый день – когда с утра до вечера, когда лишь пару часов. А под конец командировки они друг без друга уже не мыслили времяпровождения.

На площади двух вокзалов, за полчаса до отправления поезда Василий сделал Ирине предложение, а расписаться позвал к себе. И... через три месяца Ирина с вещами уже стояла на перроне огромного столичного вокзала.

Свадьба в стиле Модерн потрясла девушку своей оригинальностью. Там она и познакомилась со всеми необычными людьми, коих упоминал муж в своих рассказах. Здесь были и поэты и художники и просто замечательные люди с философским складом ума. Ирина ходила меж ними со светящимися от счастья глазами и наконец-то чувствовала себя «в своей тарелке».

– Вот эта девушка – поэтесса, – представлял муж очередную знакомую. – Здесь она пока известна только в узких кругах, зато за границей у нее несколько томов со стихами вышло. Настоящий диссидент. А вот художник, – кивнул он в сторону молодого парня, – если бы ты видела его картины... он пишет настроение и чувства. Тоже пока не оценен системой.

– Дорогой, я хочу познакомиться с поэтессой поближе. – Ирина умоляющим взглядом стрельнула мужу прямо в душу. – Мне кажется, я знаю, о чем с ней поговорить.

Сказано-сделано, уже через пять минут две девушки пили кофе на кухне и были друг с другом на «ты». Рифмы текли из уст серебряными ручейками, а души сливались в единую волну.

– Знаешь, Алла, мне кажется, что я все про тебя знаю, – вдруг молвила Ирина. – Хочешь, расскажу твою жизнь?

Алла была не против. Пронзительно взглянув ей в глаза, Ирина последующие несколько минут глаголила и отдельные факты жизни новой подруги и даже то, что у нее на душе.

Уже начали расходиться гости, когда Алла вошла в комнату и восторженно рассказала оставшимся о феномене.

– Может, кто хочет попробовать? Заходите к нам в кухню, только вино с собой не забудьте.

Еще пара человек испытала глубокое удивление от сего таланта. Ирина была сегодня в ударе, а Василий в нирване от гордости за жену.

С тех пор прошло два года. В Ирине быстро раскрылись таланты художника и писателя, но главным ее даром оставалось общение с людьми и умение их тонко чувствовать. Она могла часами философствовать, что очень нравилось ее новым подругам – сие вдохновляло их творческую музу. Однако в постоянном общении Ирина не нуждалась, а могла часами гулять одна, и о чем она тогда думала, не знал никто.

Но время идет – в большом городе, чтобы не потеряться, надо «браться за ум». Ирина поразмыслила, посоветовалась с мужем и... поступила в университет. Специальность, естественно, была выбрана гуманитарная, требующая творческих способностей и желания созидать, на что получила полное благословение мужа.

Года семидесятые. Перед поступлением в ВУЗ, как и сейчас, необходимо пройти медкомиссию, как будто это не ВУЗ, а военное училище. Ну, ладно, надо так надо и Ирина подчиняется правилам. Врачи брэнного тела уже пройдены и, наконец, подошла очередь специалиста, врачующего души... вернее, претендующего на умение их лечить – психиатра.

– Вот вам тесты Люшера, Роршаха и еще пара опросников. Будьте добры заполнить, – равнодушно бросил пожилой врач, не отрывая головы от каких-то бумажек.

Последующие минут двадцать Ирина честно заполняла карточки, морща лоб от напряжения и сосредоточенности. В мертвой тишине скрипело ее перо, ему вторило перо врача.

– Вот, пожалуйста, я закончила.
– Давайте, сейчас посмотрим, – равнодушно зевнул психиатр.
Во время просмотра его лицо все больше оживлялось.
– Мм, интересненько, – то и дело бормотал он.
– Ну что ж, очень даже... хм-м... необычно, – молвил врач после прочтения. – Хотя, в общем, в пределах допустимого.

И отложив карточки, внимательно посмотрел на Ирину.

– А расскажите-ка, девушка, чем вы интересуетесь, как живете?

Ирина как всегда подошла к вопросу весьма по-философски:

– Живу индивидуально, ярко и волшебно. Интересуюсь запредельным. А еще стараюсь приносить людям счастье, избавлять их от страданий и физических и душевных.

Психиатр поперхнулся и еще внимательнее посмотрел на девушку.

– Однако... А в чем проявляется ваша помощь другим людям?

Здесь Ирине надо бы быть поосторожнее, но юношеская наивность, чистота и максимализм диктовали свои правила.

– Ну, например, когда у человека болит голова, я провожу по ней рукой, и боль уходит. А еще вижу характер и фрагменты жизни любого незнакомца по его челу. И могу даже дать совет о его жизни последующей. Этого достаточно? – Ирина мягко улыбнулась.

Доктор, во время ответа смотрешший на пациентку открыв рот от удивления, через несколько секунд приобрел взгляд твердый, даже жестокий.

– Вполне... для осмотра вас в специальной клинике. У вас очень интересный случай, девушка, да-а. Поэтому будьте любезны подойти завтра утром вот по этому адресу. Там вас осмотрит специалист более узкой квалификации. Ну, а если он даст добро, то, конечно, пожалуйста к нам в университет.

На следующее утро Ирина сидела в кабинете такого же психиатра. Разница была лишь в окнах – здесь они были закрыты решетками. Вопросы оказались аналогичными, ответы тоже и, не сложно догадаться, что в сем скорбном учреждении Ирина и осталась.

– Для начала галаперидол и седуксен перед сном, – резюмировал психиатр по телефону старшей медсестре, – а там посмотрим.

– Вы не переживайте, мы вас обязательно вылечим. Не вы первая, не вы последняя, – успокаивающим тоном увещевал он Ирину. – Месяц другой поколем вас, и выйдете, как огурчик, – противным наигранно веселым голосом закончил врач.

Ирина сидела в слезах:

– А как же университет? Я же нормальная, что вы ко мне привязались.

Уже через неделю она почувствовала изменения в эмоциональном и психическом состоянии. Нет, не в лучшую сторону. Ее тело теперь временами жило отдельно от мозга, пропала чувствительность, и даже состояние легкости и предвкушения волшебства больше не посещало душу.

«А может, я действительно не совсем здорова, – начинали приходиться подлые своей слабостью мыслишки. – Врачу-то виднее, у него как ни как опыт. Ведь, действительно странны мои умения...»

И так, в конце концов, Ирина смирилась со своей участью насильно заключенной в дом скорби, смиренно сносив все оставшееся время уколы и процедуры. А через полтора месяца, как и обещал добрый дядя психиатр, она снова стояла в приемной комиссии университета, радостная, хоть и с тяжелым осадком в душе и какими-то шумами в голове.

– Если опять почувствуете, что можете руками лечить людей или видеть прошлое али будущее, сразу ко мне. Отдохнете, поколем вас и вы снова здоровы, – инструктировал эскулап при выписке.

И теперь ужасная мысль о возможности вновь там оказаться ледяным обручем стягивала сознание при малейшем его порыве взлететь, войти в волнующе состояние творческого вдохновения...

Однако курс галоперидола крылья душе не подрезал, и ее мощные порывы накрывали горячей волной. Способствовала этому не только тонкая чувствительность Ирины, а общение с творческой элитой большого города – с теми, на кого она мечтала походить. Она все больше и больше проводила время с поэтами, художниками, музыкантами и чувствовала, что ей это просто необходимо, в первую очередь, дабы вылечить ту боль, что принесла с собой из дома скорби. И душа, обильно смазываемая бальзамом созидательных ночных бдений в сих компаниях под кофе и настольную лампу, вновь расцветала.

Случился как-то поэтический вечер в одном Доме культуры. И Ирине довелась оказия прочитать собственное произведение, родившееся в один из вечеров под руководством личной музы и таланта подруги. Читала она великолепно, полностью ушедши с головой в рифму. Щеки девушки порозовели, голос звенел, а голову окутывали волны эйфории, и не удивительно, что когда она закончила, с места встал молодой мужчина.

– Аплодирую вам, леди! Ваши стихи не хуже предыдущей поэтессы, а, ведь, она метр своего дела и здесь ее давно знают. Вам помогали или это индивидуальное творчество?

Ирина поклонилась.

– Творчество индивидуальное, но его бы не было без моей подруги, которую вы назвали предыдущей поэтессой. Это она дарит мне вдохновение.

С мест послышались просьбы:

– А еще чем-нибудь нас порадуете?

– К сожалению, произведение пока единственное, – Ирина постояла несколько секунд в полной тишине и решительно продолжила, – но есть у меня один талант и мне очень хочется сейчас его продемонстрировать.

На первом ряду привстала подруга:

– Ира, не надо, вспомни, чем это может закончиться, – в полголоса с тревогой произнесла она.

Но Ирина ее уже не слушала. Она пристально взгляделась в того молодого

мужчину и тихим голосом начала говорить. В зале воцарилась крошечная тишина. Ирина рассказывала о жизни мужчины и о том, что у него на душе, а он краснел, приоткрыв рот.

Потом зал неистово аплодировал, Ира была на седьмом небе от счастья и, вроде, все было просто отлично... Все, да не все.

Через несколько дней она получила повестку прибыть в психиатрическую лечебницу для осмотра. Как подруга и боялась, в зале оказался зритель не их круга, что не удивительно для того времени – как же андеграунд и без надзора соответствующих органов.

– Мы же вас предупреждали, – говорили ей. – Надо было обратиться, как почувствовали тягу к этим болезненным идеям. Ну, не страшно, вылечим, поставим на ноги, как в первый раз.

Надо ли говорить, что второе грубое вмешательство в психику отразилось много болезненнее первого. Когда через месяц Ирина покинула унылые серые стены сего заведения, у нее плюс к шумам в голове прибавились еще какие-то голоса и навязчивые мысли. Однако девушка прикладывала все силы, дабы заглушить их. Лекции в университете и плотное общение с друзьями помогли этому частично сбыться. Голоса и странные мысли ее отпускали... но они возвращались, когда Ирина долгое время оставалась наедине с собой. Случалось сие, слава богу, не часто, поэтому и подруга, и муж радовались избавлению любимого человека от недуга. Но... они несколько заблуждались.

Теперь о муже. Василию сначала очень даже нравилось, что жене лучше, а главное, что она так легко вошла в мир богемы, но в какой-то момент он понял, что мир оный просто крадет у него жену.

– Нам нужен ребенок, – как-то объявил он.

Да, ребенок всегда является надеждой на воплощение того, что родители хотели бы видеть в собственной жизни, да не получилось. Как вы понимаете, Василий мечтал вернуть жену и иметь крепкую семью, ну а Ирина вырастить поэта или художника. Поэтому после небольшой паузы Василий услышал:

– Конечно, дорогой...

Опять быстро крутится калейдоскоп времени и судеб. И вот ребенку уже семнадцать, а у Ирины с Василием седина в волосах и благородные морщины на челе. ВУЗ много лет, как закончен, жизненные перипетии заставили уехать из большого города, поэтому работа то здесь, то там. Подруг разметала жизнь, а творческие вечера и большие сцены где-то далеко и давно в прошлом. Зато в настоящем однообразный семейный быт, мысленное одиночество, обострение чувствительности и... периодическое посещение психиатрических лечебниц благодаря этому.

Я вдруг увидел Ирину за готовкой на большой кухне, в комнате ободраны обои и она совершенно одна в квартире, а в голове...

«Это уже не кончится... жизнь твоя потеряла смысл... или ты должна

выйти на улицу и убежать от этого, в соседнем городе есть люди, которые тебе помогут... но я не знаю кто, ты сама найдешь... или заканчивай ее – твою ничемную жизнь, ты здесь никому уже не нужна... хотя стихи пиши, через них спасешься или нарисуй...», – стучат молоточки.

Ее отвлек звук ключа в замке. Это, наконец, пришел сын. Ирине уже полегче, она его любит и ей кажется, что забота о нем ее спасет.

– Андрей, помоги, пожалуйста, ремонт в комнате закончить. Я уже почти ободрала обои. Ведь, так невозможно жить, хочется хоть каких-нибудь перемен, хотя бы в антураже.

– Мать, я не могу, меня ребята ждуг. Да и не надо это мне. Тебе нужны перемены антуража? Ты и делай свой ремонт. Или пусть кто другой поможет, а меня ждет тусовка, я уже говорил, – подросток отвечал жестко и видно, что торопился.

– Так отец в командировке, ты же знаешь, – но аргумент прозвучал уже в пустоту.

Ирина опять одна в квартире и снова тараторят голоса:

«...я говорю – ты никому не нужна... уходи... убегай...»

Схватившись за голову, женщина выбежала из дома.

«Куда же мне идти?», – в ее измученном мозгу сейчас звучал только один вопрос.

Голоса услужливо подсказывали:

«Пройдись по парку, там найдешь... потом на вокзал, на электричку...»

На беду или на счастье на следующий день Ирину уже искали родственники. И не трудно догадаться, где она в скором времени оказалась. Стены «родного» заведения приняли ее с распростертыми объятиями.

«Одна из самых существенных истин Оккультной Философии указывает на существование вещей, неразличимых нашими физическими чувствами, но которые имеют гораздо большие значения и являются несравненно более реальными и более постоянными, нежели те, которые воспринимаются этими самыми чувствами».

«...Мы достигли лишь Пятой Расы и наделены (поскольку Наука способна убедиться) только пятью чувствами, потому существование остальных двух, остающихся все еще латентными в человеке, может быть доказано только феноменальными явлениями, которые для материалистов совсем не считаются свидетельствами. А также семью состояниями сознания, а именно: (1) бодрствующее; (2) бодрствующее-мечтающее; (3) естественного сна; (4) искусственного, или сна-транса; (5) психическое; (6) сверхпсихическое; и (7) чисто духовное».

Е. П. Блаватская

Я:

– Ну и сынок! – моему возмущению, особенно с высоты прожитых лет, не было предела. – В кого это он? Явно не в мать, она такой никогда не была, и даже не в отца.

Учитель:

– Не была. Хочу, однако, напомнить, что она женщина, а не мужчина. Да и про сына тоже напомним – он подросток, такое поведение нормально, если его социальный статус не «маменькин сынок». Но Ирина сего не понимает и думает, якобы с ним что-то не так, что жесток и интересы приземленные. Он повзрослеет и изменится, сильно переживать будет, совесть загрызет... правда уже будет поздно.

Кстати, а как, по-твоему, правильно ли Ирину лечат ваши эскулапы и нужна ли ей вообще помощь сия?

Я:

– Во-первых, Ирина абсолютно здорова, а ее психика и интеллект на много тоньше и выше тех эскулапов. Во-вторых, лечить душу таблетками для плоти выглядит, как лечить простудные заболевания кровопусканием – смешно.

Учитель:

– Прав. Ваши врачи не так давно именно это и делали, причем практически от всех болезней. Да и сейчас изменения в медицине не столь кардинальны, особенно в области психики человека. Психиатры не понимают и не хотят понимать, что кроме плоти в человеке присутствует еще и энергетическое тело или душа, если проще сказать. Именно эту субстанцию и надо лечить. А лечить ее они не умеют, ибо абсолютно ничего о сем органе не ведают.

Однако открою большую тайну: если бы психиатры хоть самую малость в психике понимали, то знали бы, что лечить тут ничего не надо ни у Ирины, ни у других пациентов. У большинства психических «заболеваний» и с душой, и с ее связующей нитью с трехмерным миром – мозгом, в отдельности все в порядке. Вся проблема заключается в самом контакте между этими предметами. Ведь, главная задача мозга – осуществлять, по сути, интерфейс тонкого многомерного энергетического тела с вашим миром. И она, бывает, нарушается по причинам: ошибок при вхождении сего тела в оболочку, нарушениями при жизни, либо специально для

– Ну, а теперь последний, самый трагический отрезок жизни с финальной сценой. – Эта фраза Учителя прозвучала в моем мозгу слишком уж черство и жестоко. Но, не успев удивиться, я снова очутился в простенькой одинокой квартирке...

Женщина с морщинами на когда-то красивом лице и седыми коротко постриженными волосами упорно пыталась приделать обратно упавшую книжную полку. Разбросанные книги уже были бережно собраны в ровную стопку и ждали своего водворения на достойное положению место. Периодически она поднимала голову и прислушивалась, ей все время казалось, что в прихожей звонит телефон. На то была причина – она с надеждой ждала звонок от сына, который уже два года, как женился и жил отдельно. Однако отпрыск особым вниманием мать не баловал, а мужа рядом

давно не было. Странно это аль нет, Ирина уже таким вопросом не задавалась, она устала, очень устала. Днем она страдала от одиночества и неравной борьбы с бытовыми трудностями, а ночью от головной и еще больше душевной боли. Оставаясь один на один с собой, на Ирину обрушивался тяжеленный гудящий в голове ужас, заставляющий хрипеть под своей тяжестью ее нежную душу. И если мигрени были результатом пребывания в домах скорби, то черные депрессии были уже работой окружающего ее равнодушного общества.

Однако общество об этом не ведало. Особенно поддержки Ирина ждала от сына, но тот или не чувствовал или не хотел чувствовать происходящее с матерью. Поэтому сегодня, как и вчера, она голоса сына так и не услышала. Не услышала и завтра и послезавтра, а, вот, через три дня он действительно позвонил:

– Алло, привет мам. Я сегодня подъеду, но минут на десять.

– Здравствуй, сынок, – лицо матери засветилось. Было ощущение, что даже некоторые морщины исчезли. – Почему на десять минут? Я тебя так давно не видела. Может, на ночь останешься с женой?

– Да нет, мама, я же говорю, нас друзья ждут. Просто они живут рядом с тобой, вот я и заскочу, раз такая оказия. Я же не специально к тебе так издалека поеду. Я гуляю, праздник сегодня, ну и заодно к тебе зайду.

По щеке женщины скатилась слеза. Она тут же опустила голову, будто бы сын стоит рядом и ей хочется скрыть свою слабость. Потом на грудь навалился камень, дышать стало очень тяжело, а в голове вновь что-то загудело, и застучали молоточки. Она прерывисто вздохнула.

– Да мам, ты что плачешь? Не надо. Мы как-нибудь обязательно лично к тебе приедем и останемся. Не последний же день живем. Ну ладно, давай, скоро будем.

Ирина еще долго стояла с телефонной трубкой в руке, а на ее лице вновь стали видны все последствия боев с болью и душевными муками, как траншеи от разорвавшихся мин судьбы.

Сегодня посещение сына принесло лишь временное облегчение, как слабый наркотик при ломке, а после его ухода вся эта черная вязкая пытка завладела ею с удвоенной силой.

«... Видишь, ты никому не нужна. Если бы тебя не было, всем было бы лучше... Ты не только в жизни ничего не сделала, но даже сына воспитать не смогла... уходи...»

Ирина, держась за сердце, вышла на улицу. Сердце еще справлялось с работой, а вот голова была окутана вязким непроницаемым туманом. Она не твердым, заплетающимся шагом плелась по парку, ее пошатывало...

– О, наш клиент, – довольные милиционеры остановились возле Ирины. – Эва как нажралась на праздник. Сейчас с нее денег стрясем, а не даст, пусть в отделение сидит, – заржал один из них.

– Андрюша, сынок, помоги мне... надо же обои поклеить... мне плохо очень... – Ирина бормотала без пауз. – Я слышу голос, он, представляешь, мне говорит, что я тебе не нужна. Это же не правда... Ты, ведь, меня любишь...

Улыбка понемногу сходила с уст стражей порядка.

– Так она сумасшедшая, тыфу ты, гадость. Придется скорую вызвать, – с брезгливостью говорил молодой милиционер.

– Не, не, а вдруг у нее в отделении припадок случится, испачкает там все. Давай-ка ее домой. Пусть психиатричка туда приезжает, – отвечал явно более опытный напарник. – Э, чокнутая, а ну, быстро говори, где живешь?

Ирина снова дома. Туман в голове уже чуть развеялся и она с ужасом понимает, что сегодня опять очутится в руках эскулапов. Очередной экзекуции с сознанием она не переживет. Ирина звонит сыну домой, надеясь на помощь, но там никто не подходит – сын гуляет на празднике. Она тяжело садится на стул и сжимает голову руками, тикают секунды, минуты... до приезда врачей.

В таком финале обычно играет тяжелая симфоническая музыка, она и играла... в голове Ирины. Особенно старались ударные молоточки и жуткий гул, видимо, заменяющий духовые. Через этот гул в сознание прорывались лишь три слова: «...жизнь... не правильно... впустую...» Женщина медленно встала со стула, еле волоча ноги, вышла из квартиры и побрела вверх на чердак, потом на крышу дома, к небу в последний раз...

Некоторое время спустя, в большом столичном граде, на сцене одного из многочисленных театров произошло событие, совершенно не связанное с вышеописанным.

На театральные подмостки вышел молодой человек с коротко подстриженными бородой и бакенбардами, с горящим взглядом и начал читать стихи. Пока он читал изящные душевные строки, в зале стояла гробовая тишина, затем аудитория взорвалась аплодисментами. Чтец поклонился:

– Эти цветастые рифмы для вас, дорогие слушатели. К сожалению, автор прийти не смогла, я вообще не знаю, где она сейчас, но когда-то мы были хорошими знакомыми. Пользуясь случаем, поведаю вам, что кроме дара стихосложения у нее есть еще один необычный дар – она чувствует людей, как саму себя и может исцелить от некоторых болезней. Меня вот избавила от сильнейшей мигрени. Она вообще волшебный человек, – мужчина мечтательно улыбнулся. – А сейчас сии стихи пусть порадуют ваши души, уверен, ей было бы приятно. Кстати, ее зовут Ирина. Да, если кто встретит ее, передавайте привет и мои искренние пожелания, – весело закончил выступающий и поклонился еще раз.

Уже через год маленькая квартирка вместе со своим тяжелым прошлым была продана сыном. Он не смог там жить, хоть и откровенно пытался. Андрей вообще кардинально изменился: на похоронах матери ему было так плохо, как никогда еще в жизни не было, он внезапно все осознал. А после похорон у сына появились первые седые волосы.

Однако он еще несколько раз заходил в свою бывшую квартиру – его туда периодически тянуло, например, на материн день Рождения. И так как новые хозяева были знакомыми Андрея, то его беспрекословно пускали, все понимая. Каждый раз, приходя, он выслушивал истории о том, что в очередной раз кто-то видел на кухне или в комнате призрак маленькой сгорбившей женщины, сидящей на стуле и обхватившей голову руками. Лица женщины видно не было, зато были слышны тяжелые вздохи и, даже, стоны. Новые хозяева говорили, что страха призрак никогда не вызывает, а скорее жалость.

Мое возвращение обратно в тонкий мир было подобно состоянию, когда заканчивается тяжелый психологический фильм и остается мрачное послевкусие, невыносимое отчаяние.

Я:

– Боже, какой кошмар! Без объяснений понимаю, почему это тоже последняя ступень. Столько страданий... – у меня должны были потечь слезы, однако для той энергетической субстанции, кою я собой представлял, вылилось все в изменение цвета и в мои, извиняюсь, всхлипывания.

Через минуту я все-таки спросил:

– Скажите, Учитель, а призрак Ирины почему появился? Это что-то значит?

Учитель:

– Конечно, значит. Так бывает всегда при мучительной смерти или когда сама жизнь сопровождается невероятно сильными переживаниями и болью. В данном случае и то и другое. Про закон сохранения энергии слышал? Эмоции тоже энергия и она может обрести форму. Это же бывает при

Некоторые ваши учения называют сие тело эфирным. Оно, как кусочек жизни человека, его прижизненная информация. Представь себе обрывок магнитофонной пленки с фрагментом записи. Возникает при сильном выбросе психической энергии. В вашем мире эфирное тело может держаться разное время, но в итоге энергия все равно рассасывается. А зависит его «жизнь» от разных факторов: ментальной силы, создавшей тело, от функциональности, наложенной на него природной системой – ты же слышал о том, как призраки о чем-то предупреждают. Еще сама душа сего страдальца, уже освободившись от тела бренного, может воздействовать на тело эфирное

Ну как тебе последняя ступень. Отличается от твоей нынешней жизни? – услышал я заключительные слова и, по-моему, Учитель при этом усмехнулся.

Я вздохнул:

– Кардинально. И довольно чувствительно увидеть такое не со стороны, а практически изнутри.

Еще долго в эфире «звенело» наше молчание. Учитель меня не тревожил, но чувствовалось его присутствие. Заговорил первым я:

– Спасибо, здесь я, похоже, все усвоил. Ну а уровнем ниже, что там происходит, можно посмотреть, так, для интереса?

Сегодня хозяин был особенно раздражен, кот это видел, а еще лучше чувствовал, как исходящие волны напряжения и цвет ауры. Он так и не понял, почему человек с перекошенным от злобы лицом влетел на кухню в то время, как он мирно возлежал на столе. Вчера это можно было и позавчера тоже, а сегодня он был больно схвачен за шкирку, звук от шлепков раздавался по всей квартире, пока тот не взвыл. Человек со злобой отшвырнул животное в угол, где оно забилось, глядя испуганными глазами, полными напряжения и страха.

А через месяц к хозяину пришла девушка со своим котом. Запах от него был невыносим, он пах врагом и претендентом на всю и так не большую территорию Алекса. Возможно, для хозяина сие казалось нормальным, да еще его аура была затуманена флюидами девушки, но не для кота. Алекс несколько раз предупредительно проорал боевым кличем и очень надеялся, что хозяин поймет его и выгонит наглого гостя с его и кота территории, но тот оставался глух. Он вообще перестал обращать внимание на своего друга, а все мысли были только о девушке – кот это отлично чувствовал. Тогда он в последний раз взвыл и бросился на оккупанта: «все придется делать самому».

Хозяин же – вот глупый – пытался их разнять. Алекс в пылу драки видел лишь какую-то тень, метнувшуюся к нему сбоку. Нападение! Он мгновенно перестроился и два раза ударил по ней, затем опять переключился на врага...

А через несколько секунд, когда бой с врагом закончился полной победой Алекса, то вместо похвалы он снова увидел яростное лицо хозяина. У того почему-то из одной руки текла кровь, а в другой была зажата швабра. Ею он несколько раз ударил своего друга в бок, да так больно, что тот взвыл, не понимая, за что сейчас его бьют. За то, что он выиграл бой у чужого кота? А может, он чем-то еще разочаровал хозяина? За что?! Алекс был ошарашен. Мало того, что ему было больно после драки, так он еще получил по ребрам деревянной палкой. Кот сидел и выл – от боли, обиды и остаточного напряжения после боя. Он не знал, может ли теперь доверять хозяину или того стоит остерегаться так же, как любого чужого.

Прошло много лет.

Пожилый кот с блеклой шерстью и тяжелой походкой уже двадцать минут, как ходил рядом и периодически терся о ноги хозяину. Он все ждал, когда, наконец, тот ляжет на диван и наступит любимое время спокойствия и умиротворенности. За последние годы хозяин сильно изменился. Недовольство и раздраженность проявлялись все реже – хозяин вырос, мудрел и становился от этого все ласковее. А уж о несправедливости по отношению к коту они оба давно забыли. Животное видело, что хозяин его просто обожал.

Когда человек, наконец, лег, Алекс тут же положил голову прямо ему на шею и замурчал. Хозяин платил тем же, вся усталость и боль сегодняшнего

дня ушла в сторону. Он погрузил пальцы в мягкую шерсть и от удовольствия закрыл глаза, тепло обоих тел слилось в единую ласковую волну. Вот так они и заснули – сладко и умильно. Каждому снился свой сон, но оба сна были счастливые. И каждый раз, если хозяин приходил домой печальный либо чем-то ожесточенный, этого было достаточно, что бы очистить от злости и недовольства его душу.

Прошло еще несколько лет.

Вот уже четыре года хозяин не забывал этих моментов, кусочков, из которых и соткана жизнь. Сначала они вспоминались с нежностью, потом заканчивались комком в горле и острыми приступами стыда за то, что уже никогда не исправить. Стыд за секунды перерастал в боль, она горечью развела ему грудь... Ведь кот-то был уже четыре года, как похоронен.

Я:

– А что, так бывает с каждым животным, которое себя прилично ведет?

Учитель:

– Нет, только с теми, кого любят, о ком помнят после смерти. Ментальная энергия воспоминаний, да и похожая на нее по силе энергия горя потери, помогает перейти живому существу на следующий круг. В общем, все, как и у людей. В этой истории хозяин остался там же, где был, а вот кот заслужил большего. И конечно, всего этого вполне достаточно для перехода на следующий круг. Правда, начинать бывший кот будет, естественно, с самой первой ступени, но не обязательно таким же жестоким, как Толян.

Сейчас ты его увидишь.

Как только крики стихли, Тихон рванул с облупленного крыльца обратно в дом.

– Ну что там, Анфиса разродилась, наконец?

Ему дорогу преградила дородная женщина в платке и платье в горошек.

– Да погодь ты, дай ейному организму очухаться. Беги лучше к Анисимовне за самогоном. А я пока разужу, че-как.

Тихон, облизываясь, рванул со двора.

А когда через двадцать минут он вернулся, его походка уже потеряла былую твердость, глаза приобрели водянистый оттенок примерно такого же цвета, что и мутноватая жидкость в одной из бутылок, что он нес. В другой руке тоже была бутылка, но количество жидкости в ней разительно отличалось от первой. Мужчину пошатывало, а из под кепки, заломленной набок, торчала грязная всклокоченная прядь волос. Он, спотыкаясь, взшел на крыльцо и забарабанил в дверь:

– Анфиска, ты как там?!

Дверь открыла та же баба.

– Че орешь? Мальчик у тебя родился, вроде, на тебя дурня похож, – выпалила она.

Затем, посмотрев на Тихона, не меняя тон, добавила:

– О, нажрался уже. Не мог обождать немного, скоро все сядем. Ну, да проходи в хату, а поллитру отдай мне, надо ее на стол отнесть.

Тихон радостно улыбался.

– Гы, сынишка, третий уже! Вот помощников на сенокосе будет!

«Самые малые, как и самые обширные творения, не должны ли они различаться между собою своими количествами, своими качествами, своими измерениями, своими силами и атрибутами, будучи все порождениями Числа? Бесконечность Чисел есть факт, доказанный нашему уму, но физического доказательства о котором не может быть дано. Математик скажет нам, что бесконечность Чисел существует, но это не может быть явлено. Бог есть Число, одаренное движением, которое ощущаемо, но не уявляемо. Как Единица, Он начинает Числа, но не имеет с ними ничего общего...»

О. Бальзак

«Пронизывающие пространство нашей Вселенной потоки монад есть "Фохат" (энергоинформационное поле) или пространственные матрицы, по образцам которых строятся объекты, системы и последовательности процессов физического мира от атома и до Метагалактики, от вируса и до многоклеточного организма».

Е. П. Блаватская

На минуту в эфире повисла пауза – я ничего не спрашивал и мне никого не показывали. Мои эмоции бурлили, а здравый смысл пытался их привести в порядок. Больше всего пылала эмоция обиды от понимания, как мне далеко до Ирины и Надежды. И все же человеческий инстинкт оправдывать себя во всем и здесь тихонечко попытался возмутиться. Я шел у него на поводу:

– И все же, обидно, что я не в последнем круге. Я ведь не капризный, вечно орущий и не быстро портящийся деньгами продукт.

Учитель отвечал холодно:

– Все равно. Не пройдя весь путь, ты не будешь готов. Средние звенья не менее важны и достойны.

На сей раз, я отреагировал спокойно – с таким аргументом сложно было не смириться. Однако теперь, похоже, Учитель почувствовал себя чем-то обязанным. Я увидел это по изменившемуся свечению, исходящему от него – белое матовое оно начало приобретать чуть красноватый оттенок. И тут же Учитель подтвердил мое предположение:

– Ну, хорошо, давай пробежимся по твоей жизни. По тебе вижу, что ты мучаешься вопросами.

Я оживился, в голосе снова появилась бодрость.

– Да, есть такое. Действительно, я согласен, что на моем пути вырастали препятствия... и за дело. В частности, с поиском своей половинки или, вот, со зверем начальником на работе, это понятно – должен пострадать. Но вот, например, зачем я три года назад деньги по собственной глупости потерял? Это ведь мне сильных страданий не приносит, тем более я тогда один жил, без семьи – заботиться ни о ком было не надо. Но все же где смысл такого поворота судьбы?

Учитель:

– Система саморегуляции работает даже в такой частности. В данном случае, поддерживает определенный уровень достатка, установленный для этого периода жизни. Тогда ты получил большую премию, и денег оказалось слишком много. На том пятилетнем этапе, а у тебя этапы примерно по пять лет, был установлен именно такой уровень.

Я ошарашенно закрыл рот и задумался:

«Ну, если регулировка происходит даже в такой мелочи... сложный механизм. И получается, мы вообще ничего сами не контролируем...»

– А как это происходит? Как? – наконец выдавил я вслух.

Учитель:

– Тебе описать сие в словах? – тут мне показалось, что сама система хмыльнулась, хотя этого не могло быть априори. – Объяснить буквами то, что тебе не понять даже образно своим трехмерным мозгом? Ну, хорошо, держи блок-схему: «жизненный уровень этого человека пошел вверх. Перекос одного фактора. Реакция – нивелировать. Как? Неожиданные расходы. К выполнению в течение двух дней». Устроило? Все изложено слишком просто? Скажи, а ты смог бы описать вкус котлеты, совсем не используя гастрономических понятий? – похоже, Учитель был раздражен. Он на секунду замолчал и уже привычным рассудительным тоном продолжил:

– Давай лучше о чем-нибудь другом. Кстати, а ты не хотел бы посмотреть на свою жизнь сверху, так же, как только что на чужие? Поймешь некоторые знаковые отрезки. Может, захочешь их подправить.

Я:

– Спасибо, нет. Свою жизнь я хочу прожить сам, иначе пропадут некоторые наработки, и потом ошибусь в каком-нибудь выборе. А вот маленький кусочек на закате лет, когда все точки над «i» будут уже расставлены, я бы глянул. Так, что бы знать, к чему стремиться.

– Изволь, – мгновенно пришел ответ... и я оказался на берегу моря.

Солнце было на закате, и романтично шумел прибой. Там, на самом краю поросшего мелкой сухой травой холма, стоял убеленный сединой старец. Его подбородок покоился на резном набалдашнике изящной трости, жестко упирающейся в древний серый валун. Казалось, на плечах лежало бремя вселенской усталости, об этом явственно глаголило и лицо, испещренное глубокими морщинами. Но если заглянуть в глаза, можно было увидеть совсем иную картину – они светились изнутри и направлены были в морскую

даль. Однако я тут же почувствовал, что сии минуты созерцания наполнены отнюдь не морем. Взгляд витал где-то очень далеко, неспешно плутал по ностальгическим дебрям прошедшей жизни. Тут же откуда-то пришло понимание, что он уже простился с этим миром и смирился с тем, что видит его последние годы или месяцы. Старец знал, куда попадет и был готов к этому. Он понимал, что там должно быть даже лучше. Но он никак не мог смириться с потерей родных и друзей, пусть даже уже и умерших, но умерших здесь. Их смерть и нетленная память принадлежала именно этому миру, как и сей мир принадлежал им, да и ему тоже. И именно это он боялся потерять больше всего. Старик с жадностью хватал каждую минуту и секунду оставшегося ему времени, качался на волнах и погружался в пучины воспоминаний. Он совсем недавно научился наслаждаться этой жизнью в полной мере, несмотря на то, что было уже довольно-таки поздно.

Мне стало больно, и сия тяжелая картина исчезла так же резко, как появилась.

Я:

– Вы мне показали калейдоскоп из десятка типажей. Это все, что есть или они основные?

Учитель:

– Не все. Хотя ты недалеко от истины. Всего таких десятков несколько, а мы рассматривали по одному из каждой ступени... точнее, даже не из каждой, а просто выборочно. Есть типажи, где люди даже похожи чертами лица. Если будешь и дальше присматриваться, научишься определять.

Я:

– Жаль, что лицо человека окончательно формируется только к взрослому возрасту. А то можно было бы уже ребенком понять, кто перед тобой и, возможно, подкорректировать.

Учитель:

– Не совсем так. Впрочем... действительно, лицо человека – это очень занимательная вещь, тебе оно скажет любой физиогномист. Вот, например, посмотри внутрь себя. Тот жизненный уровень, который ты почувствуешь, осознаешь внутри, тот уровень отобразится в годах на тебе снаружи. А на счет понимания... Когда ты хорошо научишься чувствовать человека по его лицу, то сможешь уже и о ребенке сказать, кем будет сей отрок. То ли ему предопределены страдания, то ли он будет самодовольным нахалом или рвачом, то ли уверенным сангвиником бизнесменом. Вот, например, если помнишь, Люсинда – стандартная высокомерная, гламурная дура. Как сей факт, так и то, что она априори будет жить богато и весело, было видно по чертам лица и мелким поступкам, начиная уже с детского возраста. В подростковом это уже бросалось в глаза.

Я:

– Жаль таких. А, действительно, они внешне даже похожи друг на друга, м...м, – я замялся, подбирая слова, – это как синдром Дауна. У них даже акцент восприятия другими людьми смещен с верхней части лица – глаз, лба,

в нижнюю – рот, губы, скулы... Интересно, каковы ее возможности перейти на ступень выше? Или их нет вовсе?

Учитель усмехнулся:

– Схожесть в чертах бывает не только у самых примитивных персонажей, не обижай их. Ну, а возможность идти вверх есть у всех, для этого жизнь и дается. И зависит оное будет от того, сможет ли она в течение своей жизни – насыщенной для нее, но глупой и примитивной со стороны, сделать хоть что-то хорошее.

Я глубоко вздохнул и поднял глаза вверх, где сквозь белый туман цветастыми сполохами была видна насыщенная жизнь незнакомого мне мира, о стремлении к которой мне сейчас поведали. Если бы сзади было кресло, то я откинулся бы на него:

– Благодарю за разъяснения, Учитель. Так что, получается, теперь я просвещенный... или просветленный, как там у вас... в вопросах мироздания и познавший суть вещей? – горделиво и оттого комично спросил я.

Ответ учителя пришел, не дожидаясь конца фразы:

– Нет. Теперь, когда ты вернешься, ты не будешь помнить и половины того, что здесь произошло. Извини, но твоя энергетическая сущность опять вернется за стенку подсознания, хотя кое-что ты запомнишь и эту малость перенесешь на бумагу. Ты сядешь за клавиатуру, ну а я, да и не только я, будем диктовать, как это было с другими до тебя и как будет после. К твоим услугам теперь вся информация системы, ты будешь черпать из нее... если не полениться напрячь мозг и войти в это волнующее состояние приема.

Я:

– Да, не слишком радужная перспектива. Но раз от истины я буду помнить только крохи, во что же мне надо верить после пробуждения?

– Верь в Бога, а именно, в систему мироздания. Главное, не в то, что о нем за тысячелетия придумали вы, люди, а в то, что есть на самом деле.

Я:

– Подскажите хотя бы, в какую сторону смотреть.

Учитель:

– Попробую. Я уже рассказывал, что сие похоже, скорее, на законы физики, чем на какую-то личность, как многим кажется. А законы физики не изменятся от того, верят ли в них люди или нет, чувствуют ли они, создают ли им храмы, придумывают ли о них небылицы... Человечеству никогда оно не понять, но стремиться надо. Со временем люди будут приближаться к пониманию, кто-то особо одаренный будет выхватывать куски, принимая их за целое, но выглядеть это будет, как дети, спорящие об устройстве сложнейшего прибора. Даже такие, как я, воспринимающие мироздание много шире вас, и то не знаем всего. С вашей точки зрения наш мир бестелесный, энергетический, на самом деле он просто находится в другом спектре по отношению к вашему, ну и сам спектр нашего восприятия на много шире. Посему у нас так же есть тела и они так же для нас материальны. Материальность вообще понятие относительное, ибо материально абсолютно

все, просто «материя» разная. – Учитель остановился, наверное, собраться с мыслями, дабы объяснить необъяснимое. По-моему, я услышал, как он вздохнул. – Пойдем дальше. Относительно нашего спектра-мира, есть и другие. Так вот, мироздание или Бог – это все эти спектры вместе взятые. Поэтому никому всего полностью не охватить. Как ты уже усвоил, мироздание подчинено законам, один из которых уравнивание. Оно пластично, то есть даже вы можете воздействовать на него и видеть малые частички его проявления. Так же мироздание...

Учитель снова остановился. Похоже, ему было тяжело рассказывать ребенку об устройстве мира, используя его скудный словарный запас вместо прямых образов, как он привык там, у себя. Наверное, поэтому следующие слова были уже далеки от божественного – были они аллегорией, сказанной с грустной усмешкой.

– Надеяться на то, что ты sie поймешь, это как в вашем мире надеяться на равноправие и демократию. Это при том, что над вашим обществом довлеют животные гены доминантной социальной системы. Пока они в вас, ни на какое равноправие вы рассчитывать не сможете, будет только обман и имитация. Однако отдельные личности sie таки осознают. Вот с «пониманием мироздания» я на подобных и рассчитываю. Пожалуй, все. А теперь до скорой встречи, дорогой...

Учитель исчез. Вслед за ним меня подбросило и выкинуло куда-то назад, как пробку из бутылки. Белый туман мгновенно рассеялся и я оказался...

Выйдя из медитации, я снова очутился дома. Все вокруг было знакомым, и в то же время нет. Но самым странным казался сам я. Такое ощущение, что голова уже вернулась и удивленно, как-то в тумане, но все же пребывает в нашем трехмерном мире. А вот тело пока где-то витает – ну не ощущал я его так, как раньше, будто оно не полностью мое было, а получил я его во временное пользование. Около часа я просто сидел в прострации, голова гудела, а туман в ней понемногу рассеивался. Затем навалился голод, и затем все вернулось на круги своя. Голова прояснилась, а туман оставил после себя интересное «послевкусие». Именно так я его и чувствовал – «вкус» исходил от всего вокруг, а самый сильный «аромат» истекал от людей на улице и поднимался к моему окну цветными сполохами.

В подобных метаморфозах прошла ночь. И вот я, уже ставший совсем другим, к тому же, еще полный сильных впечатлений того, что увидел, направился утром к знакомой ясновидящей. Я шел по улице, с жадностью смотрел вокруг и... видел не людей. Было ощущение, что у меня вдруг появился тот самый легендарный третий глаз. Вместо мужчин, женщин, детей я видел результаты работы системы. Это похоже на окончания щупалец, материализовавшихся из воздуха прямо возле каждого живого организма, через которые в него вливаются, пестрея разными цветами, соки. Система управляла щупальцами так, как ей нужно, а люди на эфемерных концах были конечным результатом. Больные, калеки... это тоже был результат – они уже рождались с готовой судьбой, это была их жизнь, их смысл.

Я смотрел, я читал их, как книги с цветными «иллюстрациями». Вот, например, страницы жизни этого мужчины сияли еще не созревшими цветами доброты и страдания. Ведь через десять лет он должен потерять горло в результате операции по удалению раковой опухоли. Ему вставят протез – не самое приятное зрелище, после чего бедняга превратится почти в социального изгоя. Из-за этого, буквально за пару лет, он станет добрейшим человеком, особенно всю оставшуюся жизнь будет любить детей – страдания рождают любовь к жизни. Я видел – мужчина был на последней ступени. Но сейчас он еще этого не знал, оттого цвета были не созревшими, и сердце не налилось добром и болью. А вот тот горел от неистового желания иметь деньги и власть. Его глаза сверкали жадностью и готовностью пойти на все ради этого. Пока молодой человек не имел ни того ни другого и его цвет отдавал легкими мягкими тонами, в которых угадывались эпизодические душевные поступки и даже любовь. Но темные тяжелые оттенки уже начали сие поглощать, ибо буквально через три – четыре года он яростно ворвется в среду управленцев и бизнесменов, получит все, что хотел, и не остановится на этом. Власть и деньги сделают свою черную работу в прямом и переносном смысле... Ведь его ступень только-только начала свой путь от начала к середине.

Впрочем... не смотря на все эти откровения, уравновешивая тяжесть сих образов и в пику мешающему моему счастливому существованию третьему глазу, голову периодически окутывали восторженные мысли о предстоящем посещении ясновидящей. Мысли, полные надежды типа: «А вдруг ее слова что-то мне напомнят и прояснят, ну а дальше я уже сам, мелкими шажками».

«Время Прошлое есть Время Настоящее, также и Будущее, которое, хотя еще и не выявилось, все же существует», согласно наставлению в учении Прасанга-Мадьямика, догмы которого были известны с самого времени его отделения от чисто эзотерических школ... «Я чувствую возмущение, будучи вынужденным употреблять эти три неуклюжие слова – Прошлое, Настоящее и Будущее – жалкие представления объективных фаз субъективного целого; они так же мало приспособлены к назначению, как топор к тонкой резьбе»

«...Орган, который расположен у основания мозга, заканчивающегося небольшой выпуклостью, называемой Eriphysis (Гипофиз), маленькой косточкой, отделенной от главной кости хрящиком, и которая встречается у каждого животного. Как показало его развитие и анатомическое строение, оно представляло такую аналогию со строением глаз, что было признано невозможным рассматривать это, как нечто иное. Встречаются палеонтологи, которые и поныне убеждены, что этот Третий Глаз первоначально действовал и они, несомненно, правы... В ряду объективных черепных органов, соответствующих субъективным Таттвическим принципам, он относится к Третьему Глазу (Шишковидной Железе) так же, как Манас к Буддхи. Пробуждение Третьего Глаза должно быть совершено этим сосудистым органом, этим незначительным маленьким телом, о котором, опять-таки, Физиология ничего не знает...»

Е. П. Блаватская

Маленькая худенькая женщина, одетая в простой домашний халат, открыла дверь в квартиру и уже с порога впиалась своим глубоким взглядом. Пока я раздевался, она все сканировала, и когда я уже был готов пройти в комнату, с улыбкой произнесла:

– Вижу, ты недавно был там, куда большинству вход закрыт и многое понял. Ну, проходи, садись, поговорим.

Я протопал по мягкому ковру и сел на краешек дивана.

– Да, кое-что. Ваш покорный слуга действительно выходил в тонкий мир и общался с сущностью. – Я задумался и с удивлением посмотрел на ясновидящую. – Только вот ответьте, каким образом вы предсказываете будущее? Если все можно угадать, то теряется смысл выбора, ибо получается, что его, как такового, просто нет. И ты не можешь стать лучше или хуже, ведь путь уже известен.

Она засмеялась и присела напротив, сверкая очами и ввергая меня в смущение:

– Глупый, я не угадываю, я вижу то, что уже есть. Никто не угадывает, это пахивает мистикой и сказками, а тут все научно и понятно. Просто время и настоящее и будущее, не говоря о прошедшем, уже существует. Это мы передвигаемся по дороге времени мелкими шажками, смотря под ноги, и не воспринимаем его целиком. Ну а я лишь могу поднять глаза и глянуть на дорогу. Чем ближе, тем лучше видно, хотя могу и подальше разглядеть. Я не делаю ничего, противоречащего законам физики, ну, конечно, не современной, а физики многомерного пространства. Время – это такая же составляющая, как длин, ширина и высота в нашем трехмерном мире. Причем, вижу я именно тот путь, по которому ты идешь прямо сейчас. Сверни ты, по каким-либо причинам, на другой, твое будущее может измениться. Многие называют пути альтернативами. Другое дело, что сворачивают единицы – тяжело это. Хотя, именно мое «предсказание» и может подвигнуть на сей шаг. Но развивай интуицию и предвидение, учись делать идеально правильно свой выбор, и ты постоянно будешь менять свой путь в лучшую сторону. Ну а я, соответственно, буду видеть твой путь уже другим.

Теперь давай посмотрим на тебя повнимательнее...

После часа напряженного, но продуктивного общения я шел домой, окутанный тяжелыми мыслями. И только жалоба жены дома отвлекла меня от них:

– Представляешь, машина сегодня сломалась. Ведь только недавно диагностику проходила. Механики были удивлены, даже причину озвучить не смогли. Пришлось выложить приличную сумму, а ведь только откладывать собрались. Ты что, совсем не удивлен? – обиженно спросила она, видя мою задумчивую спокойную физиономию.

А я действительно не удивился. Вместо этого в голову сразу пришла мысль, что пять лет немалый срок, и этот этап только начинается. Ведь неделю назад мы оба получили на работе хорошую премию. А, по словам

Учителя, мне еще года четыре предстояло жить «впритык» до перехода на следующую «пятилетку», ну и жене, соответственно, тоже, раз мы неделимая семья. Жить, хотя и без сильных лишений, но с большими и вдруг с того ни с сего возникшими необходимыми тратами. Излишек денег успел несколько дней непривычно полежать дома, а теперь он уменьшился где-то наполовину. Да я, когда их только получил, уже почувствовал, что вот-вот будут неожиданные расходы, какое уж тут удивление... Правда, успокаивало, что деньги не просто терялись в пустоту, а постоянно что-то приобреталось. Мда... Но у других похожие покупки совершались постепенно, в течение многих лет, а у нас накладывались одна на другую – за год несколько крупных и никак было сей поток не остановить, условия диктовала необходимость... вот дьявол, и я тоже начал про деньги...

«...Шестая Ранняя Раса станет “лучистым человечеством”. Это будет раса с титаническими интеллектуальными способностями, высокоразвитым «шестым чувством» (интуицией, творческими прозрениями, непосредственным «подключением» к информационному полю планеты) и с особой, отличной от нашего пространства-времени, топологией. Эволюционный синтез этих качеств неизбежно приведет к возникновению в сознании отдельных человеческих индивидуумов «седьмого чувства» – космического сознания или абсолютной духовности, а впоследствии к образованию самостоятельной пространственно-временной формы – (мини-вселенной), которая уйдет из нашей Вселенной в Многомерность в качестве матрицы творения будущих миров».

Е. П. Блаватская

В какой-то миг система спала, а точнее, находилась в состоянии покоя. Хотя нет, для нее не существовало сегодня, завтра, вчера, она была всегда. Время для нее было одной единицей, как и пространство. Она уравнивала, диктовала и сама же подчинялась законам физики всего этого многомерного мира и даже в каком-то понимании жила. Народ придумывал ей разные имена, называл ее Богом, чертом, но ей было все равно. То здесь, то там появлялись люди, имеющие дар войти с ней в непосредственный контакт, что-то почувствовать, увидеть. Они рассказывали всем то, что поняли... правда, понимали они это в меру своего развития и развития цивилизации, поэтому их рассказы и записи были разными и, к сожалению, далекими от истины. Но и это не имело для системы ни малейшего значения. Главное было другое, и она прекрасно с этим справлялась... она регулировала...

.....

IV. ДЕНЬ ПОМИНОВЕНИЯ

Вячеслав Овсянников

ПАМЯТИ ГЛЕБА ГОРБОВСКОГО

Скончался Глеб Горбовский, большой русский поэт, гордость нашей литературы, гордость Петербурга. Имя Горбовского давно стало легендой, его стихи любимы всеми, кто может чувствовать подлинную поэзию. 1-го марта в Свято-Троицком монастыре Александро-Невской лавры состоялось отпевание. Собрались почтить память умершего родственники, друзья, поэты, люди литературы. Там я встретил многих знакомых мне писателей. Священники вели службу отпевания по православному обряду, скорбно звучали голоса певчих на хорах. Свечки горели в руках собравшихся. А мне почему-то вспомнились строки Блока из его стихотворения «Поэты», которое, как я знаю, особенно любил Горбовский:

Пускай я умру под забором, как пес,
Пусть жизнь меня в землю втоптала, –
Я верю: то бог меня снегом занес,
То вьюга меня целовала!

Не зря же Горбовского причисляли к проклятым поэтам. Да и сам он долгое время себя таким считал.

Служба закончилась. Священник объявил, чтобы попрощались с умершим, после чего гроб будет закрыт, повезут хоронить на Богословское кладбище. Похоронят рядом с могилой жены Горбовского, поэтессы Лидии Гладкой. Шли длинной чередой по обеим сторонам гроба.

Вот и всё. Прощай, Горбовский!

Светлая тебе память! Жизнь ушла, остались стихи.

День был по-весеннему яркий, солнечный, голубое небо. Ночью бушевал буран, намел свежего снега, как будто чтобы выстелить Горбовскому чистый путь в вечность.

V. ВСПОМИНАЯ НАШИХ ДРУЗЕЙ

Анатолий Степанов

**Записки
церковного
сторожа**

2001 – 2003 гг.

перепечатка из Русских страниц, №4 НУЛЕВЫЕ ГОДЫ

ПРЕДИСЛОВИЕ

Выставка средневекового художника... В каталоге читаем: натюрморт, цветы в вазе... Действительно, есть на полотне цветы в вазе, над цветами летают бабочки... Красота, чистота. Но в том-то и дело, что наш художник задумчив был не о красоте и не о бабочках. Он не красоту искал, он искал смысл – какая красота может быть без смысла, когда остается только форма? Форма может быть совершенна, а настоящей, живой красоты не будет, так часто бывает.

Для средневекового человека цветы на полотне – это напоминание о жизни вечно возрождающейся. Цветы – это знак воскрешения земного, а бабочки – это образ души человеческой, свободной и прекрасной. Так что, не о цветах и не о бабочках здесь говорится, хотя, действительно, перед нами всего лишь натюрморт – натура, умирающая природа. (Французское «натюр-морт» буквально – мертвая природа.)

Оказывается, мы не в состоянии правильно понять даже то, что было написано всего лишь три столетия назад. Вот и сейчас – мы согласно киваем головой, вроде бы понимаем друг друга, но видим мы не одно и то же, и говорим мы о разном. Просто каждый из нас ментально, сам того не замечая, переводит речи другого на свое понимание.

Оказывается, смысл не полностью зависит от образа и от слова. Поэтому мы постоянно заняты поиском смысла, и это наше главное дело. Нам приходится постоянно работать, постоянно быть настороже, ведь завтра все будет другое и все надо будет понимать и принимать заново. Но именно поэтому жизнь наша не замирает. Нет и быть не может мертвой природы. Вот об этом и пребывал в задумчивости тот художник из средневековья.

Сегодня уже другой день, и Слово, которое от Бога, наполнено уже новым вином. Гости, гурманы и обжоры, хвалят *новый* урожай – и даже не замечают, что пьют из того же самого кувшина, из которого пили и в прошлом, и в позапрошлом году.

Кувшин опустошается, но тут же наполняется новым вином. И это прекрасно, потому что, когда вино не подливают постоянно в кувшин, когда слово отвердевает, им начинают пользоваться политики и журналисты. И что тогда остается на полотне? – увядающие цветы в красивой вазе, бабочки-однодневки... Натюрморт, и ничего больше.

Я не задумывал эту книгу. Это были отрывочные, бессистемные записи – торопливо записывал на клочке бумаги что-то мелькнувшее – только чтоб самому потом понять, откуда эта мысль взялась и к чему она направлена, – и бросал в ящик стола. Потом как-то стал наводить в столе порядок – куда все эти бумажки? – выбросить их нельзя, потому что нельзя вдруг взять и отказаться от собственных мыслей. Ведь я делал записи с уверенностью, что это помнить надо обязательно – забвение человеческое иногда оказывается смертнее самой смерти.

Но я не надеялся изречь что-то новое и оригинальное. Сказано давно: мысль изреченная есть ложь, – и правильно, любая мысль жива только в свое время и в своей ситуации. У каждой мысли – свое пространство. Истинно только пространство, в котором зародилась эта мысль, а сама по себе мысль – тьфу, мусор слов, не более. Незабвенный наш Козьма Прутков, он ведь не обнаженную мысль изрекал, при всей своей кажущейся шутливости, он успевал схватить самое главное: заткни фонтан, если он у тебя есть... бди... не плуй в колодец... Посидишь, подумаешь – действительно, надо бдеть, такая наша сегодняшняя жизнь.

Начало бытия – множественность, вариантность. Чтобы не отделить себя от мира и от путей его, человек вынужден быть неоднозначным. Цветку приходится расти там, куда упало семя. Поэтому человеку и надо бдеть, чтоб семена падали на добрую землю.

Судя по нашей истории, наши предки здорово недобдели. Слушали только заезжих краснобаев и отторгали с презрением своих мудрецов, которые говорили от этой земли. Что нам Прутков и Петр Столыпин – Троицкий говорит интереснее, и обещает больше!

Но чужое с собой не унесешь. По нынешним временам мне кажется особо подходящим совет моего товарища, писателя Анатолия Стерликова, который занимается разработкой технологии выживания. У него на первом месте стоит заповедь: не бери с собой лишнего.

Вот и не бери. Я стараюсь придерживаться этого правила.

Всё, что возможно, уже продумано – от начала, от акта творения. Я только подбирал готовое и записывал на своем, на понятном мне языке.

Нам только кажется, что наше слово приобретает новый смысл. Но это не другое, не неизвестное прежде слово, это то же вино, только нового урожая. Это те же цветы, только нового лета.

И эти записки – о заново растущих цветах, или о том, что слово теряет смысл, когда вино жизни перестает литься в кувшин.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.
ДИКОЕ ПОЛЕ

Этика и политика – только для человека.

К. Леонтьев. Из письма.

Портянку всегда наматывают вокруг ноги, а не вокруг философии.

Простые вещи не всякий умеет делать просто.

(Кинул в муху – не попал, улетела жива, здорова. «Эх ты, – говорит Саша, – а Печерин с первого раза попал!» – «А ты что, неужели Лермонтова перечитываешь? Перед сном читаешь? Или еще со школы помнишь?» – «Дурак ты!» – отвечает Саша.)

И действительно, совсем забыл я, что когда-то Саша умным работал – начальником участка на большом заводе. С ним, конечно, не поспоришь. Вот этим и отличается настоящий друг, он не побоится сказать в глаза правду, даже и самую тяжелую.)

* * *

Качество ума зависит от того, к чему тот ум прилагается.

Если ум да приложится к уду, то и выходит что-то такое... что-то очень неудовлетворительное.

(Был Фрейд, а в остатке – Нагиев. Таково у наших демократов движение истории, и это они именуют прогрессом. Приходится помнить, что у каждой политики – свой словарь.)

* * *

Латиница ныне стала американицей, и в этом нет ничего неожиданного.

Мода приходит и уходит, история – продолжается.

(О модельерах, даже будь это Высоцкий или Алла Пугачева, забывают быстро. А если и вспоминают, то думают, что иногда история двигается назад. Как будто во всем виновата история. Наши отцы в таких случаях меньше думали, они крестились и говорили: на все воля Божия. О моде они не страдали. Умом не страдали. А Саша Полковник, с которым мы живем в одном доме, Бога не поминает, но тоже отмахивается: а ну их всех... туда-то и туда-то. Ясно, что далеко. Чтоб ушли и не вернулись.)

* * *

Вся человеческая история – это история борьбы с Всевышним.

Историки приходят и уходят, а история продолжает твориться.

(Очень часто жизнь творится через глупости. По крайней мере, так нам кажется. Поэтому некоторые утверждают, что бытие Божие – это только рабочая гипотеза. Но гипотеза оказалась вечной.)

* * *

Нет у Господа великого и малого.

Именно в этом и проявляется величие Божие.

* * *

Вопросов всегда много, а ответ всегда может быть только один, и всё просто.

Потому и путаемся, что занимаемся только вопросами.

(Саша Полковник спрашивает: «Ну, что сидишь? Уже вечер, надо что-то соображать». «А я что делаю? – отвечаю ему. – Я не просто сижу, я думаю». «Думай, думай... Дурень думкой богатеет». Я молчу. Саша и сам вряд ли догадается, насколько он прав. От ума еще никто не разбогател – богатеют от хитрости.)

* * *

Иногда одергиваю себя: в чем бы ни были твои сомнения, это всегда сомнения в силе Господа.

Можно славить, а можно прятаться – прятаться и сомневаться.

(«Сигареты не купим, вот мы и богаче», – говорю Саше. «Правильно! – соглашается он. – И вообще в гастроном не пойдем, вот мы и разбогатеем!» Наверное, так мы и сделаем. С годами все точнее осознается: то, что казалось второстепенным, случайным, то и главное. Пустьерь возле дворца, камень, откинутый строителями – вот начало нового строительства. В малом все большее являет своё истинное лицо. Иногда это лицо Саши Полковника. – «Но ты учти, – предупреждает он, – пьянка – это не кайф, это протест». – «Пойдем!» – соглашаюсь я.)

* * *

Резные наличники на окнах и дверях, они не просто украшали дом, они охраняли жителя.

(Саша Полковник дает совет: «Не будь болваном перед экраном». Не очень внятно, зато бесплатно. Красота – не для развлечения, красота должна охранять. Героиня Андрея Платонова говорит: «Я много любила, любила... и ничего, одно наслаждение».)

* * *

Говорят: хитрость – второй ум.

Но у некоторых жителей и первого ума нет.

(А они иногда становятся известными артистами, политиками. И ничего, им даже аплодируют... такие же жители. А жителей, к сожалению, всегда большинство.)

* * *

Политики никогда не продаются, они только меняют свое мнение.

Экран и сцена – «жизнь есть игра»...

(И множатся игрушки, говоруны и счастливые зрители. Долго я не мог понять, зачем некоторые носят на себе галстук, всегда думал о галстуке и о его носителе: рудимент! Потом однажды увидел, как мужчина нервно поправляет хвост галстука на животе, и догадался, что галстуком прикрывают похоть. Униформа для того и существует, чтобы прикрыть личное.)

* * *

Личное возникает не против общественного, а против Бога.

Была дипломатия – осталась политика.

(Политик делает вид, будто не видит разницы: переделать ли мир под себя, или приспособить себя к миру. Была работа – от корня "раб", осталась – игра. А житель, если и становится болваном, то обязательно счастливым.)

* * *

«Делать добро выгодно», – это из протестантской этики.

Православный Руставели сказал: «Что отдал, то твоё».

* * *

«Я уцелел случайно, как случайно всё на этом свете». – Борис Раушенбах.

Православный должен знать: ничто случайно не случается на этом свете, иначе, мир уже давно бы "случайно" кончился.

* * *

Кто выбирает путь свободы, тот выбирает случай.

Вывался из тюрьмы и кричит: я свободен! – вот и начало всех начал, которые не от Слова.

* * *

Свобода выбора – это и есть свобода.

Но тогда не надо удивляться войне.

* * *

Быть свободным в богатом мире – это и есть искусство.

Очень часто думается: дураков и православных учить бесполезно.

(В Православии укрепились понятие «Божий человек» – другие народы понятия такого не имеют. У нас и в сказке, в народном документе, главным героем оказывается вдруг Иванушка-дурачок. Почему-то у нас и список, который дьяк составлял, назывался ревизской сказкой, и быличка, которую бабушка внуку рассказывает – тоже сказка. Но бабушкам у нас до сих пор верят, а чиновникам – нет.)

* * *

Партия, кагал, собрание – в этом их вера и их безверие.

Собор – это собрание, а не собрание.

(Иван Ильин понимает соборное общение не как общение двоих и более, а как общение именно в присутствии Бога. Наедине, без Бога, люди всегда будут говорить о разном и никогда не поймут друг друга.)

* * *

Наука, как и религия – это для человека.

Господу Богу не нужно ни то, ни другое.

(Читаю письма Константина Леонтьева)

* * *

Культура – это умение выживать на местности.

Культура – это экономия.

(Саша, который Полковник, говорит, что надо жить, а не выживать, и он называет это свободой. И наш Полковник опять прав. Но все-таки приходится помнить, что культура бывает только местной. Это только цивилизация – для всех и всюду. Если мы обретаем в цивилизации свободу – отрекаемся от Бога, так получается.)

* * *

Империи не умирают – они не из того материала.

Достаточно знать, где сегодня столица нашей империи, и тогда все понятно.

(Москва – это столица Всяя Чечни. А вот где сегодня Россия? – никто не знает. Проснулся утром и даже радио не захотел включать – все равно не скажут.)

* * *

Цивилизации создаются не для духа, а для удобства.

Цивилизации создаются для торговли и для обмана.

Башня инженера Эйфеля и статуя рогатой Свободы – это, конечно, не иконы. О французской культуре Томас Манн сказал: «...из ветра и прутьев», – где-то в письме.

11 сентября 2001 года американцы, чтобы мобилизовать нацию, грохнули у себя в Нью-Йорке всемирный торговый центр. Президент Буш объявил войну сразу всем: кто не с нами, тот с террористами! Интересы Америки превыше всего!

* * *

Прогресс – никакой это не прогресс, а выздоровление после болезни.

Через болезнь отторгается и чужеродное, и ложное.

(Грибок – не только на крупе, но и в простокваше. Так же и в мыслях – «любовь» или «смерть» могут оказаться не в том контексте, и вот вам, пожалуйста, болезнь ума и сердца.)

* * *

На войне гибнут люди, но войны прекращаются не поэтому.

Война прекращается, когда приходит время выздоравливать.

* * *

Президент Джон Кеннеди: «Когда нет прокурора, террористом может стать каждый».

Истина властной не бывает – властными бывают люди.

* * *

Андрей Платонов: заглянул в человеческую душу и увидел бездну.

И понял, что сам человек эту бездну не в состоянии заполнить.

* * *

Тезис «удали лишнее» одинаково понимают хирург и палач, но дела их различны.

Все происходит потому, что истина всегда оказывается в другом месте.

(Девочка Маша в письме к бабушке: «У нас всё нормально и ничего у нас не происходит...» Очень умная девочка. Так же и в Библии: есть время и время... И всё своим чередом. Как-то вечером заходит ко мне Саша Полковник, радостный: «Дочь опять замуж собирается! Надо отметить такое дело». А дело в том, что его дочь уже давно развелась со своим мужем, потому что он здорово пил. Саша Полковник тоже отзывается о своем бывшем зяте: «Пьяница, не умеет он пить». Но теперь Сашина дочь собралась замуж за непьющего и богатого – он управляет большой фирмой, внедряющей новейшие технологии. Но сегодня опять пришел ко мне Саша, сел на стул, вздыхает: «Не могу дома находиться. Дочь ревет и мать вместе с ней... обе ревут. Жениха в Кресты уекли, что-то он где-то не то внедрил. А дочь уже и платье для свадьбы приготовила». «А ты утешить, – спрашиваю я у Саши, – пробовал?» – «Пробовал. Я им сказал: не ревите, собирайте передачу». Правильно, все своим чередом – внедрил, сел... тюрьма, передача. «И все равно ревут?» «Ревут!» Да, всё своим чередом – поревут, соберут передачу...)

* * *

Идея, оказавшись в другой местности, неизбежно меняет свое качество.

Закон: качество ума зависит от того, к чему ум прилагается.

(Золотая Орда перебралась в Московию – до сих пор разбираемся, где у нас Русь, а где Татария.)

* * *

Русский народ создавался для обслуживания великой идеи.

А господа сразу захотели слуг для себя.

* * *

Творчество может быть только в сотворчестве.

Есть творчество и есть притворчество.

(Трудно бывает отличить артиста от творца и творца от обманщика. Только у Бога истина всего одна, потому он и велик, и вне нашего разума. А у человека есть свобода выбора: это нам хорошо, это выгодно, это приятно... – истин оказывается несколько и приходится что-то выбирать. Иногда – не лучшее. Так наша свобода оказывается новым рабством. Об этом я попытался говорить Саше, но он только отмахнулся и продолжал пересчитывать свои копейки на ладони. Так ничего и не сказал – возвеличил на мя запинание свое.)

* * *

Правитель земной дается народу для вразумления, а не для счастья.

Поэтому Петр был Великим, а наш Бориска был пьяным.

* * *

Генри Торо: «Когда на моей стороне Бог, я в большинстве».

Свобода в Духе, равенство перед Богом и братство во Христе – вот и вся демократия.

(Действительно. Свобода за доллар, равенство за доллар и братство за доллар – так не бывает. Ныне бесы всеми силами стараются нас уверить, что даже братство без полушки мало стоит. Трудная у бесов работа, не позавидуешь.)

* * *

Обман легче всего прятать за множеством слов.

Чем многочисленнее народ, тем легче его обмануть.

(Фашизм пригодился в Германии как местным националам, так и сионистам. Поэтому трудно поверить в дружбу России и Германии – и тот, и другой народ слишком легко поддаются оболваниванию. Русские обслуживают чужие революции, перевороты, перестройки. А Германия оплачивает Израилю чужие долги. Вот и печаль: как трудно быть сыном своего Отечества, когда знаешь, что всякая великая нация ждет своего обманщика.)

* * *

Вся наша философия – только для того, чтобы развеселить Господа.

И только Бог способен обуздать нашу хитрость.

(Саша Полковник наконец-то прочитал Евангелие. С трудом, но осилил и мне признается: «Ничего не понял!» Честно говоря, и я, когда читаю Апокалипсис, тоже ничего не понимаю. Мне почему-то кажется, что я опять читаю Ветхий Завет. А так не хочется ветхой жизни, когда знаешь о воскресении Христовом и о Его милосердии. Дело в том, что дурные предсказания имеют свойство становиться программой и часто, в самом деле, сбываются. Поэтому я скорее в коммунизм соглашусь поверить, чем в окончание света.)

* * *

Государственное христианство – опять цивилизация.

И опять – политика.

(И снова Константин Леонтьев: «Этика и политика – только для человека». И получается – опять разговор о хитрости. Достоевский как-то сказал, что жизнь в России – это сплошная политика. Но если московскую политику делают одесситы, то какая же это жизнь?)

* * *

Культура – от иконы, от молитвы.

Герой плутовского романа – это все-таки плут, а не герой.

(Обделывают людишки свои делишки. Остап Бендер, Чубайс, Абрамович, Ходорковский, Березовский... – какой тут может быть разговор о "герое нашего времени"? Раз плут – за то и бьют. А не за героизм.)

* * *

То, что мир еще не рухнул, свидетельствует о всесии Божием, а не о людской мудрости.

Стихия жизни – кому она подчинена?

(Пушкинское «на берегу пустынных волн», конечно, слабее «постороннего пространства» Андрея Платонова. Слова Платонова важнее. Но от кого брал свои слова Андрей Платонов? Да, конечно же, в местной забегаловке от какого-то пьянчужки. Русский человек, если он примет на грудь грамммульку, может такого наговорить... потому что русский человек – это человек слова. Когда в стране закончилась Перестройка и начались Реформы, то многие наши русские люди ничего делать не стали, а ушли в сторожа, чтобы сберечь собственное пространство. Короче говоря, люди возвеличили запинание свое. Так уже бывало и при царях, и при комиссарах, и при генсеках. Страна вроде бы своя, родная, а пространство вокруг – постороннее. Ничего не поделаешь, приходится быть настороже.)

* * *

Культура – это культура выживания.

Председатель Мао: «Страшно подумать, что будет с нами, если мы когда-нибудь будем жить хорошо».

(Спрашиваю у Полковника: «Хочешь жить хорошо?» А он: «А какой дурак не хочет?» Действительно, даже дураков таких нет. Я тоже, честно говоря, не хочу жить плохо. Но чем отличается истина председателя Мао от истины Саши Полковника? Так и не понял.)

* * *

Один Бог, один Царь да один недород – вот и народ.

Вот и спаси нас, Господи.

* * *

Собор – только через молитвенное стояние.

А собор без молитвы – опять собрание.

* * *

Цивилизация все делает общим.

И нормальному человеку опять ничего не остается.

(Полковник мрачно шутит: «Все там будем!» Я понимаю, он опять вспомнил о своем будущем зяте, который сидит в Крестах. Президент Путин тоже как-то высказался: «Глобализация неизбежна!» То есть, не зарекайся от тюрьмы и от цивилизации. Но кто-то пристраивается начальником по режиму, а большинство – сидят в своих камерах. Начальник тоже сидит в тюрьме, только по другую сторону решетки, и это его утешает.)

* * *

Знания в знании не бывает.

Страшно подумать, но ведь и Господа нашего, Иисуса Христа могло бы не быть, если бы вечный Отец не творил и не хранил человека.

* * *

Только старые ботинки оказываются как раз по ноге. И чувствуешь себя в них свободно.

Новые вещи не имеют прошлого.

* * *

Когда в государстве нет титульной нации, остается титульный интернационал.

Когда в государстве нет национальной элиты, элитой становятся бандиты.

(Давид Самойлов однажды задумался: «Неужели смысл жизни – язык? Возможно». Он ещё и сомневается! Ведь язык – это дар Божий. Если не будет мудрости в нашем слове, то откуда мудрости взяться в делах? А наши мужики, когда соберутся в нашем пень-клубе, могут такого наговорить – ещё один мир можно построить. Если Саша Полковник скажет: «Это ты реально говоришь!» – значит, человек уже наговаривает дело. А Историк говорит о том, что вся наша история – это только рассказ о том, как мы остановились. История началась давным-давно, а мы так и остались на стадии пред-человеков. Какая же получается у нас история? Поэтому один умный деятель так и высказался, что вся наша история – это только легенда, в которую мы договорились поверить. Поэтому и наш Историк не пошел преподавать такую историю в школе, а устроился где-то вахтером – сидит и всякие дурацкие книжки читает. Но зарплату он все-таки получает не меньше школьного учителя, потому что в России всяких сторожей, вахтеров, охранников всегда уважают особо. У нас есть что хранить. А вот Лекарь твердит опять своё: «Мир идёт к концу! Мой дедушка был мастером кошерной пиццы, а я – всего лишь разработчик сигнальных систем». Типичный русский интеллигент, и рассуждает он как интеллигент. Полковник ему возражает: «Больше тебе не наливаем! Конiec мира – это нереально». И то – если история ещё только начинается, то какой же это конец?)

* * *

Бог – это сущность.

(Илья Кормильцев: «Внутренний закон капитала: в идеальном продукте сущности не должно быть. Потому что любая сущность вытесняет сущность денег – главную и единственную сущность, имеющую значение для капитала».)

Только в культуре определяется смысл.

(Категорично. Потому что – опять Кормильцев: «Душа не сводима к элементам».)

* * *

Сознание – не самостоятельное свойство, а прикладное.

Поэтому и не получается человека без Бога.

(Опять же: если ум да приложится к другому месту – ничего кроме Фрейда и Нагиева, «одно наслаждение».)

* * *

Россия для того и большая, чтобы здесь всем хватило места.

А тюрьма – это порядок.

(Опять спрашиваю у Саши: «Что с твоим зятем?» «Сидит!» – бодро отвечает Саша. Потом оглядывается, не слышит ли нас кто, и рассказывает: его будущий зять сидит в камере на двоих. У них в камере даже телевизор есть. А главное, сосед по камере хорошо знает английский и теперь Сашин будущий зять изучает язык американцев. Хорошему человеку всё в жизни может пригодиться.)

* * *

Когда частность пытается стать миром, мир кончается.

Личность без Бога – частность.

(Когда мичуринцы не слышат вавиловцев – это еще не велика беда, потому что мир все равно продолжится. Но если вавиловцы не услышат мичуринцев, мир может кончиться. Вечная трагедия Второзакония: если нет «других» народов, то оказывается не из чего творить свою жизнь.)

* * *

Аристотель: «Друг всех – ничей друг».

Приходится враждовать между собой, чтобы с кем-то дружить.

(«Героический энтузиазм» может быть только от Духа истинного. Католики потому и сожгли великого и радостного Джордано Бруно, что он попытался объединить святость и героизм. А какой из раба, хотя бы и Божьего, герой? На Руси, пока не знали ветхих заветов, не знали и рабства – все одинаково были «отецкие дети».)

* * *

Жизнь не задерживается на одном месте, она переходит из одной формы в другую.

Покойное формы уже не имеет.

(Вот мы и по пьянствовали на поминках. В эпоху строительства социализма мы кричали: «Мы Россию никому не отдадим. Мы её лучше пропьем!» И пропили. И теперь уходим в другую форму. Все равно в какую. «Форма всегда содержательна». – Гегель.)

Будущий зять Полковника сидит в тюрьме и учит английский, и это уже хорошо. Лишь бы он не забыл свой русский, ведь всё продолжается и ещё всё может пригодиться.)

* * *

Право на тайну есть право на свободу.

Живой человек боится однозначности.

(Преступают не потому, что хотят нарушить, а потому, что боятся смерти. Сознательно преступником никто не решается быть, потому что смерти боятся все. Но тот, кто сознательно ищет смерть, тот может убить другого человека. Потому что всякий боится убить сам себя.)

* * *

Есть те, которые сбиваются в стаи, и они берут в союзницы ночь.

В стаи собираются для разбоя и для защиты.

(А человек не может быть однозначным – это условие вариантности и выживания. Потому я и уважаю Сашу Полковника, что он умеет находить варианты. Приходит ко мне и под большим секретом рассказывает: «Я на бутылку пива страдаю – не найду, а у дочери денег не меряно! Нет, ты представляешь?» – «Не представляю, – говорю. – Ну и что?» – «А то, что нам нужно отвезти одному человеку деньги, и всё. Отдадим пакет, вернемся, отчитаемся перед дочерью, и будем здоровы!» – «Я, – говорю, – и так здоров. А вот у того человека нас никто случайный не встретит и не шлепнет?» – «Бошиться? Не трусь. Мы едем в его фирму, там встречаемся с его заместителем...» – «В какую фирму?» Вообще-то, мне уже всё понятно, но я задаю вопросы, чтоб оттянуть время и подумать. «Не бойся, – говорит Саша. – Дело верное. Я могу и один съездить, но я тебе как другу предлагаю», – «Спасибо тебе, дорогой. Век тебе этого не забуду. Если останусь жив».)

* * *

Бес проверяет предметы на прочность – этим он помогает Творцу.

Приходит наемный работник, а все думают, что пришёл хозяин.

* * *

Самые страшные новости надо говорить шепотом.

Чтобы все услышали.

* * *

Когда веру превращают в систему запретов, вера уходит куда-то.

Христос жил не по богословию, а по Отцу.

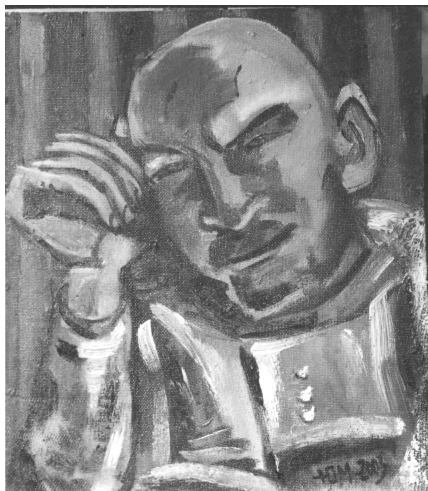
(Верить или не верить? – в делах веры так не судят, ибо до веры всегда есть до-верие. Я Саше доверяю и Саша мне доверяет, но я работаю при церкви сторожем, а Саша в церковь не ходит. Но я думаю, что он уже верит.)

В. В. Алексеев

М О Н О Л О Г
П О Д К Р О В А Т Ь Ю

Перепечатка из Русских страниц за 2015 год

Приходили ряженные, стучали в дверь и в стену. Не открывал, залезал под кровать, погружался в темноту, успокаивался.

Ряжеными были два художника. Они были с бутылками и им негде было где выпить. Это были – Максим Максимов и Борис Кудинов.

Оба с похмелья любят ходить в церковь, замаливать грехи, любят приложить к иконе Богоматери, просят ее о прощении.

Первый – Максим Максимов, когда пьет, только и осеняет себя крестом. А когда спиртное заканчивается, встает и, чмокнув /для этого надо достать его из под рубашки/ металлический крест, махнув рукой, возглашает: "Эх, мать, перемать!" и еще что-нибудь похлеще, просто и ясно восклицает: "А теперь по блядам!"

Второй – Борис Кудинов, угрюмо, ни на кого не глядя, пьет, утверждая только одно: "Искусство, не есть искусство!" А когда спиртное заканчивается, встает и радостно оглядев всех вокруг, все застолье, восклицает: "Ты прав, мой друг, нам пьянство сокращает все опыты быстротекущей жизни. Поедем к девкам. Девки бывают очень хорошенькими. Не то что наши жены. Наши жены пушки заряжены. Когда жена меня бьет, во мне возникает творческий потенциал. И я начинаю творить. Не представляю, какая это семейная жизнь без мордобоя. Сплошная скака."

После их ухода долго лежал под кроватью. Думал, это меня успокаивало. Ограниченное пространство в темноте – вот что меня в последнее время успокаивает. Раньше приятно было лежать на постели, а теперь под постелью. Раньше приятно было лежать на кровати, а теперь – под кроватью. Раньше был развитой социализм и я лежал на кровати. А теперь наступил развитой капитализм и я стал лежать под кроватью.

Кровать у меня большая, высокая и это мне позволяет. Кровать у меня резная, деревянная, сделанная еще в царское время. Досталась от бабушки по материнской линии. Бабушка любила лежать на этой кровати. На ней она пролежала все семьдесят лет советской власти. И на ней она. и умерла. "Ты, – говорила она мне, – ее не выкидывай, она будет напоминать обо мне."

Я кровать не выкинул, но после смерти бабушки стал предпочитать – лежать под кроватью.

Помнится, там я впервые подумал: "Когда я умру, я улечу куда-нибудь на восток, в горы. Восток мне больше нравится, чем Запад. Узкоглазые мне больше нравятся, чем глазастые. Моя сестра была вылитая казашка – "с низкой посадкой" и с короткими, толстыми ногами, в которых притаилась нежность. И, разумеется, привлекательность, я уж не говорю о ее восточном мудром взгляде. О темно-коричневых, устремленных в вечность глазах. Вылитый Чингис хан. Очевидно, я тоже потомок Чингис Хана. Никогда меня не тянуло в Европу. Азия – вот моя мечта. Детишки монголов и китайцев мне больше нравятся, чем дети Европы.

"Европа, Европа, – любил говаривать мой мастер, когда я в молодости работал на фабрике, прессовщиком пластмасс, – Европа – это большая жопа. К ней никогда не надо поворачиваться задом, надо на нее всегда смотреть передом.

Мастер был начитанным человеком и часто по своему передразнивал Петра Первого. Восхищался его делами, особенно прилюдной казнью взяточников и воров. А кроме того приветствовал монопольный закон на водку и распространение на Руси картошки и табака.

– Люблю, поев картошки, залечь на постель. Люблю лежать на диване и вспоминать о своей "маме".

"Мама" была его жена, с которой он, прожив двадцать лет, развелся.

– Черт знает, что такое, а не баба. Как посмотрит на тебя, так у тебя сразу же кое-что отваливается. И откуда такие бабы берутся?

Я относился к мастеру, что называется, "не очень". К сожалению, он принадлежал к тому типу людей, которые, порвав с землей, порвав с деревенской жизнью, так и не вписались в городскую.

В лес за грибами не ходил. "Они мне еще во время войны в деревне надоели. Только и жрали одни грибы. Детишки мерли как мухи. Помню, бывало, только и слышишь рев баб из какого-нибудь двора. Россия за последние сто лет – это плачущая баба".

Лежал в темноте, под кроватью. Это место мне напоминает нижнюю полку в вагоне, когда поезд несется по пространствам и весям моей родины.

Лежал и вспоминал свое детство, вспоминал, как мать меня пеленала. Одно ухо вырывалось из под пеленки, а она руками прижимала его к голове и я истошно орал.

Оказывается, подобное пеленанье в то время было рекомендовано врачами, дабы ноги у ребенка были прямыми. Плохая еда и недостаток витаминов приводили к тому что у многих детей был рахит и ноги становились кривыми. Вот отчего врачи и советовали так пеленать детей. Я же благодаря этому не могу спать у стены. Когда мы спим вдвоем с женой, я задыхаюсь и меня охватывает ужас. А кроме того меня охватывает ужас, когда я сплю в спальном мешке. Помнится, это я испытал в геологической экспедиции, находясь на Таймыре.

Вспоминал я и куда-то идущие в ночь поезда, которые подходили к нам, стоящим на перроне станции, светя одним страшным глазом – прожектором, истошно орущим в темноте голосом и на подходе стальным лязганьем колес, пыхтением и сопением, а при остановке шумным выпусканьем пара.

Ночью в темном вагоне идущего куда-то поезда мать выносила меня в туалет. В обнаженные зад и в спину дуло холодно.

– А! а! а! – говорила мать, – Пис! пис! пис!

В туалете было светло и холодно и мы вскоре снова погружались в темноту теплого вагона.

А поезд все несся и несся в ночи, все орал и орал, все скрежетал и скрежетал, все свистел и пыхтел, все останавливался и трогался. И кажется, это было без конца, и не одну ночь и день, и не один месяц и год, пока я однажды не увидел себя солнечным летним днем под яблоней. Рядом был сад и деревенский дом: там были дедушка с Бабушкой. Очень вкусными тогда казались: незрелый кислый крыжовник и "петухи" – стебли с цветущей головкой лугового шавеля.

Вспоминался и зимний пасмурный день в деревне. Ветер между деревенскими домами и прогонами /так называли проездыные дороги между домами/ и старуху, у которой в деревне было прозвище – Умаленая.

Зимой и летом она ходила в каком-то сером и старом пальто и в каких-то грязных и рваных валенках, из которых проглядывали нечистые пальцы.

Она зимой спала прямо в одежде в печке, следы сажи были на ее лице. И когда я ее встречал, мне было три, четыре года, она радостно приоткрывала свой беззубый с ободками розовых десен рот и говорила мне то, отчего и мне становилось тоже как-то весело:

– Ах, ты, умаленый ты мой! У куда-й то ты идешь?! Ну, иди, милый, иди.

И, улыбаясь, смотрела своими выцветшими голубыми глазами, в которых горел огонек безумия. Ничего она мне больше не говорила, но это навсегда осталось в моей памяти, как и осталось то, что я иду мимо деревенского дома, а на лавочке сидит толстый с красной и рыжей от веснушек физиономией мужик и мне, малому, говорит:

– Вот погоди, скоро придут немцы и твою мать, как офицерскую жену, возьмут и к ногтю. И тебя с ней вместе. Антихристы.

Немцы не пришли, а к пяти годам посветлело, расширилось и стало солнечным небо. Особенно над старинным русским городом, над Торжком, куда я в то время перебрался из деревни и где еще недавно по ночам "скрещивались прожектора" и раздавались хлопки зениток, так напоминавшие мне впоследствии хлопки при открывании шампанского. И я вспоминаю солнечный май, конец ясного дня и тот победный салют /сгорающие и оставляющие недолгий след разноцветные ракеты/. И кажется моя память и моя жизнь окончательно открылась чем-то светлым и радостным, как и любимое мной летнее солнечное небо.

Идешь, бывало, в начале мая вдоль реки, а на берегу лежат иссиня белые льдины. Ледоход прошел полмесяца назад, а они лежат по берегу и тают.

Пришла жена., заглянула под кровать: что я там делаю – жив ли я?

Я уж не помню, сколько лет я на ней женат, кажется, лет тридцать пять. Она живет за стеной, рядом со мной. В другой комнате. Мы с ней почти не общаемся: я ей, можно сказать, надоел. Если говорить о наших взаимоотношениях, они напоминают отношения хозяина и собаки. Причем собака живет в конуре, я имею ввиду мое почти постоянное нахождение под кроватью.

Каждый день она приходит ко мне и проверяет – жив ли я или умер, и приносит мне что-нибудь поесть.

И сегодня так же, как и всегда.

– Вылезай из под кровати, придурок, – сказала она. – Вот урод-то. Небось проголодался. Все думаешь о литературе. О прекрасном. Литератора надо кормить, а то она /литература/ превращается в литературу для быдла. Оно же любит криминальные истории, приправленные любовным сентиментом. Посмотри в сериалах в телевизоре: только одни менты и уголовники. Впрочем, все они любят слово любовь.

– Какая ты у меня умная, – смеясь, сказал я. – Какая ты у меня разумная стала, несомненно под моим влиянием. Я же под твоим влиянием весьма поглупел, никак не могу вспомнить первый псалом Давида. А вспоминаю какую-то чушь, некогда превращенную в романс: "Юношу, горько рыдая, ревнивая дева бранила. К ней на плечо преклонен, юноша вдруг задремал." /А. Пушкин/.

– Вот урод-то, – засмеялась жена. –И такого уroda я уже много лет терплю. Обещал умереть в шестьдесят девять, а уже семьдесят и все не умираешь.

Этот ее смех и добродушная ирония заставили меня вылезти из под кровати, где я и в самом деле иногда обдумываю некоторые дела и события, а также время, в котором я живу.

Перекинувшись двумя-тремя фразами и дождавшись, когда оны удалятся в свою комнату, я сел за стол и стал есть то, что она мне принесла: кислые щи с капустой и жареную картошку. Соленый огурчик, разрезанный продольно на четыре части, одиноко скучал на блюде. Я вспомнил недавно случавшихся ко мне Максима Максимова и Бориса Кудинова и рассмеялся. Современные художники – авангардисты там, постмодернисты неспособны написать цвет лежащего на блюде соленого огурца. Как и цвет кожи молодой и прекрасной женщины. Они скорее напишут помойное ведро или цвет дохлой засушенной рыбы. И не больше. Подвинув поближе к себе тарелку со щами, ложка сметаны еще не совсем разошлась по поверхности содержимого, я еще подумал о всех так называемых паразитах в период распада Римской империи и распада моей великой страны.

"Они-то, – подумал я, – и привели мою страну к столь плачевному результату. Все эти халявчики и воры, все эти коррупционеры и жулики, рядящиеся в партийные одежды, занятые только своими интересами, а не интересами своей родины. А потому способные породить только смуту".

Слово "смута" явило мне мысль о самозванцах. И это привело меня к очень грустному выводу, что и я в какой-то мере самозванец, "И черт меня дернул претендовать на звание литератора, когда я всегда находился на самой низкой социальной лестнице: сторож и кочегар. Непризнанность и бедность – вот удел таких представителей маргинальной культуры. Тем более неспособных, что называется, применяться к жизни, к временным ее составляющим. А лезущим, что называется, ва-банк.

Но теперь уже отступать некуда. Теперь, как это говорится, пошел вперед, не оглядываясь назад! Тем более, что у тебя сзади великая русская литература. Впрочем, великую русскую литературу в России породил закон о вольности дворян. А великая русская литература породила вольнодумство с ее последующим краснобайством: с опозтизацией простого народа, который "попашет, попашет, напишет стихи". Стихи-то он напишет, но при случае писателя-барина на"распыл" послать может. Таков он, первооткрыватель вечного двигателя, создатель народного романа, стахановец от литературы.

"Мы кузнецы и дух наш молод, кuem мы счастья ключи".

Мне как-то бывший заключенный великих сталинских лагерей рассказывал, что этого сочинителя /Казина/ заключенные жалели, оставляя его "наверху", прежде чем спуститься в забой. Работа его состояла в том, чтобы он из шестнадцати килограммов нелущеного "бригадного" зерна /каждому зеку по килограмму/, после определенной обработки варил бы кашу. И "кузнец" остался жив, "кузнец" со временем вышел на свободу.

Впрочем, время стирает людей и факты, мифологизируя времена и события, называя это эпохой. Эпоха Средневековья, эпоха Возрождения и Просвещения. Эпоха сталинизма, эпоха фашизма. И так далее и тому подобное. Мне же еще известно только одно: моя эпоха. Как я жил, как я любил, и как я оказался под кроватью /в своей монашеской келье/, откуда и произношу свой монолог, который, я думаю, там и закончится и наступит молчание. "Молчание, молчание – вот предел поисков духовной жизни. Поисков истинного христианина", – так утверждает один мой приятель, писатель, проживший вполне обычную светскую жизнь советского писателя, где жены и любовницы занимали свое определенное место в его экологической нише, до тех пор, пока он на старости лет не оказался очень умный.

– Ты что, собираешься уйти в монастырь – как-то спросил я его.

– Да нет. Просто надо делать когда-нибудь главные выводы.

Помнится, я промолчал, я понял, что он относится к тем русским писателям, к тому русскому уму, которые, претендуя на духовность, в конце-концов оказываются в стане сектантов. Тому примером великий Толстой и менее великий Козьма Прутков.

"Какой и я умный, – залезая под кровать, с улыбкой подумал я. – Впрочем, в определенное время умных предпочитали убивать. Чтобы они не мешали спокойно жить неумным, потому как умные /это от ума-то/ желают мир подмять под себя. А проще – его переделать. Как свою мысль, так и своим делом. Имеющий уши – услышит!

После сна я решил выйти на улицу. Я решил выйти на Невский проспект. Если я каждый день хотя бы на полчаса не выхожу на Невский, я чувствую себя как-то не по себе. Я чувствую себя неладно. Как я чувствую себя в последнее время, когда я думаю о моей стране, о моей родине. Невский проспект меня приподнимает. Я знаю, когда я умру – останется Невский проспект.

**Вспоминая Анатолия Степанова
и Владимира Алексеева**

Ю. А. Медведев

МЕЧЬТАНИК

(рассказ)

«Настанет время, когда и наши следы
Сотрутся с лица земного. Все проходит,
Все исчезает в бренном мире нашем.»

Антоний Погорельский

Мечтание – многоразличное умозрение
«Словарь древнерусского языка» Н. Н. Срезневского

* * *

Академический обход ожидают. Пациенты побрились, умылись, убрали лишнее с прикроватных тумбочек вовнутрь их, сами в койках, за дверью палаты легкий шум, дверь открывается, входит светило в белом халате и шапочке. За ним ординаторы. Лечащий врач кратко докладывает, пара вопросов пациенту, осмотр места недомогания, следует краткое указание,

Все вопросы к ординатору уже после обхода, следуют назначения, процедуры. Пациент туда-сюда. Вот рентген-кабинет, из дверей выходит рентгенолог с крутым затылком,

– Сейчас пойдет девушка, за ней вон тот амбал, за ним старикашка. А ты погоди, – так решает. Аналогично и в проектном деле, проектировщик готовит свои наработки к показу в том или ином виде: на кальках, в эскизах на бумаге или подрамниках, обтянутых ватманом, бывает и рабочий макет, склеенный из бумаги, происходит обсуждение, «Сам-Самыч», как его называют, дает заключение: прием удался или не удался. Даются и рекомендации.

«Сам-Самыч» невозмутим. Он ставит ногу на стул проектировщика, опирается локтем о колено и много курит, гася окурки в пепельницу, поставленную секретарем на стол. Звать «Сам Самыча» Фома Петрович, он академик архитектуры, у него опыт, глаз наметан. Возникает и спор, не без этого, Петя-технолог – парень пылкий. Лицо раскорябано.

– Дело в образе, – говорит архитектор Николай Чепурнов. – Его предложения разрушают «образ».

Петя багровеет и произносит идиому: «Функция – основа».

– Постарайтесь вписаться в «образ» – советует Фома Петрович и встряхивает сединами.

– Образ свой приведи в надлежащий вид, – советует и руководитель мастерской Сила Нилыч из прокуренной бороды. – Опять у тебя неудачи на любовном фронте?

Технолог несколько утихает.

– Ты бы замазал эти борозды, – советует сосед Николая из-за чертежной доски.

У Пети на носу бородавка, а царапины мимо. Петя – холостяк по убеждению, парень крепкий перед чарами, прагматик. Николай протирает стул газеткой и они усаживаются решать функцию.

После ухода руководства курильщики отправляются на «эвакуационный выход». Там курилка, там свежий анекдот. Конечно, допытываются у Петра о причине царапин.

– Кошечка пустила в ход коготки, – поясняет Петя, – перебрал, – и удаляется.

Тогда подступаются к генпланисту Афиногену. Он знаток, кто проживал на Кирочной или Моховой в былое время.

Заглядывает секретарь, пышная, голубоглазая, «кровь с молоком». Румянец во всю щеку.

– Фу! Не продохнуть. Николай Федотыч, зайдите к Мастеру.

Мастер кудлат, в окладистой бороде, со сверлящим взглядом. Ходит на пружинах.

– Сроки знаешь?

– Знаю.

– Машенька, позови бригадира.

– Савва Матвеевич, проверь кубатуру, не вылезли ли из нормативов, – говорит он вошедшему, сутуловатому, в нарукавниках, бригадиру.

– Машенька, позови конструктора.

– Зачем дело встало? – вопрос к плотному человеку со счетной линейкой в кармане.

– Консоль велика.

– Так «прием» на консоли построен, – возражает Николай. – Монолит ведь...

– Пока рисуй зал обрядов.

– А дверь входа?

– Кто имеет медный дверь, тот имеет медный лоб! В смету не впишешься, идите! Оставьте нас с бригадиром.

– Пивка поьем? – спрашивает сосед из-за чертежного стола, – Звонок на обед.

– Чаю попью.

Живет Николай в коммунальной комнате, она же и мастерская. Запах пинена.

Работает на картонках, чтобы работы меньше места занимали. Он отработал в Азии, нужно не упустить впечатления.

* * *

В чайной к Николаю подсел за стол могучего сложения парень.

– Вас мне порекомендовали, – говорит басовито.

– Кто такие?

– Коллеги Ваши. Вы ведь архитектор? Проектируете павильон траурных обрядов. А звать меня Всеслав. Я целитель. Нужно сочинить проект, а строить буду на свой вкус. Прямо говорю: то закон, что явно.

– Заказать выпивку?

– Только взвар или чай. Вот послушайте:

Сжатый комок основ.

Сжатый единой весью.

То зарождалается явь.

Время пришло.

Из оков вырвется пламени рог –

Соединенье решений,

Так был рожден для свершений

Сварог – единый наш бог.

* * *

На Николая смотрели ясные глаза-ультрамарины, они завораживали.

– Ничего, однако, не пойму. Ваши стихи? Что такое «рог», «весь»?

– Энергия это. Вы ведь проектируете лабораторию плазмы, сжатого электричества. А это древние руны, современное переложение их.

Николай смотрел и смотрел на этого мощного парня, такого твердого и внезапного всезнайку.

– Сакрального слова не будем тратить на речешки. Нужна наглядность. Завтра съездим на место, там и поговорим.

– Ладно, – согласился Николай. – Сегодня «пятница».

– Встретимся у метро в 8 утра, – сказал парень. Встал и удалился из чайной.

* * *

Местность оказалась лесистой. Перешли ручей. Всеслав взял с земли камень, стукнул им о другой, зачерпнул горстью из ручья и попил из нее. То же велел и Николаю. Затем вынул из сумы бычий рог и, протрубив, сказал: «Я здесь. Я есть.» Тропа привела их к подножию холма, на вершине которого возвышалось изваяние около четырех метров в высоту.

– Вот мое целительство, – усмехнулся Всеслав. – Я явился рабам.

Из леса вышли два парня со шкурами волка на плечах и топорами за кушаками.

Всеславу надели на плечи шкуру волка. Под ней «справа» – грубоотканое, длинное, до колен, одеяние с красными узорами, означающими механизмы поворота светила.

– Иди следом.

Перед холмом оказались ворота из бревна по двум столбам. Пройдя ворота, обогнули холм «посолонь» – по ходу солнца и, вернувшись, поднялись мимо оберегов – вытесанных из бревна образов волков.

На вершине около изваяния стояли обнаженные по пояс парни.

Всеславу подали молот, поставили яйцо на камень у изваяния и он ударил по нему, являя символ ваяния мира.

Само изваяние из ствола могучего дерева покрыто резьбой с ликами на четыре стороны света и изображениями мечей бога-воина.

– Перун есть, я здесь! – возгласил Всеслав.

– Слава, слава, слава! – отозвалось.

Запалили костер, сели на бревна тут же на холме. По рукам пошла круговая чаша с квасом и каравай хлеба.

Потом спустились с холма на поляну – «бранное поле» – метать топоры в выщербленные столбы «чернобога».

– Порисуй, чего недостает, – сказал Всеслав, – учти и целительскую здравницу, и трапезную.

– Недостает храма другим богам.

– Природа – Храм. Волхв обеспечивает погоду на время службы по поведению птиц, Перун ревнив. Храм богам может быть вон за тем озерком – «божьем зеркалом», – указал Всеслав. – Там логично и целительскую избу поставить, и обереги природы – банника, лешего, водяного, огневиц, русалок... Я одену тебе берестяной венец на голову, может, приснится тебе образ храма.

На этом расстались.

* * *

– Фома Петрович, вот пригласительный билет на выставку экспериментов в живописи, там и мои работы...

– Интересно, любопытно. Схожу. Знаю, где, – и Фома Петрович внимательно посмотрел на Николая. Затем проследовал по коридору на выход, прямой и величавый, с отливом серебра в волосах.

За спиной Николай услышал шепот:

«Светлая голова»...

И другой шепот: «Едва ли этот Николай удержится ...»

* * *

Опять обход в мастерской, опять обсуждение.

– Что ж... «Прием» удался. Это ниспадающее ступенями покрытие в зале прощаний и ступени по фасаду к небу... – тихо произнес Фома Петрович.

– Да, и круглое окно к месту. Дерево врисуй, – предложил Сила Нилыч.

– Покажем Совету на подрамниках.

– Я бы хотел и...

– Всё, – остановил Сила Нилыч. – Начинай «подачу». Всего не охватить!

И они удалились, оставив дмящиеся окурки в пепельнице на столе у Николая.

– Пивка попьём? – шепнул сосед.

– Пожалуй...

Николай Федотыч, – прозвенел голосок секретаря, одетой в этот раз во все малиновое, – зайдите в кабинет.

Она забрала пепельницу.

* * *

– Так, сказал Сила Нилыч из-за двухтумбового стола, посверлив взглядом сквозь густые брови. Он ещё курнул, окутался клубом дыма. Заместитель за другим столом закашлялся.

– Тобой заинтересовался Платон Захарович.

– Кто таков?

– Отдел кадров. Зайди к нему.

– Прямо сейчас? Перерыв на обед.

– Иди, иди. Ждет.

И Николай пошел по коридору. Стукнул в дверь и зашел в кабинет.

– Присаживайтесь Николай... – посмотрел в блокнот – Федотович, – и указал рукой на стул человек при широком галстуке лопатой в горошек и двубортном пиджаке.

– Славы ищите? Недостаёт ее в архитектуре?

– Недопойму Вас, Платон Захарыч, кому она претит?

– Я о выставке авангардистов. Что Вас может привлечь в этой мазне?

– Это эксперименты...

– Фома Петрович хорошо о Вас отозвался. Экспериментируйте в проектах.

Предостаточно проблем, сжатые сроки...

– Мне этого недостаточно. Это узко для меня, открытия на стыках происходят...

– Что значит «узко»? Больше отдыхайте. Парторг еще хочет поговорить с Вами...

– А я не член партии.

– Я Вас не задерживаю. Учтите, предстоят сокращения штатов, понижение в должности...

* * *

Ему не спалось. Навевались полудрёмы. Почему Сварог – единый бог? Сварганил мир... Значит музыка варгана, голосовая.

А вот и загремело. Остановил будильник. Рядом заворочалась натурщица Света.

– Мне встать, «обход» сегодня. А ты спи. Ключ на столе.

– Дух у тебя в комнате спертый от испарений красок. Какой обход?

– Открою форточку. Спи. Буду показывать проект.

«Раздирает глаза стук будильника в мозг...», – наваялась строка.

Утренняя струя воздуха ворвалась через открытую форточку.

Да, да, «мы не рабы, рабы не мы».

Держат прихожан на ногах. Надо сидячие места предусмотреть в зале обрядов. Мало ли, кому плохо станет.

– Ты с кем разговариваешь? – голос Светы.

– Спи, спи, сам с собой.

* * *

– Ничего у нас не получилось... с этими походами в администрацию, – говорит Николай Всеславу, Дары твои приняли, выслушали, эскизы взяли для размышлений. И вот полгода прошло...

– Ладно, – сказал Всеслав. – Кончились мои хождения во власть.– они сидели в комнате Николая. Он работал над портретом Всеслава.

– Послухай руну о «Коловрате Богоподобном» под гусяное бряцание.

Струны забренчали на гусях, вынутых из заплечной сумы, голос басовитый зазвучал под звон.

«Муж суров и непреклонен», – это о Коловрате,

«Усталый ход отягощает,

А солнца луч, застывший мед,

Не бережет, не согревает...

Вся голова его обрита,

А от затылка прядь волос,

Лицо все рунами изрыто,

Подобно резам у берез...»

Николай встрепенулся.

– В «Эдде» скандинавов есть строки, где ворон встал на ноги человечьи и сражается с Коловратом.

– У нас орёл, у единцов – ворон, – пояснил Всеслав. А вот из «Милослава»:

«Наш крепкий струг, как щука,

Чешуёй играя, на Север ускоряет ход,

Бортами звезды отражая,
 Река уж не течет, как гад,
 В нору мышиную впиваясь,
 Несётся, сжатая в кулак,
 Клыками-брызгами кусаясь.»

– Красиво, – вздохнул Николай. У Ленрёта в Калевале «Вяйнотийнен», славянин, приплыл к финнам в струге. Не получился наш «Славянский культурный центр», наша «античность».

– Ситуация преждевременна. Пойду я. – и Всеслав резко встал с табурета, положив гусли в суму заплечную, и вышел так же внезапно, как и появился.

Николай запер за ним дверь и сел у стола..

«Ах, Карлсон, Карлсон, – вспомнился мультфильм. – Ах, Алеша, Алеша, – это уже у романтика Погорельского. Вот где наша «античность». Наша, не греко-римская или библейская. А в сказках дураки на печач ждут «Щучьего веленя» да Еруслан Лазаревич, богатырь с лубков попирает «пусту голову».

За окном брезжил рассвет, а не рассветало, и Светка-натурщица не пришла. Непрухи, – прошептал Николай.

* * *

Весь рабочий день Николай занимался подготовкой «подачи» проекта на архитектурный совет. Это десять подрамников. Дело привычное. Нарезаются из рулонного ватмана листы, которыми обтягиваются типовые подрамники. Ватман смачивают водой и потом обжимают на клею по контуру. Важно, чтоб не сморщилась бумага на углах, звенела барабаном под гуляющей на листах линейкой. А после черчения и рисовок работа кистью и шрифты.

Принцип понравился, завершение оставили на усмотрение Главного архитектора города.

* * *

Лес зазеленел. Земной храм.

Николай обнял Свету за плечи и прошептал на ушко: «Русалка моя зеленоглазая, пригласил я шефа показать свою живопись. Не попал он на выставку общую. Поможешь?»

– Конечно, Застолье соображу, да и подругу приглашу. Певунья она.

* * *

Ровно к обеду прозвенело во входной двери.

– Проходите, проходите, Фома Петрович, – пригласил Николай.

Стол накрыт белой скатертью, на ней посуда, снедь, шампанское. На стенах развешаны работы Николая. Целованье ручек, туда-сюда. А тут и новый звонок в дверь.

– Катя и Валя, – представились девушки Фоме Петровичу, да и Николаю.
 – А мы и гитару взяли.

– Молодцы! Запустим пробку в потолок!

– Не ожидал, не ожидал, – говорит Фома Петрович, прохаживаясь вдоль работ Николая на стенах, – Устроим Вашу выставку в мастерской.

Приятным голосом подпел.

– А не сыграть ли нам в картишки? С кукареканьем под столом, – вдруг предложил захмелевший после водочки Николай.

Света изумилась: «Не слушайте его, Фома Петрович!»

– Отчего ж. Извольте.

Раскидали картишки из колоды, и Фома Петрович скрылся под складками скатерти, ниспадающей со стола почти до пола.

Вдруг взвизгнула Валя, затем Танюша, следом и Света.

– Что такое?

– Коленки старичок облобызал! – вскричала Валя.

Вот и покукарекали, – засмеялся Николай. – Браво!

Фома Петрович уже за столом. Ему налили коньячку.

– Ну-с, я откланиваюсь, – вдруг встал.

Николай пошел провожать.

– Ну и дед! – смеются девушки вслед.

* * *

– Мозговые завихрения, – так сказал заместителю Сила Нилыч в кабинете.

– Да и трата сил от архитектуры, – поддакнул заместитель в узких брючках, приоткрывающих красные носочки над штиблетами.

– Пойду открывать выставку, – еще раз курнул Сила Нилыч и вышел в рекреацию, расширение коридора, где его ожидали.

– Дело нужное, – сказал и улыбнулся в прокуренную бороду Мастер. – Дадим старт эстафете выставок коллег. Не забудем и о сроках проектов.

– Надо бы сделать вход на выставку свободным для публики. Сообщить на вахту, чтоб пропускали, – тихо добавил Фома Петрович. – Публике это будет интересно.

* * *

– Ага! – кричит человек в тельняшке. – Чую «дудку бога». Где этот «творюга»?

– Вот он я, – объявился перед ним Николай.

– Надо в кусту посидеть! Хорошо замешано.

– Навряд ли это тотчас возможно, – смутился Николай.

– Я попрошу Силу Нилыча, – тихо сказал человек в вельветовой куртке при кудрях по плечам из-под берета. – Мне понравились работы порывами к воле. Сила Нилыч! Отпусти сидельца своего с нами.

– Иди, иди, – улыбнулся Сила Нилыч.

Еще парочка посетителей рассматривала работы.

– Голова не кружится? Стул не подставить? – интересуется высокорослый архитектор Сеня.

– Ладно тебе! – одернул архитектор Паша, крепыш с глазами навывкате. – Не слушай его, Коля. Надо собраться, да отметить успех!

И Марфутка глянула на Николая заинтересованно.

– Возьмем и её, – подметил Сеня. – Обсудим влияние ноги на свойство портрета.

Марфутка покраснела и скрылась за дверью чертежной.

– И чего этот пыж нравится бабам? – негодует Сила Нилыч уже в кабинете перед заместителем. Он закурил, утонул в клубах дыма, борода посинела. И ответа не дождался из кудрявой головы.

А на улице тепло. Пахнет сиренью в Шереметевском садике. Взяли выпивку, закуску, присели на лавочку за кустом.

– Древние греки вначале пили разбавленное вино, чтоб полудить желудок. А уж после того, только после того – водку. – шумит бородач в тельняшке.

– Ладно тебе «классицизм» разводить, – успокаивает художник в вельветовой куртке и мигает белесыми ресницами. – Продолжим в мастерской. Привлекаем внимание. Пройдемтесь.

Так и сделали.

Поверхность холстов на стенах переливается, сверкает цветными камнями – грубая фактура, мазок соответствуют сюжетам приморских лачуг.

– А у меня тема прихватчиков и толстух, – шумит бороносец в тельняшке. – Но дело в живописи. Союз протух.

– Важно мастерство, – резонит «вельветовая куртка».

– Мы на задворках, – опять шумит «тельняшка».

– Нет своей античности, всё заемное, – высказался и Николай.

– А ты не заговаривайся, – тихо говорит художник в вельветовой куртке. – У тебя служба.

– А кто этот косолапый, что заглянул на выставку да быстро ушел?

– О, это творец подворотен. Познакомим. – пояснил «тельняшка». – Похвалы губительны. Захочется работать на потребу. Вот он и ушел.

* * *

Дожди смывают написанья фраз.

Потоками речения текут.

На рыбы всплески то переведут,

Что у природы скрыто про запас.

* * *

Рабочий день. Опять обход.

– Пожалуй, с этим решением я схожу с Николаем Федотовичем к Главному Архитектору перед Большим Советом, – задумчиво произносит Фома Петрович.

Так и сделал.

Главный архитектор призадумался.

– А что, Фома Петрович, подпишу.

Пойдет в стройку, подключим скульптора. А пока пусть будет брутальное завершение. Общий «прием» совет ведь одобрил? А стиль этот набирает силу в городе.

– Что ж, отрадно, – улыбнулся Сила Нилыч. С тебя, Николай, приходится. Выставку закрываем. Сосредоточься на архитектуре лабораторного корпуса.

Фома Петрович улыбается: Коле надо пережить...

– Нет на это времени, – Мастер тверд. И дым потянулся за ними, когда отошли от рабочего места Чепурнова.

– Пивка поьем? – шепчет помощник, старший архитектор Петя.
– Пивка для рывка, водочки для обводочки.
– Слышал ведь. Готовься и ты. Марфутку подключай. Пойду выставку демонтировать. Можешь пособить.

* * *

Проливные дожди смыли лето в слякотную зиму. Света сказывалась простывшей, не приходила.

Зато появились любезные сослуживцы Сеня и Паша с двумя пуделями.

Ошиблись количеством звонков в дверях, пудели кинулись на соседку в халате с кистями и облизали ей лицо. Едва не опрокинулась, подхватили. Николай уже спешил по коридору.

– Фулоганы! – осерчала соседка.

– Не печалься, мамаша, – говорит Паша, – вот шоколадка.

– А вот и конфетка, – добавил Сеня.

– У нас вино! – это Николаю.

– Не все работы ты показал на выставке, – говорит Паша в комнате, поглаживая пуделей.

– Не успел оформить.

Угостились. А тут и пуделя забеспокоились.

– Пошли мы. Не провожай.

А утром яростный стук в дверь комнаты.

– Что такое? – вышел Николай в коридор в трусах.

– Глянь на мои сапожки! – кричит соседка. – Нутро свое опорожнили в них.

– Да-а, скверно, – растерялся Николай.

* * *

– Нашла я обмен твоей комнаты и моей квартирки, – вдруг объявилась Света.

Отправились.

Снежок припорошил слякоть и Николай опрокинулся до госпитализации, до гипса на ноге.

– К вам профессор! – объявила медицинская сестра.

На пороге палаты с цветами в руке стоит Фома Петрович.

– Поправляйтесь, Коля. Не беспокойтесь о проекте. У заказчика опять заминка в идее. Я на минуточку.

И он уходит, оставив цветы и яблоки.

– Сестра! – кричит однопалатник. Запиши меня к профессору!

– Отдыхайте. Принесу капельницу.

* * *

– Опять фантазии, – поморщился Сила Нилыч на «обходе».

– Но это же образ будущего летательного аппарата на электротяге, – возражает Николай.

Его выписали из больницы, но он с тросточкой.

– Вам нравится эта затея с шаром? – обращается Сила Нилыч к заказчику.

– Образ интересный.

- Образ Сириуса, – поясняет Николай.
- Не надо пояснять очевидное. Как фундамент под шар городить? – вскричал Сила Нилыч в нетерпении.
- Поставим на песчаную "подушку" – поясняет конструктор. А вот консоль...
- Опять эта консоль! – зарокотал мастер.
- Фома Петрович курит и курит, сминая сигареты в пепельницу.
- Надо еще подумать о приеме. Консоль промерзнет. Надо упрощать.
- И они удаляются.
- И вдруг Сила Нилыч врывается в дверной проем, гремит: Будешь упорствовать, передам работу другому архитектору.
- И убегает.
- Ишь, как освирепел, – говорит один другому. – Шерсть дыбом. Копытгом роет.
- Сгущаются над тобой тучи, – шепнул сосед. Пойдем, пивка попьем, скоро осень.
- Весну надо пережить. Посижу, посмекаю.
- А вы, голубчики, удружили, – это уже Паше и Сене.
- Ни сном ни духом, – улыбнулся Паша.
- Брось ты этих охреновин. Твори красоту, – улыбнулся Сеня. – Шутнули неудачно.
- У меня скандал с соседкой, а вам хаханьки.
- Купим ей новые мокроступы на резиновом ходу. Пусть покрасуется на лимане, – добавил Сеня.
- Морду за это бьют! – мрачно ответил Николай.
- Береги ногу, ты не устойчив, – усмехнулся Паша, шевельнув бицепсами.
- И они удалились с Сеней на перерыв.
- Ну что? – спросил сосед. – Пойдем, пивца попьем? Всё неспроста.
- А пожалуй.

* * *

- Как только прогремел звонок с обеда, тут и секретарь Машенька. Теперь она в сиреновом платьице с цветком в легкой головке.
- Зовет тебя. Гроза грозой, – шепнула в коридоре.
 - Пригласил бы в мороженицу, – добавила, потупив глазки уже у кабинета.
 - Ты не работаешь в едином "ключе", не ожидай добавок к зарплате.
 - Какой "ключ"? Представьте обломки стеклянных горлышек и донышек бутылок и банок на фоне корпуса, сверкающего стеклом. Воззритесь в дворец Царского села, в это барокко. А рядом "капризы" Фельтена, беседки китайские на готической арке. А турецкая баня! Капризы аристократии. Тут и Неелов с мыльной...
 - Хватит! Ясно. Не будешь работать в едином "ключе", ищи другую мастерскую. У меня не собрание свободных художников и я не меценат.
 - Мы ведь в поисках решения, – возражает Николай. – Вот вы размещаете коттедж наставников среди общежитий. А там гвалт на виду у семейных

старцев, – Николай вскочил со стула. – Обезводятся фонтаны нижележащего у взморья дворца дренажом!

Сила Нильч закурил.

– Поговори, поговори. Не видишь будущего в "облегченных" конструкциях.

– Все циклично! Стена нужна скульптуре, росписям...

– Архитектура – машина. Сочинил – покатил. Архитектура самодостаточна без излишнего декора.

– А человечность? А облик сложившегося города? – опять вскричал Чепурнов.

– Ты сентиментален. Это обывательство. Иди. Добавлю тебе десятку. Едва отбил тебя от Платона Захарыча.

– Кто такой?

– Кадровик. Ты беседовал с ним.

– Рубашку заправьте в брюки, вылезла, – усмехнулась секретарь вслед взлохмаченному Николаю с краснотою в лице.

– А ты сегодня бутон, – оглянулся в дверях Николай.

* * *

К осени образовалась квартира в другом, более удаленном районе.

Света при Николае. Ждут ребенка.

Формальности оформили актом.

Трудно ориентироваться в городе. Нет смены времен года. Осень и осень.

А в Кижях бревна из золота, кровля из серебра. Только час. А после опять сосновые бревна и осиновая кровля из щепы.

Так и в городе. Зеленеет небо, слепит солнце глаза. И вот застройка светится серебром. Только в белые ночи.

* * *

– Николай, Николай, – звонкий гоосок Марфутки перебивает рёв тягачей.

– Ой, – зайдем в мороженицу, – предлагает Николай.

– Хочу в обеденный перерыв почитать тебе выписки из Срезневского, они при мне.

– Кто такой?

– Создатель словаря древнерусского языка, – поясняет Марфутка. – Не хотелось на рабочем месте это читать.

Они сели за стол. Николай заказал мороженое, чай, а Марфутка достала листки.

– Вот слушай:

– В городе ...редарей... воздвигнут Храм. – читает с расстановкой. – Храм!

Окружен со всех сторон глубоким озером... От Гамбурга до Ретры четыре дня пути.

– Во! – невольно вскркнул Николай. – Древляне. Ретрограды

– Ты, как всегда, нетерпелив, – улыбнулась Марфутка и отхлебнула чай. Мороженое пусть подает. Слушай описание Храма.

– Святилище Световида отделялось от средней части храма четырьмя колоннами и богатыми завесами до земли. Вокруг... другие идолы... Резьба раскрашенная и барельефная не только на внутренней стороне стен, но на внешней. Изображения представляли богов и богинь, людей и птиц, зверей, насекомых...

– Рельефы стен храма на Нерли, – тихо произнес Николай, – да и в Юрьеве.

– Не совсем. В изображениях коты и вороны терзают пёсов.

– Молодчина. Ах, молодчина! А ведь у Пушкина и у Лукоморья дуб «зело-борзо» крепок. А опутан цепями. И кот. Египетский...

– Слушай, не дочитала, не успею...

– «Храмы строились большей частью из дерева. – тут она замедлилась. – бывали и каменные.» Значит, есть и перестроенные. А далее: «идолам поклонялись и в храмах и под деревьями... Идол Перуна стоял на горе.

– Хороша Марфутка, – думает Николай. А я опять недомогаю, как бы не загреметь в больницу!..

* * *

Вращаясь мотыльком вокруг огня Вольфрама

Вдруг по касательной. Учужал аромат.

Забулькал и супец. Коглеты запыхтели.

И чайник носиком пролепетал куплет.

* * *

Вспомнились слова Погорельского:

«города перед людьми имеют преимущество... становятся красивее».

Из черных квадратов Малевича нагромодили пятиэтажки, эти «дома без крыш» из песни Новеллы Матвеевой. Не стало обрывов сосуллек. Внутренние протечки.

Да, да ступени освоения городского обиталища.

* * *

И снится Чепурнову дева Макошь с луной во златых волосах. И катается она по синеве в лодочке легкой, а вокруг плещутся девы с рыбьими хвостами. А вот и Купало на бугор явился на долгих ногах огненные колеса катать. Прогромыхало в небе. Дева-птица в крылах, перьях многоцветных осыпала небо в серебро да золото. Огонь промелькнул. Перун из тучи насунился. И полетели хлопья. Землю замело. Медведь, скотий бог, в берлогу залег.

– У кого перечень наград, у кого перечень болячек, – шутит ординатор, заглянув в палату.

Палата на двоих Сосед Твердохлебов. Бывший разведчик.

* * *

Представьте себя в пампасах. Крадетесь, а на Вас сверху обрушивается полтора центнера живого весу на парашюте. Бывает. Постромки запутываются в ветвях. Их надо обрезать. А внизу змеи, пауки ядовитые...

Таков сосед Твердохлебов у Николая в двухместной палате.. То грохнет стулом, то свистнет телефон.

- Моська, – говорит Твердохлебов.– Моя профессия убивать. И не твякай!
- Когда прыскаетесь одеколоном, не забудьте про гениталии.

Твердохлебов имеет такое обыкновение перед приёмом у врачей, вспрыснуться. Он тучен, Он это сознает. Мало того, демонстрирует неглиже.

* * *

Зима не отступается. Тает она, снегу подсыпает. Можно череп расколотить, поскользнувшись. Но Твердохлебов берет металлические палки, обрягается в куртку и идёт гулять.

Медицинская сестра пеняет: «Не лежачий, а просит обед принести в отсутствие его особы». Однако приносит. Еда, конечно, остывает к приходу Твердохлебова. Нога под ним – тумба. Две тумбы держат увесистый круп. Плечи борца с покатом. Воздух засасывает шумно. Сап и погромохивание сопровождают выхлоп. Ротик мал, в ниточку среди волдырей щек с коком седых волос надо лбом.

К этому Николай обык. Не обык к внезапным падениям банок или тарелок с тумбочки, к дребезгу. Мало простора Твердохлебову при разворотах тулова.

– Вы – наша недоработка, – говорит на замечание Твердохлебов.

– Видимо, есть награды?

– Вестимо, – отвечает Твердохлебов.– Посажу Вас, получу еще, – улыбается.

* * *

Многое вспомнилось Чепурнову в больничной палате. Сказал это Твердохлебову.

– Мечтаник, – откомментировал Тведохлебов. – Вы человек искусства: архитектор, художник, а значит чудак с обнаженными нервами, без кожи. Что с Вас взять, идеалист? Живите с миром. Оставьте меня в покое, не до вас мне сейчас. Всем перетерпеть надо: мне боль. Вам неудобства.

– Я ведь здесь тоже не по доброй воле. Обыграл вас противник. И построенные предприятия, что проектировал в Азии, развалились бесхозно. Жаль труда. Жаль территорий утерянных.

– Я фиксирую ваши разговоры. Память у меня тренированная.

Сидит эта агромадина на своей койке, смотрит из-под лба на Чепурнова. Чепурнову зябко, а Твердохлебов под вентилятором, обнажен. Температурит Твердохлебов.

* * *

Не такой уж «моська» Чепурнов. Рост средний, античный, соответствует весу. Обрил перед госпитализацией голову. На выходные спешит домой в тишину. В выходные нет процедур.

Твердохлебов остается один в палате. Ему вольготней. То так раскинется. То эдак. И погуляет власть. Уколы, конечно, донимают его, но так легче боль переносить. Три раза на позвончик приземлялся Твердохлебов. Не понять это Чепурнову, – думает Твердохлебов, – как сытому голодного.

* * *

Измучил деревянный кашель.
 Пораскисали небеса.
 То подморозит, то расквашено.
 Доходит дело до прикрас.

Снега взопревшие ногами
 Истоптаны уже не раз.
 Небесных звонов амальгаму
 Не в силах проточить слеза.

* * *

– Эх, воспоминанья точат, – вздыхает возвратившийся в палату Чепурнов. Эти горы, эти блюдца звезд. Точат и точат.

– Валяйте! – поощряет Твердохлебов. – Разберемся, посадим. "Статью" подберем.

И повернулся лицом к стене, и похрапывает. Заворочался, глаз блеснул из-под века.

– Чего нарисовал?

— Я рисую портрет, когда изучу человека, а вы мне невнятны, – прячет листок с наброском Чепурнов.

– Сейчас фотография в деле портретирования пытается заменить живопись.

– И это ей удастся, – подтверждает Твердохлебов.

– Не совсем так... Образность в живописи, суть человека, неповторимое движение кисти в противовес механике аппарата. Это как в проектах: компьютер заменил рисовальщика. Уличный художник впервые видит человека, нет образности за внешним сходством.

– Физию вам не били за вашу образность? – усмехается Твердохлебов.

– Кворум не собрали.

– Мы бьем, чтобы убить. Враз! Добивайтесь сходства, голубчик!

И снова Твердохлебов прикрыл глаза.

А Чепурнов пошел прогуляться по коридору. В коридоре фигуры в халатах. Вдоль стен каталки. На одной ночевала жена больного мужа из соседней палаты.

«Мало построил, – размышляет Чепурнов, прохаживаясь в коридоре туда-сюда. Из десяти проектов один воплотился в натуре. А Азии все шло в дело. Мало кто проблистал. Кто знает авторов рядовой застройки? Клоунов – все.

В палате Твердохлебов одет для прогулки. И уже на выходе гремит ходовыми снастями и стулом складным.

В предгорьях тропы усыпаны алычой и грецким орехом. В брызгах от водопада запах о эдельвейсов, он же у кромки тающих ледников. Цветные привалки гор в тюльпанах. Блюдца созвездий в черноте.

– Эх! – вздыхает Чепурнов – Ккую страну утерали, постройки мои заводские.

– Американцы бы нам лучше построили, – говорит киргиз, «хозяин страна», когда прилетал Чепурнов на цветение садов. Все в розовом, а стволы малиновые.

– Мы вас из феодализма в социализм вытянули – это вслух. А про себя: «Во-время ноги унес».

– Полубите меня, – бурчит Твердохлебов.

– Научитесь в шашки играть, тут стратегия, – отвечает Чепурнов. Переиграли вас аристократы.

Твердохлебов уже похрапывает, не слышит этих увещаний. Род его из пластунов казачьих, умеют затаиться.

* * *

Перемоложат, естество состава зная,
 Руды и антрацита порошки спекут.
 Окатышами домну загружая,
 Металлом огненным возванья отольют.
 О чем стенанья жизни на закате?
 С женой не встретимся, наверно, никогда.
 Всё озабочено в сортаментах проката. –
 Металл на стройку слабый поступал.
 Дрожанье струн мы счастьем называем.
 В ресницах может тихо птица трепыхать.
 Во днях утерянных заботны пропаданья.
 А ночи всякому даются в благодать.
 Струю воды сквозь пальцы пропуская,
 Земной колодец чтоб не исчерпать,
 Навеселе порою пребывая,
 Вдруг каблуками тиснешься в печать.

* * *

В чем же смысл трактатов «Человек-машина» и «Человек-растение» философа Ламетри? – рассуждает Чепурнов.

А вот: «ценят таланты, приобретенные при помощи труда и размышлений, но не качества, происходящие от природы. Вознесенные случайно...должны помнить, что достаточно малейшего изменения,... чтобы стать низверженными».

– Ага! –заходит в дверь Твердохлебов .– Опять сам с собой разговариваете!

Облик Твердохлебова противоречив: одутловатость лица соответствует тулову, а вот ротик мал, губы то в ниточку, то змейкой изовьются.

Внезапная ярость овладевает порой Твердохлебовым. Вскочит с койки, замахает кулачищами: «В пыль сотру!»

– Покажитесь невропатологу, – советует Чепурнов. Психика зациклена секретностью.

И тут Твердохлебов надвигается. Губа Чепурнова окровавляется, а Твердохлебов с грохотом выходит в коридор. Коридор в трепете, Чепурнов зализывает губу. Да. Профессионал. Человек-машина.

* * *

Луна в этот раз в спозаранку сияет
 По ней облаков лепетание.
 Ствол у березы в напластованиях.
 На легких ногах взгляд побежал.

И в минералах отслоевания –
 Там муки любви, что неведомы нам.
 И в листьях берез трепетания.
 Там песнопенья и гам.

Много оттенков несут настроения.
 В ловле их глаз увязает.
 В черни белильны посеребрения.
 В кварце золотые обманки не зря.

* * *

Выписка нагрянула на Чепурнова внезапно. Ординатор просчитался со сроками. Его подправили консилиум врачей.

– С возвращением, приветствуют девушки его бригады, Марфутка и Нелли.

– Молодец, Петя, – похвалил Чепурнов. – Справился, пока я болел. Нашел таки приемлемое решение.

– Это мастер постарался, на восьмерик купол водрузил.

– А мы? – вскричали девушки враз.

Чепурнов встал из-за чертежной доски и поцеловал их щеки, подойдя.

– Зайдите к Нилу Силычу! – позвала секретарша, выглянув из дверей.

* * *

Неряха. Я. Я мысли разбросал..
 Я в основанья сваи забивающий,
 Чтоб пламенеющее колесо пускал
 Купало, солнцу подражающий.

* * *

Ясные глаза Марфутки говорили:
 «Утерян планетарный образ».

* * *

Николая Петровича Чепурнова крепко пошатывало, когда он вышел из мастерской Ануфрия, в которой располагалось всё независимое Сообщество Художников. Он помнил о службе, поэтому не остался на продолжение праздника этого «Птичника». Во дворе гремел оркестр, барабанщик не попал палками по барабану, норовил опрокинуться с помоста. Звенели медные тарелки. Гремела труба. Публика заполняла весь двор, приплясывала, угощаясь из пластиковых стаканчиков и тарелочек, «Злодейка с наклейкой» гуляла по рукам.

– Коля! – услышал он звонкий девичий голос, на который обернулся всем корпусом.

– А-а-а! Марфутка... Как ты оказалась здесь? – язык плохо справлялся со словами.

– Праздник ведь в этом «Курнике». Потанцевала. Вышла подышать. Тебя увидела...

– Выпивши я.

– Ой, провожу. Опирайся.

– Я человек семейный.

– Знаю – знаю, – засмеялась Марфутка. – А я вольная пташка. Устала прыгать.

Она взяла под локоть Николая. – Хотя бы до транспорта пройдуся, – и глянула глазами цвета ультрамарин из-под густых ресниц.

– Не выдержать мне твоих чар, Марфинька, ... слаб я, не стоек.

– Ладно, ладно! Опирайся.

На остановке автобуса Николай Петрович заявил, что проветрился и доедет.

– Что ж, завтра на работе увидимся, – улыбнулась Марфутка и помахала ручкой вслед автобусу.

В автобусе нашелся доброжелатель, уступил сидячее место, обещал подсказать, когда выходить.

– Марфутка чудо как хороша, – думал Николай. – Надо, однако, держаться "присяге" перед Светкой.

*

– О-о-о! Надрался! – встретила жена Света на пороге. – Связался с пьянчугами!

– Познакомился с замечательным художником. Совершенно раскован.

– И ты вериги скинул! – шумела Света. – На кого стал похож?

– Пойду сполоснусь!... Чайку поставь.

Впереди неизвестность...

*

Обычное утро с сереньким небом. «Обход» к нему в этот раз не подошел. Решались пространные проблемы. Пётр чертил разрезы. У Марфутки в работе план этажа. Глянула исподлобья, сверкнула ультрамарином глаз.

– Ох, хороша! – вздохнул Николай Петрович. – Чудо девушка. Грация. Нога.

Он подошел к ее столу, глянул в чертеж.

– Порядок! Переходи к следующему этажу.

– Увольняюсь я, Николай Петрович. Вот доведу чертёж до полной готовности и уйду.

– Что такое, Марфинька? – Чепурнов подсел рядом на стул.

– Потом, потом скажу.

– Может, обидел чем?

– Что ты! – Марфутка положила свою горячую руку на его похолодевшую, сжала пальцы. – После обеда скажу. Ты не замечаешь ничего. Весь в работах.

А в дверях секретарь Мастера Машенька в бежевом платье и бусах:.

– Николай Петрович, зайдите к Мастеру! – пошла вперед, являя очарование.

*

– Глянь! – показал Сила Нилыч на листок бумаги. – я подписал неделю назад.

– Но в чем дело?

– Не уходи сегодня, отметим.

– Так почему отпускаете?

– Разговаривал. Уперлась. Сам потолкуй.

*

Прогремел звонок, означающий конец рабочего дня. Чертёжная опустела. И тогда Марфутка достала из рабочего стола бутылку водки и бутерброды – «отвальное».

Появился и Сила Нилыч с бутылкой водки.

– Не многовато ли? – засомневался Николай Петрович.

– В аккурат. Проводим, – твердо сказал Сила Нилыч на это и присел к рабочему столу Николая Петровича, более обширному, чем у Марфутки.

*

Шли по вечерней улице втроём. Шли до дома Марфутки, он был недалеко от мастерской.

Крепкий старый дом с аркой под балконом.

– Зайдемте! – позвала Марфутка.

Девичья комнатка в светлых обоях, с аккуратными занавесочками на окнах, подушечками, скатертью на круглом столике под абажуром.

Заглянула старушка, внесла рукодельный торт «Наполеон» на блюде.

– Чайку принеси, – сказала старушка в цветном платочке на седой голове, расставила чашечки на блюдечках, – Наслышана о Вас, Сила Нилыч, и про Вас, Николай Петрович. – И удалилась на бесшумных ногах под шуршащим платьем коричневого цвета.

– Чай? – вдруг громко сказал Сила Нилыч и, быстренько обогнув столик, вышел через двери на балкон. Там он, еще раз сказав «Чай», перемахнул через перила и был таков, прыгнул. Прыгнул Сила Нилыч, бывший волейболист.

– Вот-те раз! – изумился Николай Петрович.

– Не давал мне проходу с приставаниями, – вдруг вырвался непроизвольный вскрик Марфутки. – Сейчас чай принесу, – и она выбежала за дверь в коридорчик.

– Ха! – выдохнул Николай Петрович.

В голове зашумело. Куда ни шло. Так сказал и повторил прыжок Мастера. В глазах мелькнули искры от боли в ноге.

Сила Нилыч уже поднялся на ноги.

– Чуть на голову не сел, – сказал Николаю. – Оставался бы, жених.

Он подхватил Чепурнова и они поковыляли к метро.

На балконе стояла Марфутка с чайником в руке и смотрела им вслед.

*

Как заведено, беда не приходит без дуллета.

Нагрянули предпраздничные дни. Едва отлежался Николай Петрович, едва явился на работу с бюллетеня, нагрянуло застолье в мастерской. Вино, яблочки, водка, селёдочка, горячая вареная картошечка, и грибочки, и огурчики. Прочли стихи собственного сочинения, вдохновленные сотрудницами. Включили магнитофон и танцы устроились Тесновато в бывшем зале собрания школьного заведения, занятого под проектные мастерские.

Николай Петрович танцует на подиуме с секретарем Машенькой. В этот раз она в подчёркивающих ее ладную фигуру одеяниях из брюк и открытой блузы с благоуханием из персей.

– Коля! Встань прямо, вытяни вперёд руки, а я кинусь в них рыбкай! – восклицает Машенька, пылая щеками.

– Кидайся! – восклицает Николай Петрович, выпустив её из объятий и вытянув вперёд руки.

Того не учли они, разгоряченные выпивкой, что Николай Петрович стоял на краю подиума. И вот они на полу. Острая боль в локте, слёзы в глазах. Машенька пала на него,

Не ушиблась. А над ними столпились сотрудники и хохочут.

*

– Допился! – ругается дома Света. – Совсем очумел.

Николай морщится от боли – рука в лангетке после травмпункта. Старается перенести и эту напасть.

– Вот к чему привели увлечения – так думает. – Как только раскрепостились от дисциплины, туг и напасти. Нельзя выходить из очерченных рамок.

– Ты не настоящий художник, – говорит жена Света. – Эти мазилы беспечны, шалопаи, необязательны, меняют жён...

– Да, да, служба, – соглашается Николай Петрович. Архитектура – это служба. Было время, ходили в военной форме, при треуголках и шпагах, в мундирах, назывались комиссией от строений.

*

Однако, весна. Мысли Николая Петровича отодвинулись от Марфутки, но нет-нет возвращались. Афиша напомнила о ней, о выставке её работ в галерейке.

Пошёл, сами ноги понесли. Увидел ее в зале. Всё также стройна, те же глаза, бьющие наповал. Выставка фотографий и проектов её дизайна интерьерного.

Марфутка глянула и отвернулась, пошла к посетителям.

– Марфинька... – прошептал Николай Петрович.

К ней подходили, говорили любезности, звенели бокалами с шампанским.

Он не решался подойти.

И вдруг она оказалась рядом. А он растерялся, молчал.

– Коля, я благодарна тебе. Ты спас меня от разнотолков.

– Дурь навалилась. Мог бы выйти в дверь.

– Твоя нога...

– Пустяки...

Марфу звали, надо было произносить речи, приветствовать её. И она отошла. А он вышел на улицу.

Как она похорошела! – так думал, идя по улице. – и творит интерьеры, такие изысканные и чувственные. Видимо, замужем... может, покупатель... он не показался на публике, он в закулисье.

Рядом притормозил автомобиль, дверца приоткрылась. Голос Марфутки сказал: «Садись, подвезу».

И он сел рядом с этим благоуханием.

– Ты великолепна, – прошептал Николай Петрович.

– Ой, собьюсь! – вскрикнула Марфутка. – Я недавно за рулем.

Машина остановилась.

Глаза цвета ультрамарин глядели на Николая.

– Мы подъехали к твоему подъезду...

Он вышел из машины. Ноги подгибались в коленях. Машина скрылась за углом дома.

Света смотрела из окна. Рядом сынок.

*

Никто не мог представить себе такого оборота дела. Случилось это к зиме. Уже осенью женщины начали перешептываться и искоса взглядывать на пробегающего мимо чертежных столов угрюмого Силу Нилыча. Возможно, влияли внешние события, напряженность и беспокойство на аренах земного шара, но скорее всего что-то другое, личное.

Определенного женщины сказать не могли, они могли только сопоставлять мелочи, штрихи, нюансы и непроверенные слухи. Но интуиция

женщин не подводила. Все имело определенное склонение к бытовой точке зрения. Ах, конечно эти создания найдут что-нибудь несурзное в логике событий и все определят.

Но как бы ни происходило, неуклонность склонения появлялась таки в том, что Сила Нилыч не явился на работу, что было не редкость, но оказалось, что занемог он в этот раз крепко. Вот все перемогался, перемогался, и теперь, по слухам, собирается лечь в больницу на обследование. Не клеилось и главное дело – экспериментальный район. Он зачистил в командировки. Давно бы пора его было обследовать, – сразу же засочувствовались женщины. Жгёт свечку с обеих концов. Попытались подступиться к секретарше Машеньке, но та "надулась мышью на крупу" и отмалчивалась. А однажды видели глаза ее на мокром месте. И тогда решили, что она втайне влюблена в Силу Нилыча. Взялись искать подходы к Петру Ивановичу. Даже к Савве Матвеевичу, но тот укрывался за клубами едкого дыма, говорил из облачности многозначительные фразы, вроде "история рассудит" или "прием не удался". Скажет вот так, поставит ногу на свободный стул, как мэтр, упрется локтем в колено и молчит. И как могло что-то произойти без мастера, все это знали. А тут вдруг разгорелась интрига. Такого раньше не бывало в мастерской. Савва Матвеевич, этот слабохарактерный человек, вечно уткнувшийся в подсчеты, вдруг вскочил из-за своей чертежной доски с линейкой на роликах по старинке, где проверял кубатуру хлопотного заказа и, сорвавшись на фальцет, багровый и потный, закричал на кривоносого, с разными глазами, Сеню:

– Я не позволю! Не позволю! У тебя просто ничего не выйдет из этого!

Что он не позволит и что не выйдет, так и не выяснили. Но женщины заметили, что Сеня заходил к Фим Фимычу, заместителю мастера, в кабинет и после длинной беседы вышел необычайно прямой и величественный. Чуть позже его увидели с портфелем, в котором что-то булькало и звякало.

*

Долго ли коротко ли, но Сила Нилыч появился таки в кабинете. Он сидел на стуле перед женой Анастасией Ивановной и всхлипывал в бороду. Жена ждала, когда кастрюля прокипит. Нужно было только не дать ему простыть на сквозняке. Тело ее, сухое и легкое, качалось маятником перед мужем.

– Эх, какой я болван, – ударял себя кулаком в большой лоб Сила Нилыч. – Как я во всем ошибся!

– Ошибся и ошибся, – говорила Анастасия Ивановна.

– Замолчи, – вскрикивал Сила Нилыч.

– Всякому свойственны ошибки, – изрекла Анастасия Ивановна.

– Но не мне, не мне, – рыдал и всхлипывал Сила Нилыч. – Невыразимо грустно, непередаваемо горько... проза... проза... и убогость... – слышалось за дверями кабинета.

– Во-во, высокий пар, – вставляла слово Анастасия Ивановна. – Ты еще Полонского начни читать с перепою. У тебя выразительно получается, особенно с авторскими добавлениями а-ля матэ.

– Ух, как горько, так необозримо горько... – рыдал Сила Нилыч, – все хочется переделать, и нет сил воображения.

– Нужно много не воображать о себе, – вставляла слово Анастасия Ивановна. – Тебе пора закругляться. Опаздываем. Сейчас все с обеда вернутся.

– Твоя диета меня угробила, эти кости...

– Кости, ха-ха-ха, – саркастическая Анастасия Ивановна уже стояла в дверном проеме, – мяса ему захотелось!

Она знала, что Сила Нилыч уже закончил рыдания. И действительно, он тер красные глаза, нос его забавно шевелился между кулаков.

– Деточка ты мой, – нежно обняла его Анастасия Ивановна, – угомонился.

Она поцеловала его в голову.

И Сила Нилыч как-то быстро привел себя в порядок. Пришло такси и укатили смотреть постройку Анастасии. Она ведь тоже была архитектор, и ей не чуждо было честолюбие и желание покрасоваться перед мужем. А вот над чем он рыдал, осталось для Анастасии все таки тайной.

Ан, и не совсем так.

*

Однако, опять весна. Город избавлялся от гололедов, обрывов сосулек. Солнце ослепляет, ходит на уровне глаз.

– Мы ремесленники, Петя. Изготавливаем проектную документацию и выдаём в следующий этап – строителям.

– Отнюдь, Коля. Мы художники, мы мечтатели... Мечтаники, как кто-то тебя назвал.

– Эх, Петя! Скульпторы и живописцы, – вот художники, они выдают конечную продукцию, а наши проекты упрощают. И кто? Вспомни экзамены, что рисовали мы и наши утеснители? Кубик, шар да конус. А мы тщились на бюстах богов. Точили мастерство.

– Каких богов? Римских слепках?

– Заметь, не отеческих, первородных... Смысл утеряли. Собственный смысл.

– А где эти ваяния наших богов?

– Где-где? Изничтожены.

Такой разговор слышался за столиком сумрачной таверны «Трех пескарей».

– Интересный разговор, – послышалось из-за соседнего столика. – Можно к вам подсесть? Я литератор. Мы часто ведём дискуссии по литературным вопросам...

– Подсаживайтесь, – сказал Петя. – Литературные споры девятнадцатого века изменили взгляды зодчих. Они стали искать стиль, отличный от греко-римского, пришли к эклектике.

– Звать меня Исидор.

– Мы говорим об античности нашей, отечественной, наших старинах...

– Не сохранилось. Вот «Повесть временных лет», вот «Слово о полку».

– Это памятники христианской литературы, – продолжил Петр Захарович.
– А книга Велеса? – спросил Николай Петрович.
– Спорное издание, – возразил литератор.
– Ладно, пойдем мы, – сказал Николай Петрович, и архитекторы, расплаившись, вышли на улицу.
Им предстояло застолье у Петра.

*

– Слушай, Коля, шуку для тебя готовила, – шумит черноглазая подвижная хозяйка Соня.

– Фу, кислятина, – пробует Николай Петрович.

– Как? Тебе не понравилась шука?

Хозяйка схватывает блюдо со шукой и при всеобщем изумлении гостей скидывает её с блюда в открытое окно.

Внизу крик: «Какое безобразие!»

– Выключи свет! – командует Соня своему мужу Петру. Сама же она подбегает к окну и смотрит вниз из-за шторы.

Мужчина выбежал на газон и осматривает окна дома. В руке шляпа, он стряхивает с нее:

– Надо же... слышно в окно, – шуки летают.

Когда прохожий удаляется, Петя берет гитару и перебирает струны, образуется Хор.

– Петя, душа, любимую... – просят застольщики. И Петя наигрывает и снова и снова.

– Вот ты говоришь, нет зодчества, живем в клетухах... – обращается один к другому на краю стола.

– Не отрицаю, любезник мой! Зодчество появится при сатрапиях. Деспот начнет навязывать...

– Сейчас свобода! Твори! – кричит архитектор своему собеседнику.

– Отнюдь! Работаете на заказчика.

Однако, подбегает хозяйка и требует, чтоб присоединялись к хору.

– Лучше я вам покажу стоечку на руках. Дайте стул! – говорит спорщик.

Ему аплодируют.

– Танцы, танцы, – требует округлых форм цветущая красота с дивана. Она выдирается из мягких лап дивана и приглашает Николая Петровича. Тот уже неустойчив.

– Ага! – шумит округлая красота, прокурор, – полтора года тебе срок. Наступил на ногу и покушался на насилие. Тискал.

– Что? Ну, маленько оступился, притиснул...

– Вот и срок по пунктам и статьям, – смеется прокурорша...

Вечер удался – решают гости, прощаясь в прихожей с хозяйкой Соней. – Ты излишне пылка, не отведали твоей шуки в маринаде.

– А Вы, осужденный, не примените заглянуть, – смеется прокурор Наташа, названная «пунктик и статейка» сразу же после танца.

В трамвае разговор: «понастроили эти архитекторы "коробок"».

Николай оборачивается: «А кем вы работали тогда?»

– В Исполкоме.

– Вот вы и были заказчик "коробок", – это вслед выходящему из трамвая.

Наташа смеётся: – Вот я и приехала. Не провожайте. Муж мой воин отважный.

И она выходит на следующей остановке. А ему до метро. Дело привычное у архитектора – приходится выслушивать наветы, как и врачам приходится.

*

Мастер с утра не появился на работе. Фим Фимыч устроил короткое производственное собрание. Мастерская расформируется. Заказчик перестал финансировать экспериментальный квартал. Всем, кто работал на этом объекте, предлагалось написать заявление. Будет выдана дополнительная зарплата.

– Всё-всё, – замахал ручкам Фим Фимыч и спешно ретировался из чертежной.

– Нечего тут делать, – произносит Петр. – Марфутка оказалась права, уволившись. И я покину это ристалище. На театр меня потягивает.

Чепурнов молчал. Предстояла защита проекта лабораторного корпуса перед Советом.

*

Двое озабоченных мужчин вдруг разом почесали в затылках и, глядя друг на друга, рассмеялись.

– Дали мы маху, Петр Иванович.

– Закурим. – Сила Нилыч вынул початую пачку «Беломора» из кармана просторного пиджака.

Петр Иванович, плотный и спокойный человек в шевелюре, главный конструктор мастерской со своей обычной счетной линейкой в кармане, достал один «патрон», вставил в затвор зубов, чиркнул зажигалкой, огонь запалился.

– Все эти компромиссы вот где у меня сидят! – Сила Нилыч порубил ладонью большой руки по своей шее ниже черепной коробки.

Петр Иванович выпустил клуб дыма из ноздрей и тем самым скрыл выражение своего лица. Сила Нилыч это оценил. Понял, что один.

– Ну, хорошо... Значит, спишем эту бросовую работу...

– Я уже остановил копирование, – улыбнулся Петр Иванович.

Мастер хмыкнул в бороду, поворачивая глазами на дверь.

– Фима, заходи.

И тот час вбежал Фим Фимыч.

– Вот что, Фима... Вычеркни ка этот объект из плана.

– Давно уж заменил.

– Хо, молодец. – Мастер вскинул глаза на Фим Фимыча. – Ты вездесущ.

– Ну, я пошел что ли, кипу калек нужно подписывать, – и Петр Иванович затворил за собой дверь.

– Знаешь, Фима, этому дураку не повезло. Надо же было получиться так, как я думал.

– Это случай, Вася. Ты тут ни при чем.

– Да, но я ведь действительно затянул. Я хотел показать ему, что он не может обойтись без меня, что все будет завалено, если я не вмешаюсь.

– Повторяю, Сила, ты тут не при чем. Дело случая. Эта затея с шаром и консолью была обречена.

– Да-да, но я был бы чист, если бы не действовал так рьяно. Это принесло обратные результаты.

Сила Нилыч прошелся по кабинету, дымя. Выглянул в окно.

– Вон он тащится. Налакался. Видимо, сидел в пивной опять.

*

– Улетела твоя пташка «за бугор», – сообщает Светлана Ивановна мужу своему, благоверному Николаю Петровичу.

– Не знаю, о чем ты? – подымает голову от чашки с чаем Николай. – Пойду я в магазин. Снеди куплю.

За дверьми слёзы полились из глаз. Носом зашвыркал.

А когда вернулся, был прям и причёсан.

Съезжу на дачу, надо посмотреть, всё ли в порядке.

*

Он шёл вдоль озера по подтаявшему насту, заходил и на лёд. Придорожные ели в глубокой зелени, синие тени в «протяге» по снегу. Организм, пропитанный витаминизированным кислородом, ликовал, бродил. Не хотелось думать о суете.

Странная одинокая фигурка на фоне белого пространства, замеченного снегом озера, вдруг взмахивала руками и подпрыгивала. Черная птица галка подстать этой фигурке издали.

*

И вдруг Николая Петровича охватило это безумие. Виной всему, очевидно, затяжная болезненная весна. Холодные слякотные дни. Все вновь запорашивало снегом. . Растаявшая, раскисшая земля, насквозь перемешанная с отходами стройки. Лужи с раскисающими досками. Утонувшие в грязи, красноватые обрезки линолеума, обломки асбоцементных труб. Арматура, горы обломков плит с зигзагами ржавой проволоки. Залитые жижей траншеи под трубопроводы, теплотрассу вдруг смерзались и запудривались. Наутро занавес туч раздвигался, возникла оттепель. Не хватало еще и дождей. Кровь пенилась, бурлила. Было очень нездорово.

Хилая растительность вдруг ожила. Затем и разрослась.

Это время авралов. Надо выдавать чертежи на стройку, а сотрудников после увольнений осталось мало.

Сила Нилыч схватывал подрамник и бежал из чертежной в кабинет. Там в стакане стояла рыжая смесь, в которую он макал пером, подвигав в воздухе

рукой, начинал бешено штриховать на начатом уже подрамнике. Затем вздыхал, останавливался и отпивал из стакана. И вдруг растворялся, растворялся. А по коридору бегала секретарша Маша и искала его.

– Где Сила-лыч? Где же он? Только что был в кабинете.

Через неделю он появлялся и требовал списки опоздавших.

– Фима!

– Я, Сила, здесь я...

– Пусть все пишут объяснительные.

И по комнатам все "опоздуну", присмирившие и сосредоточенные, писали объяснения.:

Руководителю мастерской
Громаде Силу Нилычу
От техника такой-то

Объяснительная.

Прошу понять. Кругом весна. Кругом зацвело. И разлилось.

Я замечталась и проехала свою остановку. Опоздала на пять минут по вине транспорта.

Подпись неразборчиво...

Сила Нилыч складывал эти объяснительные, подшивал из в скоросшиватель.

И когда случались разные повышения и передвижения, вынимал «Дело». Читал, хохотал и "мотал на ус", причем борода его синела. Вот что странно..

*

Ночь выдвинула белый рояль и капли падали по нотам. Соловей стучал фарфоровой чашечкой по мраморному столу. И откусывал. И брожение мозгов выгоняло из головы зеленые побеги. Почки набухали и выбрасывали зеленые листочки. Зацветали улыбки. И женщины, самые красивые женщины в мире, заполняли прекрасные улицы. Женщины эти все поголовно в новых платьях, пошитых за зиму по журналам мод и рекомендациям приложений к журналам и календарям.

Феи, феи любви.

*

Чепурнов брёл по проспекту, впечатленный встречей с художниками, готовящими выставку.

– Коля! – услышал он звонкий голос. И, оглянувшись, вздрогнув:

– Марфутка! Ты?

И Николай вдруг привлек ее к себе. Она порывисто обняла его, наспех нашлись губы и слились в поцелуе. Теплые руки затрепетали.

– Безобразие! – услышали они ворчливое негодование.

– Едем ко мне, – шептала Марфутка. – Автомобиль за углом. Увидела тебя... не стерпела.

– Так ты не уехала?

– Была в Париже. Бабушка умерла... теперь я одна, – она смахнула слезу со щеки.

И они побрели рука в руке и ночь рядила Марфутку в белую фату, а Николаю отводилась роль сумрака, что подчеркивал этот белый цвет.

Первый летний день разгорался в первый раз в этот год.

*

Мне стало грустно. Стало тесно,
И я запел
О дне прошедшем, дне безвестном,
Что пролетел.

*

Выставка открылась всего на неделю в украинном Доме Культуры. Множество людей захотело ознакомиться с новинками "левого искусства", посмотреть "кухню" художников, да и они сами почувствовали необходимым проверить свои последние эксперименты на публике. Но публика встала в очереди неспроста. В поддержку.

Потребовались разные мероприятия по организации, турникеты.

Николай Петрович останавливался у трех своих работ в скромных рамках, скромных по теме среди авангардистских опусов с металлом, деревом, кожей, пластмассами.

Люди чередой устремлялись к работам, о которых кричала молва. Там спорили: почему сломанный старинный стул, обтянутый кумачом, назван "Печаль", почему композиция из старинных монет в сочетании с обрезками ржавого металла в эпоксидке названа "Воспоминанием". Николай Петрович прислушивался, прислушивался и затем отправлялся на рабочее место мимо гнезда с тремя фигурами, насаживающими громадные яйца птеродактиля, символизирующего возможности творчества для каждого. На работе он как-нибудь отговаривался от вопросов и недоумений и механически чертил разные фрагменты по отделке.

Будь на работе Сила Нилыч, ругал бы за идиотизм, спрашивал бы, не гений ли он, не шизофреник ли в ситуации, когда нужно выставлять проект на Совет, болтаться где попало. Но сейчас был период безвременья... "Гроза" разразилась неожиданно. Савва Матвееч написал на него рапорт Фиме Фимычу, и Кузьму быстро уволили. Он и не сопротивлялся. Собрался и ушел.

Никто особо и не придал этому значения. Лишь женщины пошептались за чертежными досками и пожалели пьянчужку.

*

Два крепких по виду мужчин восседают на пне порушенной дубровы, ведущей к холму, на котором когда-то выросло изваяние из ствола могучего дуба, покрытого резьбой, с ликами на четыре стороны света.

У одного мужчины седины, голова другого курчава и в ней проблески серебра. Глаза его посверкивают под густыми бровями. Борода прокурена, пожелтела. Никола – называет седовласого заросший, Захарич. Сидят на пне, беседуют. Оба одеты в длинные хламиды, свободно спадающие до пят.

– Кому помешали эти дубы? – показывает на пни Николай Петрович Петру Захаричу, поводя дланью. Тут была и роща. Заглох ручей. Роща вырублена была давно, выявилась древняя аллея дубов. И вот... Ведь это наша античность, наши древности.

– Раззор прокатился и по церквям, – печально прошептал Петр Захарыч, тоже архитектор.

Тот, что работал с Николаем Петровичем и ушедший художником на театр.

– Стихия, бунташество.

Захарич закурил и отмахнул дым от Николая Петровича. Меж ними произошёл диалог.

Петрович: Мы никогда не будем чтить обычай предков, если будем менять воззрения.

Захарич: Вера сплачивает народы.

Петрович: Ха! Голодранцы усего свиту до кучи гоп!

Захарич: Всё реставрируется...

Петрович: Вместо весны человечества по Маяковскому – республики, опять «рабы». «Коммунизм» избранных, способных по их потребностям, «пир королей» по Филонову.

Захарич: Церковь призвана умягчать страсти, звать к идеалу...

Петрович: В чем этот идеал?

Захарич: Во всепрощении, во всепрощении, Никола!

Петрович: Лев Толстой посмеялся над этим, отлучили его.

Захарич: Он извращенец!

Петрович: Учти цензуру той поры, друг мой. Пройдемся на холм, озрим пространства.

Храм природы!

Захарич: Пожалуй. Засиделись.

И опираясь друг на друга и на клюку Петровича, они взобрались на вершину холма.

– Вот вид на «божье зеркало», – указал Петрович на озерко за холмом. – Лес там еще сохранился. Ликование цвета. Там зрилось храм поставить. А вон жилища из «черных квадратов» Малевича. Так и от древности сохранились лишь монументы сатрапов, исчезли жилища рабов.

Захарич: А вольные города греков?

– Петрович! Постройки богачей руками пленных рабов.

Захарич: Да, не смогли добиться равенства... Хищники и в природе царствуют. Церковь умиротворяет.

Петрович: Природа сгармонизирована по неизвестным нам устройствам.

Захарич: По Законам Вседержителя.

Петрович: Во времена Дюрера люди были обстоятельные, строили вековечно. А ныне...

Захарич: Нужна вера в идеал.

Петрович: Ладно. Не мы решаем.

*

– Пойдем на ужин. Темнеет. А мы колченоги.

И они спустились с холма, пособляя друг другу.

Опять заговорил Петрович.

– Сама природа – храм. Кому понадобилось срубить обереги? – и он похлопал Захарича по плечу. – Смекай.

Захарич вскинул лохматую голову:

– Недопонял.

Они уже прошли аллею между пней.... Еще валялись обрубки ветвей, опиленных мотопилой и не вывезенных уборщиками.

– И пни выкорчуют. – опять вздохнул Петрович. – Застроят. Из холма сделают катальную горку.

Птица металась над ними, потеряв ориентир.

А они направляли свои стопы к лечебному убежищу, пришедшему их в эти длинные хламиды, одинаковые хитоны, ниспадающие складками до пят.

– Слушай, Петрович, а как ты управляешься с двумя женами?

Петрович промолчал.

VII. ЖИЗНЬ ЗА ГРАНЬЮ ЖИЗНИ

В. Чернышев. Танк Т-34

12 февраля 2019г. О прошедшей войне говорить еще труднее, чем о Войне 1812 года, пробудившей Русское национальное самосознание (хотя и довольно робко). Что она пробудила, какую она была, чем стала в сознании нескольких поколений и чем является для нас, ныне живущих? Прошло с ее окончания почти семьдесят пять лет, единичны ее участники, немного даже свидетелей, есть еще «дети войны», дети тех, кто воевал. Для следующих поколений она – такая же далекая история, как и Вавилонское столпотворение.

Можно выделить несколько о ней мнений – хотя я внятных о ней высказываний в литературе не встречаю, а то, что говорится на митингах и торжественных собраниях, не является ни литературой, ни мнением. Что думает мой сосед по парте о войне – как ни странно, я не только знаю смутно, но и никак, по существу, не знаю.

Ясно сформулировано пока одно мнение, человека, который сегодня почти всех раздражает, в то время как пятьдесят лет назад он чуть не стал «властителем дум» – Солженицына. Цитирую из уже опубликованной статьи Г. Г. Мурикова о Солженицыне: «Семьдесят лет влачась за слепородной и злокачественной марксо-ленинской утопией, мы положили на плахи или пустили под откос **бездарно проведенной, даже само-истребительной, “Отечественной” войны – треть своего населения.** Мы лишились своего былого изобилия, уничтожили класс крестьянства и его селения, мы отшибли самый смысл выращивать хлеб».

Далее Муриков поясняет: «В своей замечательной книге «Двести лет вместе», написанной, впрочем, позже, чем рассматриваемая нами статья, Солженицын ясно и четко объясняет, что «мы» – это скорее «они», то есть еврейско-большевистская власть, захватившая страну в 1917 году и объявившая себя так называемой «советской» властью.»

Если говорить о руководителях Советской армии, то отношение к ним таково: поколение, сформировавшееся к эпохе 20-го съезда и хрущевского правления, к Сталину относится резко отрицательно, поколение Брежнева и более поздние поколения – скорее положительно, чем отрицательно, или сверхположительно. Отношение к Коневу и Василевскому нейтральное, к Рокоссовскому весьма положительное, к Жукову – общественное мнение положительное, но военные историки подвергают его сегодня резкой критике, а Виктор Астафьев считает его и военачальником и человеком даже более жестоким, чем Сталин.

Как оценивать начало войны, ее течение (особенно Блокаду Ленинграда), соотношение советских и германских потерь? Я читал умеренного историка генерала Типпельскирха, изданного в СССР, наше же общество, возможно, не знакомо ни с какими исследованиями, хотя известны официальные советские цифры – около 27 миллионов советских потерь и около 8 – 9 миллионов германских.

Плохо или хорошо мы воевали? У кого об этом спрашивать? У уцелевших солдат? Офицеров? Мнения солдат, армейских офицеров и крупных военачальников существенно не совпадают. Да еще удивительно, что некоторые любимые в армии и успешные военачальники по разным причинам почти неизвестны. В октябре-ноябре 41 года была первая крупная победа русских (сибирских частей) на Свири и под Тихвином, в 44-м году в Карелии и на границе с Норвегией, где русские морские стрелковые бригады сражались с горно-стрелковыми немецкими дивизиями. Командиром был маршал Мерецков, тот самый, которому сталинский сокол Берия дважды выбивал зубы в июне 41-го года.

Я читал о войне Виктора Некрасова, Константина Воробьева, Василя Быкова, Виктора Астафьева, поэму Твардовского «Василий Теркин», солдатские рассказы, изданные Твардовским без редактирования, всю эту литературу я рекомендую прочитать и моим современникам. Мы все видели войну в фильмах, чаще всего в них кричали «ура» русские и как правило побеждали, немцев я в этих фильмах не видел, какими они были, я не знаю. Я сидел в тюрьме с двумя бывшими власовцами, один из них был капитаном советской армии, воевал против немцев, попал в плен, воевал в 44-м году против англо-американцев на Западном фронте, потом их части были переброшены в Чехословакию, в боях за Прагу они сражались **против** немцев, еще до подхода советских войск (этот эпизод войны многим не известен), потом просидел десять лет у нас, потом обзавелся семьей, в 70-м году был снова арестован и расстрелян, по вновь вскрывшимся обстоятельствам 42-43 годов. Ну, ладно... Возможно, что его расстрел может нас с ним примирить, если считать, что искупление вообще существует. Мой отец воевал с 41-го по 44-й год, в 44-м году был командиром минометного взвода, 19 августа 44-го на Безымянной высоте на Линии Маннергейма (на старой границе с Финляндией) он собрал оставшихся в живых солдат и сказал: «Командир части приказал нам отступить. У вас ни у кого нет детей, у меня родился сын, поэтому я останусь прикрывать ваше отступление, иначе на болоте нас всех перестреляют». За этот бой он был представлен к ордену Отечественной войны Первой степени, это редкий и значительный орден. В Военном архиве я нашел Представление и вкривь-вкось тайно его сфотографировал (через 70 лет после войны половина документов все еще под запретом).

На днях, в свой День рождения, я с женой в полночь смотрел фильм о войне «Т-34». Привожу свидетельства из Википедии о самом танке.

Его генеральным конструктором является Михаил Ильич Кошкин, умер в сентябре 1940 г. В этом же сентябре 1940 года первые серийные Т-34 начали поступать в строевые части РККА, сыграли громадную роль в нашей победе над Германией.

И, наконец, скажу несколько слов о фильме «Т-34», режиссера Александра Петрова. Герой фильма, младший командир Николай Ивушкин, в октябре 40 года под Москвой ухитрился на одной уцелевшей машине (Т-34) серьезно потрепать целую роту танкового аса Клауса Ягера, однако и сам

был подбит, попал в плен, из концлагеря бежал восемь раз, но безуспешно (таких случаев было немало, в Первую мировую войну генерал Корнилов бежал из австрийского плена, бежал из этого плена и мой дед. Корнилов был представлен царю, дед получил орден, но все же в 16 году служил в Петрограде и здесь даже удостоился краткого разговора с царем - оказался на него похож).

Однако Ивушкину повезло меньше, но тот самый немецкий танкист Клаус захотел с помощью русских пленных танкистов обучить военному искусству немецких курсантов, по иронии судьбы ими оказываются его старые противники. На модифицированном танке Т-34 команда Ивушкина с помощью русской пленной переводчицы (история и жизнь не обладают метафизическим содержанием, если в них не участвует женщина и любовь (даже в завязке христианства решающую роль играют две женщины, одна из них непорочная, другая блудница), бежит из концлагеря, Клаус их преследует, завязывается решающий бой русских танкистов с немецкими.

Я решил написать об этом фильме, в его защиту, потому что услышал много о нем нелестных слов, дескать, это лубок, приукрашивание действительности, апология русских и умаление немецких.

Но что такое литература? Разве это слепок с реального мира? «Бородино» «Лермонтова», «Война и мир» Толстого, «Василий Тёркин» Твардовского – их тоже можно назвать лубком. В фильме «Т-34» два военных эпизода, перед Битвой за Москву и при боях вблизи границ Германии. И однако, это символ войны между русским и немцем. Известно, что немцы – хорошие вояки, они дважды победили французов, в 1870-м году и в 1941-м, русские победили французов в 1812-м году, в Первую мировую войну немцы на русском фронте воевали, может быть, более успешно, чем русские – но и мы не посрамили свою честь. последующее наше поражение связано с революцией. Однако: Россия и Германия. Могут ли немцы в каком либо отношении кичиться перед нами? Они образованнее, но их учила Римская империя, нас – монголы. Отличаемся ли мы по душевным качествам, русский человек – это достойный человек, в конечном счете, или мы более способны стоять на коленях: перед татарскими ханами, перед императорами и перед большевистскими бандитами? И вот решающее испытание, русский и немец в поединке, притом немец с превосходящими силами, это своего рода новое Бородино – в реальности и в литературе – и фильм достоин лермонтовского эпоса!

Для меня сегодня главный вопрос - кто из нас победитель в этой войне? По праву ли мы победители? Воевали мы плохо, только от голоду погибло два миллиона, целые армии попадали в окружение...

И вот сразились русский парень Николай Ивушкин и немецкий высокомерный ариец Клаус Ягер. И русский победил, а немец потерпел поражение и признал его, оказавшись все таки не до конца негодяем, оказавшись человеком, достойным римских учителей.

Мы их увидели в этом фильме живыми, впервые буквально лицом к лицу, не русскую матрешку и немецкий органчик, а подлинных людей. И видно, что **мы победили по праву!** (Павших же мы обязаны оплакать).

«**Но война еще не закончилась!**» – это говорит младший командир Ивушкин, еще в немецком концлагере, и это вторая существеннейшая идея фильма – кроме нашей победы. Да ведь и в связи с победой и с кино-рассказом о танке Т-34, который является полноправным героем фильма вместе с танкистами, переводчицей и их командиром – я вдруг понимаю самое главное: мы победили не в 45-м году, и мы победили даже не 44-м, когда русский Т-34 вышел победителем против немецких пантер, мы победили уже в первом бою этого фильма, ибо мы победили в схватке русского духа с немецким, хотя командир и оказался в плену.

Но тогда надо, уже не сомневаясь, что мы все же победили, несмотря на сверхпотери и что это Пиррова победа для наших предводителей, которые не имеют права приписывать эту победу себе и красоваться на лошадях на какой бы то ни было площади России, ибо победили не они, а победил наш дух, спросить: **А за что мы воевали, кто с кем сражался?** Это ведь была война не только русских с немцами, ибо на их стороне были и болгары и испанцы и даже русские и норвежцы, генерал Власов, атаман Краснов, писатели Мережковский и Кнут Гамсун, а на нашей стороне были и грузин (в фильме), и русские беженцы во Франции, и азербайджанин, друг Де-Голля, и даже немцы – и русские немцы и немецкие немцы?

Судя по литературе о войне, по фильмам, по выступлениям на митингах, и даже по рассказам за праздничным столом, есть несколько представлений о содержании войны, о ее целях, о ее противниках.

Конечно, это не была война за так называемые *демократические* ценности, ибо это понятие исключает аристократию (и даже интеллигенцию), оно исходит даже не из *демоса* а скорее из *плебса*, и *демократические* ценности – ценности плебса. Да к тому же ни Сталин ни большевики, ни Маркс с Лениным никогда не были демократами, ни в рабоче-крестьянском, ни в каком ином смысле, не был демократом и Черчилль.

И это война не за освобождение народов Европы от Германского ига, для итальянцев, французов, финнов и норвежцев немецкая оккупация не была игом, да по существу они – не участники схватки, а скорее массовка в оперном действии.

Но главное, это не война и за *социалистические ценности*, Победу мы празднуем и сегодня, а от этих ценностей отказались тридцать лет назад. Да были ли они и раньше, когда колхозник жил при крепостном праве, и наша прабабушка говорила, что при крепостном праве было лучше?

Значит, это была война за Россию против Германии, а поскольку Россия шире, чем родина только русского народа, и русский народ шире, чем только собрание русских, то это действительно война за само существование **России**, что выше социализма, христианства, царя и его бояр. Но основная идея фильма еще неожиданнее: То, как ведет себя главный герой, что он чувствует, выражает **ИДЕЮ** трансцендентной войны, которая не только не окончилась, но только начинается, и это не война против Германии, это **Война за Россию!** Война не окончилась, и мы призовем всех в армию, и тех, кто живет для денег, и кто живет для удовольствий, и кто уехал на милый им запад. Ждите повесток и будьте готовы!

РУССКИЕ СТРАНИЦЫ

Литературный Альманах

На правах рукописи

№15

март 2019 года

Подписано в печать 29 марта 2019 г.

Формат 60x90 1/16, 18 л., **372с.**

Печать по требованию

СПб. 2019